

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главного редактора:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, **куратор направления юридических наук** (г. Казань, Россия)

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, **куратор направления экономических наук** (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегишев И. Р., доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилянский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голыченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Нуреев Р. М., доктор экономических наук, профессор, глава департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Тарасенко О. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., доктор философии в области экономики, профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческой Средиземноморской университет (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCJS Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации криминологов (ESC) (г. Марибор, Словения)

Рубин Э. Л., профессор права и политологии Школы права Университета Вандербильта (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрмук Д., доктор социальных экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 26,5. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 25.08.2022. Заказ № 73
Дата выхода в свет 25.09.2022
Цена свободная

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова»,
ООО «ТЦО «Таглитат», 2022
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Вестфалика»:
420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое.
При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.
Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.
 Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Учредитель –

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»

Издатель –

ООО «ТЦО «Таглитат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: apel@ieml.ru
Сайт: rusjel.ru

Журнал включен
в Перечень ВАК по группе
специальностей 08.00.00 –
экономические науки

Индексируется в EBSCO,
ERICH PLUS, HeinOnline,
CyberLeninka, RePEC,
DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному
каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:
Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,
член Гильдии
переводчиков РТ
Е. Н. Беляева

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Kleyner G. B., Doctor of Economics, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-editor-in-Chief:

Bikeev I. I., Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work, (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

Andryushin S. A., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Kabanov P. A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Law section** (Kazan, Russia)

Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

Grigoryev R. A., Ph.D. Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Antonova I. I., Doctor of Economics, Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Baranov V. M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

Begishev I. R., Doctor of Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Volchik V. V., Doctor of Economics, Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)

Golichenko O. G., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Efimtseva T. V., Doctor of Law, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (MSYuA) (Orenburg, Russia)

Kachalov R. M., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Korytcev M. A., Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Southern Federal University, (Rostov-on-Don, Russia)

Kudryavtseva O. V., Doctor of Economics, Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Lazarev V. V., Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Lipen S.V. Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Makarova O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia)

Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tarasenko O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Khisamova Z. I., PhD (Law), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

Shafirov V. M. Doctor of Law, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)

Shinkevich A. I., Doctor of Economics, Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Alm J., PhD (Economics), Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)

Apostolakis A., PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Iraklion, Greece)

Shabbar J., PhD (Economics), Professor, University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belarusian State University (Minsk, Belarus Republic)

Kury H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Freiburg (Frieburg, Germany)

Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

Rubin E. L., Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)

Serrano-Mailló A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Turetskiy N. N., Doctor of Law, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Fidrmuc Ja., Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder –

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher –

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties 08.00.00 – Economic Sciences

The Journal is indexed in EBSCO, ERICH PLUS, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal

through the United Catalogue "Press of Russia"

Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretdinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:

ПИ № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60×84/8. Printing sheets: 26,5. Circulation 1000 copies

Signed for printing 25.08.2022. Order № 73

Date of publishing 25.09.2022

Free price

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2022

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

 Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

465

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Головчин М. А.* Возможности опережающего формирования достойной оплаты труда ученых в российских регионах.....465
- Кадочникова Е. И., Варламова Ю. А., Суючева Д. Т.* Эффект воздействия цифровизации на безработицу среди населения старшего возраста в странах ЕАЭС483

503

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

- Гафурова Г. Т., Бондаренко И. Н.* Уроки санкций для устойчивого экономического будущего России..... 503
- Мерзлов И. Ю.* Оценка успешности реализации проектов государственно-частного партнерства с учетом этапов их жизненного цикла и интересов основных стейкхолдеров 525
- Кудрявцева О. В., Серебренников Е. В.* Использование математических методов исследования для анализа эколого-экономических перспектив российских арктических нефтегазодобывающих шельфовых проектов 535
- Кузнецов М. Е., Никишова М. И.* Управление северным завозом: правовой аспект 548
- Селиверстова Н. С., Сабитов Р. А., Смирнова Г. С.* Подходы к управлению логистическими процессами в условиях цифровой экономики 566

577

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

- Белоусов А. Л.* Правовые и организационные аспекты внедрения ESG-стандартов в российском банковском секторе 577

587

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Скоробогатов А. В., Краснов А. В.* Правовая природа судебной практики 587

465

ECONOMIC THEORY

- Golovchin M. A.* Opportunities for the preemptive formation of decent labor remuneration for researchers in the Russian regions465
- Kadochnikova E. I., Varlamova Yu. A., Suyucheva D. T.* Effect of digitalization on unemployment among the elderly population in EAEU countries483

503

ECONOMICS
AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

- Gafurova G. T., Bondarenko I. N.* Lessons of sanctions for sustainable economic future of Russia503
- Merzlov I. Yu.* Assessment of the efficiency of implementation of public-private partnership projects taking into account their life cycles and key stakeholders' interests525
- Kudryavtseva O. V., Serebrennikov E. V.* Using mathematical research methods for analyzing environmental and economic prospects of the Russian arctic oil and gas producing shelf projects535
- Kuznetsov M. E., Nikishova M. I.* Managing the Northern supply haul: legal aspect548
- Seliverstova N. S., Sabitov R. A., Smirnova G. S.* Approaches to managing logistics processes under digital economy.....566

577

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

- Belousov A. L.* Legal and organizational aspects of introducing ESG-standards in the Russian banking sector 577

587

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

- Skorobogatov A. V., Krasnov A. V.* Legal nature of judicial practice 587

598

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Ефимцева Т. В. Некоторые аспекты
правового обеспечения национализации
частной собственности 598

610

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К., Литвинов А. А.
Территориальный анализ преступности
в сельской местности и ее краткосрочный
прогноз на 2022 г. 610

625

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Лео Р. А. Пробелы правосудия и перспективы
криминологического исследования 625

666

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

667

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

668

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

598

CIVIL LAW

Efimtseva T. V. Some aspects of the legal
provision of private property
nationalization 598

610

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Koimshidi G. F., Chirkov D. K., Litvinov A. A.
Territorial analysis of crime in rural
areas and its short-term forecast
for 2022 610

625

TRANSLATED ARTICLES

Leo R. A. The Justice Gap and The Promise
of Criminological Research 625

666

CONGRATULATION

667

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

668

RULES FOR THE AUTHORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.465-482>

УДК 331.2-057.3:332.1(470+571)

JEL: E24, J31, J33, J38, I23

М. А. ГОЛОВЧИН¹

¹ Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТОЙНОЙ ОПЛАТЫ ТРУДА УЧЕНЫХ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Головчин Максим Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом исследования влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие, Вологодский научный центр Российской академии наук

E-mail: mag82@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7813-5170>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/2348940/maxim-a-golovchin/>

eLIBRARY ID: SPIN-код 7613-5995

Аннотация

Цель: оценка сформированности условий для достойной оплаты труда научных сотрудников в российских регионах. В настоящее время эта задача предполагает либо опережение целевых показателей, предложенных государством в рамках реализации социальной политики, либо отставание от них.

Методы: в исследовании использована методика вычисления модифицированного коэффициента опережения, которая определяет темпы роста оплаты труда работников в сравнении с темпами роста целевого показателя в регионах. В модифицированной методике также предусмотрен учет влияния на заработную плату в науке горизонтальной неравномерности, которая приводит в действие «ловушку средних значений». Благодаря этой ловушке измерения эффективности государственных решений в исследуемой сфере не поддаются четкой категоризации. Коэффициент предполагает учет темпов роста заработной платы работников в научной сфере, темпов роста целевого индикатора и веса региона (который в свою очередь отражает формирование на территории субъекта РФ условий для достойной оплаты труда всех без исключения работников).

Результаты: на основе расчетов по данным Росстата за 2021 г. были выделены только один регион с опережением темпов роста заработной платы ученых (Ленинградская область). В оставшихся 79 объектах наблюдения темпы роста оплаты труда в науке отличаются от темпов роста целевого показателя (т. е. в них не использованы все возможности для формирования достойных зарплат научных сотрудников). Достижение целевого показателя (200 % от средней оплаты труда наемных работников в регионе) на этих территориях происходит за счет роста зарплат ограниченной части персонала.

© Головчин М. А., 2022

© Golovchin M. A., 2022

Научная новизна: в ходе исследования определен алгоритм мониторинга опережающего роста заработной платы ученых в регионах, а также определены принципы государственной политики (как комплекса фундаментальных и институциональных решений), которые будут способствовать формированию достойной оплаты труда в российской науке.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в рамках формирования системы государственного мониторинга оплаты труда в бюджетных отраслях, а также при доработке национального проекта «Наука».

Ключевые слова: экономическая теория, наука, достойная оплата труда, ловушка среднего значения, целевой показатель, коэффициент опережения

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Головчин М. А. Возможности опережающего формирования достойной оплаты труда ученых в российских регионах // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 465–482. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.465-482>

The scientific article

M. A. GOLOVCHIN¹

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

OPPORTUNITIES FOR THE PREEMPTIVE FORMATION OF DECENT LABOR REMUNERATION FOR RESEARCHERS IN THE RUSSIAN REGIONS

Maksim A. Golovchin, PhD (Economics), Senior Researcher, Head of the Department for Research of the influence of integrative processes in science and education on territorial development, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: mag82@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7813-5170>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/2348940/maxim-a-golovchin/>

eLIBRARY ID: SPIN-code 7613-5995

Abstract

Objective: to assess the level of formation of conditions for decent remuneration of researchers in the Russian regions. Currently, this sphere faces either being ahead of the targets proposed by the state as part of the social policy implementation, or lagging behind them.

Methods: the study uses a methodology of calculating the modified advance coefficient, which determines the growth rate of employees' wages in comparison with the growth rate of the target indicator in the regions. The modified methodology also provides for accounting for the impact of horizontal unevenness on wages in science, which triggers the "middle income trap". Due to this trap, measurements of the effectiveness of public policy in the studied area are not amenable to clear categorization. The coefficient implies taking into account the growth rate of wages of researchers, the growth rate of the target indicator and the weight of the region (which in turn reflects the formation of conditions for decent wages for all employees in the Russian Federation subject).

Results: according to calculations based on Rosstat data for 2021, only one region showed an advanced growth rate of researchers' salaries (Leningradskaya oblast). In the remaining 79 Russian Federation subjects, the growth rate of wages in science is lagging behind the growth rate of the target indicator (i.e., they have not used all the opportunities for the formation of decent earnings of researchers). The achievement of the target indicator (200% of the average wage of employees in the region) in these territories is due to the growth of salaries of a limited part of the staff.

Scientific novelty: the study determined an algorithm for monitoring the advanced wage growth of researchers in the Russian regions and the principles of public policy (as a set of fundamental and institutional solutions) that will contribute to the formation of decent wages in Russian science.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used to form a system of state monitoring of wages in budgetary sectors, as well as to improve the “Science” national project.

Keywords: Economic theory, Science, Decent remuneration of labor, Middle income trap, Target indicator, Coefficient of advance

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Golovchin, M. A. (2022). Opportunities for the preemptive formation of decent labor remuneration for researchers in the Russian regions. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 465–482 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.465-482>

Введение

В современном мире состояние национальной экономики напрямую коррелирует с состоянием научной сферы [1], поскольку, как показывает зарубежный опыт, наука в своих недрах формирует технологические преимущества, определяя в длительном периоде конкурентоспособность страны [2]. А перспективы науки не в последнюю очередь зависят от благосостояния работников этой сферы, их возможностей получать достойную оплату за свой труд, что было на эмпирических данных доказано рядом исследователей (А. Конти, К. Л. Холл, Дж. Г. Тавейра и др.) [3–5].

В отечественной истории формирование достойной оплаты труда в науке происходило неравномерно. В 80–90-е гг. XX в. должностные оклады научных сотрудников были приведены к достаточно высоким на тот момент размерам оплаты труда специалистов в производственной сфере. Это длительное время позволяло СССР занимать передовые позиции в мире в научных исследованиях и разработках [6. С. 865–880]. Например, должностной оклад главного научного сотрудника был приравнен к окладу главного инженера предприятия, а оклад старшего научного сотрудника – к окладу главного специалиста [6. С. 865–880].

После распада Советского Союза вопрос повышения оплаты труда в научной сфере вставал не раз. В 90-е гг. прошлого века зарплата ученых повсеместно была значительно ниже средних показателей по экономике [6. С. 865–880]. К началу 2013 г., по данным Росстата, заработная плата научных сотрудников в среднем по стране составляла 139 % от среднего размера оплаты труда по полному кругу организаций. При этом наблюдалась резкая дифференциация этого показателя по отдельным регионам. В крупных академических центрах (Санкт-Петербург, Мурманская, Нижегородская области, Республика Татарстан и т. д.) зарплата ученых была выше, чем других категорий работников, а на периферии в отдельных случаях могла быть крайне низкой и неконкурентоспособной: в Чукотском автономном округе она составляла 56 % от средней оплаты труда по полному кругу организаций экономики, в Брянской области – 74 %, в Республике Хакасия – 79 %, в Тюменской и Липецкой областях – 84 %, в Тамбовской области – 87 % [7] и т. д.

Подобная ситуация с оплатой труда повлекла кадровые сдвиги в российской науке. В период 2000–2013 гг. численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в стране сократилась в 1,2 раза (с 887,7 тыс. до 726,3 тыс. чел.). При этом в возрастной структуре исследователей за все это время пока не проявлялся перекоп в сторону старших возрастов [7].

7 мая 2012 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» (далее – Указ № 597), который, помимо прочего, ставит перед Правительством РФ задачу к 2018 г. довести среднюю заработную плату научных сотрудников до 200 % от средней заработной платы наемных работников в каждом российском регионе [8]. По существу, Указ еще

до национальных проектов вводил четкий целевой показатель для стратегического планирования развития научной сферы и ее кадрового потенциала. Задача Указа, таким образом, состояла в создании условий для роста оплаты труда в научной сфере, опережающего целевой показатель (опережающее формирование), что было необходимо для преодоления тренда на снижение кадрового потенциала научных организаций [6. С. 865–880]. Кроме того, Указ был направлен на то, чтобы «научные структуры уменьшили издержки, увеличили эффективность управления (сократив управленческий аппарат), разработали систему мотивации сотрудников, повысили приток грантовых средств, наладили связь с производством для решения прикладных и опытно-конструкторских задач» [9].

В ходе выполнения Указа № 597 ситуация с оплатой труда научных сотрудников, действительно, изменилась к лучшему. С 2000 по 2020 г. объем государственного финансирования науки увеличился в 13 раз (с 76,7 до 1 028,2 млрд руб.) [10]. В кадровой структуре научных организаций стали проявляться признаки устойчивости (преобладание научных сотрудников над ненаучными, рост персонала, занятого разработками и опытно-конструкторскими работами и т. д.) [11]. С 2006 г. научным сотрудникам с учеными степенями начали выплачивать ежемесячную доплату [6. С. 865–880]. В отчетном для выполнения Указа 2018 г. в 67 регионах России заработная плата в науке, действительно, установилась на уровне 200 % и выше. Однако в 11 регионах (среди которых республики Саха, Адыгея, Хакасия, Чечня, Ингушетия, Смоленская, Магаданская, Тульская области и Камчатский край) целевой показатель Указа так и не был достигнут [7].

В 2020 г., когда уровень финансовых вливаний в науку стал меньше, число регионов, которые не смогли достичь целевого показателя Указа, уже возросло в четыре раза (до 44 регионов). В 2021 г. (в Год науки и технологий в России) в этот список вошли 43 российских региона, в том числе благополучные академические центры – Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская, Мурманская области [7] и т. д. На этом фоне в общественных и экспертных кругах все чаще стали появляться мнения о невыполнении задач «майских указов» в отношении российской науки [12–14]. Свою лепту в эти оценки вносил тот факт, что негативные тренды все больше стали воздействовать на возрастную структуру исследователей: в 2010 г. численность молодежи до 29 лет в этой структуре составляла 19 %, а в 2019 г. – 16,3 % [7]. По численности исследователей в эквиваленте общей занятости Россия в 2016 г. занимала 4-е место в мире (после Китая, США и Японии), а в 2020 г. – уже 6-е место [15]. В результате доля России на мировом рынке наукоемкой продукции снизилась до недопустимо низких значений [16. С. 143–174].

В погоне за выполнением целевых показателей оплата труда ученых в России со временем все больше приобретает черты системной (институциональной) ловушки, которую символически можно назвать «ловушкой среднего значения» (по выражению Н. Г. Типенко) [17]. Данная ловушка действует в условиях горизонтального неравенства оплаты труда в науке. Е. А. Володарская и В. В. Киселева считают, что этот тип неравенства «проявляется в разрыве между группами одной квалификации, работающими в разных ведомствах, занятых разными видами научной деятельности, проживающих в разных регионах» [18. С. 159]. Это явление порождается самой системой оплаты труда в науке, когда за одну работу ученым на вполне законных основаниях могут выплачивать разную зарплату. Заработная плата научного сотрудника складывается из двух частей: оклада и рейтинговых стимулирующих выплат. Последние формируются из внебюджетных источников и средств государственного задания (на выполнение работ по «Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы)»). Соотношение этих частей в составе стимулирующих выплат отдельного сотрудника может быть неодинаковым, что порождает вполне определенные финансовые расхождения [19].

Таким образом, горизонтальное неравенство связано не с результативностью труда исследователей, участием ученых в конкурсах или значительным потенциалом внедрения и коммерциализации результатов исследовательской деятельности, а с изначальными институциональными условиями в науке. К ним, прежде всего, относятся конкурсный характер финансирования и монопольное положение отдельных ученых и научных коллективов, в пользу которых происходит распределение большей части фонда оплаты труда (далее – ФОТ). В результате этого неравенства в научных организациях формируется относительно малочисленная

группа высокооплачиваемых специалистов, обладающих конкурентными преимуществами (организационный капитал; высокое положение и статус в научном коллективе; личные связи и контакты, необходимые для привлечения грантовых средств), тогда как большая часть не получает должных заработков. В рамках такой системы распределения благ лишь незначительная доля средств попадет в «реально работающие группы» [20].

В подобной системе нет ничего предосудительного – большие доходы получают более активные и конкурентоспособные работники. «Такая система заставляет ученых работать изо всех сил, чтобы иметь достойный уровень жизни; те, кто не умеет работать на таком уровне, довольствуются малым» [9]. Однако в этих условиях вряд ли можно говорить о повышении зарплат всех ученых до 200 % от средней по региону. Речь идет о том, что в ходе достижения целевого показателя Указа № 597 происходит усреднение очень маленьких и очень больших зарплат. В результате получается средний размер оплаты труда, который на деле практически никто не получает. Так, по данным Росстата, в 2021 г. в Вологодской области в сфере науки ежемесячную зарплату в размере от 75 до 100 тыс. руб. получали 10 % специалистов¹. Большая часть (77 %) получала меньше этого уровня; 13 % – больше. Таким образом, на примере Вологодской области заметно, что целевой показатель Указа № 597 характеризует положение весьма незначительной категории работников.

При этом в разные исторические периоды та или иная часть научных сотрудников получала за свой труд минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ) или даже ниже него. В 2021 г., несмотря на рост заработной платы в науке, регионов, в которых часть ученых работает за минимальный размер оплаты труда и ниже, стало заметно больше. В семи регионах (республики Карачаево-Черкессия, Северная Осетия, Ингушетия, Дагестан, Псковская, Рязанская, Астраханская области) этот показатель превысил 30 % от всех работников научных организаций².

Ученые склоняются к тому, что в целом аналогичное горизонтальное неравенство характерно не только исключительно для науки, но и для ряда других сфер (например, образования) [21. С. 15–30]. Систему оплаты труда в науке, порождаемую этим неравенством, профессор МГУ С. Черняховский называет «лицемерной» [14]. Таким образом, зачастую в условиях горизонтального неравенства зарплат достижение среднего уровня является ловушкой, поскольку не свидетельствует о создании благоприятных условий для формирования доходов конкретной профессиональной группы, а является статистическим ухищрением, приводит к росту нормы выработки [14] и сильной разобщенности в научной среде [19]. По словам А. Оганова и Д. Штарева, система оплаты труда, сопряженная с вертикальным неравенством в науке, годится исключительно как временная мера, поскольку обладает неопределенностью [9]. Эта неопределенность проявляется в действии двух факторов: 1) даже опытные и авторитетные ученые не смогут гарантировать постоянный успех в грантовых конкурсах (тем более в условиях оптимизации научных фондов); 2) в нынешней системе приходится тратить большую часть грантовых средств на оплату труда сотрудников, а не на закупку и модернизацию оборудования, что не создает условий для прогресса науки) [9].

В статье мы задаемся вопросом об эффективности реализации государственных решений в направлении повышения оплаты труда в научной сфере. Нам интересно, в какой части норма Указа № 597 создает условия для достойного труда в российской науке и опережающего роста оплаты труда ученых, а в какой порождает «ловушку среднего значения». Цель исследования – оценить возможности отдельных российских регионов по опережающему формированию достойной оплаты труда в научной сфере в свете реализации Указа № 597. В рамках достижения поставленной цели был обозначен подход к категории «достойная оплата труда», выбрана методика оценки темпов формирования достойной оплаты труда в науке, проведена апробация методики на данных по российским регионам за 2021 г. В исследовании были учтены темпы роста заработной платы ученых, целевого и начального (базового) уровней выполнения Указа, а также особенностей распределения фонда оплаты труда в научных организациях отдельных российских регионов.

¹ В 2021 г. средняя заработная плата по региону составила 45 444 руб., а целевой показатель Указа № 597 – 90 888 руб.

² По данным Росстата.

Теоретический обзор категории «достойная оплата труда»

В исследовании мы базируемся на теоретической концепции «достойной оплаты труда» (*descent wage*). Эта категория тесно связана с конструктом «достойного труда» (*descent work*), развиваемого в экономике [22. С. 201–211]. В трактовке Международной организации труда (МОТ) достойный труд – это «достаточный труд в том смысле, что каждый индивид имеет полный и свободный доступ к возможностям зарабатывать и получать доход» [23]. Другими словами, достойный труд (т. е. такой труд, который позволяет удовлетворять потребности работника и развивать его способности) подразумевает оплату труда, основанную на принципах справедливости, без дискриминации в начислениях [24. С. 80].

По мнению К. Яо и соавт., внимание научной общественности к проблематике достойного уровня доходов привлек ряд общемировых процессов, таких как сокращение доли заработной платы, растущее финансовое неравенство среди населения и рост цен на товары и услуги. Эти процессы в одинаковой мере наблюдаются как в развивающихся, так и экономически развитых странах [25. С. 875–887]. Как пишет А. Ривс, «в условиях роста стоимости жизни во многих частях мира минимальная заработная плата не обеспечивает средств к существованию для работников и их семей» [26. С. 1414].

Достойная оплата труда как научная категория и теоретический концепт содержит в себе два компонента: экономический (денежная компенсация трудовых затрат работника) и социальный (обеспечение поддержания нормального уровня жизни работнику и членам его семьи; сохранение трудоспособности работника) [27. С. 101–108]. Установление достойной оплаты труда – это всегда результат общих усилий сразу нескольких сторон. С точки зрения С. Г. Полянской, на формирование достойной оплаты труда в российском обществе влияют такие процессы, как:

– государственное регулирование заработной платы работников – установление минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) на федеральном уровне; гарантии, обеспечивающие повышение уровня реального содержания заработной платы;

– коллективно-договорное регулирование (социальное партнерство) – установление размера минимальной заработной платы на локальном уровне; установление гарантий по минимальной тарифной ставке (далее – окладу), по доле постоянной заработной платы в основном заработке, по индексации заработной платы; установление гарантированной доли оплаты труда в валовой добавленной стоимости [28. С. 81–85].

Существует несколько подходов к понятию «достойная оплата труда», которые в раскрытии этого феномена включают разные критерии – от количества и качества труда до осуществления возможностей по развитию гражданского общества (табл. 1). Наиболее проработанным из них можно назвать предложенный МОТ экономический подход. Он сводится к тому, что уровень заработной платы, который не обеспечивает средства к существованию семьи и падает ниже культурного минимума, может быть назван ненадежным [29. С. 31–42]. Преимущества этого подхода состоят в учете в категории «достойная оплата труда» экономических интересов не только самого работника, но и членов его семьи.

В то же время необходимо признать, что большинство упомянутых подходов пока являются умозрительными и не создают четких, надежных и объективных критериев (стандартов) достойной оплаты труда. Иногда в качестве крайней точки отсчета справедливости в оплате труда используется порог относительной бедности (под которым понимается прожиточный минимум). Так, на основании данных по эмпирическому изучению неустойчивой занятости С. Seubert, L. Hopfgartner и J. Glaser предлагают модель достойного труда, состоящую из пяти измерений:

1) репродуктивно-материальное измерение: прожиточный минимум, гарантии безопасности и гарантии занятости;

2) социально-коммуникативное измерение: включенность в социальные сети; коммуникации и кооперация;

3) правовое (институциональное) измерение: трудовое законодательство, социальные права, право работника на участие в управлении;

4) измерение статуса и признания: общественный статус, профессиональное признание, оценка труда;

5) содержательно-предметное измерение: ценность труда (смысл труда), самоидентификация работника с профессией [30. С. 808–823].

Теоретические подходы к определению категории «достойная оплата труда»
Table 1. Theoretical approaches to defining the category of “decent labor remuneration”

Подход / Approach	Автор / Author	Достойная оплата труда – это... / The decent labor remuneration is...	Критерии достойной оплаты труда / Criteria of decent labor remuneration
Экономический / Economical	Т. Н. Савина, О. В. Севастьянова / T. N. Savina, O. V. Sevastyanova	ключевой экономический критерий достойного труда / the key economic criterion of decent labor	Достойная оплата труда должна обеспечивать удовлетворение широкого круга потребностей работника и его семьи с позиции расширенного воспроизводства и организации достойной жизни (в том числе полной экономической свободы) / The decent labor remuneration must satisfy the wide range of needs of the employee and their family from the viewpoint of extended reproduction and organization of decent life (including full economic freedom)
Правовой / Legal	Н. И. Баскакова / N. I. Baskakova	основополагающий принцип трудовых правоотношений / the basic principle of labor legal relations	Достойная оплата труда должна соответствовать количеству и качеству затраченного труда, не должна являться результатом чрезмерной эксплуатации со стороны работодателя (собственника средств производства); должна базироваться на правовых нормативных актах и трудовом договоре / The decent labor remuneration must correspond to the amount and quality of the labor spent, must not be a result of excessive exploitation by the employer (owner of the production means); must be based on legal normative acts and a labor contract
Психологический / Psychological	C. Seubert L. Hopfgartner J. Glaser	такой уровень заработной платы, который отражает рост стоимости жизни и повышение производительности труда / the level of salary which reflects the growth of the cost of life and increased labor productivity	Достойная оплата труда должна в сочетании с прожиточным минимумом позволять работнику воспринимать свой труд как достойный / The decent labor remuneration, combined with the subsistence rate, must allow the employee to perceive their labor as decent
Социокультурный / Socio-cultural	И. Н. Узун / I. N. Uzun	системообразующий элемент механизма функционирования гражданского общества / the system-forming element of the mechanism of a civil society functioning	Достойная оплата труда должна быть системообразующим механизмом современного гражданского общества / The decent labor remuneration must be a system-forming mechanism of a modern civil society

Источник: [27, 29–32].

Source: [27, 29–32].

В этой модели достойная оплата труда базируется, прежде всего, на компоненте прожиточного минимума. При этом ученые оговариваются, что размер прожиточного минимума должен быть таким, чтобы позволить работникам откладывать деньги на перспективу, формировать уверенность в своем будущем, заниматься долгосрочным планированием [30. С. 808–823]. Основными аспектами измерения прожиточного минимума в этой модели, таким образом, являются адекватная компенсация за труд и значительное вознаграждение за осуществление функций гражданина страны и члена общества.

С нашей точки зрения, порог относительной бедности в рамках экономического подхода – слишком ненадежный критерий достойной оплаты труда. Он как бы вводит в порядок нормы возможность квалифицированному специалисту быть финансово бедным. В то же время работающее население не ассоциирует достойный труд с преодолением порога бедности. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов, согласно которым достойной заработной платой россияне считают доход в 76 тыс. рублей. Этот уровень превышает не только порог бедности, но и размер средней заработной платы [28. С. 81–85].

В этой связи в исследовании мы рассматриваем в качестве границы достойной оплаты труда не порог бедности (прожиточный минимум), а минимальный социальный гарант оплаты труда, не допускающий установление работодателями заработной платы на неоправданно низком уровне [33. С. 93–109]. Роль подобного индикатора выполняет МРОТ, базой для расчета которого является прожиточный минимум [34. С. 808–823]. В рамках нашего подхода, который базируется на работах Д. Ньюмарка и У. Уошера, мы рассматриваем МРОТ в качестве своеобразной «точки отсчета» формирования элементарных условий достойной жизни для работников [35. С. 1–182].

В исследовании нами была проверена гипотеза о том, что из-за существующего горизонтального неравенства государственные решения по повышению заработной платы научных сотрудников (в соответствии с Указом № 597) не являются эффективными, поскольку далеко не во всех регионах формируются даже начальные условия для достойной оплаты труда этой категории работников.

Метод исследования

В науке весьма редко предлагаются комплексные решения по проведению оценки оплаты труда специалистов по шкале достойности (справедливости). Большинство из них отталкивается от общепринятых статистических показателей, таких как потребительская корзина, затраты на приобретение жилья в кредит и получение профессионального образования, а также расходы на обязательное социальное страхование [29. С. 36]. С нашей точки зрения, интеграция этих показателей вполне может быть использована для определения базового уровня заработной платы, но полученный в итоге агрегирования индикатор вряд ли будет отражать категорию «достойности» или «справедливости» (в силу того, что он не учитывает соответствующих стандартов).

В этом ряду есть исключения. Методика определения коэффициента опережения, которая была предложена Л. А. Карасевой и А. А. Охрименко, в качестве стандарта справедливой оплаты труда педагогов использует целевой показатель роста заработной платы, установленный государством. Коэффициент отражает степень достижения целевого показателя роста заработной платы, ориентируясь на тот уровень, который сложился до начала реализации соответствующих решений [36. С. 81–93].

В нашем исследовании мы основываемся на методике Л. А. Карасевой и А. А. Охрименко, но модернизируем ее, поскольку коэффициент опережения сам по себе без учета влияния «ловушки среднего значения» никак не характеризует финансовое благополучие и качество жизни работников [21. С. 15–30]. Поэтому применение методики будет указывать на «идеальное положение дел». Для учета неравномерности распределения фонда оплаты труда в науке в ходе расчетов следует учесть дополнительные критерии.

В этой связи мы предлагаем методику расчета модифицированного коэффициента опережения ($K_{\text{мод}}$), которая ранее уже была апробирована на статистических данных по заработной плате работников общеобразовательных школ [21. С. 15–30]. В расчет показателя берется коэффициент опережения (который был предложен Л. А. Карасевой и А. А. Охрименко) и весовой коэффициент (который был предложен непосредственно автором). Таким образом, методологический вклад автора состоит в уточнении и модификации предложенного ранее решения для задач исследования.

Изначально модифицированный коэффициент был разработан для изучения темпов роста оплаты труда в общем образовании, но мы считаем возможным апробировать эту методику на данных по научным организациям, поскольку и в науке, и в общем образовании в отношении заработной платы аналогичные задачи. Разным является только целевой показатель: в общем образовании – 100 % от среднего уровня оплаты труда по региону, в науке – 200 %. Опять же достижение целевого показателя в обеих отраслях происходит на фоне действия «ловушки среднего значения» [21. С. 15–30].

Основой расчета модифицированного коэффициента является коэффициент опережения (K), который представляет собой соотношение между темпами роста заработной платы работников в определенной отрасли и темпами роста установленного государством целевого ориентира [36. С. 81–93]. Расчетный показатель вычисляется для каждого региона в отдельности.

$$K = \frac{\frac{f_1^n}{f_0^n} \times 100 \%}{\frac{f_1}{f_0} \times 100 \%}, \quad (1)$$

где f_1^n – средняя заработная плата работников отрасли в регионе в текущем году; f_0^n – средняя заработная плата работников отрасли в регионе в базовом году; f_1 – целевой показатель в текущем году; f_0 – целевой показатель в базовом году [36. С. 81–93].

Для того чтобы предусмотреть влияние горизонтального неравенства в оплате труда, мы предлагаем корректировать «коэффициент опережения» на вес региона, отражающий один из возможных статусов территории: а) территория обеспечивает реальное выполнение Указа № 597 (достойную зарплату получают работники всех категорий); б) территория выполняет указ формально (за счет неравномерного распределения ФОТ) [21. С. 15–30]. На основании произведения коэффициента опережения и веса региона вычисляется модифицированный коэффициент.

$$K_{\text{мод}} = K \times k_x, \quad (2)$$

где K – коэффициент опережения в регионе; k_x – вес региона [21. С. 15–30].

Для расчета весового коэффициента строится матрица, в которой положение объектов наблюдения (российских регионов) соотносится по двум признакам:

1) степень достижения в регионе значений задачи Указа № 597 в отношении оплаты труда в научных организациях;

2) отсутствие в регионе научных сотрудников, получающих достойную оплату труда (выше уровня МРОТ) [21. С. 15–30].

Матрица состоит из кластеров, каждому из которых присваивается коэффициент от 0,1 до 1 в зависимости от степени совпадения рассматриваемых признаков (при полном совпадении – 1, при полном несопадении – 0,1).

Таким образом, коэффициент опережения будет корректироваться на вес региона в зависимости от того, какая ситуация с распределением ФОТ сложилась на рассматриваемой территории. Если достижение/недостижение целевых показателей не сопровождается значительным разрывом в оплате труда отдельных категорий педагогов, то коэффициент не изменится. Если такой разрыв имеется, то расчетный показатель снизится [21. С. 15–30].

Значения модифицированного коэффициента будут располагаться на оси координат, где показатели выше 1 означают опережение темпов роста заработной платы (в сравнении с темпами роста целевого показателя), ниже 1 – отставание темпов роста заработной платы от соответствующих темпов целевого показателя [21. С. 15–30].

В исследовании в качестве нижней границы достойной оплаты труда мы будем рассматривать значения МРОТ (которые являются неодинаковыми для разных регионов); в качестве верхней границы – значения целевого показателя Указа № 597 (которые также варьируются в территориальном разрезе).

Результаты исследования

В процессе расчетов был последовательно выполнен алгоритм исследовательских шагов.

В рамках **первого шага** для расчета коэффициента опережения в рамках цели исследования мы определили содержание категорий «целевой показатель», «расчетный показатель», «отчетный период» и «базовый период». Определено, что *целевой показатель* по своему содержанию соответствует задаче Указа № 597 (средняя оплата труда научных сотрудников должна быть не меньше 200 % от средней заработной платы наемных работников по полному кругу организаций в конкретном регионе). Целевой показатель не является постоянной величиной, поскольку зависит от конъюнктуры оплаты труда в регионе в конкретный период.

По существу, каждый год перед регионами в рамках Указа стоит задача достижения более амбициозных показателей. *Расчетный показатель* – это значение средней начисленной заработной платы, учитываемое Росстатом по отрасли «научная и техническая деятельность» в конкретном регионе. *Базовый период* – это 2018 г., который определен Указом № 597 для достижения целевого показателя. В качестве *отчетного периода* мы будем использовать 2021 г.

В рамках **второго шага** мы вычислили ряд коэффициентов опережения в соответствии с предложенной методикой. Вычисления проводились с использованием статданных Росстата (за 2018 и 2021 гг.) по 80 объектам наблюдения. В качестве объектов наблюдения рассматривались субъекты Российской Федерации (за исключением Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа, информацию по которым Росстат не публикует в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных).

Расчеты показали, что формально опережение выполнения задачи Указа № 597 было полностью обеспечено в 13 российских регионах (в которых коэффициент опережения равнялся 1 или был больше этого значения). В этот ряд вошли Новгородская, Тульская, Курская, Белгородская, Ленинградская, Ивановская, Смоленская, Калужская области, Забайкальский и Краснодарский края, республики Чечня и Хакасия, а также г. Севастополь. В оставшихся регионах темпы роста показателей по оплате труда в отчетном году оказались иными, нежели темпы достижения целевого показателя. Таким образом, на этих территориях не был достигнут эффект «опережения». Значения полученных коэффициентов, однако, пока не свидетельствуют о формировании условий для достойной оплаты труда всех без исключения научных сотрудников в условиях действия горизонтальной неравномерности в заработках работников. Для того чтобы учесть этот фактор, далее мы прибегли к расчету модифицированного коэффициента опережения.

В рамках **третьего шага** для определения веса регионов мы построили матрицу сопоставления фактического достижения целевого показателя Указа № 597 в регионах и доли научных сотрудников, не получающих достойную оплату труда (табл. 2).

Таблица 2

Матрица весов регионов для расчета модифицированного коэффициента опережения

Table 2. Matrix of the weights of regions for the calculation of a modified lead factor

Достижение целевого показателя / Achieving the target value	Удельный вес научных работников, получающих заработную плату на уровне МРОТ и ниже / Unit weight of researchers receiving the subsistence rate or less							
	D (0 %)		E (менее 12 %) / less than 12%		F (12–30 %)		G (более 30 %) / over 30%	
	Число регионов / Number of regions	Весовой коэффициент / Weight coefficient	Число регионов / Number of regions	Весовой коэффициент / Weight coefficient	Число регионов / Number of regions	Весовой коэффициент / Weight coefficient	Число регионов / Number of regions	Весовой коэффициент / Weight coefficient
A (более 200 %) / A (over 200 %)	1	1	29	0,3	3	0,2	2	0,1
B (200 %) / B (200 %)	0	1	2	0,6	1	0,5	0	0,4
C (менее 200 %) / C (less than 200 %)	7	1	29	0,9	4	0,8	2	0,7
Итого / Total	8	–	60	–	8	–	4	–

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

В матрице для каждого региона учитывалось достижение целевого показателя роста оплаты труда в научных организациях (более 200 % от средней по экономике региона, 200 % и менее 200 %) и групп регионов с различным удельным весом научных сотрудников, работающих на МРОТ и ниже (для определения групп была использована кластеризация методом k -средних) [21. С. 15–30].

Каждый регион был помещен в один из двенадцати кластеров матрицы в зависимости от наличия учитываемых признаков. В кластеры матрицы «AD/BD» вошла только Ленинградская область. В этом регионе средняя начисленная заработная плата научных сотрудников в 2021 г. составляет 204 % от среднего значения по экономике региона, и отсутствуют работники, размер оплаты труда которых сохраняется на уровне МРОТ или ниже.

В кластеры матрицы «AE/BE» вошли Новгородская, Белгородская, Ульяновская, Калининградская, Нижегородская, Курганская, Челябинская, Кировская, Курская, Владимирская, Калужская, Ивановская, Самарская, Томская, Липецкая, Ростовская, Тульская, Кемеровская, Волгоградская области, Алтайский, Пермский, Забайкальский, Краснодарский, Хабаровский края, г. Севастополь, республики Хакасия, Башкортостан, Крым, Мордовия, Татарстан, Чувашская Республика. В этих регионах средняя заработная плата работников достигла или превысила целевой показатель Указа № 597, но в незначительном размере (менее 12 %) присутствует доля работников, не получающих достойную оплату труда.

В кластеры матрицы AF/BF вошли Пензенская, Саратовская, Смоленская области, Кабардино-Балкарская Республика. В этих регионах средняя заработная плата работников превысила целевой показатель, но в среднем размере (12–30 %) присутствует доля работников, не получающих достойную оплату труда.

В кластеры матрицы AG/BG вошли Карачаево-Черкесская и Чеченская республики. В этих регионах средняя заработная плата работников превысила целевой показатель, но доля работников, не получающих достойную оплату труда, достигает значительных размеров (выше трети от всех научных сотрудников). Есть основания полагать, что на этих территориях достижение целевого показателя Указа № 597 достигается за счет значительного увеличения заработной платы только определенной части научных сотрудников.

В кластер матрицы CD вошли Республика Коми, Тюменская, Сахалинская, Мурманская, Магаданская области, Республика Карелия, Камчатский край. Эти регионы в 2021 г. не достигли показателя Указа № 597, но на этих территориях нет работников, которые не получали бы достойную заработную плату (на уровне или ниже МРОТ). Другими словами, в этих регионах достижение/недостижение целевого показателя никак не связано с действием неравномерностей в оплате труда (ловушкой среднего значения).

В кластер матрицы CE вошли Вологодская, Московская, Омская, Тамбовская, Брянская, Новосибирская, Воронежская, Костромская, Тверская, Свердловская, Архангельская, Орловская, Оренбургская, Иркутская, Амурская, Ярославская области, Ставропольский, Приморский, Красноярский края, республики Адыгея, Марий Эл, Бурятия, Калмыкия, Саха (Якутия), Алтай, Тыва, Удмуртская Республика, г. Санкт-Петербург, Москва. В этих регионах заработная плата работников не достигла целевого показателя, а в научных организациях в незначительном размере есть сотрудники, не получающие достойную оплату труда.

В кластер матрицы CF вошли Псковская, Рязанская, Астраханская области, Республика Ингушетия. В этих регионах заработная плата работников не достигла целевого показателя, а в научных организациях в среднем размере есть сотрудники, не получающие достойную оплату труда.

В кластер матрицы CG вошли южные регионы – республики Северная Осетия – Алания, Дагестан. Здесь средняя заработная плата работников не достигла целевого показателя, и это связано со значительной горизонтальной дифференциацией, благодаря которой более трети научных сотрудников получают заработную плату не выше МРОТ.

Каждому кластеру был назначен весовой коэффициент, который отражает равномерность распределения на его территории фонда оплаты труда научных сотрудников. Всем регионам, на территории которых ученые получают заработную плату выше уровня МРОТ (кластеры AD, BD, CD), присваивался весовой коэффициент, равный 1 (поскольку перераспределение фонда оплаты труда в этом случае не используется для достижения целевого ориентира). В других кластерах вес региона распределялся в интервале от 0,1 до 0,6 (с шагом 0,1) [21. С. 15–30].

В рамках **четвертого шага** был вычислен модифицированный коэффициент опережения (табл. 3). В большинстве случаев поправка на вес региона сократила число территорий, в которых в 2021 г. наблюдалось опережение темпов роста заработной платы. В ходе расчета модифицированного коэффициента опережения ($K_{\text{мод}}$) наполняемость этой группы сократилась до одного региона (Ленинградской области). В 12 случаях (Смоленская, Новгородская, Тульская, Курская, Белгородская, Ивановская, Калужская области, Севастополь, республики Хакасия и Чечня, Забайкальский и Краснодарский края) темпы опережения сместились на границу темпов отставания. Оставшиеся 67 регионов также демонстрируют отставание от темпов целевого показателя.

Таблица 3

Значения модифицированного коэффициента опережения по регионам за 2021 г.

Table 3. Values of the modified lead factor by region in 2021

Регион / Region	K		K _{мод}		Регион / Region	K		K _{мод}	
Ленинградская область / Leningrad oblast	1,03	Оп	1,03	Оп	Республика Северная Осетия / Republic of Northern Ossetia	0,85	От	0,59	От
Магаданская область / Magadan oblast	0,93	От	0,93	От	Хабаровский край / Khabarovsk krai	0,93	От	0,56	От
Республика Коми / Komi Republic	0,92	От	0,92	От	Рязанская область / Ryazan oblast	0,66	От	0,53	От
Мурманская область / Murmansk oblast	0,91	От	0,91	От	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,87	От	0,52	От
Сахалинская область / Sakhalin oblast	0,91	От	0,91	От	Смоленская область / Smolensk oblast	1,02	Оп	0,51	От
Тюменская область / Tyumen oblast	0,87	От	0,87	От	Республика Дагестан / Republic of Dagestan	0,71	От	0,50	От
Омская область / Omsk oblast	0,95	От	0,86	От	Новгородская область / Novgorod oblast	1,45	Оп	0,43	От
Республика Карелия / Republic of Karelia	0,85	От	0,85	От	Тульская область / Tula oblast	1,21	Оп	0,36	От
Московская область / Moscow oblast	0,93	От	0,84	От	Курская область / Kursk oblast	1,09	Оп	0,33	От
Республика Адыгея / Republic of Adygeya	0,93	От	0,84	От	Севастополь / Sevastopol	1,08	Оп	0,32	От
Вологодская область / Vologda oblast	0,93	От	0,83	От	Белгородская область / Belgorod oblast	1,07	Оп	0,32	От
Ставропольский край / Stavropol krai	0,91	От	0,82	От	Республика Хакасия / Republic of Khakassiya	1,06	Оп	0,32	От
Республика Бурятия / Buryat Republic	0,89	От	0,80	От	Забайкальский край / Zabaikalskiy krai	1,03	Оп	0,31	От
Санкт-Петербург / Saint Petersburg	0,89	От	0,80	От	Ивановская область / Ivanovo oblast	1,02	Оп	0,31	От
Костромская область / Kostroma oblast	0,89	От	0,80	От	Краснодарский край / Krasnodar krai	0,99	Оп	0,30	От
Камчатский край / Kamchatka krai	0,80	От	0,80	От	Калужская область / Kaluga oblast	0,99	Оп	0,30	От
Москва / Moscow	0,88	От	0,79	От	Калининградская область / Kaliningrad oblast	0,98	От	0,29	От
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	0,88	От	0,79	От	Алтайский край / Altay krai	0,98	От	0,29	От
Тамбовская область / Tambov oblast	0,87	От	0,79	От	Нижегородская область / Nizhniy Novgorod oblast	0,97	От	0,29	От
Республика Ингушетия / Ingush Republic	0,98	От	0,79	От	Челябинская область / Chelyabinsk oblast	0,97	От	0,29	От
Архангельская область / Arkhangelsk oblast	0,87	От	0,78	От	Республика Мордовия / Republic of Mordovia	0,95	От	0,29	От
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	0,86	От	0,78	От	Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,95	От	0,28	От
Приморский край / Primorskiy krai	0,86	От	0,77	От	Волгоградская область / Volgograd oblast	0,93	От	0,28	От
Тверская область / Tver oblast	0,86	От	0,77	От	Республика Крым / Republic of Crimea	0,93	От	0,28	От
Республика Калмыкия / Kalmyk Republic	0,86	От	0,77	От	Пермский край / Perm krai	0,93	От	0,28	От
Республика Саха / Sakha Republic	0,86	От	0,77	От	Ростовская область / Rostov oblast	0,92	От	0,28	От

Окончание табл. 3 / Continuation of Table 3

Регион / Region	К		К _{мод}		Регион / Region	К		К _{мод}	
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	0,85	От	0,76	От	Чувашская Республика / Chuvash Republic	0,90	От	0,27	От
Новосибирская область / Novosibirsk oblast	0,84	От	0,75	От	Ульяновская область / Ulyanovsk oblast	0,88	От	0,26	От
Воронежская область / Voronezh oblast	0,83	От	0,75	От	Томская область / Tomsk oblast	0,85	От	0,25	От
Брянская область / Bryansk oblast	0,83	От	0,75	От	Кемеровская область / Kemerovo oblast	0,84	От	0,25	От
Республика Тыва / Tuva Republic	0,82	От	0,74	От	Самарская область / Samara oblast	0,83	От	0,25	От
Республика Алтай / Altai Republic	0,81	От	0,73	От	Курганская область / Kurgan oblast	0,83	От	0,25	От
Иркутская область / Irkutsk oblast	0,81	От	0,73	От	Кировская область / Kirov oblast	0,81	От	0,24	От
Амурская область / Amur oblast	0,79	От	0,71	От	Владимирская область / Vladimir oblast	0,80	От	0,24	От
Ярославская область / Yaroslavl oblast	0,79	От	0,71	От	Липецкая область / Lipetsk oblast	0,75	От	0,23	От
Астраханская область / Astrakhan oblast	0,88	От	0,70	От	Пензенская область / Penza oblast	0,89	От	0,18	От
Орловская область / Orel oblast	0,78	От	0,70	От	Саратовская область / Saratov oblast	0,81	От	0,16	От
Псковская область / Pskov oblast	0,87	От	0,70	От	Кабардино-Балкарская Республика / Kabarda-Balkar Republic	0,79	От	0,16	От
Красноярский край / Krasnoyarsk krai	0,72	От	0,65	От	Чеченская Республика / Chechen Republic	1,07	Оп	0,11	От
Оренбургская область / Orenburg oblast	0,72	От	0,65	От	Карачаево-Черкесская Республика / Karachai-Cherkes Republic	0,87	От	0,09	От

Примечание: в таблице «Оп» – это опережение, «От» – отставание.

Note: “Op” – advancing, “Ot” – lagging behind.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Таким образом, учет фактора горизонтальной неравномерности в заработках научных сотрудников показал, что в 2021 г. только в одном регионе было достигнуто опережение темпов роста заработной платы научных сотрудников и сформированы все условия для достойной оплаты труда. Очень близко к формированию подобных условий находятся Магаданская, Мурманская, Сахалинская области, Республика Коми. В подавляющей части регионов ситуация иная. Более того, целый ряд регионов, которые достигают целевого показателя, подвергаются действию «ловушки среднего значения». На этих территориях разные доли сотрудников не получают даже минимальных условий для достойной оплаты труда, благодаря чему ФОТ перераспределяется в пользу ограниченной части работников. Таким образом, достижение целевого показателя в формате управленческих решений становится простой формальностью.

Обсуждение результатов исследования

Результаты исследования показали, что реализация принципа достойной оплаты труда в российской науке критически мало коррелирует с идеями, заявленными в научно-технической политике государства. На эту ситуацию оказывает заметное влияние системное ограничение, связанное с особенностями институционального развития отечественной науки и изменениями инфраструктуры правил функционирования этой сферы после распада СССР. Эти правила формировались в условиях «скудного финансирования, провала спроса на разработки фундаментальной науки и НИОКР, а также свертывания высокотехнологических производств» [37. С. 621].

О. С. Сухарев называет современную модель развития российской науки локально-элитарной. В рамках этой модели все основное финансирование (как бюджетное, так и грантовое) определяется «под имеющиеся ресурсы». В рамках этой локально-элитарной модели оценка труда ученых привязана не к норме выработки, а к «премии при низком исходном окладе научного сотрудника» [37. С. 624]. Другими словами, в условиях ограниченности грантовых средств преимущества получает группа лиц, обладающая уникальным социальным капиталом (связями и отношениями). Именно в их пользу происходит перераспределение значительной части фонда оплаты труда в научных организациях. Остальные могут получить конкурентоспособный заработок лишь одним способом – за счет превышения нормы выработки и интенсификации труда.

При этом сама норма выработки в науке отчасти достигается формально. В настоящее время условием дополнительного стимулирования труда ученых стало усиление их публикационной активности в международных издательствах. Эта задача реализуется без особых успехов. Так, по данным обобщений наукометрических показателей за 2010–2019 гг., доля публикаций российских ученых в престижных зарубежных журналах растет крайне медленно (с 2 до 9 %). Вместе с тем средства, выделяемые на эту цель, нельзя назвать эффективными, поскольку они не учитывают востребованности отечественных публикаций. Так, доля цитирований российских работ в зарубежных журналах имеет отрицательную динамику [38. С. 156–172]. Стоит ли завязывать вопросы оплаты труда ученых на реализации столь ненадежных и при этом высокзатратных задач (притом что выделенные на российскую науку средства в конечном итоге не остаются в нашей стране)?

Описанное системное ограничение сводит на нет эффективность принятых государством управленческих решений, и они становятся лишь формальностью. Грантовое (т. е. конкурсное) обеспечение оплаты труда научных сотрудников регулярно ставит процесс формирования достойного труда под действие рисков. В условиях оптимизации научных фондов (сокращения фондов до одного) конкуренция за ресурсы значительно увеличилась. При высоком спросе предложение на гранты сокращается, а значит, все меньше научных сотрудников смогут получить достойную оплату труда. Не однозначно на труд ученых действуют и форс-мажорные обстоятельства (пандемия, санкционная политика), которые приводят к снижению контактов в научном мире, а следовательно, к сокращению возможностей достижения нормы выработки, за которую начисляются стимулирующие выплаты.

Важный шаг в направлении преодоления ситуации горизонтального неравенства в оплате труда ученых был недавно предпринят государством. Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 1 февраля 2021 г. № 72 «Об утверждении примерного положения об оплате труда работников федеральных государственных бюджетных и автономных учреждений, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, по виду экономической деятельности „Научные исследования и разработки“» были установлены минимальные (гарантированные) оклады научных работников. Согласно этому документу, минимальные оклады увеличиваются в зависимости от принадлежности работника к определенной профессиональной квалификационной группе. Так, у инженеров-исследователей минимальный оклад должен составлять 17 тыс. руб., у младших научных сотрудников и научных сотрудников – 23,8 тыс. руб., у старших научных сотрудников – 27,3 тыс. руб., у ведущих научных сотрудников – 30,8 тыс. руб. и т. д. В приказе также определено, что соотношение заработной платы руководителя, заместителя руководителя и главного бухгалтера и среднемесячной зарплаты работников учреждения не должно превышать предельный уровень, равный 800 % [39].

Вместе с тем увеличение должностных окладов лишь незначительно меняет ситуацию с заработной платой научных сотрудников, в которой значительную долю составляет вовсе не оклад, а стимулирующие выплаты. С нашей точки зрения, вопрос о формировании условий для достойной оплаты труда ученых в российской науке должен предполагать комплексное решение (как фундаментальное, так и институциональное).

Фундаментальный элемент этого решения должен предполагать отказ от финансирования науки по остаточному принципу, а также переход государства от роли контрагента и заказчика научных исследований и разработок (реализация которой часто приводит к кастомизации доступа академических структур к финансовым средствам) к роли гаранта сохранения науки как общественного блага и достойной оплаты социально значимого труда ученого.

Институциональный элемент этого решения должен строиться на постепенном отказе от принципа конкурентности в распределении денежных средств, которые идут на оплату труда научных сотрудников. Грантовые средства могут рассматриваться только для создания уникальных условий для научных разработок (закупка дорогостоящего оборудования и программного обеспечения), но не для формирования горизонтального неравенства. Равномерность оплаты труда ученых должна быть гарантирована на законодательном уровне. Но опять же справедливое распределение фонда оплаты труда будет гарантировано только при росте государственного финансирования научной сферы. Руководство любой научной организации не сможет поднять заработную плату сотрудникам, если не выделяется средств на ФОТ. В этом случае максимально будут использованы удобные возможности «ловушки среднего значения».

При этом нужно учесть, что в науке материальное стимулирование сотрудников оказывает влияние на результативность профессиональной деятельности только в сочетании с другими мотивационными факторами (к ним относятся авторитет и признание коллег) [18. С. 154–167]. В этой связи финансовые меры должны реализовываться синхронно с мерами по популяризации научных достижений, а не в разрез с ними.

Кроме того, на институциональном уровне желательно добиться последовательности государственных решений и формирования единого взгляда на проблему доходов ученых. В Указе № 597 эта проблема была поднята на «высокий уровень», а в паспорте вышедшего вслед за ним в 2018 г. национального проекта «Наука» задача по росту зарплат в научной сфере (в соответствии с целевым показателем) уже не нашла своего отображения. Очень важно, чтобы ориентация на формирование достойных доходов ученых стала частью государственной стратегии развития.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Россия. Поиск самоопределения. Москва: Наука, 2005. 464 с.
2. Мильнер Б. З. Управление знаниями в современной экономике. Москва: ИЭ РАН. 2008. 88 с.
3. Conti A., Liu C. C. Bringing the Lab Back // Personnel Composition and Scientific Output at the MIT Department of Biology. 2015. Vol. 44 (9). Pp. 1633–1644. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2015.01.001>
4. The science of team science: A review of the empirical evidence and research gaps on collaboration in science / K. L. Hall, A. L. Vogel, G. C. Huang et al. // American Psychologist. 2018. Vol. 73 (4). Pp. 532–548. DOI: <https://doi.org/10.1037/amp0000319>
5. The Missing Link Between Innovation and Performance in Brazilian Firms: a Panel Data Approach / J. G. Taveira, E. Goncalves, R. D. S. Freguglia // Applied Economics. 2019. Vol. 51 (33). Pp. 3632–3649. DOI: <https://doi.org/10.1080/00036846.2019.1584374>
6. Дозорцев О. Е., Старокожева В. П. Оплата труда работников научной сферы // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 8. С. 865–880. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.8.8.112917>
7. Индикаторы науки: 2022: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 400 с.
8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Российская газета. 2012. 8 мая. URL: <https://rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html> (дата обращения: 07.05.2022).
9. Оганов А., Штарев Д. Наука под дамокловым мечом // Ведомости. 2021. 28 февр. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/02/20/858727-nauka-damoklovim> (дата обращения: 07.05.2022).
10. Ратай Т. В. Финансирование гражданской науки в России и за рубежом: 2020 // Наука. Технологии. Инновации. 2021. 28 июля. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/490803218.pdf> (дата обращения: 07.05.2022).
11. Бойченко Т. А. Структура персонала в научных организациях Минобрнауки России по отдельным регионам: анализ первичной статистической информации // Управление наукой и наукометрия. 2021. № 1. С. 79–106. DOI: <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-1.79-106>
12. Комраков А. Майские указы оставили за бортом ученых // Независимая газета. 2020. 24 дек. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-12-24/100_24122020_economics3.html (дата обращения: 07.05.2022).
13. Бойко В. Денег нет, но зарплату велено повысить // Континент Сибирь. 2021. 13 апр. URL: <https://ksonline.ru/404456/deneg-net-no-zarplatu-veleno-povyisit/> (дата обращения: 07.05.2022).
14. Черняховский С. Саботаж Минобрнауки // Завтра. 2021. 19 февр. URL: https://zavtra.ru/blogs/sabotazh_minobrnauki/ (дата обращения: 07.05.2022).

15. Пагай Т. В. Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку // Наука. Технологии. Инновации. 2018. 24 июля. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/221869863> (дата обращения: 07.05.2022).
16. Кадровый потенциал современной российской науки / В. В. Зырянов, И. А. Мосичева, М. В. Прудникова // Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Москва: Геоинфо, 2018. С. 143–174.
17. Типенко Н. Г. Ловушка «средней по региону» // Вести образования. 2019. 26 июня. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/6/26/economics/8210-lovushka_sredney_po_regionu (дата обращения: 07.05.2022).
18. Володарская Е. А., Киселева В. В. Оплата труда ученых и мотивация научной деятельности // Мотивация и оплата труда. 2012. № 2. С. 154–167.
19. Симонов А. Зарплата по науке // Российская газета. 2021. 23 февр. URL: <https://rg.ru/2021/02/23/pochemu-odna-ita-zhe-rabota-v-nauke-mozhet-oplachivatsia-po-raznomu.html> (дата обращения: 07.05.2022).
20. Актуальные задачи воспроизводства кадров в научно-образовательной сфере и пути их решения. Доклад Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совету при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию // Междисциплинарный научный сервер. URL: <http://www.scientific.ru/trv/ks2007.doc> (дата обращения: 07.05.2022).
21. Головчин М. А. Реализация принципа достойной оплаты труда в российском образовании: экономико-статистическое исследование // Вопросы статистики. 2021. Т. 28, № 3. С. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30>
22. Богаченко Е. Д. Реализация принципов достойного труда в сфере занятости молодежи: региональный аспект // Научное обозрение. 2016. № 7. С. 201–211.
23. Decent work: some strategic challenges ahead. Report of the director-general // International Labor Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_092642.pdf (дата обращения: 07.05.2022).
24. Сошникова Т. А. Право на вознаграждение за труд, обеспечивающее достойную жизнь // Россия, Конституция, достойная жизнь. Москва: Московский гуманитарный университет, 2006. С. 80.
25. The living wage as an income range for decent work and life / C. Yao, J. Parker, J. Arrowsmith, S. C. Carr // Employee Relations: The International Journal 2017. Vol. 39. Pp. 875–887. DOI: <https://doi.org/10.1108/er-03-2017-0071>
26. The growing disconnect between food prices and wages in Europe: cross-national analysis of food deprivation and welfare regimes in twenty-one EU countries, 2004–2012 / A. Reeves, R. Loopstra, D. Stuckler // Public Health Nutrition. 2017. Vol. 20 (8). Pp. 1414–1422. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1368980017000167>
27. Баскакова Н. И. Право работника на оплату труда: понятие и качественная характеристика // Труд и социальные отношения. 2013. Т. 24, № 4. С. 101–108.
28. Полянская С. Г. Повышение минимальных гарантий по оплате труда как ключевой фактор достижения достойной заработной платы // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 1. С. 81–85.
29. Савина Т. Н. Достойная оплата труда как ключевой критерий социально-ответственного поведения бизнеса в условиях неиндустриальной парадигмы развития // Дайджест-финансы. 2016. № 2. С. 31–42.
30. Living wages, decent work, and need satisfaction: an integrated perspective / C. Seubert, L. Hopfgartner, J. Glaser // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2021. Vol. 30 (6). Pp. 808–823. DOI: <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1966094>
31. Севастьянова О. В. Достойная оплата труда как ключевой критерий достойного труда // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации. Симферополь: АРИАЛ, 2019. С. 113–117.
32. Узун И. Н. Направления по формированию достойной оплаты труда в Приднестровье // Вестник Приднестровского университета. Серия: Физико-математические и технические науки. Экономика и управление. 2011. № 3 (39). С. 152–155.
33. Румянцева Е. Е., Шутов О. Л. Прожиточный минимум и МРОТ: проблемы упрощения подходов и искажения реальных потребностей населения // Вестник Томского университета. Экономика. 2021. № 54. С. 93–109. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/54/4>
34. Маллаева М. И. Прожиточный минимум в системе социальной защиты населения: методический аспект // Труд и социальные отношения. 2009. № 8. С. 29–35.
35. Neumark D., Wascher W. Minimum Wages and Employment // Foundations and Trends in Microeconomics. 2007. Vol. 3 (1+2). Pp. 1–182.
36. Карасева Л. А., Охрименко А. А. Оплата труда педагогических работников в регионах Крайнего Севера России: экономико-статистический анализ // Вопросы статистики. 2020. № 27 (3). С. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-81-93>
37. Сухарев О. С. Институциональные проблемы развития российской науки и возможности их преодоления // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4–1. С. 616–625.

38. Динамика публикационной активности и цитируемости российских авторов / Е. Г. Винокуров, Т. Ф. Бурухина, Н. Г. Попова, В. П. Мешалкин // Социология науки и технологий. 2021. № 1. С. 156–172. DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2021-11010>

39. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2021 № 72 «Об утверждении Примерного положения об оплате труда работников федеральных государственных бюджетных и автономных учреждений, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, по виду экономической деятельности "Научные исследования и разработки"» // Российская газета. 2021. 22 апр. URL: <https://rg.ru/2021/04/22/minnauki-prikaz72-site-dok.html> (дата обращения: 07.05.2022).

References

1. Abalkin, L. I. (2005). *Russia. Searching for identity*, Moscow, Nauka (in Russ.).
2. Milner, B. Z. (2008). *Knowledge management in modern economy*, Moscow, IE RAN (in Russ.).
3. Conti, A., Liu, C. C. (2015). Bringing the Lab Back. *Personnel Composition and Scientific Output at the MIT Department of Biology*, 44 (9), 1633–1644. <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2015.01.001>
4. Hall, K. L., Vogel, A. L., Huang, G. C., Serrano, K. J., Rice, E. L., Tsakraklides, S. P., Fiore, S. M. (2018). The science of team science: A review of the empirical evidence and research gaps on collaboration in science. *American Psychologist*, 73 (4), 532–548. DOI: <https://doi.org/10.1037/amp0000319>
5. Taveira, J. G., Goncalves, E., Freguglia, R. D. S. (2019). The Missing Link Between Innovation and Performance in Brazilian Firms: a Panel Data Approach. *Applied Economics*, 51 (33), 3632–3649. <https://doi.org/10.1080/00036846.2019.1584374>
6. Dozortsev, O. E., Starokozheva, V. P. (2021). Remuneration of employees in the scientific sphere. *Russian Journal of Labor Economics*, 8 (8), 865–880 (in Russ.). <https://doi.org/10.18334/et.8.8.112917>
7. Gokhberg, L. M., Ditkovsky, K. A., Kotsemir, M. N. et al. (2022). *Science indices: 2022: collection of statistics*. Moscow, NRU HSE (in Russ.).
8. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 597 “On measures for implementation of the state social policy”. (2012, May 8). *Rossiyskaya Gazeta* (in Russ.). <https://rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html>
9. Oganov, A., Shtarev, D. (2021, February 28). Наука под дамкловым мечом. *Vedomosti* (in Russ.). <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/02/20/858727-nauka-damoklovim>
10. Ratai, T. V. (2021, July 28). Financing civil science in Russia and abroad: 2020. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii* (in Russ.). <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/490803218.pdf>
11. Boychenko, T. A. (2021). Structure of Personnel in Scientific Organisations of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for Individual Regions: Analysis of Primary Statistical Information. *Science Governance and Scientometrics*, 16 (1), 79–106 (in Russ.). <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-1.79-106>
12. Komrakov, A. (2020, December 24). May decrees left researchers out. *Nezavisimaya Gazeta* (in Russ.). https://www.ng.ru/economics/2020-12-24/100_24122020_economics3.html
13. Boyko, V. (2021, April 13). There is no money but salaries were ordered to increase. *Kontinent Sibir* (in Russ.). <https://ksonline.ru/404456/deneg-net-no-zarplatu-veleno-povysit/>
14. Chernyakhovsky, S. (2021, February 19). Sabotage of the Ministry of Science and Education. *Zavtra* (in Russ.). https://zavtra.ru/blogs/sabotazh_minobrnauki/
15. Ratai, T. V. (2018, July 24). Ranking of the world leading countries by expenditures on science. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii* (in Russ.). <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/221869863>
16. Zyryanov, V. V., Mosicheva, I. A., Prudnikova, M. V. (2018). Personnel potential of the modern Russian science. In *Researcher of the 21st century: forming competences in the higher education system* (pp. 143–174). Moscow, Geoinfo (in Russ.).
17. Tipenko, N. G. (2019, June 26). A trap of the “regional average”. *Vesti obrazovaniya* (in Russ.). https://vogazeta.ru/articles/2019/6/26/economics/8210-lovushka_sredney_po_regionu
18. Volodarskaya, E. A., Kiseleva, V. V. (2012). Labor remuneration of researchers and motivation for research activity. *Motivatsiya i oplata truda*, 2, 154–167 (in Russ.).
19. Simonov, A. (2021, February, 23). Salaries competently. *Rossiyskaya Gazeta* (in Russ.). <https://rg.ru/2021/02/23/pochemu-odna-i-ta-zhe-rabota-v-nauke-mozhet-oplachivatsia-po-raznomu.html>
20. Topical tasks of personnel reproduction in scientific and educational spheres and the ways to solve them. Report of the Coordination Council on the youth affairs in scientific and educational spheres to the Council under the President of the Russian Federation on science, technologies and education. *Mezhdistsiplinarnyi nauchnyi server*. <http://www.scientific.ru/trv/ks2007.doc>

21. Golovchin, M. A. (2021). Implementation of the principle of decent wages in Russian education: economic and statistical study. *Voprosy Statistiki*, 28 (3), 15–30 (in Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-15-30>
22. Bogachenko, E. D. (2016). Implementation of the decent labor principles in the sphere of youth employment: regional aspect. *Nauchnoe Obozrenie*, 7, 201–211 (in Russ.).
23. Decent work: some strategic challenges ahead. Report of the director-general. *International Labor Organization*. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_092642.pdf
24. Soshnikova, T. A. (2006). Right for the labor remuneration ensuring decent life. *Rossiia, Konstitutsiya, dostoinaya zhizn* (p. 80). Moscow, Moscow University for the Humanities (in Russ.).
25. Yao, C., Parker, J., Arrowsmith, J., Carr, S. C. (2017) The living wage as an income range for decent work and life. *Employee Relations: The International Journal*, 39, 875–887. <https://doi.org/10.1108/er-03-2017-0071>
26. Reeves, A., Loopstra, R., Stuckler, D. (2017). The growing disconnect between food prices and wages in Europe: cross-national analysis of food deprivation and welfare regimes in twenty-one EU countries, 2004–2012. *Public Health Nutrition*, 20 (8), 1414–1422. <https://doi.org/10.1017/S1368980017000167>
27. Baskakova, N. I. (2013). Right an employee for the labor remuneration: notion and qualitative characteristics. *Labour and Social Relations Journal*, 24 (4), 101–108 (in Russ.).
28. Polyanskaya, S. G. (2017). Increasing the minimal guarantees on labor remuneration as the key factor of achieving decent salaries. *Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*, 1, 81–85 (in Russ.).
29. Savina, T. N. (2016). Adequate remuneration as a key criterion of social responsibility of business in terms of the neo-industrial paradigm of development. *Digest Finance*, 2, 31–42 (in Russ.).
30. Seubert, C., Hopfgartner, L., Glaser, J. (2021). Living wages, decent work, and need satisfaction: an integrated perspective. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30 (6), 808–823. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1966094>
31. Sevastyanova, O. V. (2019). Decent labor remuneration as the key criterion of decent labor. In *Sustainable development of the social-economic system of the Russian Federation* (pp. 113–117). Simferopol, ARIAL (in Russ.).
32. Uzun, I. N. (2011). Directions of forming decent labor remuneration in the Trans-Dniester region. *Bulletin of the Pridnestrovian University. Series: Physical, mathematical and technical sciences. Economics and Management*, 3 (39), 152–155 (in Russ.).
33. Rumyantseva, E. E., Shutov, O. L. (2021). Regional Subsistence Minimum and the Minimum Wage: Problems of Simplifying Approaches and Distorting the Real Needs of the Population. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 54, 93–109 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/19988648/54/4>
34. Mallaeva, M. I. (2009). Living wage in the system of social protection of the population: methodological aspect. *Labour and Social Relations Journal*, 8, 29–35 (in Russ.).
35. Neumark, D., Wascher, W. (2007). Minimum Wages and Employment. *Foundations and Trends in Microeconomics*, 3 (1+2), 1–182.
36. Karaseva, L. A., Okhrimenko, A. A. (2020). Teaching Staff's Salaries in Regions of the Far North: Economic and Statistical Analysis. *Voprosy Statistiki*, 27 (3), 81–93 (in Russ.). <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-81-93>
37. Sukharev, O. S. (2021). Institutional problems of the development of Russian science and the possibility of overcoming them. *Big Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 4–1, 616–625 (in Russ.).
38. Vinokurov, E. G., Burukhina, T. F., Popova, N. G., Meshalkin, V. P. (2021). Dynamics of publication activity and citation of Russian authors. *Sociology of Science and Technology*, 1, 156–172 (in Russ.). <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2021-11010>
39. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 1, 2021 No. 72 "On adopting the Arbitrary provision on labor remuneration of the employees of federal state budget and autonomous establishments, within the jurisdiction of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, by the type of economic activity "Scientific research and development". *Rossiyskaya Gazeta*. <https://rg.ru/2021/04/22/minnauki-prikaz72-site-dok.html> (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 07.05.2022
Дата принятия в печать / Accepted 14.06.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.483-502>

УДК 004:331.56-053.88:339.9

JEL: E24, J64, L86

Е. И. КАДОЧНИКОВА¹,

Ю. А. ВАРЛАМОВА¹,

Д. Т. СУЮЧЕВА²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

² Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

ЭФФЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА БЕЗРАБОТИЦУ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В СТРАНАХ ЕАЭС

Контактное лицо:

Кадочникова Екатерина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: kad-ekaterina@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3402-1558>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-4027-2013>

SPIN-код: 5868-0889, AuthorID: 334076

Варламова Юлия Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и эконометрики, Институт управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: jillmc@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3255-9880>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-5897-2016>

SPIN-код: 8642-1558, AuthorID: 640371

Суючева Диляра Таировна, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2413-3081>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-8538-2013>

SPIN-код: 2914-7479, AuthorID: 251819

Аннотация

Цель: выявление современных тенденций на рынке труда в условиях цифровизации и роста рисков и глобальной нестабильности на мировых и национальных рынках в странах ЕАЭС.

Методы: модели анализа панельных данных, графический метод, метод наименьших квадратов, обобщенный выполнимый метод наименьших квадратов.

Результаты: на данных стран ЕАЭС с 2016 по 2020 г. показана синхронизация показателей безработицы; незначительное увеличение доли безработных в возрасте 55 лет и старше во всех странах, кроме России; снижение добавленной стоимости, произведенной видом деятельности «Информация и связь», за исключением Казахстана; в период пандемии обнаружено снижение интегрального индикатора безработицы и численности безработных в возрасте 55 лет и старше под влиянием валовой добавленной стоимости вида деятельности «Информация и связь», а также снижение безработицы старшего возраста под влиянием доли населения, использующего Интернет.

© Кадочникова Е. И., Варламова Ю. А., Суючева Д. Т., 2022

© Kadochnikova E. I., Varlamova Yu. A., Suyucheva D. T., 2022

Научная новизна: отражены современные тенденции безработицы в контексте цифровизации и роста рисков и глобальной нестабильности на мировых и национальных рынках в странах ЕАЭС.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут стать аргументом в пользу конкурентных преимуществ населения старшего возраста на рынке труда в условиях цифровизации и неопределенности экономики.

Ключевые слова: экономическая теория, безработица старшего возраста, цифровизация, страны ЕАЭС, модели панельных данных

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00663 «Эволюция модели экономического поведения индивида и домохозяйства в условиях цифровой трансформации».

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кадочникова Е. И., Варламова Ю. А., Суючева Д. Т. Эффект воздействия цифровизации на безработицу среди населения старшего возраста в странах ЕАЭС // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 483-502. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.483-502>

The scientific article

E. I. KADOCHNIKOVA¹,

Yu. A. VARLAMOVA¹,

D. T. SUYUCHEVA²

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

²Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

EFFECT OF DIGITALIZATION ON UNEMPLOYMENT AMONG THE ELDERLY POPULATION IN EAEU COUNTRIES

Contact:

Ekaterina I. Kadochnikova, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Econometrics, Institute for Management, Economics and Finance, Kazan (Volga) Federal University
E-mail: kad-ekaterina@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3402-1558>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-4027-2013>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 5868-0889, AuthorID: 334076

Yuliya A. Varlamova, PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Econometrics, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga) Federal University
E-mail: jillmc@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3255-9880>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-5897-2016>
SPIN-code: 8642-1558, AuthorID: 640371

Dilyara T. Suyucheva, PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2413-3081>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/B-8538-2013>
SPIN-код: 2914-7479, AuthorID: 251819

Abstract

Objective: to identify current trends in the labor market under digitalization and the growing risks and global instability in the world and national markets in the EAEU countries.

Methods: panel data analysis models, graphical method, least squares method, generalized feasible least squares method.

Results: the data of the EAEU countries from 2016 to 2020 show the synchronization of unemployment indicators; a slight increase in the share of unemployed aged 55 and older in all countries except Russia; a decrease in value added produced within the “Information and Communication” type of activity, with the exception of Kazakhstan; during the pandemic, a decrease in the integral indicator of unemployment and the number of unemployed aged 55 and older was found under the influence of the gross value added within the “Information and Communication” type of activity, as well as a decrease in unemployment among elder citizens under the influence of the share of the population using the Internet.

Scientific novelty: the current trends of unemployment are reflected, under digitalization and the growing risks and global instability in the world and national markets in the EAEU countries.

Practical significance: the main conclusions of the article can be an argument in favor of the competitive advantages of the older population in the labor market under digitalization and uncertainty of economy.

Keywords: Economic theory, Unemployment among elder citizens, Digitalization, EAEU countries, Panel data models

Financial Support: The research is carried out with the financial support of RFFR within the research project No. 20-010-00663 “Evolution of the model of economic behavior of an individual and a household under digital transformation”.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kadochnikova, E. I., Varlamova, Yu. A., Suyucheva, D. T. (2022). Effect of digitalization on unemployment among the elderly population in EAEU countries. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 483–502 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.483-502>

Введение

Настоящее время характеризуется масштабными структурными трансформациями в экономике, ростом рисков и глобальной нестабильности на мировых и национальных рынках, интеграцией новых разработок в области информационно-коммуникационных технологий и изменениями на рынке труда. Из 17 Целей устойчивого развития ООН четыре затрагивают проблемы рынка труда: повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах (цель 1), обеспечение гендерного равенства (цель 5), содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости (цель 8), создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям (цель 9). Старение населения и пенсионные реформы во многих странах мира привели к увеличению на рынках труда занятости населения старшего возраста. Россия также вступила в длительный период негативных сдвигов в возрастной структуре населения. Как показывает экономическая литература, особенностью российского рынка труда является адаптация к кризисам за счет снижения издержек бизнеса преимущественно путем «сжатия» заработной платы при сохранении рабочих мест и расширении инструментов поддержки занятости: общественные работы, переподготовка занятых, самозанятость. В настоящих условиях в среднесрочном периоде ситуация запрета на импорт повлияет на занятость и потери человеческого капитала в импортозависимых видах деятельности и регионах, в которых они расположены.

Одновременно с этим во многих странах мира повысился уровень цифровизации предприятий, которая изменяет правила игры на рынке труда. Наряду с этими современными чертами экономических систем и социальной сферы катализатором распространения цифровых технологий явилась пандемия, которая бесспорно доказала их преимущества в условиях ограничения на ресурсы. Коронакризис ускорил изменения российской экономической и инновационной политики в контексте национальной программы «Цифровая экономика». Наиболее значимыми стали сервисы видеосвязи и цифровой коммуникации, платформенные

решения в области цифрового маркетинга, управления поставками, онлайн-обучения, информационной безопасности, контроля за удаленными работниками, дистанционного мониторинга оборудования, а также системы поддержки принятия решений, цифровые валюты и интернет вещей. Значительно выросли расходы организаций на приобретение машин и оборудования, связанных с цифровыми технологиями (в 1,5 раза), цифрового контента (в 3 раза), обучение персонала (в 4 раза). Отношение затрат на развитие цифровой экономики к ВВП увеличилось с 3,7 % в 2019 г. до 3,8 % в 2020 г. [1]. Доступ к Интернету имеют 80 % домашних хозяйств в России. Хотя раз пользовались Всемирной сетью в 2020 г. почти 90 % взрослого населения России. Ежедневная аудитория российского Интернета достигла почти 77 % взрослого населения, увеличившись более чем на 4 процентных пункта [2].

Цифровизация и сетевизация сложных задач обостряют проблему дифференциации труда и уровня квалификации рабочих, от которых зависят вознаграждение и качество жизни. Действительно, в цифровой трансформации граждане видят сокращение рабочих мест в традиционных секторах экономики, а население старшего возраста отстает в цифровых навыках от молодых работников. Установки бизнеса на оптимизацию рабочих процессов способствуют распространению этих опасений, вместе с тем более низкие заработки работников старшего возраста и хорошая производительность при выполнении несложных цифровых процедур делают их привлекательными для работодателей.

В научных исследованиях оценка риска безработицы в условиях цифровизации имеет двойственный характер. Положительная сторона состоит в том, что мультипликативный рост на основе создания и развития секторов экономики с высокими технологиями приводит к созданию рабочих мест. Отрицательная не исключает процесс создания новых рабочих мест, но указывает на изменение содержания выполняемых операций и функционала профессий, относительно низкую заработную плату и снижение качества жизни. Выполнение сложных задач, требующих уникальных профессиональных навыков с помощью сетевых технологий, формирует риск безработицы и отставание «устаревших» секторов экономики.

Цель статьи – выявить современные тенденции на рынке труда в условиях цифровизации, роста рисков и глобальной нестабильности на мировых и национальных рынках в странах ЕАЭС. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что цифровизация и нестабильность экономики способствуют росту безработицы среди старшего возраста. Спойлер данной работы – население старшего возраста получает конкурентные преимущества в неустойчивой экономике в условиях цифровизации.

Представленная статья включает следующие разделы: 1) Обзор литературы, 2) Методология и данные, 3) Результаты исследования, 4) Выводы. Первый раздел представляет обзор литературы в части результатов исследования рисков безработицы и влияния на нее цифровизации в зарубежных странах и в России. Во втором разделе представлены описательные статистики переменных, интегральный индикатор безработицы для стран ЕАЭС с 2016 по 2020 г., сформулированы используемые модели анализа панельных данных. Третий раздел содержит графический анализ тенденций безработицы и ее интегрального индикатора, обсуждение результатов оценивания моделей. И в заключение приведены выводы по результатам исследования.

Обзор литературы

Потенциал эффективной и последовательной реализации четвертой промышленной революции описан в публикации основателя и президента Всемирного экономического форума К. Шваба. Автор подчеркивает, что «создание единицы ценности с привлечением значительно меньшей рабочей силы, чем десять или пятнадцать лет назад, стало возможным благодаря минимальной стоимости цифрового бизнеса, которая стремится к нулю... некоторым компаниям, основанным на дизруптивных технологиях, для процветания почти не нужен капитал» [3. С. 13]. Одновременно К. Шваб указывает на быстрые темпы, большую широту, глубину и преобразование всех систем, на снижение доли труда в ВВП (в силу замены труда капиталом), растущее неравенство между теми, кто живет результатами собственного труда, и теми, кто владеет капиталом. Автор справедливо утверждает, что максимальные преимущества от введения инноваций достаются потребителю, а четвертая промышленная революция создает проблемы в основном на стороне предложения, в мире труда

и производства [3. С. 15]. Опираясь на рассуждения Дж. Кейнса, К. Шваб предполагает в краткосрочной перспективе технологическую безработицу, «поскольку открытие способов экономного использования труда опережает темпы выявления новых применений труда» [3. С. 32; 4], но и замена труда капиталом сопровождается ростом спроса на нововведения и созданием новых рабочих мест, компаний и отраслей. Анализируя 702 профессии, к такому же выводу приходят К. Б. Фрей и М. Осборн, отмечая рост поляризации в оплате умственного и ручного труда, сопровождаемый сокращением сегмента посередине [5]. В отчете Оксфордской экономической академии «Новая цифровая экономика. Как она трансформирует бизнес» сделан акцент на перемещение экономической мощи с Запада на Восток, экономическое замедление и риск безработицы в развитых странах, быстрый рост на развивающихся рынках с сопутствующим перегревом активов [6. С. 31]. Трансформирующая роль цифровизации описана в работах J. Christensen [7], H. De Groot, J. Poot, M. Smit [8. Pp. 256–281], G. Vial [9], Y. Gong, J. Yang, X. Shi [10]. К выводу о новых возможностях трудоустройства, новых профессиях в результате увеличения сложности производственных систем приходят Ваг с соавторами [11], Gualtieri с соавторами [12]. Отрицательные последствия цифровизации для общества: экономическая несправедливость, потенциальный рост безработицы, увеличение криминогенных факторов – исследованы в работах D. Coyle [13], E. Moretti, P. Thulin [14], R. Florida [15]. В работе R. Baldwin [16] подчеркнута, что распространение цифровой экономики повышает мобильность рабочей силы как внутри, так и между странами. Ching с соавторами [17] выполняют обзор более 80 зарубежных исследований проблем цифровизации и указывают на впечатляющий вклад теоретических исследований и явный недостаток эмпирических аргументов влияния цифровизации на экономику и социальную среду. Среди немногих эмпирических исследований – статья F. Bertani, M. Raberto, A. Teglio [18], в которой авторы для развитых стран мира обнаруживают значимую корреляцию между нематериальными инвестициями (включая информационные и коммуникационные технологии, программное обеспечение и базы данных) и общей факторной производительностью после финансового кризиса 2008 г., предсказывая технологическую безработицу в долгосрочной перспективе. В исследовании M. G. Mirgorodskaya, I. T. Rustamova, S. A. Grachev [19] на данных ежегодного сборника «Цифровая экономика» в России с 2015 по 2018 г. обнаружена значимая отрицательная корреляция между индикатором развития цифровой экономики и численностью безработных по уровням образования. Основываясь на больших репрезентативных панельных данных – согласованном ежемесячном текущем опросе домохозяйств в США с 2010 по 2017 г., – F. M. Fossen, A. Sorgner [20] обнаруживают гендерные различия в эффектах цифровизации на занятость в корпоративном и некорпоративном предпринимательстве, отсутствие взаимосвязи между риском цифровизации и потери работы и вступлением в корпоративное предпринимательство.

Отечественными исследователями в монографии «Механизмы российского рынка труда» [21] систематизированы теоретические концепции и эмпирические результаты моделирования занятости, мобильности, оплаты труда, взаимосвязи производительности и безработицы, сформулированы ключевые выводы о закономерностях на отечественном рынке труда. Авторы, используя межстрановые сравнения, обосновывают вывод о зрелости российского рынка труда: долгосрочная положительная зависимость заработной платы от производительности, отрицательная зависимость от безработицы, значимая коинтеграция между темпом роста ВВП и изменением безработицы, подтверждающая выполнение закона Оукена. В работе E. С. Вакуленко, E. Т. Гурвич [22] с помощью эконометрических спецификаций зарплатной кривой Филлипса доказана высокая гибкость реальной заработной платы по уровню безработицы, объясняющая адаптацию к шокам преимущественно за счет заработной платы, а не безработицы. Исследуя асимметрию на рынке труда, E. С. Вакуленко, E. Т. Гурвич [23] показывают, что связь «ВВП – безработица» усиливается в кризисные периоды и уменьшается вплоть до незначимой в периоды роста экономики, с учетом пространственного взаимодействия авторы обнаруживают эффект регионального буфера, или регионального поглощения асимметрии на рынке труда: регионы с более благополучной обстановкой смягчают кризисные шоки в соседних регионах. С. П. Земцов выполняет сравнение уровня потенциальной автоматизации занятости по странам мира и дает оценку, что 44,78 % занятых (20,2 млн человек) в России работают в профессиях, имеющих

высокую вероятность автоматизации [24. С. 9]. Позднее, исследуя процессы цифровой трансформации экономики, автор подчеркивает усиление рисков неустойчивой занятости, технологического исключения менее квалифицированной рабочей силы и дает оценки отраслей, наиболее подверженных автоматизации в России и мире: гостиничный и ресторанный бизнес (73 % занятых), обрабатывающие производства (60 %), сельское и лесное хозяйство (58 %), розничная торговля (53 %), добыча полезных ископаемых (51 %); наименее автоматизируемы: образование (27 %), информатизация и связь, научные исследования (35 %), здравоохранение (36 %) [25. С. 8–10]. По оценке Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [26], развитие цифровизации способно высвободить 12,5 млн занятых, что сократит разрыв по производительности труда между Россией и странами – технологическими лидерами. Корреляционно-регрессионный анализ между уровнем безработицы и факторами цифровизации выполнен в работе Е. В. Янченко [27], оценки низкого риска безработицы с помощью логистической модели подтверждают слабое воздействие указанных факторов на рынок труда. Вопросы риска безработицы в контексте возрастных групп населения эмпирически были исследованы Н. А. Ивановой и И. К. Бурмистровой [28]. Авторы относят молодежь до 20 лет к основной категории высокого риска безработицы по причине неопределенности и непрозрачности рынка труда для этой возрастной группы [28. С. 66], а население старших возрастных групп характеризуют меньшим риском. В работе О. П. Чекмарева, А. Л. Ильвеса, П. А. Конева [29] на основе кейнсианской модели макроэкономического равновесия и анализа потенциального воздействия санкций на российскую экономику сделан вывод о высокой вероятности проявления структурной безработицы и снижения эффективности труда на первом этапе структурной перестройки экономики и занятости населения. В исследовании Е. В. Дубровской, Е. В. Козоноговой [30] для проверки гипотезы о значимости расположения и соседства территорий для спроса на рабочую силу в условиях цифровизации экономики на примере выборки муниципальных образований Пермского края использованы методы пространственной эконометрики. Авторы обнаружили высокую пространственную неоднородность уровня регистрируемой безработицы, центры локализации и развития трудовых ресурсов, показали, что кластер муниципальных образований с наименьшими показателями регистрируемой безработицы расположен в центральной части анализируемого региона, а кластер территорий с наибольшими показателями зарегистрированного уровня безработицы – на его периферии. Также исследователи обнаружили, что в муниципальных образованиях с высоким уровнем регистрируемой безработицы коэффициент локализации востребованных специалистов в группе «Информационные технологии» не только стабильно больше единицы, но является самым высоким среди других групп профессий. Эти результаты могут быть прямым следствием нехватки компетентных специалистов в области информационно-коммуникационных технологий в периферийных регионах, что, наряду с миграционными процессами, приводит к высокой безработице. В научной литературе достаточно подробно описаны компенсационные механизмы новых цифровых технологий, снижающие их негативное влияние на занятость: снижение цен, инвестиции в рабочие места, увеличение доходов за счет роста производительности, создание рабочих мест за счет появления новых отраслей, продуктов и услуг. Их систематизация и ограничения для российского рынка выполнены С. П. Земцовым [24] и Н. Зубаревич [31].

Методы

Для графического анализа безработицы нами использованы относительные показатели структуры, характеризующие рынок труда в странах Евразийского экономического союза в 2020 г., из статистического сборника Евразийской экономической комиссии [32]: уровень безработицы; уровень зарегистрированной безработицы; доля численности безработных в возрасте 30–54 года; доля численности безработных, искавших работу более 12 месяцев; доля численности безработных, искавших работу менее трех месяцев; средняя продолжительность поиска работы, месяцев; доля численности безработной молодежи в возрасте 15–29 лет; доля трудоустроенных граждан; доля безработного населения с высшим образованием; численность безработных в возрасте 55 лет и более, %.

Кадочникова Е. И., Варламова Ю. А., Суючева Д. Т. Эффект воздействия цифровизации на безработицу среди населения старшего возраста...
Kadochnikova E. I., Varlamova, Yu. A., Suyucheva D. T. Effect of digitalization on unemployment among the elderly population in EAEU countries

Для характеристики уровня безработицы нами выполнена нормализация ее относительных показателей методом «минимакс» в диапазоне от 0 до 1 [33]:

$$Fn_{ij} = \frac{F_{ij} - F_{i \min}}{F_{i \max} - F_{i \min}},$$

где Fn_{ij} – нормализованное значение i -го показателя в j -й стране для данного года, $F_{i \min}$ – минимальное значение показателя среди исследуемых стран в данном году, $F_{i \max}$ – максимальное значение показателя среди исследуемых стран в данном году.

В нормализации использован показатель уровня зарегистрированной безработицы, поэтому не подвергся нормализации показатель уровня безработицы. Также не был нормализован показатель доли трудоустроенных граждан, поскольку он, напротив, измеряет снижение безработицы. Для стран с минимальными значениями показателей задано нормализованное значение 0,0001 вместо 0. Близость нормализованного значения к 1 означает более высокое значение показателя безработицы в данной стране относительно группы стран ЕАЭС, близость к 0, наоборот, означает более низкое значение показателя безработицы в данной стране относительно группы стран ЕАЭС.

Нормализованные значения показателей использованы нами для определения интегрального индикатора безработицы для стран ЕАЭС с 2016 по 2020 г.:

$$I = \sqrt[8]{\prod_{i=1}^8 Fn_i},$$

где Fn_i – нормализованное значение i -го показателя.

Для измерения влияния цифровизации на занятость работников с учетом их квалификации нами построены модели анализа панельных данных.

Панельные данные состоят из повторных наблюдений одних и тех же выборочных единиц, которые осуществляются в последовательные периоды времени [34, 35].

К однонаправленным моделям панельных данных относят:

– объединенную модель:

$$Y_{it} = \alpha + X_{it}\beta + \varepsilon_{it}; \quad (1)$$

– модель с фиксированными эффектами:

$$Y_{it} = \alpha_i + X_{it}\beta + \varepsilon_{it}, \alpha_i = z_i\alpha; \quad (2)$$

– модель со случайными эффектами:

$$Y_{it} = X_{it}\beta + \alpha + m_i + \varepsilon_{it}. \quad (3)$$

Объединенная модель предполагает, что у стран отсутствуют индивидуальные различия в безработице.

В модели с фиксированными эффектами моделируется эффект гетерогенности безработицы между странами. Параметр местоположения α_i независимо от времени измеряет изменение количества безработных в i -й стране под влиянием факторов, не включенных в модель. Оценки ее параметров тестируют с помощью обычных t - и F -тестов.

В модели со случайными эффектами моделируется эффект гетерогенности безработицы в странах путем введения неизменного во времени, но специфического для каждой страны слагаемого ошибки m_i , описывающего индивидуальные случайные различия безработицы в каждой стране.

Проблема выбора моделей решается путем тестирования гипотез. При выборе объединенной модели против модели с фиксированными эффектами тестируется нулевая гипотеза об отсутствии индивидуальных эффектов. Для проверки нулевой гипотезы используется тест Чоу. Определяется наблюдаемое значение F -критерия:

$$F = \frac{(SS_R - SS_{UR})/(N-1)}{SS_{UR}/(NT-N-K)}; F = \frac{R_1^2}{v_1} \div \frac{R_0^2}{v_2};$$
$$v_1 = N - 1; v_2 = NT - N - K;$$
$$F > F_{\alpha, v_1, v_2} \rightarrow H_1 : R_1^2 > R_0^2, \quad (4)$$

где SS_R – сумма квадратов остатков в объединенной модели; SS_{UR} – сумма квадратов остатков в модели с фиксированными эффектами; R_1^2 – коэффициент детерминации в модели с фиксированными эффектами; R_0^2 – коэффициент детерминации в объединенной модели; v_1, v_2 – число степеней свободы, $v_1 = N - 1, v_2 = NT - N - K$; N – количество панелей, T – периоды времени, K – количество параметров перед независимыми переменными.

Если вычисленное значение F -критерия окажется больше критического значения, $F > F(\alpha, N - 1, NT - N - K)$, для заданного уровня значимости, то можно отклонить нулевую гипотезу и принять альтернативную гипотезу о присутствии индивидуальных эффектов, т. е. сделать выбор в пользу модели с фиксированными эффектами.

При выборе модели с фиксированными эффектами против модели со случайными эффектами тестируется нулевая гипотеза об отсутствии корреляции между индивидуальными эффектами и регрессорами (наличие случайных эффектов). Для проверки нулевой гипотезы используется тест Хаусмана.

В исследовании нами составлено пять сбалансированных панелей по данным статистического сборника Евразийской экономической комиссии [15]. Для выявления влияния роста рисков и глобальной нестабильности на мировых и национальных рынках (на примере коронакризиса) на безработицу старшего возраста нами оценены модели отдельно для периодов 2016–2019 гг. и 2016–2020 гг.

В отборе факторов мы опирались на работы Е. В. Янченко [27], Н. А. Ивановой, И. К. Бурмистровой [28]. В исследовании [27] в числе факторов риска безработицы в условиях цифровизации автором использованы ВВП в текущих ценах; доля занятых в сельском хозяйстве; доля занятых в промышленности; доля занятых в сфере услуг; доля организаций, использовавших персональные компьютеры и Интернет; доля организаций, использовавших специальные программные средства; число средств мобильной связи. В работе [28] авторы оценивали влияние ВРП на душу населения; долю убыточных организаций; инвестиции в основной капитал на душу населения; инновационную активность организаций; среднемесячную номинальную заработную плату; коэффициент миграционного прироста; индекс цен производителей промышленных товаров.

Ввиду отсутствия данных о затратах на информационно-коммуникационные технологии и их использовании с 2016 по 2020 г. для отражения цифровизации в странах ЕАЭС нами использованы прокси-переменные:

- произведенная валовая добавленная стоимость (млн долл.) по виду деятельности «Информация и связь»;
- доля инвестиций (%) по виду деятельности «Информация и связь».

Наряду с показателем доли населения, использующего Интернет (%), они являются переменными интереса в данном исследовании.

В качестве контрольных переменных нами выбраны показатели, характеризующие социально-экономические факторы безработицы:

- среднемесячная номинальная заработная плата, долл.;
- индекс потребительских цен, % к предыдущему году;
- индекс цен производителей промышленной продукции, % к предыдущему году;
- индекс физического объема ВВП, % к предыдущему году.

Оценки моделей анализа панельных данных получены в программной среде *Gretl* с использованием робастных стандартных ошибок коэффициентов регрессии, устойчивых к гетероскедастичности.

Результаты и обсуждение

В соответствии с рекомендациями Международной организации труда безработные определяются как все лица обследуемого возраста, которые не были заняты, предпринимали действия в поисках работы в течение установленного недавнего периода и в настоящий момент готовы приступить к работе, если появится воз-

возможность трудоустройства. Описательные статистики относительных показателей безработицы в странах ЕАЭС в 2020 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описательные статистики относительных показателей безработицы в странах ЕАЭС в 2020 г.

Table 1. Descriptive statistics of relative indices of unemployment in EAEU countries in 2020

Показатели / Indices	Обозначение / Symbol	Среднее / Average	Медиана / Median	Мода / Mode	Стандартное отклонение / Standard deviation	Минимум / Minimum	Максимум / Maximum
Уровень безработицы, % / Level of unemployment, %	p1	7,7	5,8	5,8	5,9	4	18,2
Уровень зарегистрированной безработицы, % / Level of registered unemployment, %	p2	1,9	1,5	...	1,4	0,2	3,7
Численность безработных в возрасте 30–54 года, % / Number of unemployed aged 30–54 y.o., %	p3	54,2	53,3	...	7,3	45,3	65,0
Численность безработных, искавших работу более 12 месяцев, % / Number of unemployed seeking job over 12 months, %	p4	23,8	18,8	...	14,8	10,4	49,2
Численность безработных, искавших работу менее 3 месяцев, % / Number of unemployed seeking job less than 3 months, %	p5	22,4	26,3	...	8,3	12,1	30,9
Средняя продолжительность поиска работы, мес. / Average period of seeking job, months	p6	9	6	6	5	5	18
Численность безработной молодежи в возрасте 15–29 лет, % / Number of unemployed aged 15–29 y.o., %	p7	13	11	11	5	10	23
Трудоустроенные граждане, % / Employed citizens, %	p8	58	70	...	22	33	77
Безработные с высшим образованием, % / Unemployed with higher education, %	p9	25,8	24	...	7,4	17,2	36,9
Численность безработных в возрасте 55 лет и более, % / Number of unemployed aged over 55 y.o., %	p10	12,04	12,3	...	4,8	5,4	18,3

Источник: составлено авторами по материалам [32].

Source: compiled by the authors with the data of [32].

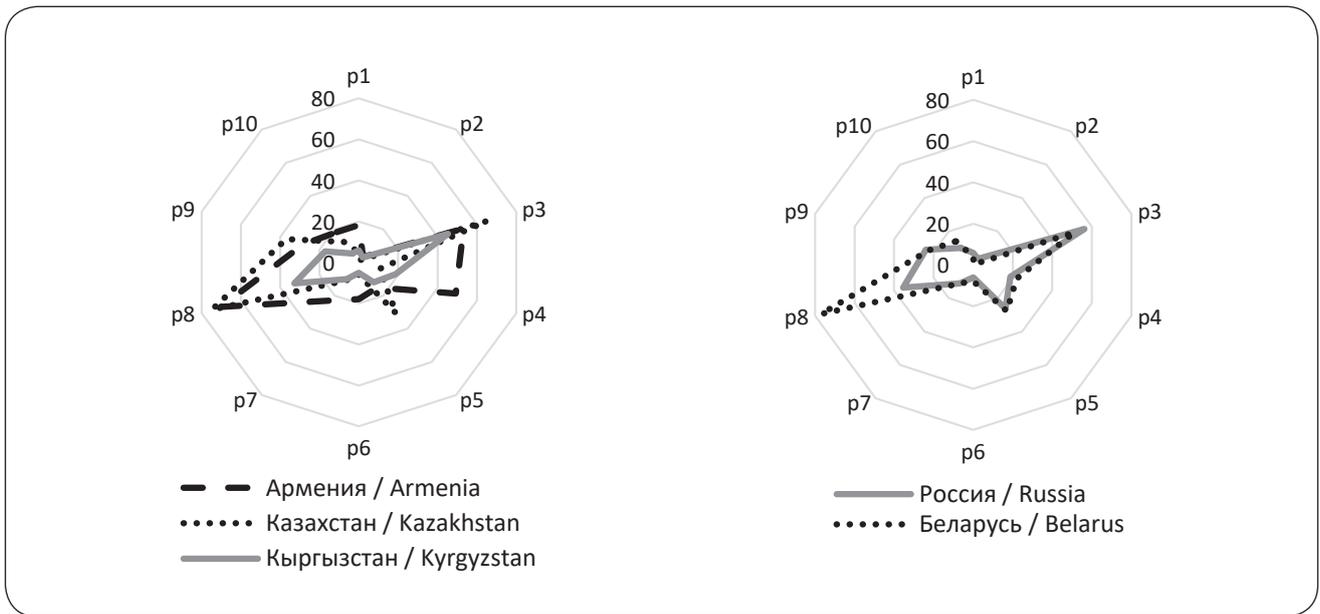

Рис. 1. Показатели безработицы в странах ЕАЭС в 2020 г.

Источник: составлено авторами по материалам [32].

Fig. 1. Indices of unemployment in EAEU countries in 2020

Source: compiled by the authors with the data of [32].

Лепестковые диаграммы демонстрируют синхронизацию показателей безработицы в странах ЕАЭС (рис. 1). В Беларуси наблюдается наименьший уровень зарегистрированной безработицы (0,2 %) и наибольшая доля трудоустроенных граждан (77 %). Наибольший уровень зарегистрированной безработицы (3,7 %) имеет Россия, а наименьшая доля трудоустроенных граждан (32,9 %) принадлежит Кыргызстану при наименьшей продолжительности поиска работы (пять месяцев). Наибольшая доля безработных старше 55 лет (18,3 %), безработных, искавших работу более 12 месяцев (49,2 %), принадлежит Армении, а менее трех месяцев – Казахстану (30,9 %). Наибольшая доля безработной молодежи в возрасте 15–29 лет принадлежит Армении (23 %), а безработных с высшим образованием – Казахстану (36,9 %).

Рисунок 2 отражает незначительное увеличение доли безработного населения в возрасте 55 лет и старше в 2020 г., в период коронакризиса. Наименьшая доля безработных в возрасте 55 лет и старше наблюдается в Кыргызстане (5,5 % в 2020 г.), наибольшая – в Армении (18,4 %).

На рис. 3 представлена динамика индекса произведенной добавленной стоимости и доли инвестиций по виду деятельности «Информация и связь».

Как видно из рис. 3, в 2020 г. в странах ЕАЭС, за исключением Казахстана, наблюдается снижение добавленной стоимости, произведенной видом деятельности «Информация и связь». В 2020 г. также сократилась доля инвестиций для вида деятельности «Информация и связь» в Армении, Беларуси и Кыргызстане.

Нормированные показатели отражают наиболее высокий уровень зарегистрированной безработицы и численность безработной молодежи в Кыргызстане, указывают, что по численности безработных в возрасте 30–54 года и по численности безработных с высшим образованием лидирует Казахстан, а наименьшую численность безработных с высшим образованием имеет Беларусь. Наиболее продолжительное время поиска работы и наибольшая численность безработных в возрасте 55 лет и более наблюдаются в Армении, наименее продолжительное – в Казахстане, а наименьшая численность безработных старшего возраста – в Кыргызстане (табл. 2).

Результаты вычисления интегрального индикатора безработицы в странах ЕАЭС представлены в табл. 3.

Кадочникова Е. И., Варламова Ю. А., Суючева Д. Т. Эффект воздействия цифровизации на безработицу среди населения старшего возраста...
 Kadochnikova E. I., Varlamova, Yu. A., Suyucheva D. T. Effect of digitalization on unemployment among the elderly population in EAEU countries

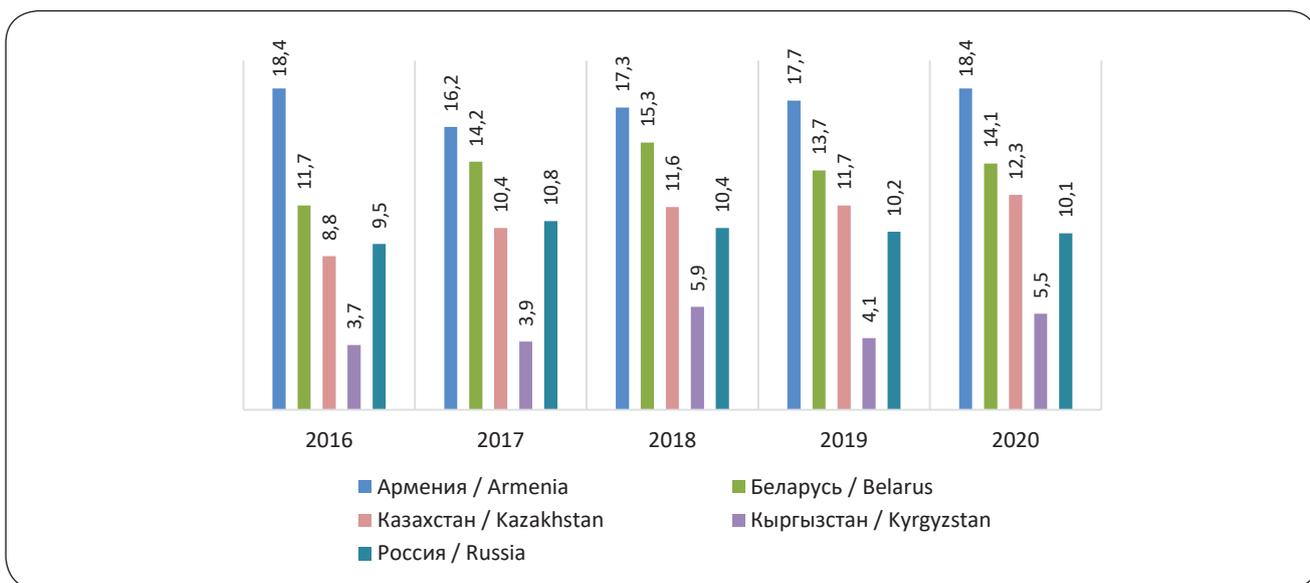

Рис. 2. Динамика доли безработных в возрасте 55 лет и старше в странах ЕАЭС

Источник: составлено авторами по материалам [32].

Fig. 2. Dynamics of the share of unemployed aged 55 y.o. and older in in EAEU countries

Source: compiled by the authors with the data of [32].

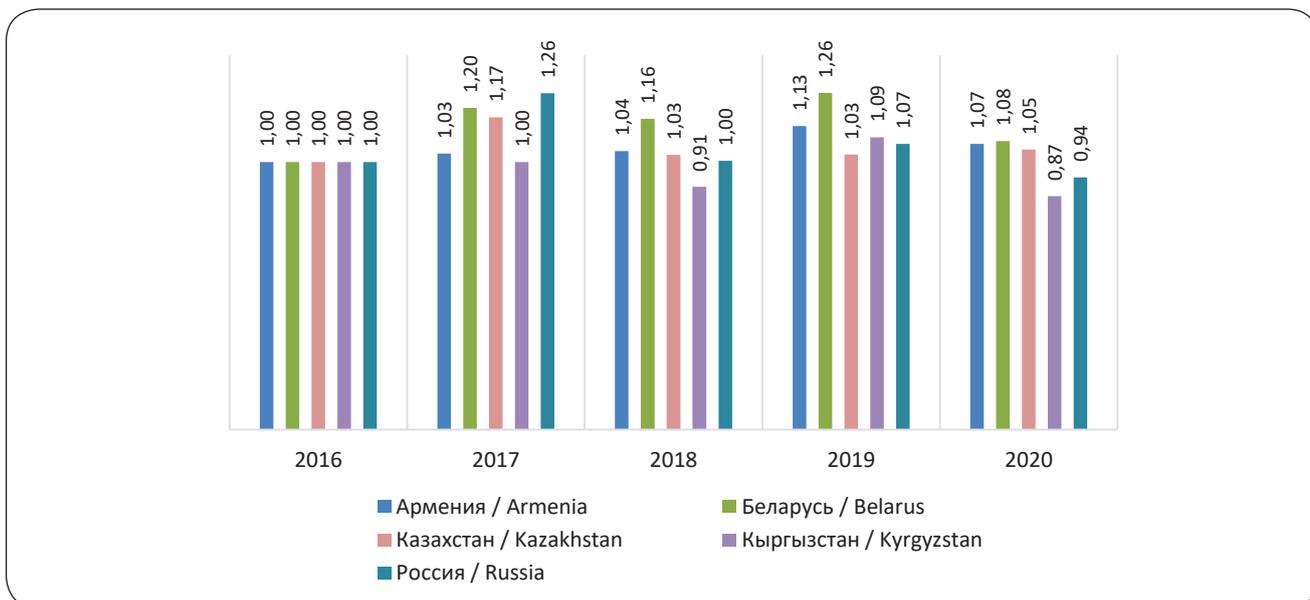

Рис. 3а. Динамика индекса произведенной добавленной стоимости по виду деятельности «Информация и связь» в странах ЕАЭС

Источник: составлено авторами по материалам [36].

Fig. 3a. Dynamics of the index of produced added value in the sphere of activity "Information and communication" in EAEU countries

Source: compiled by the authors with the data of [36].

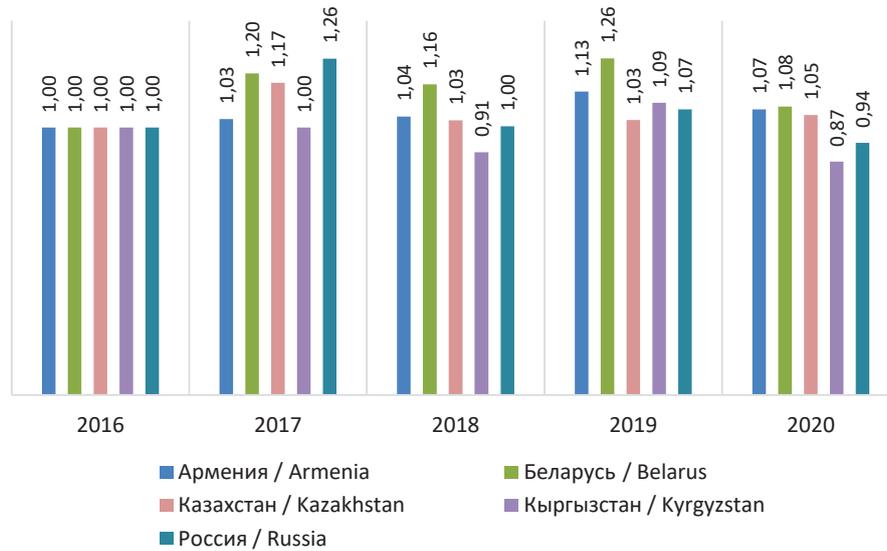

Рис. 3б. Динамика доли инвестиций по виду деятельности «Информация и связь» в странах ЕАЭС

Источник: составлено авторами по материалам [36].

Fig. 3b. Dynamics of the share of investment in the sphere of activity "Information and communication" in EAEU countries

Source: compiled by the authors with the data of [36].

Таблица 2

Нормированные показатели безработицы в странах ЕАЭС с 2016 по 2020 г.
 Table 2. Normalized indices of unemployment in EAEU countries from 2016 to 2020

Показатели / Indices	Год / Year	Армения / Armenia	Беларусь / Belarus	Казахстан / Kazakhstan	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Россия / Russia
Уровень зарегистрированной безработицы, % / Level of registered unemployment, %	2016	0,4444	0,2222	0,0001	1,0000	0,4444
	2017	0,3333	0,0001	0,1667	1,0000	0,2778
	2018	0,2800	0,0001	0,2800	1,0000	0,2400
	2019	0,2857	0,0001	0,3214	1,0000	0,2500
	2020	0,8857	0,0001	0,3714	0,8000	1,0000
Численность безработных в возрасте 30–54 года, % / Number of unemployed aged 30–54 y.o., %	2016	0,2917	0,5833	1,0000	0,0001	0,4167
	2017	0,2273	0,5455	1,0000	0,0001	0,3636
	2018	0,3913	0,5217	1,0000	0,0001	0,4348
	2019	0,4400	0,5600	1,0000	0,0001	0,5200
	2020	0,4061	0,2944	1,0000	0,0001	0,5533
Численность безработных, искавших работу более 12 месяцев, % / Number of unemployed seeking job over 12 months, %	2016	1,0000	0,1915	0,0001	0,4681	0,3830
	2017	1,0000	0,3333	0,0001	0,5556	0,4222
	2018	1,0000	0,3571	0,0001	0,5714	0,4524
	2019	1,0000	0,2564	0,0001	0,6154	0,3333
	2020	1,0000	0,2938	0,0001	0,2113	0,2165

Кадочникова Е. И., Варламова Ю. А., Суючева Д. Т. Эффект воздействия цифровизации на безработицу среди населения старшего возраста...
 Kadochnikova E. I., Varlamova, Yu. A., Suyucheva D. T. Effect of digitalization on unemployment among the elderly population in EAEU countries

Окончание табл. 2 / Continuation of Table 2

Показатели / Indices	Год / Year	Армения / Armenia	Беларусь / Belarus	Казахстан / Kazakhstan	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Россия / Russia
Численность безработных, искавших работу менее 3 месяцев, % / Number of unemployed seeking job less than 3 months, %	2016	0,0001	0,9000	1,0000	0,1000	0,4000
	2017	0,2000	0,4667	1,0000	0,0001	0,4000
	2018	0,2308	0,4615	1,0000	0,0001	0,3077
	2019	0,3333	1,0000	0,7500	0,0001	0,5000
	2020	0,1596	0,8298	1,0000	0,0001	0,7553
Средняя продолжительность поиска работы, мес. / Average period of seeking job, months	2016	1,0000	0,0714	0,0001	0,0714	0,0714
	2017	1,0000	0,1429	0,0001	0,0714	0,0714
	2018	1,0000	0,2308	0,0001	0,1538	0,0769
	2019	1,0000	0,1538	0,0001	0,1538	0,0769
	2020	1,0000	0,2308	0,0769	0,0001	0,0769
Численность безработной молодежи в возрасте 15–29 лет, % / Number of unemployed aged 15–29 y.o., %	2016	0,2759	0,2414	0,0001	1,0000	0,4828
	2017	0,3793	0,2069	0,0001	1,0000	0,4483
	2018	0,3103	0,2759	0,0001	1,0000	0,4828
	2019	0,2424	0,3030	0,0001	1,0000	0,4242
	2020	0,1923	0,4615	0,0001	1,0000	0,4231
Безработные с высшим образованием, % / Unemployed with higher education, %	2016	0,9603	0,0001	1,0000	0,0556	0,4048
	2017	1,0000	0,0001	0,7381	0,1587	0,2698
	2018	0,5588	0,0001	1,0000	0,2941	0,2157
	2019	0,6761	0,0001	1,0000	0,4366	0,3169
	2020	0,5606	0,2727	1,0000	0,0001	0,3434
Численность безработных в возрасте 55 лет и более, % / Number of unemployed aged over 55 y.o., %	2016	1,0000	0,5442	0,3469	0,0001	0,3946
	2017	1,0000	0,8374	0,5285	0,0001	0,5610
	2018	1,0000	0,8246	0,5000	0,0001	0,3947
	2019	1,0000	0,7059	0,5588	0,0001	0,4485
	2020	1,0000	0,6667	0,5271	0,0001	0,3566

Источник: составлено авторами по материалам [32].

Source: compiled by the authors with the data of [32].

Таблица 3

Интегральный индикатор безработицы в странах ЕАЭС с 2016 по 2020 г.
Table 3. Integral indicator of unemployment in EAEU countries from 2016 to 2020

Страна / Country	Год / Year				
	2016	2017	2018	2019	2020
Армения / Armenia	0,207	0,525	0,507	0,537	0,530
Беларусь / Belarus	0,110	0,046	0,051	0,051	0,139
Казахстан / Kazakhstan	0,009	0,022	0,025	0,025	0,059
Кыргызстан / Kyrgyzstan	0,034	0,017	0,020	0,021	0,003
Россия / Russia	0,334	0,309	0,287	0,316	0,371

Источник: составлено авторами по материалам [32].

Source: compiled by the authors with the data of [32].

Таблица 3 демонстрирует наиболее высокие значения интегрального индикатора безработицы для Армении и России.

Принимая во внимание шоковое структурное изменение экономической ситуации в 2020 г. вследствие пандемии, мы оценили модели панельных данных с 2016 по 2019 г. (табл. 4). Согласно тесту Фишера для сравнения качества подгонки модели с фиксированными эффектами и объединенной модели, для зависимой переменной – интегральный индикатор безработицы, предпочтение отдается модели с фиксированными эффектами, а для регрессанта – численность безработных в возрасте 55 лет и более – объединенной модели. Тест Хаусмана с вероятностью 99 % подтверждает нулевую гипотезу о состоятельности оценок модели со случайными эффектами для численности безработных в возрасте 55 лет и более.

Таблица 4

Результаты оценивания моделей анализа панельных данных о безработице населения старшего возраста в странах ЕАЭС с 2016 по 2019 г.

Table 4. Results of estimation the panel data analysis models on the elderly people unemployment in EAEU countries from 2016 to 2019

Регрессоры / Regressors	Зависимая переменная – интегральный индикатор безработицы / Dependent variable – integral indicator of unemployment			Зависимая переменная – численность безработных в возрасте 55 лет и более / Dependent variable – number of unemployed aged over 55 y.o.		
	Объединенная модель / Pooled model	FE-модель / FE-model	RE-модель / RE-model	Объединенная модель / Pooled model	FE-модель / FE-model	RE-модель / RE-model
Константа / Constant	-4,645 (2,447)	-3,820*** (1,005)	-4,008*** (0,850)	27,371 (42,451)	71,605*** (12,304)	66,535*** (13,465)
ВДС (Информация и связь), млн долл. / GVA (Information and communication), \$ mln	3,156e-0,5*** (6,506e-0,6)	1,990e-0,6 (6,074e-0,6)	6,433e-0,6 (4,664e-0,6)	0,001 (0,000)	-0,000 (0,000)	-0,001 (0,000)
Инвестиции (Информация и связь), % / Investment (Information and communication), %	0,077 (0,039)	0,005 (0,024)	0,002 (0,021)	1,442* (0,626)	-0,116 (0,380)	-0,190 (0,384)
Доля населения, использующего Интернет, % / Share of the population using the Internet, %	0,028** (0,008)	-0,003 (0,007)	-0,000 (0,003)	0,583** (0,143)	-0,342 (0,181)	-0,265 (0,125)
Среднемес. номин. заработная плата, долл. / Average nominal monthly wages, \$	-0,004** (0,001)	-0,001 (0,001)	-0,000** (0,000)	-0,050* (0,021)	0,032 (0,017)	0,027* (0,015)
Индекс потребительских цен, % к пред. году / Index of consumer prices, % to previous year	-0,006 (0,014)	0,014* (0,007)	0,014** (0,007)	-0,560 (0,287)	-0,310** (0,092)	-0,302*** (0,100)
Индекс цен производителей промышленной продукции, % к пред. году / Index of industrial production prices, % to previous year	-0,005 (0,005)	-0,004** (0,001)	-0,004*** (0,001)	-0,031 (0,087)	-0,060 (0,034)	-0,048 (0,025)
Индекс физического объема ВВП, % к пред. году / Index of GDP physical volume, % to previous year	0,054*** (0,010)	0,032*** (0,009)	0,032*** (0,009)	0,230 (0,155)	-0,091 (0,132)	-0,093 (0,138)

Кадочникова Е. И., Варламова Ю. А., Суючева Д. Т. Эффект воздействия цифровизации на безработицу среди населения старшего возраста...
 Kadochnikova E. I., Varlamova, Yu. A., Suyucheva D. T. Effect of digitalization on unemployment among the elderly population in EAEU countries

Окончание табл. 4 / Continuation of Table 4

Регрессоры / Regressors	Зависимая переменная – интегральный индикатор безработицы / Dependent variable – integral indicator of unemployment			Зависимая переменная – численность безработных в возрасте 55 лет и более / Dependent variable – number of unemployed aged over 55 y.o.		
	Объединенная модель / Pooled model	FE-модель / FE-model	RE-модель / RE-model	Объединенная модель / Pooled model	FE-модель / FE-model	RE-модель / RE-model
Коэффициент детерминации, R^2 / Coefficient of determination, R^2	0,775	0,981	...	0,867	0,987	...
p -значение (тест Хаусмана) / p-value (Hausman test)	4,705e-214	0,474
n , количество наблюдений / n, number of observations	20	20	20	20	20	20

Примечание: ***, **, * – значимость на уровне 1; 5 и 10 % соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки параметров.
Note: ***, **, * – significance at 1; 5 and 10 % respectively. Standard errors of the parameters are given in brackets.

Источник: составлено авторами по материалам [32, 36].
Source: compiled by the authors with the data of [32, 36].

Выбранные тестами модели для панелей с 2016 по 2019 г. не обнаруживают статистически значимое влияние валовой добавленной стоимости, произведенной видом деятельности «Информация и связь», на численность безработных, независимо от возраста. Модель со случайными эффектами до пандемии не обнаружила статистически значимого влияния доли населения, использующего Интернет, на безработицу старшего возраста, в силу недостаточно широкого распространения удаленного формата заработка. Статистически значимое отрицательное влияние инфляции издержек и инфляции спроса на численность безработных старшего возраста можно объяснить их снижающейся траекторией зарплат [37], что привлекает работодателей, и в том числе на предприятиях с высоким уровнем цифровизации. Увеличение численности безработных старшего возраста под влиянием роста среднемесячной номинальной заработной платы может также свидетельствовать о возможном несоответствии их квалификации требованиям работодателя и несовпадении интересов при оплате труда.

Результаты оценивания моделей панельных данных с 2016 по 2020 г. представлены в табл. 5. Согласно тесту Фишера для сравнения качества подгонки модели с фиксированными эффектами и объединенной модели с вероятностью 90 % предпочтение отдается модели с фиксированными эффектами. Тест Хаусмана отклоняет нулевую гипотезу о состоятельности оценок модели со случайными эффектами.

Как видно из табл. 5, модели с фиксированными эффектами обнаруживают отрицательное влияние валовой добавленной стоимости вида деятельности «Информация и связь» как на интегральный индикатор безработицы, так и на численность безработных в возрасте 55 лет и старше. Привлекает внимание то, что в среднесрочной перспективе модель с фиксированными эффектами предсказывает отрицательное влияние доли населения, использующего Интернет, на численность безработных в возрасте 55 лет и старше. Возможно, это сигнализирует об увеличении цифровой грамотности этой группы населения и расширении удаленного формата заработка благодаря обучению навыкам информационно-коммуникационных технологий, не требующих высокой квалификации в области программирования. Отрицательное влияние индекса физического объема ВВП на численность безработных старшего возраста согласуется с экономической логикой: рост выпуска сопряжен с созданием новых рабочих мест. Так же, как и в периоды до коронакризиса, модели обнаружили отрицательное влияние инфляции на безработицу старшего возраста и ее увеличение под влиянием роста заработной платы.

Таблица 5

Результаты оценивания моделей анализа панельных данных о безработице населения старшего возраста в странах ЕАЭС с 2016 по 2020 г.

Table 5. Results of estimation the panel data analysis models on the elderly people unemployment in EAEU countries from 2016 to 2020

Регрессоры / Regressors	Зависимая переменная – интегральный индикатор безработицы / Dependent variable – integral indicator of unemployment			Зависимая переменная – численность безработных в возрасте 55 лет и более / Dependent variable – number of unemployed aged over 55 y.o.		
	Объединенная модель / Pooled model	FE-модель / FE-model	RE-модель / RE-model	Объединенная модель / Pooled model	FE-модель / FE-model	RE-модель / RE-model
Константа / Constant	3,981 (1,96)	-2,152 (2,284)	-1,609 (2,044)	78,481 (38,933)	55,052** (12,262)	51,468*** (15,001)
ВДС (Информация и связь), млн долл. / GVA (Information and communication), \$ mln	1,965e-05* (7,757)	-6,411e-07 (1,846e-05)	1,091e-06 (1,539e-05)	3,351e-05 (8,803e-05)	-0,001** (0,001)	-0,001*** (7,714e-05)
Инвестиции (Информация и связь), % / Investment (Information and communication), %	0,029 (0,041)	-0,045 (0,044)	-0,039 (0,040)	1,046* (0,421)	0,070 (0,196)	0,017 (0,251)
Доля населения, использующего Интернет, % / Share of the population using the Internet, %	0,019*** (0,002)	0,009 (0,006)	0,006 (0,007)	0,496*** (0,089)	-0,222** (0,078)	-0,176*** (0,048)
Среднемес. номин. заработная плата, долл. / Average nominal monthly wages, \$	-0,002** (0,001)	-0,001 (0,001)	-9,859e-05 (0,001)	-0,039* (0,015)	0,031* (0,011)	0,026*** (0,008)
Индекс потребительских цен, % к пред. году / Index of consumer prices, % to previous year	-0,002 (0,005)	-0,002 (0,001)	-0,002 (0,001)	0,038 (0,044)	-0,020 (0,019)	-0,014 (0,019)
Индекс цен производителей промышленной продукции, % к пред. году / Index of industrial production prices, % to previous year	-0,004 (0,005)	0,004 (0,004)	0,002 (0,005)	-0,122 (0,111)	-0,116* (0,042)	-0,109*** (0,036)
Индекс физического объема ВВП, % к пред. году / Index of GDP physical volume, % to previous year	-0,032* (0,012)	0,016 (0,017)	0,013 (0,017)	-0,745** (0,261)	-0,240* (0,100)	-0,234** (0,103)
Коэффициент детерминации, R ² / Coefficient of determination, R ²	0,475	0,929	...	0,787	0,984	...
p-значение (тест Хаусмана) / p-value (Hausman test)	1,254e-49	1,294e-131
n, количество наблюдений / n, number of observations	25	25	25	25	25	25

Примечание: ***, **, * – значимость на уровне 1; 5 и 10 % соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки параметров.

Note: ***, **, * – significance at 1; 5 and 10 % respectively. Standard errors of the parameters are given in brackets.

Источник: составлено авторами по материалам [32, 36].

Source: compiled by the authors with the data of [32, 36].

Выводы

Выполненное исследование позволило сформулировать ряд выводов.

Показатели безработицы в странах ЕАЭС синхронизированы, что объясняется закономерностями развития переходных экономик. Сравнительный анализ динамики показателей безработицы стран ЕАЭС выявил наиболее напряженную ситуацию на рынке труда Армении, а наиболее стабильную – в Казахстане, незначительное увеличение доли безработных в возрасте 55 лет и старше во всех странах, кроме России. В период коронакризиса, в 2020 г., в странах ЕАЭС, за исключением Казахстана, наблюдается снижение добавленной стоимости, произведенной видом деятельности «Информация и связь», также сократилась доля инвестиций для вида деятельности «Информация и связь» в Армении, Беларуси и Кыргызстане.

Увеличение валовой добавленной стоимости, произведенной в странах ЕАЭС видом деятельности «Информация и связь», за период с 2016 по 2019 г. не предсказывает статистически значимого снижения как интегрального индекса безработицы, так и численности безработных старшего возраста.

Обнаруженное моделью снижение интегрального индикатора безработицы и численность безработных в возрасте 55 лет и старше под влиянием валовой добавленной стоимости вида деятельности «Информация и связь» не подтверждает гипотезу исследования. Период пандемии изменил характер влияния цифровизации на безработицу старшего возраста в странах ЕАЭС. Цифровизация создала возможности адаптации населения старшего возраста к рискам потери занятости. Снижение безработицы старшего возраста под влиянием доли населения, использующего Интернет, может говорить о повышении цифровой грамотности и расширении удаленного формата заработка в этой группе населения, привлекательной для работодателя за счет возможности выполнения однотипных цифровых операций и снижающейся траектории зарплат. Положительное влияние среднемесячной номинальной заработной платы на численность безработных старшего возраста может сигнализировать о возможном несоответствии их квалификации требованиям работодателя и несовпадении интересов при оплате труда.

В условиях новых экономических вызовов и стагнации экономики в краткосрочной перспективе можно ожидать сокращения рабочих мест и роста безработицы, в том числе и среди населения старшего возраста. Способствуя экономии издержек и созданию рабочих мест, укрупнению и сетевизации экономики, цифровизация трансформирует квалификационные требования к работникам, способствуя накоплению человеческого капитала и новым возможностям роста экономики.

С практической стороны результаты статьи могут быть использованы как аргумент в пользу занятости населения старшего возраста. Главные конкурентные преимущества этой группы населения: снижающаяся траектория заработка и производительное выполнение упрощенных цифровых процедур в роли дополнения к молодым работникам – в условиях политики «долголетия трудовой деятельности» являются гарантиями их занятости.

Список литературы

1. Пандемия изменила структуру затрат на цифровую экономику. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 30.11.2021. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/535427482.pdf> (дата обращения: 11.07.2022).
2. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник. Москва: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2022. 124 с.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2016.
4. Keynes J. Economic opportunities for our grandchildren. Harcourt Brace, 1931.
5. Frey Carl Benedikt, Osborne Michael A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? Oxford Martin School and Citi. 2013. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (дата обращения: 11.07.2022).
6. The New Digital Economy. How it will transform business. Pwc. URL: <https://www.pwc.com/cl/es/publicaciones/assets/the-new-digital-economy.pdf> (дата обращения: 11.07.2022).
7. Christensen J. The Industrial dynamics of the new digital economy. Edward Elgar Publishing Ltd, 2003. 271 p.
8. Agglomeration externalities, innovation and regional growth: theoretical perspectives and meta-analysis / H. De Groot, J. Poot, M. Smit // Handbook of Regional Growth and Development Theories / Capello R. (Ed). Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2009. 529 p.
9. Vial G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. № 2. Pp. 118–144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>

10. Towards a comprehensive understanding of digital transformation in government: Analysis of flexibility and enterprise architecture / Y. Gong, J. Yang, X. Shi // *Government Information Quarterly*. 2020. № 37 (3). P. 101487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101487>
11. Industry 4.0 adoption and 10R advance manufacturing capabilities for sustainable development / S. Bag, S. Gupta, S. Kumar // *Int. J. Prod. Econ.* 2020. № 231. P. 107844. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2020.107844>
12. Design of human-centered collaborative assembly workstations for the improvement of operators' physical ergonomics and production efficiency: a case study / L. Gualtieri, I. Palomba, F. A. Merati, E. Rauch, R. Vidoni // *Sustainability*. 2020. № 12 (9). DOI: <https://doi.org/10.3390/su12093606>
13. Coyle D. *The Weightless World: Strategies for Managing the Digital Economy*. MIT Press, 1999. 250 p.
14. Moretti E., Thulin P. Local multipliers and human capital in the united states and Sweden // *Industrial and Corporate Change*. 2013. № 22 (1). Pp. 339–362. DOI: <https://doi.org/10.1093/icc/dts051>
15. Florida R. *The New Urban Crisis: Gentrification, Housing Bubbles, Growing Inequality*. New York, 2017.
16. Baldwin R. *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016.
17. Industry 4.0 applications for sustainable manufacturing: A systematic literature review and a roadmap to sustainable development / N. T. Ching, M. Ghobakhloo, M. Iranmanesh, P. Maroufkhani, Sh. Asadi // *Journal of Cleaner Production*. 2022. Vol. 334. P. 130133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.130133>
18. The productivity and unemployment effects of the digital transformation: an empirical and modelling assessment / F. Bertani, M. Raberto, A. Teglio // *Review of Evolutionary Political Economy*. 2020. Vol. 1. Pp. 329–355. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43253-020-00022-3>
19. Digitalization of Economy as the Economic Growth and Unemployment Risk Decrease Factor / M. G. Mirgorodskaya, I. T. Rustamova, S. A. Grachev // *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference «Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth» (MTDE 2020)*. Atlantis Press SARL, 2020. Pp. 661–666. DOI: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200502.107>
20. Fossen Frank M., Sorgner A. Digitalization of work and entry into entrepreneurship // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 125. Pp. 548–563. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.019>
21. Механизмы российского рынка труда / под ред. Е. Т. Гурвича, Е. С. Вакуленко. Москва: Изд. дом «Дело», РАНХиГС, 2016. 560 с.
22. Вакуленко Е. С., Гурвич Е. Т. Гибкость реальной заработной платы в России: сравнительный анализ // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2016. № 3 (31). С. 67–92.
23. Вакуленко Е. С., Гурвич Е. Т. Моделирование механизмов российского рынка труда // *Вопросы экономики*. 2015. № 11. С. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-5-29>
24. Земцов С. П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // *Вопросы экономики*. 2017. № 7. С. 142–157. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-142-157>
25. Земцов С. П. Цифровая экономика, риски автоматизации и структурные сдвиги в занятости в России // *Социально-трудовые исследования*. 2019. № 3 (36). С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-36-3-6-17>
26. ЦМАКП. Развитие цифровой экосистемы: прямые и косвенные эффекты для экономики. Москва, 2018. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf (дата обращения: 11.07.2022).
27. Янченко Е. В. Риски безработицы в условиях цифровизации экономики // *Экономика труда*. 2020. Т. 7, № 8. С. 677–692. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.7.8.110729>
28. Иванова Н. А., Бурмистрова И. К. Моделирование межрегиональных различий риска безработицы в условиях экономической рецессии // *Экономические науки*. 2016. № 134. С. 62–68.
29. Потенциал занятости и безработицы в России в условиях санкций 2022 года / О. П. Чекмарев, А. Л. Ильвес, П. А. Конев // *Экономика труда*. 2022. Т. 9, № 4. С. 765–780. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.9.4.114599>
30. Dubrovskaya J. V., Kozonogova E. V. The impact of digitalization on the demand for labor in the context of working specialties: Spatial analysis // *Вестник СПбГУ. Экономика*. 2021. Т. 37, № 3. С. 395–412. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.302>
31. Зубаревич Н. Региональная проекция нового российского кризиса // *Вопросы экономики*. 2015. № 4. С. 37–52. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-4-37-52>
32. Рынок труда. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2021. 172 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/LabourMarketYearbook2016-2020.pdf. (дата обращения: 11.07.2022).
33. Виноградов И. М. *Математическая энциклопедия*. Москва: Советская энциклопедия, 1977.
34. Wooldridge J. M. *Introductory Econometrics. A modern approach*. 5th edition. Michigan State University: South-Western Cengage Learning, 2013. 909 p.

35. Сток Д., Уотсон М. Введение в эконометрику / пер. с англ. ; под науч. ред. М. Ю. Турунцевой. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 864 с.

36. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2021. 460 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2021.pdf (дата обращения: 11.07.2022).

37. Гимпельсон В. Е., Зинченко Д. И. Цена возраста: заработная плата работников в старших возрастах // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 35–62. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-35-62>

References

1. ISIEZ NIU VShE. (2021, November, 30). *Pandemics has changed the structure of expenses for digital economy*. (in Russ.). <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/535427482.pdf>
2. ISIEZ NIU VShE. (2022). *Digital economy 2022: brief statistical book*. (in Russ.).
3. Shvab, K. (2016). *The fourth industrial revolution*. Moscow, Eksmo (in Russ.).
4. Keynes, J. (1931). *Economic opportunities for our grandchildren*. Harcourt Brace.
5. Frey, Carl Benedikt, Osborne, Michael A. (2013). *The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation?* Oxford Martin School and Citi. https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf
6. The New Digital Economy. How it will transform business. *Oxford Economics*. <https://www.pwc.com/cl/es/publicaciones/assets/the-new-digital-economy.pdf>
7. Christensen, J. (2003). *The Industrial dynamics of the new digital economy*. Edward Elgar Publishing Ltd.
8. De Groot, H., Poot, J., Smit, M. (2009). Agglomeration externalities, innovation and regional growth: theoretical perspectives and meta-analysis. In R. Capello (Ed.), *Handbook of Regional Growth and Development Theories*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited.
9. Vial, G. (2019). Understanding digital transformation: A review and a research agenda, *The Journal of Strategic Information Systems*, 2, 118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
10. Gong, Y., Yang, J., Shi, X. (2020). Towards a comprehensive understanding of digital transformation in government: Analysis of flexibility and enterprise architecture. *Government Information Quarterly*, 37 (3), 101487. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101487>
11. Bag, S., Gupta, S., Kumar, S. (2020). Industry 4.0 adoption and 10R advance manufacturing capabilities for sustainable development. *Int. J. Prod. Econ.*, 231, 107844. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2020.107844>
12. Gualtieri, L., Palomba, I., Merati, F. A., Rauch, E., Vidoni, R. (2020). Design of human-centered collaborative assembly workstations for the improvement of operators' physical ergonomics and production efficiency: a case study. *Sustainability*, 12 (9). <https://doi.org/10.3390/su12093606>
13. Coyle, D. (1999). *The Weightless World: Strategies for Managing the Digital Economy*. MIT Press.
14. Moretti, E., Thulin, P. (2013). Local multipliers and human capital in the united states and Sweden. *Industrial and Corporate Change*, 22 (1), 339–362. <https://doi.org/10.1093/icc/dts051>
15. Florida, R. (2017). *The New Urban Crisis: Gentrification, Housing Bubbles, Growing Inequality*. New York.
16. Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, MA.
17. Ching, N. T., Ghobakhloo, M., Iranmanesh, M., Maroufkhani, P., Asadi, Sh. (2022). Industry 4.0 applications for sustainable manufacturing: A systematic literature review and a roadmap to sustainable development. *Journal of Cleaner Production*, 334, 130133. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.130133>
18. Bertani, F., Raberto, M., Teglio, A. (2020). The productivity and unemployment effects of the digital transformation: an empirical and modelling assessment. *Review of Evolutionary Political Economy*, 1, 329–355. <https://doi.org/10.1007/s43253-020-00022-3>
19. Mirgorodskaya, M. G., Rustamova, I. T., Grachev, S. A. (2020). Digitalization of Economy as the Economic Growth and Unemployment Risk Decrease Factor. In *Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference «Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth» (MTDE 2020)* (pp. 661–666). Atlantis Press SARL. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200502.107>
20. Fossen, Frank M., Sorgner, A. (2022). Digitalization of work and entry into entrepreneurship. *Journal of Business Research*, 125 (C), 548–563. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.019>
21. Gurvich, E. T., Vakulenko, E. S. (Eds.). (2016). *Mechanisms of the Russian labor market*. Moscow, Izd. dom “Delo”, RANKhiGS (in Russ.).
22. Vakulenko, E. S., Gurvich, E. T. (2016). Real Wage Flexibility in Russia: Comparative Analysis. *Journal of the New Economic Association*, 3 (31), 67–92 (in Russ.).

23. Vakulenko, E. S., Gurvich, E. T. (2015). Modeling the Mechanisms of Russian Labour Market. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 1–25 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-5-29>
24. Zemtsov, S. P. (2017). Robots and potential technological unemployment in the Russian regions: review and preliminary results. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 142–157 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-142-157>
25. Zemtsov, S. P. (2019). Digital economy, risks of automation and structural changes in employment in Russia. *Social & Labor Researches*, 3 (36), 6–17 (in Russ.). <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-36-3-6-17>
26. TsМАКР. (2018). *Developing a digital ecosystem: direct and indirect effects for economy* (in Russ.). http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf
27. Yanchenko, E. V. (2020). Unemployment risks in the context of digitalization of the economy. *Russian Journal of Labor Economics*, 7 (8), 677–692 (in Russ.). <https://doi.org/10.18334/et.7.8.110729>
28. Ivanova, N. A., Burmistrova, I. K. (2016). Modeling interregional differences of unemployment risk under economic recession. *Economic sciences*, 134, 62–68 (in Russ.).
29. Chekmarev, O. P., Ilves, A. L., Konev, P. A. (2022). The potential of employment and unemployment in Russia under the sanctions of 2022. *Russian Journal of Labor economics*, 9 (4), 765–780 (in Russ.). <https://doi.org/10.18334/et.9.4.114599>
30. Dubrovskaya, J. V., Kozonogova, E. V. (2021). The impact of digitalization on the demand for labor in the context of working specialties: Spatial analysis. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 37 (3), 395–412. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.302>
31. Zubarevich, N. (2015). Regional Dimension of the New Russian Crisis. *Voprosy Ekonomiki*, 4, 37–52 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-4-37-52>
32. Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. (2021). *Labor market. Statistics of the Eurasian Economic Union*. (in Russ.). http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/LabourMarketYearbook2016-2020.pdf
33. Vinogradov, I. M. (1977). *Mathematical encyclopedia*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya (in Russ.).
34. Wooldridge, J. M. (2013). *Introductory Econometrics. A modern approach* (5th ed.). Michigan State University, South-Western Cengage Learning.
35. Stok, D., Uotson, M. (2015). *Introduction to Econometrics*. (M. Yu. Turuntseva, Trans.). Moscow, Izd. dom “Delo” RANKhiGS (in Russ.).
36. Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. (2021). *Statistical yearbook of the Eurasian Economic Union*. Moscow (in Russ.). http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2021.pdf
37. Gimpelson, V. E., Zinchenko, D. I. (2019). “Cost of getting older”: Wages of older age workers. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 35–62 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-35-62>

Вклад авторов

Е. И. Кадочникова является главным исследователем, проводившим исследование, координировавшим его, подготовила рукопись.

Ю. А. Варламова сформулировала вопросы исследования, проводила обзор литературы, расчеты модели и интерпретировала результаты.

Д. Т. Суючева осуществляла статистический анализ.

The author's contribution

E. I. Kadochnikova is the main researcher who carried out the research, coordinated it, and prepared the manuscript.

Yu. A. Varlamova formulated the research questions, performed the literature review and the model calculation, and interpreted the results.

D. T. Suyucheva performed the statistical analysis.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 15.07.2022

Дата принятия в печать / Accepted 20.08.2022

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

Редактор рубрики *Т. В. Крамин* / Rubric editor *T. V. Kramin*

Научная статья
УДК 338.2:339.9(470+571)
JEL: F51, H12

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.503-534>

Г. Т. ГАФУРОВА¹,
И. Н. БОНДАРЕНКО¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

УРОКИ САНКЦИЙ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ

Контактное лицо:

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: gafurova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2810-3656>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-8923-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2632-8102, AuthorID: 616682

Бондаренко Иван Николаевич, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: BondarenkoIN@ieml.ru

Аннотация

Цель: определение путей развития российской экономики в условиях санкционного давления.

Методы: при написании работы использовались такие методы научного познания, как абстрактно-логический, исторический метод, анализ и синтез.

Результаты: проблема санкционного давления на экономику России не является новой. Однако масштабы экономического давления на страну в 2022 г. свидетельствуют о том, что настало время для коренной перестройки экономической системы. В работе проанализирован опыт выхода России из кризиса, связанного с последствиями введения санкций в 2014 г., в результате чего сформулированы выводы о неоднозначности предпринятых мер по созданию условий формирования финансовой и экономической независимости страны. Значительная часть заявленных целей так и не была достигнута, о чем свидетельствуют полученные авторами данные о зависимости российской экономики от импорта ключевых товаров. Систематизированы ключевые направления санкций по отношению к экономике России, определены наиболее уязвимые отрасли, а также определены некоторые направления выявленных проблем.

© Гафурова Г. Т., Бондаренко И. Н., 2022

© Gafurova G. T., Bondarenko I. N., 2022

Научная новизна: дана критическая оценка готовности экономики России к санкциям, введенным рядом стран, а также разработаны мероприятия по снижению их влияния на российскую экономику.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть полезными при разработке направлений экономической политики и концентрации внимания на тех отраслях, проблемы которых обнажились в условиях санкционной войны 2022 г.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, экономическое развитие, санкции, экономический кризис, импортозамещение, государственное регулирование экономики

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Гафурова Г. Т., Бондаренко И. Н. Уроки санкций для устойчивого экономического будущего России // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 503–534. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.503-534>

The scientific article

G. T. GAFUROVA¹,

I. N. BONDARENKO¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

LESSONS OF SANCTIONS FOR SUSTAINABLE ECONOMIC FUTURE OF RUSSIA

Contact:

Gulnara T. Gafurova, PhD (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: gafurova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2810-3656>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-8923-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2632-8102, AuthorID: 616682

Ivan N. Bondarenko, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: BondarenkoIN@ieml.ru

Abstract

Objective: to determine the ways of the Russian economy development under the pressure of sanctions.

Methods: when writing the work, such methods of scientific cognition were used as abstract-logical, historical method, analysis and synthesis.

Results: the problem of sanctions pressure on the Russian economy is not new. However, the volume of economic pressure on the country in 2022 indicates that the time has come for a radical restructuring of the economic system. The paper analyzes the Russia’s experience of overcoming the crisis associated with the consequences of sanctions in 2014; conclusions are formulated about the ambiguity of the measures taken to create conditions for the formation of financial and economic independence of the country. A significant part of the stated goals was not achieved, as evidenced by the data, obtained by the authors, on the Russian economy’s dependence on imports of main products. The key areas of sanctions against the Russian economy are systematized, the most vulnerable industries are identified, and some areas of the problems are revealed.

Scientific novelty: a critical assessment of the Russian economy’s preparedness for sanctions imposed some countries is given, and measures are developed to reduce their impact on the Russian economy.

Practical significance: the study results can be useful in developing economic policy directions and focusing on those industries whose problems were exposed under the sanctions war of 2022.

Keywords: Economics and national economy management, Economic development, Sanctions, Economic crisis, Import substitution, State regulation of the economy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Gafurova, G. T., Bondarenko, I. N. (2022). Lessons of sanctions for sustainable economic future of Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 503–534 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.503-534>

Введение

Экономика России в 2022 г. столкнулась с беспрецедентным по своим масштабам санкционным и политическим давлением. Разрушение налаженных экономических, торговых, финансовых отношений сопровождается пониманием необходимости масштабной перестройки всех экономических процессов. Перестали работать классические схемы финансовых потоков, инвестиций, логистических цепочек. Результатом политического давления, нацеленного на разрушение российской экономики, становится понимание того факта, что старые методы работы и системы взаимоотношений с экономическими партнерами работать, как раньше, больше не будут. Однако такая ситуация для России далеко не нова. Достаточно вспомнить богатую на политическое давление историю России. Например, таможенные войны России с Германией [1], экономическую изоляцию Советского Союза [2. С. 84; 3], «крымские» санкции XVIII–XIX вв. [4. С. 83; 5. С. 142] и многие др.

Особое научное звучание проблема экономических санкций получила после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. Массовое и бессистемное введение санкций в тот период оказало значительное влияние на все экономические и социальные процессы в стране. Тогда основным лейтмотивом научных работ стали очевидные плюсы и минусы антироссийских санкций. В литературе и профессиональной сфере активно обсуждались зависимость России от высоких технологий [6. С. 186–187], сырьевая зависимость и ее влияние на бюджетные возможности страны в условиях санкций [7. С. 75], снижение инвестиционной привлекательности экономики страны [8, 9] и т. д. Вместе с тем профессиональное сообщество в большинстве своем приходит к выводу, что перелом в сложившихся экономических связях является удобным, хотя и достаточно болезненным способом перезагрузки российской экономики, о которой давно уже рассуждают ведущие экономисты. Активная роль в этом процессе, по мнению экспертов, должна отводиться дедолларизации экономики [10. С. 9–10; 11. С. 30; 12. С. 189–190], реализации экономической политики импортозамещения [13. С. 104; 14. С. 553; 15. С. 100], а также диверсификации экономики, ее переориентации на наукоемкие отрасли и отрасли, обеспечивающие экономическую безопасность страны [16. С. 84–48; 17. С. 42]. Таким образом, период после 2014 г. характеризовался значительным ростом интереса к вопросам управления экономикой в условиях возможного исключения России из международных экономических процессов.

Отдельным блоком можно выделить ряд исследований, которые рассматривают вопросы санкционного давления и их последствий на подсанкционную экономику. В числе них можно отметить исследования, посвященные санкциям против Ирака [18, 19], Ирана и Сирии [20]. Ряд исследований рассматривает санкции как системное явление с точки зрения их действия на всех участников, включая страны, вводящие санкции [21. С. 16; 22. С. 3; 23. С. 637]. В большинстве исследований авторы приходят к двум основным выводам: любые санкции имеют двустороннее негативное влияние и прежде всего бьют по людям, а не по политической власти, против которой вводятся.

2022 г. стал новым поворотным моментом в истории экономических санкций против России. Проведение специальной военной операции на Украине подтолкнуло страны мира к гонке санкционного давления. В этот период и встал вопрос, как восемь лет санкционного давления оказали влияние на экономику России и была ли она готова к новому витку совершенно беспрецедентных по своему масштабу, бессистемности и порой даже очевидной бессмысленности санкций. В представленной работе рассмотрен опыт выхода экономики России из наложенных санкций 2014 г. и дана оценка готовности экономики страны к сегодняшнему пакету санкций.

Цель исследования заключается в изучении опыта России по преодолению санкционного давления для определения путей выхода из современного кризиса. С этой целью в статье поставлены задачи изучения проблем российской экономики в условиях санкций 2014 г., оценки эффективности мер, предпринятых для ликвидации последствий введенных ограничений, а также определения перспектив выхода из экономического кризиса с учетом уроков прошлых санкций.

Результаты исследования

В XXI в. значительные экономические кризисы и шоки настигают мировое сообщество и Россию в том числе все чаще и чаще. Так, в 2008 г. – ипотечный кризис, который серьезно сказался на всем мире. Из-за разорения крупнейших финансовых институтов развитых стран биржевые котировки показали отрицательный результат во многих странах, а это в свою очередь спровоцировало падение цен на энергоносители.

К примеру, цена на нефть в июне 2008 г. составляла \$139,83, а спустя полгода, в декабре, упала до \$45,59 [24]. Падение составило 67 %, такая отрицательная динамика негативно повлияла на экономики стран, ориентированных на экспорт энергоносителей. Такой страной является и Россия.

Совокупность факторов привела к тому, что в нашей стране многие компании находились на грани банкротства, начался рост безработицы. В 2009 г. уровень безработицы, по данным Росстата, достиг 8,3 %, а в 2008-м данный показатель составлял всего лишь 6,2 % [25]. Также присутствовал факт падения реальной заработной платы. Например, в 2004–2008 гг. средний прирост реальной заработной платы составлял 13,04, а в 2009 г. он был отрицательный и составил -3,95 %. Аналогичным образом произошли изменения и в динамике ВВП. В 2009 г. данный показатель снизился на 7,8 %, или 3,228 трлн рублей, по отношению к 2008 г. Таким образом, можно сказать, что данный кризис существенно затронул экономику и благосостояние нашей страны.

В 2014 г. на Россию было наложено большое количество санкций в условиях присоединения Крыма. Если посмотреть все санкции и разделить по отраслям, то можно сделать вывод, что значительнее всего они затронули самые сильные и конкурентоспособные отрасли: нефтяную (запрет на ввоз специализированного оборудования), газовую и военную промышленность, а также российский банковский капитал.

В первую очередь пострадали сектор финансов и банковская система. К примеру, в 2014 г. рубль обесценился к доллару на 41 % [26]. Одними из основных факторов падения курса национальной валюты были панический отток заграничных инвестиций, которые понижали курс рубля из-за его продажи в больших количествах, а вслед за иностранными инвесторами начали дестабилизировать ситуацию внутренние силы в лице частных инвесторов и спекулянтов. Также политика Центрального банка по переходу к плавающему курсу усугубила ситуацию.

Если говорить о банковском секторе, то здесь присутствовали ограничения на дешевые и длинные кредиты, что очень серьезно подорвало экономику, так как этими кредитами активно пользовались многие экспортеры и импортеры. За период с июля 2014 г. по март 2015 г. российский экспорт сократился на 18 % по сравнению с показателем за аналогичный период 2013–2014 гг. Вслед за сокращением экспорта, как и в годы предыдущих провалов нефтяных цен, сокращался российский импорт (на 21 %) [26]. Данный политический шок подтолкнул правительство ускоренно взять курс на импортозамещение. Далее рассмотрим успехи данного процесса на протяжении следующих 5–6 лет.

Агропромышленный сектор

В ответ на введенные санкции были предприняты ответные меры: в рамках реализации Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 Правительством России был введен запрет сроком в один год на ввоз в РФ сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из США, Великобритании, Канады, Австралии, стран ЕС и Королевства Норвегия.

По данным табл. 1 можно сделать следующие выводы: 1) политика импортозамещения в этой отрасли проводилась задолго до санкций 2014 г. К примеру, можно заметить, что доля мяса и птицы сократилась с 43,8 в 2008 г. до 26,2 к 2013 г., также уменьшилась доля импорта свинины с 56,5 до 31 соответственно, наиболь-

шая зависимость наблюдается по импорту говядины: 61,7 в 2008-м и 59 в 2013-м; 2) из-за ответных санкций на продовольственные товары были направлены ресурсы на поддержку отечественного производителя, что дало свои результаты. Можно заметить, что доли импорта по многим продовольственным товарам резко сократились. К примеру, доля импорта мяса и птицы сократилась на 6,6 %, свинины – на 14,4 %.

Одним из амбассадоров импортозамещения стала компания «Мираторг», которая выиграла от вытеснения иностранных конкурентов. Данный агрохолдинг является одним из самых крупных производителей свинины в России. В своей статье И. Жаворонкова приводит следующие цифры, подтверждающие вышесказанное. В 2014 г. «Мираторг» увеличил выручку по МФСО на 38 %, до 74,06 млрд рублей, по сравнению с предыдущим годом. При этом совокупные продажи выросли на 14 %, до 493 тысяч тонн. Доля продукции собственного производства в общем объеме продаж увеличилась до 77 % [27]. Также от данных ответных санкций получили выгоду такие компании, как группа «Черкизово», холдинг «Русагро».

ИТ-сфера

На фоне санкций в правительстве осознали уязвимость ИТ-сферы. Мысли об импортозамещении в этой области существовали задолго до этого, но конфликт 2014 г. подтолкнул к серьезным изменениям. Государство начало активно поддерживать отечественного производителя, но выбранные методы носили нерыночный характер: к примеру, в Постановлении Правительства РФ от 16 ноября 2015 г. № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» запрещается закупка импортного программного обеспечения (далее – ПО) для госорганов, если существует аналог в реестре отечественного ПО;

Таблица 1

Доля импорта по продовольственным товарам (Росстат), %
 Table 1. Share of import of food (Rosstat), %

Продукт / Product	Год / Year									
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Мясо и птица, включая субпродукты / Meat and poultry, including by-products	30,0	30,3	26,2	19,6	13,4	11,0	10,4	7,6	7,1	5,6
Говядина, включая субпродукты / Beef, including by-products	59,5	59,9	59,0	57,3	48,1	40,0	40,9	35,4	33,5	28,4
Свинина, включая субпродукты / Pork, including by-products	42,8	41,3	31,0	16,6	12,5	9,6	9,6	2,1	2,5	0,2
Мясо птицы, включая субпродукты / Poultry, including by-products	12,5	14,0	12,8	10,0	5,5	5,0	4,4	4,3	4,3	4,3
Масла животные / Butters	32,2	34,2	35,9	34,3	25,5	26,4	24,4	19,5	28,3	29,6
Сыры / Cheeses	46,1	47,8	48,0	37,3	23,3	28,2	27,3	29,0	30,4	29,9
Крупа / Cereals	2,0	1,4	1,8	0,5	0,3	0,3	0,2	0,4	0,3	0,4
Масла растительные / Vegetable oils	22,0	16,3	19,0	14,4	17,4	16,7	14,7	17,9	15,1	13,9
Кондитерские изделия / Confectionery products	11,6	12,5	12,0	9,3	5,9	6,1	6,7	7,3	7,7	7,4
Сахар / Sugar	3,7	5,3	8,2	7,4	6,2	5,5	3,9	5,1	3,7	2,4

Источник: Показатели, характеризующие импортозамещение в России // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-7.xls> (дата обращения: 20.05.2022).

Source: Indices characterizing import substitution in Russia. Rosstat, available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-7.xls> (access date: 20.05.2022).

данная мера подтолкнула развитие отечественных проектов, а в приказе Минкомсвязи России от 20.09.2018 № 486 «Об утверждении методических рекомендаций по переходу государственных компаний на преимущественное использование отечественного программного обеспечения, в том числе отечественного офисного программного обеспечения» поставлена цель заместить иностранные ПО в государственных компаниях к 2021 г. Также была принята целая серия законопроектов, которые направлены на создание независимой инфраструктуры для бесперебойной работы российского Интернета в случае отключения от зарубежных серверов [28].

Одним из таких законопроектов является ФЗ от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"», который неофициально называют законом о «суверенном Интернете», он направлен на защиту российского сегмента Сети от различных внешних угроз [29].

Данные меры дали результаты. Многие ИТ-сервисы удалось импортозаместить, так как многие из них не уникальны. К примеру, «Яндекс» вместо таких сервисов, как *Zoom*, *Google Form*, *Trello*, *Discord*, создал Яндекс.Телемост, Яндекс.Формы, *Yandex.Tracker*, Яндекс.Мессенджер. Также среди крупнейших отечественных компаний в сфере ИТ можно выделить: *Mail.ru Group*, «СберТех» (*SberCloud.Advanced*), *Positive Technologies* (информационная безопасность), *Tinkoff Software*, «Новые Облачные Технологии». Если говорить об отечественном ПО, то к 2020 г. обозначился прорыв, когда были введены дополнительные директивы государства. По сравнению с 2019 г. потребность в отечественном ИТ-оборудовании выросла в три раза; 47 % приобретенного в России ПО в 2020 г. является отечественным [30].

Как пример компаний, взявших курс на использование отечественных технологий, можно назвать «Росатом», «Почту России», а среди государственных структур – Министерство здравоохранения и Министерство просвещения. Рассмотрим некоторые негативные последствия данных мер. По оценке Российского союза промышленников и предпринимателей, некоторое ПО не отвечает высоким международным требованиям и стандартам безопасности [31]. Для этого есть ряд причин: российской ИТ-сфере нужно время для создания отечественных аналогов, для узких специальностей данная продукция не подходит, у российских поставщиков нет возможности удовлетворить все потребности заказчика, существенной проблемой является недоверие к отечественному производителю. Частичным подтверждением данных слов является цитата А. Гутина из ГК *Astra Linux* в 2021 г.: «...еще несколько лет назад никто не верил в перспективы российской операционной системы» [32]. Если немного обобщить, то можно увидеть, что данные меры в основном носят запрещающий характер. То есть отечественные производители попадают в условия отсутствия конкуренции, что может негативно сказаться на качестве продукции и услуг.

Банковская сфера

Более двадцати лет внутренние платежи по банковским картам обслуживались двумя крупнейшими иностранными компаниями: *Visa* и *MasterCard*. В таких условиях безопасность и бесперебойность денежных потоков находятся под непосредственным влиянием иностранных компаний, что может подрывать суверенитет банковской сферы. Не случайно предложения о создании национальной платежной системы появлялись уже в 90-х гг. прошлого века. К примеру, были созданы *СТБ Card*, *Union Card*, «Золотая Корона» и «Сберкарт». Но данные системы проигрывали своим иностранным конкурентам даже при попытке объединения. Использовать продукты *Visa* и *MasterCard* было дешевле и проще. Вскоре эти компании поделили весь российский рынок. Попытки ограничить влияние этих монополистов были предприняты в 2010 г., когда предлагался закон, содержащий запрет на обработку транзакций за рубежом. Но данный запрет не прошел чтения из-за сильного лоббирования западных платежных систем. И только после санкций 2014 г., которые поставили под угрозу бесперебойную деятельность платежной системы, начались усиленные меры по данному вопросу.

Президентом В. Путиным был подписан Закон «О внесении изменений в Федеральный закон № 112-ФЗ „О национальной системе“ и отдельные законодательные акты». В этот раз запрет на обработку операций за рубежом прошел. Было создано акционерное общество «Национальная система платежных карт» (далее – АО

«НСПК»). А к концу 2015 г. уже началась эмиссия карт «Мир». Поначалу были свои сложности в технической реализации: карты не поддерживали бесконтактную оплату, не все магазины принимали оплату этими картами. Но со временем технические возможности стали такие же, как и у зарубежных. На 1 апреля 2022 г. количество таких карт превысило 125 млн [33]. При этом все текущие транзакции обрабатываются НСПК. Так что с уверенностью можно сказать, что импортозамещение в этой отрасли прошло успешно.

Фармацевтика

Ограничения практически не затронули фармрынок. Те производители, которые столкнулись с ограничениями, попросту продолжили работу с поставщиками на азиатском рынке. В отсутствие жестких запретов импортозамещение в этой отрасли не сильно развивалось, но попытки предпринимались. Еще до санкций 2014 г. была объявлена программа «Фарма-2020». Было намечено достигнуть 85 % содержания российских лекарств в списке жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств и повысить долю отечественных лекарств до 50 %. По экспертной оценке, за последние шесть лет в отрасль суммарно было вложено более 200 млрд рублей частных и государственных инвестиций [34]. Деньги Минпромторг выделял легко, было много компаний, бравшихся за разработки, и даже были достигнуты определенные результаты.

Но, к сожалению, общая тенденция была направлена на повторение чужих технологий, на создание дженериков (аналогов иностранных лекарств, вышедших из патентной защиты). На рис. 1 видно, что доля таких препаратов очень велика, если смотреть в рублях, то этот показатель составляет 56,3 % к 2020 г., а в упаковках – 84,1 %.

Таким образом, большинство лекарств на российском рынке являются заимствованными. Как считает директор Института экономики здравоохранения НИУ – ВШЭ Л. Попова: «Импортозамещения в широком

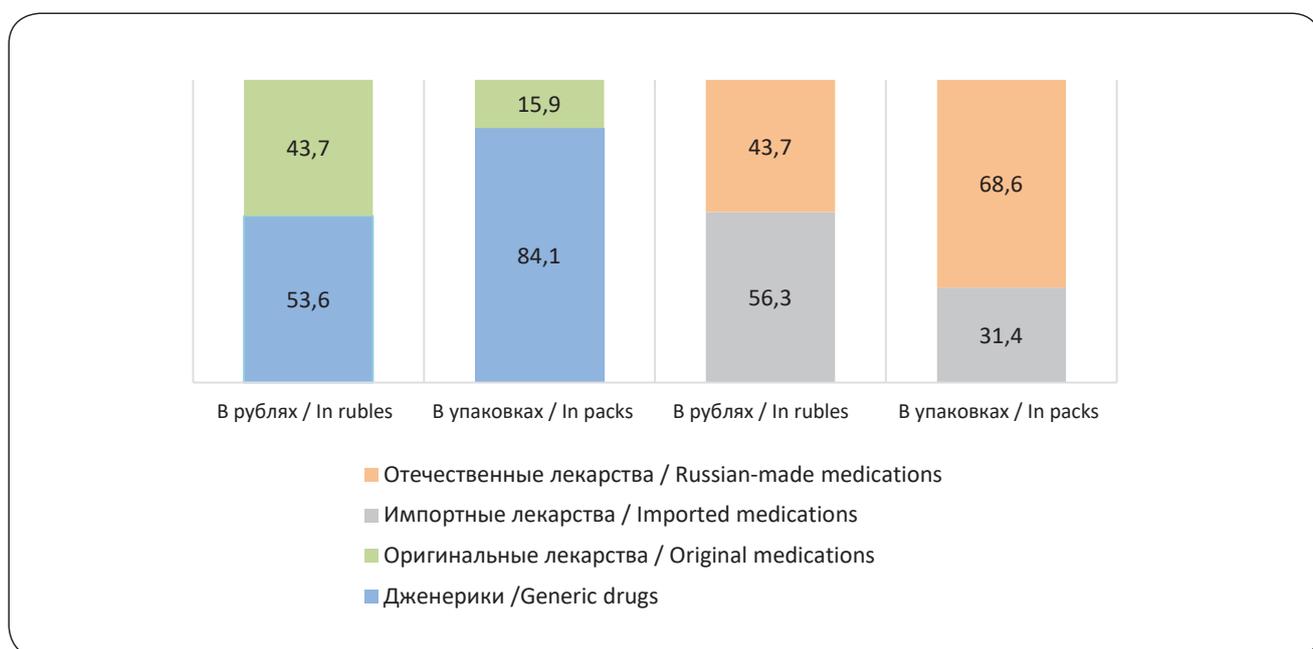

Рис. 1. Структура рынка лекарственных препаратов в России, %

Источник: [34].

Fig. 1. Structure of the market of medications in Russia

Source: [34].

смысле, т. е. создания инновационного кластера мирового уровня, пока не получилось, хотя отдельные перспективные разработки в стране есть» [35].

Кроме того, можно сделать вывод, что российские производители выпускают более дешевые лекарства, а иностранные компании – более дорогие. Это можно объяснить тем, что дешевые лекарственные препараты легче производить. Но даже те лекарства, которые производятся на территории России, существенно зависят от иностранного сырья. Эксперты *Coface* отмечают, что импорт фармацевтики после ограничений не изменился относительно 2012 г. и составил 4,6 % в 2018 г. В 2021 г. доля отечественных лекарств в рублевом эквиваленте составила, по данным Минпромторга, 35,1 % [36]. Можно сделать вывод, что самостоятельность отечественного рынка фармацевтики оставляет желать лучшего.

Автопром

Рассмотрим ситуацию на рынке автомобилей. После санкций 2014 г. продажи автомобилей начали падать: в 2015 г. снижение произошло на 35,7 % [37]. Такая ситуация связана с тем, что доля импортных составляющих в автомобилях достигает 50–70 % и из-за девальвации курса национальной валюты стоимость автомобилей резко выросла. Данные показывают, что уровень продаж даже не вернулся к досанкционному. Не случайно государство развернуло различные программы по поддержке спроса, такие как: «Первый автомобиль», «Русский тягач», «Семейный автомобиль», программы утилизации и трейд-ин, был принят ряд мер: выдавались льготные кредиты на покупку автомобилей, льготный лизинг, а также напрямую выделялись средства производителям в виде субсидий. Несмотря на предпринятые усилия, вернуться к докризисному уровню продаж так и не удалось (рис. 2).

Импортозависимость в данной сфере очень велика, даже российские производители, такие как «Лада», УАЗ и КАМАЗ, полностью зависимы от иностранных комплектующих. На рис. 3 представлены показатели локализации отдельных моделей машин. Очевидно, что локализация остается на достаточно низком уровне.

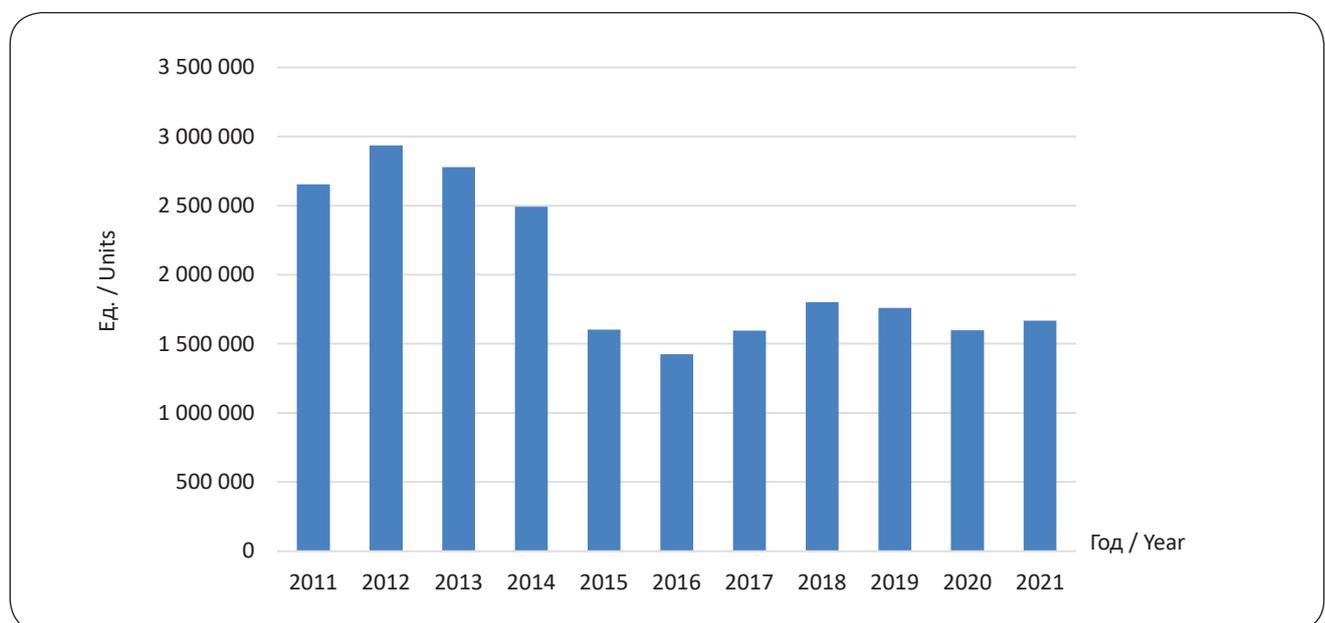

Рис. 2. Объемы продаж автомобилей в России

Источник: составлено по данным [38].

Fig. 2. Volumes of automobile sales in Russia

Source: compiled by the data [38].

Самый высокий показатель 4 621 балл из 8 800 возможных, т. е. всего 50 %, – у *Lada Granta*. Если рассматривать все автомобили, выпускаемые в России, то уровень локализации российских предприятий не достигает даже 50 %. При этом риски для автомобилестроения очевидны – наиболее значимые для производства автомобилей агрегаты (коробка передач, двигатели) импортируются. Отчасти это связано с постоянным сокращением числа предприятий, производящих комплектующие для автомобилей. В 2020 г. по сравнению с 2015 г. количество предприятий, производящих автокомпоненты, снизилось на 25 % [40]. Таким образом, в области автопрома говорить о работе в направлении импортозамещения не приходится.

Почему же импортозамещение происходит так тяжело во многих отраслях? Чтобы ответить на этот вопрос, мы проанализировали результаты мониторинга Лаборатории конъюнктурных опросов Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара в 2014–2018 гг. В данном исследовании предприятия опрашивались как покупатели импортного сырья и оборудования, которые были вынуждены из-за импортных ограничений перейти на российские аналоги [41] (рис. 4).

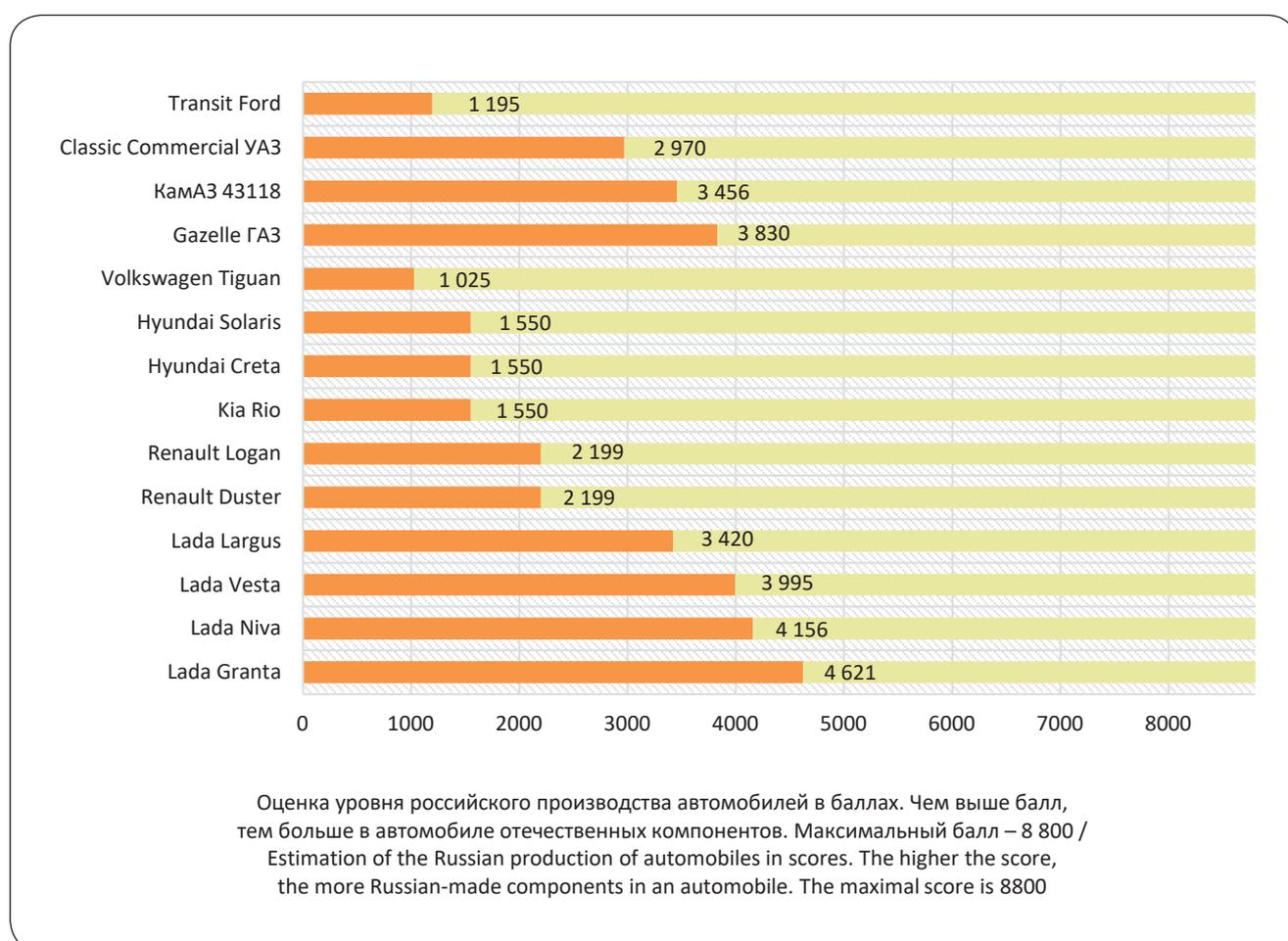

Рис. 3. Глубина локализации производства наиболее популярных легковых автомобилей в России

Источник: [39].

Fig. 3. Depth of localization of the most popular cars production in Russia

Source: [39].

Данные свидетельствуют о том, что главной проблемой является отсутствие отечественных аналогов оборудования и сырья любого качества. На втором месте стоит низкое качество отечественного оборудования и сырья. По нашему мнению, главным ограничителем импортозамещения, таким образом, является отсутствие компонентов для производства.

Наглядным свидетельством того, как работает или не работает импортозамещение, является статистическая структура российского экспорта и импорта до и после введения санкций (рис. 5).

Если посмотреть структуру экспорта и импорта, можно заметить, что серьезных изменений не произошло, кроме агросектора. Представленные данные со всей очевидностью демонстрируют нам, что российская экономика во многом оказалась не готова к санкциям, введенным в 2022 г. Если в финансовой системе удалось относительно быстро сформировать запас прочности, то в сфере промышленности все оказалось более неоднозначно.

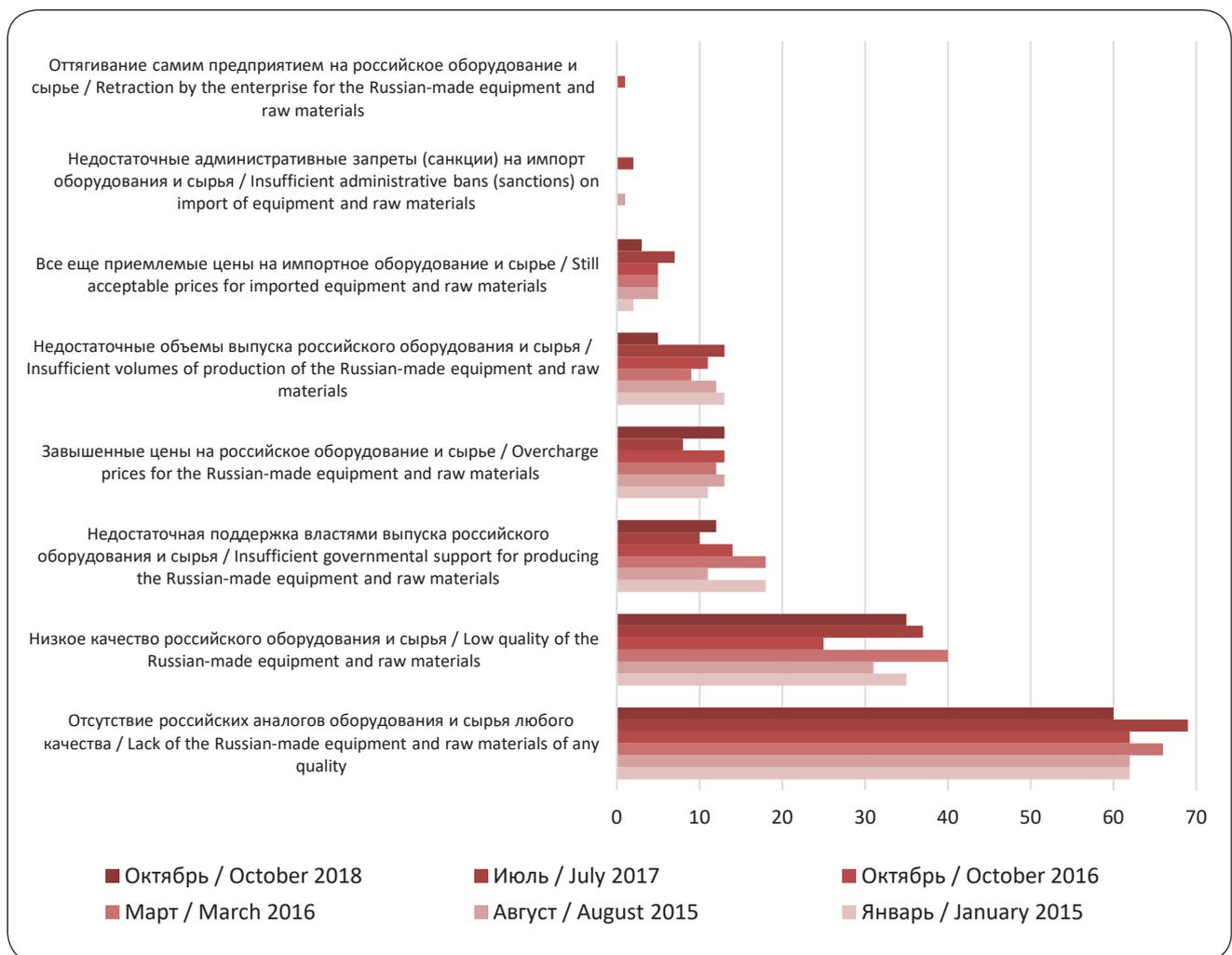

Рис. 4. Результаты опроса предпринимателей о помехах для импортозамещения

Источник: [41].

Fig. 4. Results of a poll of entrepreneurs about the barriers for import substitution

Source: [41].

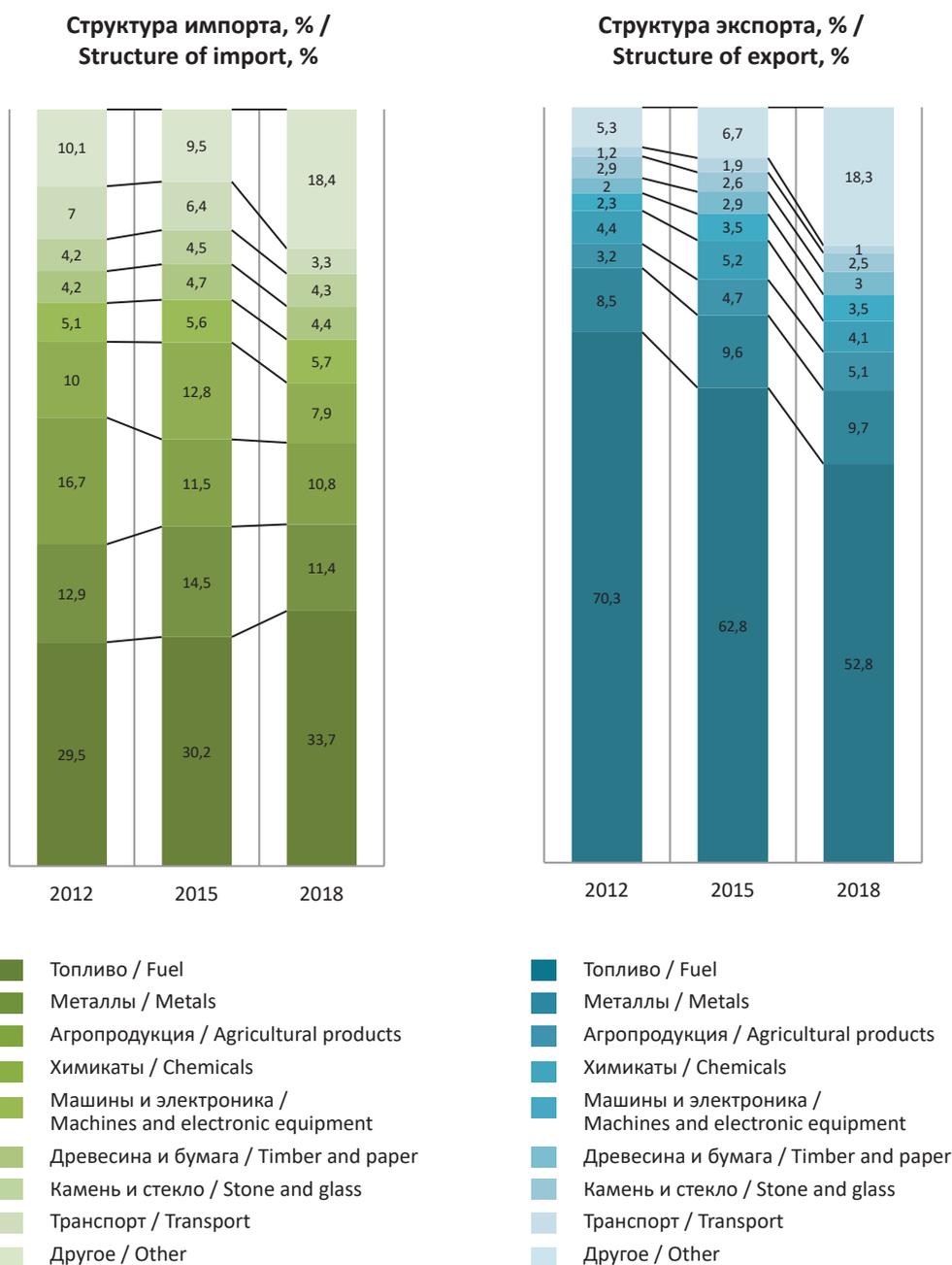

Рис. 5. Структура экспорта и импорта России до и после введения санкций

Источник: [28].

Fig. 5. Structure of export and import of Russia before and after the imposition of sanctions

Source: [28].

В зарубежных исследованиях также можно отметить некоторый интерес к тому, как экономика России справлялась с санкционными рисками. В иностранной литературе санкции рассматриваются преимущественно с точки зрения их влияния не только на экономику России, но и на рикошетное влияние на экономику стран, вводящих такие санкции. Например, в исследовании аналитиков «Ситибанка» указывается, что падение российской экономики в 2014–2015 гг. только на 10 % связано с влиянием санкций [42], а эксперты МВФ оценивали реальное падение ВВП России, вызванное санкциями, в диапазоне 1–1,5 % [43]. При этом специалисты Всемирного банка также вынужденно признавали, что усилия правительства по сдерживанию рецессии дали свои плоды – при прогнозируемом снижении объема ВВП в 2015 г. фактически на 2 % [44]. Вместе с тем более свежие исследования МВФ показывают, что санкции привели к снижению темпов роста российского ВВП на 0,2 % ежегодно [45]. В целом эксперты заключают, что на экономику России значительно большее влияние оказывает сырьевой фактор, поскольку основная часть динамики ВВП коррелирует с ценами на энергоносители [42], что свидетельствует о необходимости пересмотра не только вопросов санкционного давления на отрасли народного хозяйства, но и вопросов прежде всего санкций на сырьевые поставки России.

Большинство исследований сходится на том, что основные слабые стороны России, активно проявившиеся в условиях санкций, – это дефицит инвестиций, слабая мобильность рабочей силы, ограничение доступа к ресурсам, неэффективное распределение факторов производства, а также коррупционные проявления.

Санкции-2022

После длительного восстановления санкций 2014–2015 гг. Россия столкнулась с новыми вызовами 2020 г. Наступила пандемия коронавируса, которая крайне негативно повлияла на весь цивилизованный мир. Экономика практически всех стран погрузилась в глобальную рецессию. И практически сразу произошла всем известная ситуация на Украине. В ответ на предпринятые нашей страной меры часть мирового сообщества ввела беспрецедентные по масштабам санкции. Количество санкций по отношению к России превысило даже количество санкций против Ирана, начавшиеся в 1950-е гг. в связи с тем, что это государство начало разрабатывать ядерное оружие. На сегодняшний день в список недружественных вошли 48 стран. Это США, большинство стран Европы и др. Однако следует иметь в виду, что «украинский пакет» санкций стартовал задолго до 2022 г. В период 2020–2021 гг. имело место 44 эпизода, связанных с украинским кризисом. Основная часть из них связана с судебными делами бизнеса по оспариванию введенных санкций, а также с делами, связанными с нарушением ранее введенных санкций [46. С. 11].

Обобщим основные направления санкционного давления в 2022 г.

Санкции в области госдолга РФ

После того как Российская Федерация признала независимость Донецкой и Луганской народных республик, Министерство финансов запретило любые сделки с российскими рублевыми ОФЗ и валютными евробондами как на первичном размещении, так и на вторичном рынке. Подобные ограничения уже существовали и до этого: в августе 2019 г. Минфин ввел частичные санкции только на покупку валютных облигаций банками США. То есть запрет был направлен на приток валюты. Если раньше данные ограничения Минфин РФ частично обходил путем довыпуска существующих облигаций, например, в 2018 г. Россия осуществила дополнительный выпуск долларовых облигаций 2017 г., то на этот раз Минфин РФ сообщил, что все последующие ОФЗ будут размещены непосредственно новым выпуском, для того чтобы зарубежные инвесторы имели возможность соблюдения санкционного режима. На данный момент правительство США заявило о намерении прекратить продление лицензии для обслуживания суверенного долга РФ. По нашему мнению, данная мера спровоцирована тем, что РФ продолжает выплачивать средства по своим обязательствам в валюте, несмотря на заморозку существенной части активов.

Финансовый сектор

Серьезным ударом для российской финансовой системы стала блокировка золотовалютных резервов страны (рис. 6).

По данным ЦБ РФ, на 1 января 2022 г. самый крупный по доле актив в структуре золотовалютных резервов – евро. В этой валюте хранилось 33,9 %, затем идет золото с долей в 21,5 %. Также значительная часть резервов была размещена в юанях. Доля доллара составила около 10,9 %. В данном случае можно заключить, что в определенной степени это связано с политикой дедолларизации экономики, обозначенной

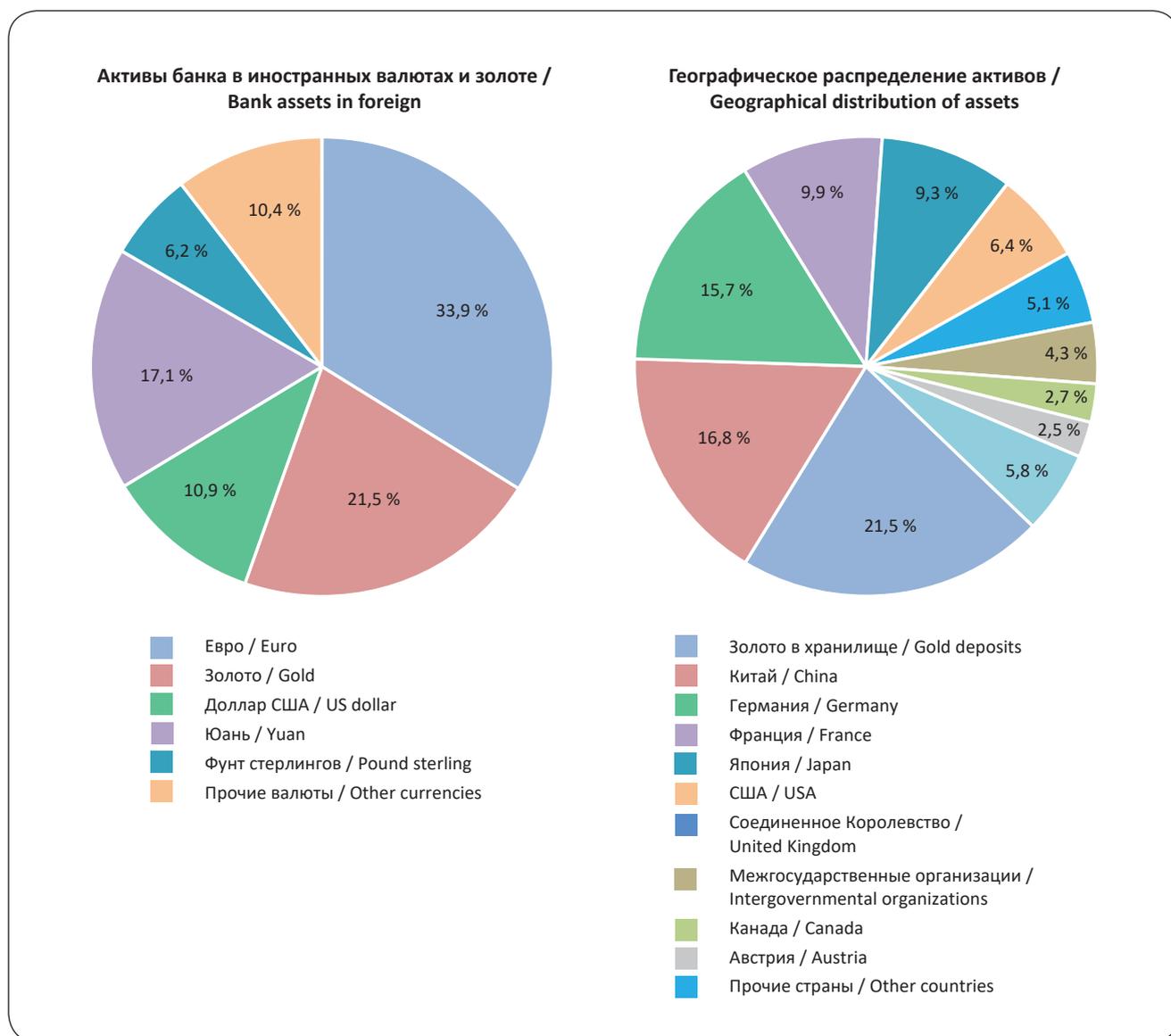

Рис. 6. Структура золотовалютных резервов России

Источник: [47].

Fig. 6. Structure of gold and foreign currency reserves of Russia

Source: [47].

президентом страны еще восемь лет назад. В географическом распределении активов все намного более неоднозначно. Несмотря на то, что значительная часть резервов (21,5 %) размещена в хранилищах Центробанка, в условиях сложившейся геополитической ситуации размещение почти половины активов в Германии, США, Франции, Японии и Великобритании оказалось мерой, далекой от понимания экономической и финансовой безопасности.

Таким образом, лишь 37,68 % запасов хранятся в относительно безопасных для российских активов странах. Наибольшее значение международные резервы РФ составили на 18 февраля 2022 г. в размере 643,2 млрд долларов. Примерно 300 млрд долларов находятся в замороженном состоянии, т. е. практически половина. Данные ограничения направлены на создание дефолтной ситуации, но пока что России удается выплачивать средства в валюте по своим обязательствам из внутренних резервов. Однако в мае Минфин США не продлил лицензию на обслуживание внешнего долга, которая была выпущена в марте, чтобы усилить санкционное давление. В результате западные рейтинговые агентства объявили дефолт по российским евробондам. Несмотря на наличие необходимых ресурсов и попытки произвести выплаты, иностранные инвесторы средства так и не получили. Фактически речь идет о техническом дефолте, поскольку для России создаются искусственные препятствия по исполнению своих обязательств. Минфин РФ предпринимал попытки по расчету перед владельцами облигаций в рублях, однако условия выпущенных бондов не предусматривают выплату процентов в иных валютах, в том числе в рублях. В результате держатели облигаций не признали обязательства исполненными. Тем не менее для признания дефолта не менее четверти держателей облигаций должны заявить о дефолте, однако в настоящее время этого не происходит, по всей видимости, по причине понимания со стороны инвесторов реальных причин технического дефолта и ожидания выплат по облигациям. Вместе с тем, если в долгосрочном периоде Россия не сможет рассчитываться по своим обязательствам, это приведет к крайне негативным последствиям, от изъятия российских активов в оплату долга до изоляции российской экономики от иностранных инвестиций. В любом случае это может привести к полному разрушению деловых и политических связей со многими странами.

Банковская сфера

После начала специальной операции Евросоюз ограничил депозиты физических и юридических лиц из России в 100 тысяч евро в одном банке, а также ввел запрет на операции с финансовыми инструментами в евро. Великобритания присоединилась к запрету на депозиты и установила сумму в 50 тысяч фунтов стерлингов. Затем начался ряд санкций по отношению к российским банкам. ВТБ, банк «Россия», банки «Открытие», «Промсвязьбанк», «Новикомбанк», «Совкомбанк» и ВЭБ.РФ – именно эти финансовые организации были отключены от международной межбанковской системы *SWIFT*. На внутренней работе банков это никак не скажется, так как все внутренние транзакции, как мы уже знаем, обрабатывает НСПК. Но для внешних связей это губительно, так как затрудняются трансграничные транзакции. Можно, конечно, осуществлять взаимодействие и без этой системы, но тогда вырастут издержки и увеличится время всех платежей. Эти же банки и еще другие внесли в *SDN*-лист (всего в него попали 11 банков). Это черный список юридических и физических лиц, за которым следит офис по контролю за иностранными активами (*OFAC*). В данный список попадают не только эти банки, но и их «дочки», а также компании, в которых у банков из списка доля владения свыше 50 %. При попадании в этот список запрещаются все взаимодействия на территории США, блокируются все активы, запрещается доступ к долларовым транзакциям. Хотелось бы отметить, что сначала «Сбербанк» попал в более щадящий список *CAFTA*, который тоже подразумевает блокировку активов, но в некоторых случаях допускает взаимодействие на территории США. А «Альфа-банк» изначально попал под секторальные санкции в виде ограничения заимствований более чем на 14 дней. Но потом эти банки также поместили в *SDN*. При этом есть исключения по отношению ко многим банкам, американские контрагенты могут совершать любые сделки в области энергетики, в том числе покупку горючих ископаемых.

Экспорт и импорт

Позже были введены ограничения на экспорт и импорт России. К примеру, США наложили пакет санкций в сфере торговли. Данные меры направлены на ослабление оборонно-промышленного комплекса, на создание трудностей в области судостроения и самолетостроения. Эти ограничения заключаются в том, что для импорта высокотехнологичной продукции резидентам США необходима специальная лицензия, которая выдается с презумпцией отказа.

Исключениями являются отношения, связанные с гуманитарными нуждами, обеспечением безопасности транспорта, а также для «дочек» западных компаний, находящихся в России. Также исключением являются потребительские гаджеты для личного использования. Евросоюз тоже присоединился к ограничительным мерам и запретил поставки технологий, используемых в оборонной и аэрокосмической отраслях, а также в нефтегазовой промышленности. Одним из таких ограничений стал запрет для крупнейшего производителя гражданской техники *Airbus* на поставки самолетов и их запчастей. При этом машины этой компании обслуживали 40 % пассажиропотока [48].

Запреты повлияют на торговые отношения со странами, которые ввели санкции; некоторые страны, не введшие санкций, также могут отказаться от торговых отношений, опасаясь «вторичных санкций». На данный момент возможность использования импортного сырья, материалов и комплектующих будет сильно ограничена. Как мы уже выявили ранее, наиболее зависимыми от импорта оказались: фармацевтика – доля лекарств из недружественных стран, составила практически половину конечного потребления лекарственных препаратов в стране (48,2 %); сфера химических веществ и продуктов (44,7 % конечного потребления попало под санкции), производство самолетов, кораблей, железнодорожных локомотивов (32,2 %). Очевидной также остается зависимость от импорта в автомобилестроении, изготовлении резиновых и пластмассовых изделий, производстве бумаги [49].

Отдельный блок проблем связан с экспортом энергоносителей. Первым делом удар был нанесен по этой отрасли, так как нефтегазовые доходы составляют значимую долю в бюджете РФ. ФНБ тоже пополняется за счет экспорта энергоносителей. Ограничения коснулись в первую очередь нефти. Некоторые компании перестали закупать российскую нефть. Но газ ограничились гораздо меньше, поскольку доля участия России на рынке газа в Европе составляет 40 %, что не позволяет странам ЕС в очередной раз согласовать пакет санкций в отношении энергоносителей.

Логистика

Дополнительные сложности вызывают ограничения в области логистики. К примеру, ЕС, Великобритания и Канада закрыли свое воздушное пространство для российских бортов. А мировые контейнерные линии и порты, находящиеся в Европе, отказываются от взаимодействий с российскими грузами.

Одним из следующих этапов был уход многих компаний с российского рынка. Также некоторые компании заявили о приостановлении инвестиций. А некоторые ограничили свою деятельность. Например, в области энергетики и энергоносителей можно отметить *BP*, *Shell*, которые разорвали связи с партнерами, отказались от покупок. В сфере связи: *OneWeb* приостановила все запуски с Байконура, *Cisco* и *Lumen* приостановили деятельность на территории России. В сфере автомобильной промышленности: *Audi*, *General Motors* приостановили поставки; *Volkswagen*, *BMW* – приостановили поставки и производство. В области авиации приостановили поставку запчастей *Rolls-Royce*, *Boeing*, *Airbus*. В области электроники приостановили поставки *Apple*, *Dell*, *Intel*, *AMD*, *Nokia*, *Siemens* и многие другие. И это только небольшая часть ушедших. Понятно, что уход многих компаний в моменте негативно повлияет на состояние граждан и экономики в целом, но это открывает новый горизонт возможностей для отечественных предпринимателей. Вместе с тем нарушение логистики с очевидностью подталкивает экономику России к двум важным последствиям: перестройке партнерских отношений, поиску новых цепочек поставок, а также к созданию условий по полной экономической независимости страны от иностранных товаров [50. С. 57].

Решения для поддержки экономики

Очевидно, что готовность России к сегодняшним санкциям оказалась недостаточной. Россия была вовлечена в мировой капитализм долгое время, и данные изменения тяжело скажутся на российской экономике. Сейчас это не ощущается, так как есть запасы. И имеет место временной лаг. Для того чтобы смягчить эти последствия, необходимо быстро реагировать. Сейчас строится новая экономическая модель со странами, которые не будут поддерживать эмбарго. Связи с азиатскими экономиками уже существовали, а сейчас только развиваются. И постепенно в будущем необходимо налаживать процесс импортозамещения. Потому что все и сразу заместить невозможно.

На данный момент реализуется параллельный импорт, что, конечно, повысит издержки, но зато обеспечит экономику жизненно необходимыми ресурсами. В области торговли происходит принуждение западных стран закупать нужное им сырье за рубли, это укрепит национальную валюту и обратит ущерб санкций на тех, кто их ввел. Уже сегодня очевидно, что последствия санкций обернутся и против западных стран, и тогда, возможно, некоторые санкции будут отменены. Даже на сегодняшний день некоторые страны Европы, такие как Венгрия, Сербия, отказываются от существующих ограничений.

Также становится очевидно, что все проблемы быстро разрешить не получится, поскольку не создана соответствующая инфраструктура развития, а существующие механизмы крайне бюрократизированы и не прозрачны. Как справедливо отмечают специалисты Центра макроэкономического анализа, разворачивающийся шок находится лишь в стадии нарастания, поэтому делать оптимистичные прогнозы в связи с мерами, принимаемыми правительством, не стоит. По оценкам экспертов, шок спада российской экономики можно будет наблюдать вплоть до 2024 г. (табл. 2).

Таблица 2

Прогноз социально-экономического развития России на 2022–2024 гг., темпы прироста, %
Table 2. Forecast of social and economic development of Russia for 2022–2024, growth rates (%)

Показатель / Index	Год / Year				
	2020	2021	2022	2023	2024
	Факт / Actual	Факт / Actual	Прогноз / Forecast	Прогноз / Forecast	Прогноз / Forecast
ИПЦ (декабрь к декабрю) / CPI (December to December)	4,9	8,4	20–23	7,7–8,0	5,5–5,7
ВВП / GDP	-2,7	4,7	-6,3 – -6,6	-2 – -2,3	-0,3 – -0,5
Инвестиции в основной капитал / Investments into capital assets	-0,5	7,7	-24,5 – -28,5	2,0–2,5	2,4–2,8
Оборот розничной торговли / Retail trade turnover	-3,2	7,3	-7,2 – -7,5	-3,5 – -3,7	-0,3–0,0
Платные услуги населению / Paid services to the population	-14,8	14,1	-8,5 – -8,7	-3,5 – -3,7	0,4–0,8
Реальная начисленная заработная плата / Actual gross payroll	3,8	2,9	-4,0 – -4,2	-1,0 – -1,2	1,0–1,3
Реальные располагаемые доходы населения / Real disposable household income	-2,0	3,1	-7,0 – -7,2	-1,3 – -1,6	1,3–1,5
Уровень безработицы, % к рабочей силе / Unemployment level, % to work force	5,8	4,8	7,0–7,3	7,8–8,2	7,7–8,0

Источник: [40].

Source: [40].

Решение проблем научное сообщество сегодня видит в нескольких направлениях. Основными направлениями ускорения выхода экономики из кризиса, спровоцированного экономическими санкциями, являются:

- увеличение числа немонетарных мер антиинфляционной политики, в том числе за счет введения плавающих экспортных пошлин; стабилизация финансовой системы [51, 52];
- ускоренное импортозамещение в критических для российской промышленности отраслях (электроника, ИТ-сфера, химическая промышленность, автомобилестроение и т. п.) [53];
- стимулирование программ самозанятости, развития малого бизнеса, адаптация образовательных программ под потребности рынка [54].

Сегодня одним из мейнстримов государственной поддержки стал ИТ-сектор. Однако не следует забывать о базовых потребностях и стоит поддерживать промышленность. По нашему мнению, одним из механизмов решения проблем импортозамещения является создание условий для нового бизнеса, который сможет заместить освободившиеся ниши. К примеру, сейчас есть сложности с производством картона, бумаги и упаковки. При этом данное производство можно наладить. По нашему мнению, необходимо создание на базе сервиса импортозамещения «Газпромбанка» площадки для построения нового бизнеса. На данном ресурсе можно будет оставлять заявки на получение грантов и льготных кредитов. Здесь же можно будет получить помощь от квалифицированных специалистов, которые помогут на всех этапах становления бизнеса. Также можно популяризировать возможность брать в льготную аренду государственное имущество. Данная мера уже существует, но не в рамках импортозамещения. С одной стороны, это будет полезно для начинающих предпринимателей, у которых нет собственного имущества и достаточных средств, с другой стороны, государство задействует свои неиспользованные резервы для укрепления национальной экономики.

В той части, где быстро решить проблемы импортозамещения невозможно, необходимо рассмотреть идею создания совместных концернов с азиатскими коллегами, которые определенно добились серьезных успехов в промышленности. В дальнейшем можно перенять опыт коллег и с помощью государства создать собственное производство. Ярким примером такой политики является Китай, который купил патент на производство французских автомобилей на 10 лет, попутно изучая технологии машиностроения на конкретных примерах и постепенно перенимая этот опыт, выстраивая свои производственные линии. В результате по окончании срока действия патента Китай остался с локализованным на его территории производством на основе западных технологий.

Выводы

Наша страна вошла в новый кризис не совсем подготовленной, если рассматривать промышленность. Курс на импортозамещение был реализован не в полной мере, а лишь в некоторых отраслях, таких как сельское хозяйство, банковская сфера. Тем не менее диверсификация экономики невозможна без достаточного количества базового сырья, современных средств производства. Существует острая необходимость налаживать производственные линии. При грамотном наборе управленческих решений можно преодолеть все трудности и ограничения.

Дальнейшие шаги по решению проблемы экономического кризиса, вызванного санкциями, по нашему мнению, необходимо искать в пересмотре налоговой и таможенной политики, направленных на смягчение условий для внутреннего производства, ускоренное импортозамещение в критически важных для экономики отраслях, а также решение проблем занятости, мобильности рабочей силы за счет создания программ стимулирования самозанятости и перепрофилирования.

Список литературы

1. Жильцова Ю. В., Жильцова А. В. Русско-германская таможенная война и торговые договоры 1893 и 1904 годов. Часть I // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21, № 7 (445). С. 852–866. DOI: <https://doi.org/10.24891/ia.21.7.852>
2. Мельник Н. Н. История изоляционизма и милитаризации экономики. Предприятия оборонно-промышленного комплекса в условиях санкций США и Европейского союза // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 2 (271). С. 84–90.

3. Гришаева Л. Е. Пульс санкций: российский исторический аспект. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ОнтоПринт», 2017. 224 с.
4. Бочарников И. В. О евразийской геополитической стратегии России // Международные отношения. 2016. № 1. С. 83. DOI: <https://doi.org/10.7256/2305-560X.2016.1.17115>
5. Тимошников А. Г. Сравнительный анализ последствий «крымских» санкций для экономики России в XVIII и XXI веках // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 4 (38). С. 140–151.
6. Рязанова А. Р. Правовое регулирование цифровой экономики в России в условиях введения иностранных экономических санкций и ограничительных мер // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 185–192. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.71.7.185-192>
7. Лаврентьева Л. В., Яшкова Е. В. Влияние международных санкций на ведущие сектора экономики России // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3, № 2. С. 75–77.
8. Назарова А. У., Гулиев И. А. Влияние санкций на приток инвестиций в экономику России // Финансовая экономика. 2018. № 5. С. 1110–1114.
9. Соловьев П. В., Матвеевский С. С. Поступления иностранных инвестиций в экономику России в период санкций // Самоуправление. 2019. Т. 2, № 2 (115). С. 439–441.
10. Хоминич И. П., Алихани С. Россия и Иран в условиях экономических санкций: антисанкционная политика и экономика сопротивления // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18, № 2 (116). С. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-2-5-12>
11. Монетарный механизм развития экономики России в условиях действия экономических санкций / В. П. Вишневский, А. В. Матюшин, Е. Н. Вишневская // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. 2015. № 1. С. 26–52.
12. Фадейкина Н. В., Саврадым В. М. Влияние внешних экономических санкций по отношению к России и политики дедолларизации на состояние национальных экономик // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. 2018. № 1 (2). С. 185–216.
13. Попова Г. И. Перспективы развития экономики России в условиях санкций // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 1 (25). С. 102–107.
14. Влияние санкций Запада на современное состояние экономики России / Е. В. Чучулина, А. Д. Беликова, В. П. Евстратов, В. А. Сухарев // Экономика и предпринимательство. 2019. № 2 (103). С. 551–557.
15. Романова И. М. Оценка перспектив развития экономики России в условиях международных санкций и политики импортозамещения // Евразийский научный журнал. 2016. № 6. С. 99–102.
16. Русановский В. А., Мартиросян А. А. Особенности политики диверсификации и изменения структуры экономики России в условиях экономических санкций // Институциональная и структурная адаптация российской экономики к внешним шокам: поиск моделей устойчивого развития. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», 2016. С. 82–99.
17. Ершов М. Как нейтрализовать новые финансовые санкции против России // Эксперт. 2017. № 36. С. 41–43.
18. Graham-Brown S. Sanctioning Iraq: a failed policy // Middle East Report. 2000, Jul. 1 (215). Pp. 8–35.
19. Alnasrawi A. Iraq: economic sanctions and consequences, 1990–2000 // Third World Quarterly. 2001. Vol. 2, № 22. Pp. 205–218.
20. Moret E. S. Humanitarian impacts of economic sanctions on Iran and Syria // European Security. 2015. Vol. 1, № 24. Pp. 120–140.
21. The when, what, where and why of European Union sanctions / F. Giumelli, F. Hoffmann, A. Książczaková // European Security. 2021. № 30. Pp. 1–23.
22. Afesorghor S. K., Mahadevan R. The Impact of Economic Sanctions on Income Inequality of Target States // World Development. 2016. Vol. 83. Pp. 1–11.
23. Peksen D. When Do Imposed Economic Sanctions Work? A Critical Review of the Sanctions Effectiveness Literature // Defence and Peace Economics. 2019. Vol. 6, № 30. Pp. 635–647.
24. Цены на нефть марки Brent // Investing.com. URL: <https://ru.investing.com/commodities/brent-oil> (дата обращения: 29.05.2022).
25. Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 29.05.2022).
26. Игуменов В., Тофанюк Е. Сбили с курса: как война, санкции, нефть и ЦБ уронили рубль // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/02/2015/54d7cccf9a79471f9f83f9dd> (дата обращения: 29.05.2022).

27. Жаворонкова И. «Мираторг» увеличил выручку за 2014 год на 38 % // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/16/03/2015/5506afe49a7947fe3e49ac9a> (дата обращения: 29.05.2022).
28. Агеева О. Эксперты назвали самые изменившиеся из-за санкций отрасли экономик // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a> (дата обращения: 29.05.2022).
29. Как будет действовать закон о «суверенном интернете»? // Государственная Дума РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/46774/> (дата обращения: 29.05.2022).
30. IDC: Итоги ежегодного исследования российского рынка корпоративного программного обеспечения // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-06-24_idc_itogi_ezhegodnogo_issledovaniya (дата обращения: 29.05.2022).
31. Жукова К., Новый В. Иностраннный софт возьмут в группу // Коммерсантъ. 2019. № 115. С. 7.
32. Российские разработчики назвали ключевые проблемы и тренды импортозамещения // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-12-09_rossijskie_razrabotchiki (дата обращения: 29.05.2022).
33. Количество выданных карт «Мир» выросло с начала года на 10 % // ТАСС. URL: https://n.tass.ru/ekonomika/14435515?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 29.05.2022).
34. Левинский А. Время дженериков: к чему привело импортозамещение в медицине и фармацевтике // Форбс. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/408537-vremya-dzhenerikov-k-chemu-privelo-importozameshchenie-v-medicine-i-farmaceutvike> (дата обращения: 29.05.2022).
35. Фармацевтический рынок – 2020: аналитический отчет // DSM Group. URL: https://dsm.ru/docs/analytics/2020_Report_rus.pdf (дата обращения: 29.05.2022).
36. Кулакова В. Наша доля: в РФ полностью могут производить 50% жизненно важных лекарств // Известия. URL: <https://iz.ru/1307280/veronika-kulakova/nasha-dolia-v-rf-polnostiu-mogut-proizvodit-50-zhiznenno-vazhnykh-lekarstv> (дата обращения: 29.05.2022).
37. Автомобильный рынок России: пресс-релиз // Association of European Businesses. URL: <https://aebrus.ru/upload/iblock/bf6/rus-car-sales-in-september-2019.pdf> (дата обращения: 29.05.2022).
38. Авто пресс-релизы Ассоциации европейского бизнеса // Association of European Businesses. URL: <https://aebrus.ru/en/media/press-releases/sales-of-cars-and-light-commercial-vehicles.php> (дата обращения: 29.05.2022).
39. Распопова А. Остановился даже АвтоВАЗ. Каких деталей не хватает и что будет дальше // РБК. URL: <https://www.autonews.ru/news/6242e8749a79476479353aa5> (дата обращения: 29.05.2022).
40. Галицкий Х. Упустили детали: российский автопром стал сильнее зависеть от импорта // Известия. URL: <https://iz.ru/1150086/khariton-galitskii/upustili-detali-rossiiskii-avtoprom-stal-silnee-zaviset-ot-importa> (дата обращения: 29.05.2022).
41. Цухло С. В. Проблемы импортозависимости российской промышленности и импортозамещения в 2014–2018 гг. // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2019. № 4 (88). С. 98–103.
42. Russia Macro View. Not too anxious about sanctions // Citi Research. Economics. 2015. URL: <https://ir.citi.com/Ns6%2BuSgO5bg45MCK6HCw1UVxbZo5TXkL%2BBvYQ2S19pKubi3rbFbTU255d6er4oAaBvV4bqrOgYE%3D> (дата обращения: 29.05.2022).
43. Article IV consultation—press release; and staff report // IMF. 2015. № 15/211. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2015/cr15211.pdf> (дата обращения: 29.05.2022).
44. The Dawn of a New Economic Era? Russia economic report // World Bank. 2015. № 33. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/904101468295545451/pdf/956970NWP00PUB0B0WB0RER0No0330FINAL.pdf> (дата обращения: 29.05.2022).
45. Russian Federation: 2019 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report // IMF. 2019. № 19/260. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/08/01/Russian-Federation-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-48549> (дата обращения: 29.05.2022).
46. Timofeev I. N. Sanctions Against Russia: A Look into 2021: Report 65/2021 // Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: RIAC NPMP, 2021. 24 p.
47. Эрозбек Д. ЦБ рассказал, где и в каких валютах хранил российские резервы // Известия. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5304753> (дата обращения: 29.05.2022).
48. Коренья А., Цвилова Т. На чем российские авиакомпании будут летать после запрета поставок Airbus // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/26/02/2022/6218bf3d9a7947a5bed5b1ab?from=newsfeed> (дата обращения: 29.05.2022).
49. Тютин В. Эксперты назвали самые уязвимые для санкций отрасли экономики России // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/03/2022/623323de9a79475581a199ea> (дата обращения: 29.05.2022).
50. Воробьева Н. В., Такушинов Д. С.-М. Влияние мирового логистического кризиса на экономику Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 3–1 (85). С. 57–59.

51. О некоторых параметрах среднесрочного прогноза: адаптация к условиям санкций // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/DB/foreparam2022.pdf (дата обращения: 29.05.2022).

52. Инфляционные вызовы периода пандемии и санкций. Уроки для будущего / А. В. Акиндинова, В. А. Бессонов, С. Г. Пухов и др. // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-5-25>

53. О минимизации последствий санкций (материалы совещания членов Правительства РФ) // Экономист. 2022. № 3. С. 35–47.

54. Зарубина Ю. В. Проблема поддержки малого и среднего бизнеса в период санкций в российской экономике // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2022. № 9. С. 345–346.

References

1. Zhil'tsova, Yu. V., Zhil'tsova, A. V. (2018). The Russian-German Customs War and Trade Agreements of 1893 and 1904. Part One. *International Accounting*, 21 (7), 852–866 (in Russ.). <https://doi.org/10.24891/ia.21.7.852>
2. Mel'nik, N. N. (2020). History of isolationism and militarization of economy. Enterprises of defense-industrial complex under the US and EU sanctions. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh-Voennopravovoe obozrenie*, 2 (271), 84–90 (in Russ.).
3. Grishaeva, L. E. (2017). *Pulse of sanctions: the Russian historical aspect*. Moscow, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "OntoPrint" (in Russ.).
4. Bocharnikov, I. V. (2016). On the Eurasian geopolitical strategy of Russia. *International relations*, 1, 83 (in Russ.). <https://doi.org/10.7256/2305-560X.2016.1.17115>
5. Timoshnikova, A. G. (2021). Comparative analysis of the consequences of "Crimean" sanctions for the Russian economy in the 18th and 21st centuries. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*, 4 (38), 140–151 (in Russ.).
6. Ryazanova, A. R. (2020). Legal regulation of digital economy in Russia in light of foreign economic sanctions and restrictive measures. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 7 (71), 185–192 (in Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.71.7.185-192>
7. Lavrenteva, L. V., Yashkova, E. V. (2017). Impact of international sanctions on the leading Russian economic sector. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 3 (2), 75–77 (in Russ.).
8. Nazarova, A. U., Guliev, I. A. (2018). Impact of sanctions on the investment inflow in the Russian economy, *Financial Economy*, 5, 1110–1114 (in Russ.).
9. Solovyov, P. V., Matveevsky, S. S. (2019). Foreign investments in the Russian economy during the sanctions period. *Samoupravlenie*, 2, 2 (115), 439–441.
10. Khominich, I. P., Alikhani, S. (2021). Russia and Iran in Conditions of Economic Sanctions: Anti-Sanction Policy and Resistance Economy. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 18 (2), 5–12 (in Russ.). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-2-5-12>
11. Vishnevskii, V. P., Matyushin, A. V., Vishnevskaya, E. N. (2015). Monetary mechanism of the Russian economy development under economic sanctions. *Nauchnye trudy Donetskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskaya*, 1, 26–52 (in Russ.).
12. Fadeikina, N., Savradym, V. (2018). External economic sanctions in relation to Russia and dedollarization: its influence on the condition of national economies. *Nepreryvnoe Professionalnoe Obrazovanie i Novaya Ekonomika*, 1 (2), 185–216 (in Russ.).
13. Popova, G. I. (2016). Prospects of development of the Russian economy under sanctions. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya*, 1 (25), 102–107 (in Russ.).
14. Chuchulina, E. V., Belikova, A. D., Evstratov, V. P., Suharev, V. A. (2019). The impact of Western sanctions on the current state of the Russian economy. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2 (103), 551–557 (in Russ.).
15. Romanova, I. M. (2016). The estimation of prospects of Russia economy development at international sanctions and policy of import substitution. *Eurasian Law Journal*, 6, 99–102 (in Russ.).
16. Rusanovskii, V. A., Martirosyan, A. A. (2016). Features of the policy of diversification and changes in the structure of the Russian economy under economic sanctions. In *Institutional and structural adaptation of the Russian economy to external shocks: searching for the models of sustainable development* (pp. 82–99). Saratov: Saratovskii sotsial'no-ekonomicheskii institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G. V. Plekhanova" (in Russ.).
17. Ershov, M. (2017). How to neutralize new financial sanctions against Russia. *Ekspert*, 36, 41–43 (in Russ.).
18. Graham-Brown, S. (2000, July 1). Sanctioning Iraq: a failed policy. *Middle East Report*, 215, 8–35.

19. Alnasrawi, A. (2001). Iraq: economic sanctions and consequences, 1990–2000. *Third World Quarterly*, 2 (22), 205–218.
20. Moret, E. S. (2015). Humanitarian impacts of economic sanctions on Iran and Syria. *European Security*, 1 (24), 120–140.
21. Giumelli, F., Hoffmann, F., Książczaková, A. (2021). The when, what, where and why of European Union sanctions. *European Security*, 30, 1–23.
22. Afesorgbor, S. K., Mahadevan, R. (2016). The Impact of Economic Sanctions on Income Inequality of Target States. *World Development*, 83, 1–11.
23. Peksen, D. (2019). When Do Imposed Economic Sanctions Work? A Critical Review of the Sanctions Effectiveness Literature. *Defence and Peace Economics*, 6 (30), 635–647.
24. Brent oil prices. *Investing.com*. <https://ru.investing.com/commodities/brent-oil>
25. Labor resources, employment and unemployment. *Rosstat*. (in Russ.). https://rosstat.gov.ru/labour_force
26. Igumenov, V. Tofanyuk, E. Threw off a course: how war, sanctions, oil and the Central Bank dropped ruble. *RBK* (in Russ.). <https://www.rbc.ru/economics/09/02/2015/54d7ccc9a79471f9f83f9dd>
27. Zhavoronkova, I. “Miratog” has increased revenue by 38 % in 2014. *RBK* (in Russ.). <https://www.rbc.ru/business/16/03/2015/5506afe49a7947fe3e49ac9a>
28. Ageeva, O. Experts named the economy sectors which have changed most due to sanctions. *RBK* (in Russ.). <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a>
29. How will the law on the “sovereign internet” act? // *State Duma of the Russian Federation* (in Russ.). <http://duma.gov.ru/news/46774/>
30. IDC: Results of the annual research of the Russian market of corporate software. *CNews* (in Russ.). https://www.cnews.ru/news/line/2021-06-24_idc_itogi_ezhagodnogo_issledovaniya
31. Zhukova, K., Novyi, V. (2019). Foreign software will be taken to the group. *Kommersant*, 115, 7 (in Russ.).
32. Russian developers named the key problems and trends of import substitution. *CNews* (in Russ.). https://www.cnews.ru/news/line/2021-12-09_rossijskie_razrabotchiki
33. Number of issued “Mir” cards increased by 10 % since the beginning of the year // *TASS* (in Russ.). https://n.tass.ru/ekonomika/14435515?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D
34. Levinskii, A. Time for generic drugs: where import substitution in medicine and pharmaceuticals has led. *Forbes* (in Russ.). <https://www.forbes.ru/biznes/408537-vremya-dzhenerikov-k-chemu-privelo-importozameshchenie-v-medicine-i-farmaceutike>
35. Pharmaceutical market – 2020: analytical report. *DSM Group*. https://dsm.ru/docs/analytics/2020_Report_rus.pdf
36. Kulakova, V. Our share: the Russian Federation can fully produce 50% of life-saving drugs. *Izvestiya* (in Russ.). <https://iz.ru/1307280/veronika-kulakova/nasha-dolia-v-rf-polnostiu-mogut-proizvodit-50-zhiznenno-vazhnykh-lekarstv>
37. Automobile market of Russia: press-release. *Association of European Businesses* (in Russ.). <https://aebus.ru/upload/iblock/bf6/rus-car-sales-in-september-2019.pdf>
38. Auto press-releases of the Association of European Businesses. *Association of European Businesses* (in Russ.). <https://aebus.ru/en/media/press-releases/sales-of-cars-and-light-commercial-vehicles.php>
39. Raspopova, A. Even AvtoVAZ has stopped. Which spare parts are missing and what will happen next. *RBK* (in Russ.). <https://www.autonews.ru/news/6242e8749a79476479353aa5>
40. Galitskii, Kh. Missing spare parts: the Russian automobile industry started to be more dependent on imports. *Izvestiya* (in Russ.). <https://iz.ru/1150086/khariton-galitskii/upustili-detali-rossiiskii-avtoprom-stal-silnee-zaviset-ot-importa>
41. Tsukhlo, S. V. (2019). Problems of import dependence of the Russian industry and import substitution in 2014–2018. *Neftegaz.RU*, 4 (88), 98–103 (in Russ.).
42. Russia Macro View. Not too anxious about sanctions. (2015). *Citi Research. Economics* (in Russ.). <https://ir.citi.com/Ns6%2BuSgO5bg45MCK6HCwIUvxbZo5TXkL%2BBrYQ2S19pKubi3rbFbTU255d6er4oAaBvV4bqrOgYE%3D>
43. Article IV consultation—press release; and staff report. (2015). *IMF*, 15/211. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2015/cr15211.pdf>
44. The Dawn of a New Economic Era? Russia economic report. (2015). *World Bank*, 33. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/904101468295545451/pdf/956970NWP00PUB0B0WB0RER0No0330FINAL.pdf>
45. Russian Federation: 2019 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report. (2019). *IMF*, 19/260. <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2019/08/01/Russian-Federation-2019-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-48549>
46. Timofeev, I. N. (2021). *Sanctions Against Russia: A Look into 2021*: Report 65/2021. Moscow, RIAC NPMP.
47. Erozbek, D. The Central Bank told where and in which currencies it stored the Russian reserves. *Izvestiya* (in Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/5304753>
48. Korenyako, A., Tsvirova, T. What will the Russian aviation companies fly after Airbus supplies are banned. *RBK* (in Russ.). <https://www.rbc.ru/business/26/02/2022/6218bf3d9a7947a5bed5b1ab?from=newsfeed>

49. Tyutina, V. Experts named the Russian economic sectors most vulnerable for sanctions. *RBK* (in Russ.). <https://www.rbk.ru/economics/18/03/2022/623323de9a79475581a199ea>
50. Vorobyeva, N. V., Takushinov, D. S.-M. (2022). The impact of the global logistics crisis on the economy of the Russian Federation. *Economy and Business*, 3-1 (85), 57-59 (in Russ.).
51. On certain parameters of middle-term forecasts: adaptation for sanctions. *Center for macroeconomic analysis and short-term forecasting* (in Russ.). http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/DB/foreparam2022.pdf
52. Akindinova, N. V., Bessonov, V. A., Pukhov, S. G., Safonov, I. N., Smirnov, S. V. (2022). Inflation challenges of the pandemic period and sanctions. Lessons for the future. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 5-25 (in Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-5-5-25>
53. On minimizing the consequences of sanctions (materials of a conference of the members of the Russian government). (2022). *The Economist*, 3, 35-47 (in Russ.).
54. Zarubina, U. V. (2022). The problem of supporting small and medium-sized businesses during the sanctions period in the Russian economy. *Sovremennye Tekhnologii i Nauchno-tekhnichestkii Progress*, 9, 345-346 (in Russ.).

Вклад авторов

Г. Т. Гафурова осуществляла общее руководство работой, формировала цель и задачи, структуру исследования, проводила обзор литературы, а также формулировала выводы.

И. Н. Бондаренко осуществлял поиск и обработку эмпирических данных, а также проводил сравнительный анализ санкций 2014 и 2022 гг.

The author's contribution

G. T. Gafurova carried out the general coordination of the research, formulated the research goal, tasks and structure, performed a literature review, and formulated the conclusions.

I. N. Bondarenko searched and processed empirical data, carried out comparative analysis of the sanctions of 2014 and 2022.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 31.05.2022
Дата принятия в печать / Accepted 23.07.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.525-534>

УДК 330.322:330.4:334:338.2

JEL: E22, H43, L32, L38, O22

И. Ю. МЕРЗЛОВ¹

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

ОЦЕНКА УСПЕШНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА С УЧЕТОМ ЭТАПОВ ИХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА И ИНТЕРЕСОВ ОСНОВНЫХ СТЕЙКХОЛДЕРОВ

Мерзлов Игорь Юрьевич, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: imerzlov@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8317-5708>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-3744-2014>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2622-0582, AuthorID: 382565

Аннотация

Цель: разработка критериев, позволяющих объективно и комплексно оценивать успешность реализации проектов государственно-частного партнерства (ГЧП).

Методы: в процессе представленного исследования использовался метод систематического обзора литературы.

Результаты: в результате исследования сделан вывод, что успешность проекта ГЧП является относительным понятием и требует детализации: (1) с позиции какого именно стейкхолдера оценивается проект и (2) относительно какого этапа жизненного цикла проекта производится оценка. Такое понимание позволило предложить универсальный подход к оценке успешности реализации проектов ГЧП, основанный на разработанной нами матрице критериальной оценки, которая учитывает этапы жизненного цикла проекта и интересы его стейкхолдеров.

Научная новизна: систематизация имеющихся в российской и мировой литературе исследований, касающихся оценки успешности как инвестиционных проектов в целом, так и проектов ГЧП в частности, позволила нам выявить универсальный набор критериев для проведения такой оценки. Это, в свою очередь, способствует более адекватной и четкой интерпретации выводов, сделанных широким кругом авторов исследований в области ГЧП, которые достаточно часто ссылаются на «успешные» проекты ГЧП, не давая при этом своего понимания критериев определения успешности.

Практическая значимость: разработанная критериальная матрица оценки успешности проектов ГЧП может стать отправной точкой для совершенствования методологических подходов и нормативных правовых документов, регулирующих реализацию проектов ГЧП, на федеральном и региональном уровнях. Региональные и муниципальные органы исполнительной власти, планирующие реализацию новых проектов ГЧП, могут использовать предложенную матрицу оценки успешности проектов ГЧП в своей работе в целях, с одной стороны, повышения инвестиционной привлекательности разрабатываемых проектов, с другой – обеспечения более качественного и объективного контроля за ходом их дальнейшей реализации.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, государственно-частное партнерство, ГЧП, проект государственно-частного партнерства, оценка проекта ГЧП, инвестиционный проект

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Мерзлов И. Ю., 2022

© Merzlov I. Yu., 2022

Как цитировать статью: Мерзлов И. Ю. Оценка успешности реализации проектов государственно-частного партнерства с учетом этапов их жизненного цикла и интересов основных стейкхолдеров // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 525–534. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.525-534>

The scientific article

I. Yu. MERZLOV¹

¹ Perm State National Research University, Perm, Russia

**ASSESSMENT OF THE EFFICIENCY OF IMPLEMENTATION
OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS TAKING INTO ACCOUNT
THEIR LIFE CYCLES AND KEY STAKEHOLDERS' INTERESTS**

Igor Yu. Merzlov, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Management, Perm State National Research University
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8317-5708>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-3744-2014>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 2622-0582, AuthorID: 382565

Abstract

Objective: to develop criteria for objective and comprehensive assessment of the success of public-private partnership (PPP) projects.

Methods: in the process of the research, the method of systematic literature review was used.

Results: as a result of the study, it was concluded that the success of a PPP project is a relative concept and requires detailing (1) from the viewpoint of which particular stakeholder the project is evaluated and (2) relative to which stage of the project life cycle the assessment is made. This understanding allowed proposing a universal approach to assessing the success of PPP projects, based on the criteria assessment matrix developed by us, which takes into account the stages of the project life cycle and the interests of its stakeholders.

Scientific novelty: the systematization of studies available in the Russian and world literature concerning the assessment of the success of both investment projects in general and PPP projects in particular allowed identifying a universal set of criteria for such an assessment. This, in turn, contributes to a more adequate and clear interpretation of the conclusions made by a wide range of authors of research in the field of PPP, who quite often refer to “successful” PPP projects, without giving their own understanding of the criteria for determining success.

Practical significance: the developed criteria matrix for assessing the success of PPP projects can become a starting point for improving methodological approaches and normative-legal documents regulating the implementation of PPP projects at the federal and regional levels. Regional and municipal executive authorities planning the implementation of new PPP projects can use the proposed matrix for assessing the success of PPP projects in their work in order, on the one hand, to increase the investment attractiveness of the projects being developed, and on the other hand, to ensure better and objective control over their further implementation.

Keywords: Economics and national economy management, Public-private partnership, PPP, Public-private partnership project, PPP project evaluation, Investment project

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Merzlov, I. Yu. (2022). Assessment of the efficiency of implementation of public-private partnership projects taking into account their life cycles and key stakeholders' interests. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 525–534 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.525-534>

Введение

Последние несколько десятилетий государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) рассматривается в мировой практике как один из наиболее эффективных механизмов, позволяющих реализовывать инвестиционные проекты в инфраструктурных отраслях. В Российской Федерации применение механизмов ГЧП получило свое широкое распространение с 2006 г., после вступления в силу Федерального закона «О концессионных соглашениях» № 115-ФЗ от 21.07.2005. Новый этап развития ГЧП в нашей стране связан со вступлением в силу с 1 января 2016 г. Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 224-ФЗ от 13.07.2015. Так, по состоянию на конец января 2022 г. в РФ на разных стадиях реализации находилось 3 659 проектов ГЧП с общим объемом частных инвестиций 3,6 млрд руб. [1].

Авторы, занимающиеся вопросами ГЧП, фокусируются на его различных аспектах. В частности, С. Б. Сиваев и Э. Маркварт в своем учебном пособии исследуют государственно-частное партнерство в различных направлениях: модели и формы, финансирование и управление проектами ГЧП, оценка целесообразности применения для реализации инфраструктурных инвестиционных проектов, управление рисками и факторы успеха проектов ГЧП, организация конкурсных процедур по выбору частного инвестора, оценка эффективности реализации проектов ГЧП, а также государственная политика регулирования государственно-частного партнерства [2]. Так, авторами отмечается, что ГЧП может рассматриваться в четырех различных аспектах: как исторически обусловленная специфическая форма организации общественно-хозяйственной деятельности; как особая региональная социально-экономическая система; как инструмент реализации региональной стратегии социально-экономического развития региона и как проект [3]. Следует отметить, что в рамках настоящего исследования мы рассматриваем ГЧП как специфический инвестиционный проект, реализуемый на паритетных началах публичным образованием и частным инвестором в целях создания и/или реконструкции одного или нескольких инфраструктурных объектов.

В ряде исследований отмечается, что далеко не всегда реализуемые проекты государственно-частного партнерства приводят к намеченным результатам [4, 5], что ставит под вопрос эффективность данного механизма. Среди основных причин, приводящих к безрезультативности проектов ГЧП, как правило, указывают ошибки в расчетах прогнозной эффективности проектов ГЧП, недостатки нормативно-правового регулирования, неэффективное распределение рисков между участниками, а также сложную структуру финансирования [6].

В этой связи отдельный пласт исследований в сфере государственно-частного партнерства посвящен факторам их успешности (*critical success factors*). Среди таковых выделяют следующие: устойчивая макроэкономическая среда, распределение ответственности между публичной и частной сторонами, прозрачный и эффективный процесс организации соответствующих конкурсных процедур, уровень квалификации государственных служащих и эффективное законодательное регулирование ГЧП [7, 8].

Важным для данного исследования является понимание того, что в подавляющем большинстве работ, объектом исследования которых являются проекты государственно-частного партнерства, исследователи оперируют такими терминами, как эффективность и/или успешность проекта ГЧП. В англоязычных источниках наиболее часто используются следующие термины: *successful PPPs* («успешный проект ГЧП»), *stronger PPPs* («сильный проект ГЧП»), *PPP performance* («эффективность проекта ГЧП») и *effective PPPs* («эффективный проект ГЧП»).

В отечественной научной литературе отдельный пласт работ посвящен вопросам оценки эффективности проектов ГЧП. Так, отмечается, что оценка эффективности проектов государственно-частного партнерства должна проводиться с учетом интересов основных стейкхолдеров [9]. Указанное исследование совершенно справедливо показывает, что большинство методик в своей основе содержат традиционные показатели оценки инвестиционной привлекательности проектов (в том числе чистый дисконтированный доход (далее – ЧДД), внутренняя норма доходности (далее – ВНД), индекс доходности (далее – ИД) и срок окупаемости). При этом «расчет социальной и бюджетной эффективности осуществляется исключительно в целях обоснования целесообразности привлечения бюджетных средств и, по сути, не отражает реальную результативность проекта государственно-частного парт-

нерства с позиций более широкого по сравнению с обычным инвестиционным проектом круга заинтересованных лиц» [9]. Аналогичный подход к оценке проектов ГЧП предлагается и большинством других авторов [10, 11].

Подходы, преобладающие в иностранной научной литературе и основанные на оценке успешности проекта ГЧП, исходят из понимания того, что объективно важным является не только расчет его прогнозной эффективности, который производится на этапе инициации проекта, но и дальнейшая оценка фактически полученных результатов от реализации проекта в сравнении с изначально запланированными. Подавляющее большинство российских исследователей в своих работах фокусируются только на вопросах оценки эффективности проектов государственно-частного партнерства на этапе обоснования принятия решения о начале их реализации. Кроме того, подобный подход в настоящее время заложен и в логику Федерального закона № 224-ФЗ: орган государственной власти, иницирующий проект ГЧП, должен провести расчет сравнительной эффективности реализации инфраструктурного проекта на основе государственно-частного партнерства в сравнении с тем, если бы проект был реализован полностью публичной стороной на основе традиционных государственных закупок. При этом данный закон не содержит какой-либо обязанности публичной стороны провести оценку эффективности реализации проекта ГЧП в процессе и по факту его реализации.

В этом контексте для целей нашего дальнейшего исследования мы сфокусируемся на термине «успешность проекта ГЧП», который в том числе в нашем понимании должен включать в себя оценку как прогнозной, так и фактической эффективности его реализации. При этом представленные в литературе соответствующие исследования, как правило, не поясняют, каким именно образом делаются выводы об успешности или неуспешности того или иного проекта ГЧП. Иными словами, отсутствует описание критериев такой оценки. Кроме того, отсутствуют исследования, посвященные методологическим подходам, позволяющим определить уровень успешности реализации отдельно взятого проекта ГЧП. Можно предположить, что данный факт является одной из основных причин отсутствия баз данных (по крайней мере в открытом доступе), раскрывающих информацию об успешности и/или эффективности реализации проектов ГЧП. При этом следует отметить, что многие страны, активно использующие механизмы ГЧП, включая Россию [12], поддерживают в актуальном состоянии реестры реализуемых на их территории проектов ГЧП.

В этом контексте объектом исследования выступает совокупность проектов ГЧП как особой категории инвестиционных проектов, реализация которых направлена на развитие инфраструктурных объектов в целях территориального развития и повышения качества жизни населения. Предметом – подход к проведению комплексной оценки успешности реализации проектов ГЧП.

Таким образом, разработка универсального подхода, позволяющего оценивать успешность реализации проекта государственно-частного партнерства, представляет собой актуальную цель, имеющую как теоретическое, так и прикладное значение в части повышения эффективности управления проектами ГЧП на национальном и региональном уровнях. Так, представленные в исследовании предложения могут стать основой для дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования применения механизмов ГЧП как на национальном, так и на региональном уровнях.

Обзор литературы

Типология проектов ГЧП, представленная в научной литературе¹, имеет разные основания. Например, выделяются проекты ГЧП по уровню значимости, по источникам финансирования, по форме взаимоотношения между государством и бизнесом, по степени завершенности, по стадии реализации и т. д. При этом один и тот же проект может включаться в разные типологические группы [13]. Объективно понятно, что вне зависимости от используемой типологии в интересах сторон, вовлеченных в такой проект, последний должен быть оценен с позиции его эффективности и/или успешности.

¹ Основанный на контекстном поиске в следующих базах цитирования (поисковых системах): РИНЦ (платформа elibrary.ru), Google Scholar (www.scholar.google.ru) и Scopus (www.sciencedirect.com). Полученная информация на основе логических методов дедукции, индукции и синтеза данных позволила разработать матрицу критериальной оценки успешности проекта ГЧП.

Принимая во внимание тот факт, что проект ГЧП по своему содержанию является одним из видов инвестиционного проекта, прежде всего следует рассмотреть базовые подходы к оценке инвестиционных проектов в целом. Так, в теории проектного менеджмента используется понятие железного треугольника (*the Iron Triangle*), который включает в себя три показателя эффективности, позволяющих оценить успешность любого инвестиционного проекта: затраты, качество и время [14]. Впоследствии данные показатели были дополнены следующими: удовлетворенность вовлеченных в проект сторон, влияние на экологию, эффективность использования ресурсов и ряд других [15, 16]. Для оценки эффективности инвестиций, как правило, используют набор показателей (чистая приведенная стоимость, внутренняя норма доходности, индекс доходности и дисконтированный срок окупаемости), расчет которых основывается на концепции временной стоимости денег [17]. Современный подход, применяемый в проектном менеджменте, позволяет определить успешность проекта как «фактическое достижение целей, измеряемых в том числе издержками, временем, качеством и другими критериями, которые были установлены в момент инициации соответствующего инвестиционного проекта» [17; 18. С. 44–45]. Также следует отметить, что критерии эффективности в теории управления инвестиционными проектами являются наиболее значимыми среди всего многообразия критериев успешности проектов [19].

Вместе с тем проекты ГЧП имеют ряд характеристик, которые существенным образом отличают их от всего многообразия других видов инвестиционных проектов: существенно более длительные сроки (средний срок соглашения о ГЧП составляет 25–35 лет), существенное влияние на проект не только инвестиционной стадии, но и операционной (которая может составлять до 90 % от всего срока реализации проекта ГЧП) и участие в проекте, как правило, четырех основных сторон (частного инвестора, публичной стороны, общества (конечных пользователей инфраструктурной услуги) и финансирующей организации) [20. С. 27]. При этом каждая из сторон, оценивая эффективность проекта ГЧП, исходит из собственных приоритетов. Так, частный инвестор опирается в первую очередь на упомянутые выше показатели экономической оценки инвестиций, публичная сторона – на показатели бюджетной эффективности и достигаемые социальные эффекты, общество – на качество предоставляемой инфраструктурной услуги, а финансирующая организация – на показатели, характеризующие способность проекта своевременно и в полном объеме обслуживать соответствующие кредитные обязательства.

Так, И. С. Воронежский в своем исследовании выделил критерии успешности проекта ГЧП в разрезе трех вовлеченных в проект ГЧП сторон: частного бизнеса, публичной стороны, а также населения (общества) (табл. 1) [10].

Таблица 1

Критерии оценки эффективности проекта ГЧП
Table 1. Criteria of assessment of a PPP project efficiency

№ / No.	Государственная значимость / Public value	Общественная значимость / Social value	Частная значимость / Private value
1	Бюджетная эффективность / Budget efficiency	Экологическая эффективность / Environmental efficiency	Коммерческая эффективность / Commercial efficiency
2	Социальная эффективность / Social efficiency	Общественная эффективность / Public efficiency	–

Источник: [10].

Source: [10].

Вместе с тем следует отметить, что указанное исследование не включает в себя описание конкретных показателей, на основе которых может быть произведен расчет, позволяющий оценить уровень достижения соответствующих критериев. Данное ограничение нивелирует работа В. С. Городновой с соавт., которая вы-

деляет 98 показателей оценки успешной реализации проектов ГЧП. При этом следует отметить, что анализ содержания исследования позволяет сделать вывод, что авторы используют в качестве синонимов понятия «эффективность» и «успешность» реализации проекта ГЧП [21]. Для оценки уровня выполнения предложенных показателей авторы предлагают использовать анкетирование экспертов в сфере государственно-частного партнерства, представляющих интерес основных стейкхолдеров, что в конечном итоге, на наш взгляд, может приводить к определенной субъективности.

Отдельного внимания заслуживает подход, основанный на том, что для успешности проекта ГЧП должна быть учтена стадия, на которой находится проект [22]. Авторы данной работы предлагают применять к проекту ГЧП различные критерии оценки во взаимосвязи с тремя стадиями проекта: строительством, эксплуатацией и переходом права собственности на объект инфраструктуры к публичной стороне. Так, на этапе строительства, по мнению авторов, должны применяться следующие критерии: «преодоление ограничений, связанных с возможностями финансирования проекта со стороны бюджета соответствующего публичного образования», «сокращение расходов на строительство при обеспечении запланированного уровня качества», «ввод инфраструктурного объекта в эксплуатацию в соответствии или с опережением установленного графика строительства»; на этапе эксплуатации – «обеспечение соответствия качества предоставляемых инфраструктурных услуг установленным в техническом задании критериям» и «оптимизация операционных затрат»; на этапе перехода права собственности – «удовлетворение интересов всех стейкхолдеров», «накопление опыта для будущих проектов» и «повышение уровня используемых технологий» [22]. По нашему мнению, ряд указанных выше критериев либо дублируют друг друга, либо представляют собой соподчиненность уровней (например, представляется, что критерий «удовлетворение интересов всех стейкхолдеров» является верхнеуровневым и включает в себя все остальные критерии).

Таким образом, представленные в научной литературе подходы к оценке успешности и/или эффективности реализации проектов ГЧП имеют одно или несколько представленных ниже ограничений:

- Используют в своей основе сложно измеримые критерии или критерии, имеющие высокий уровень субъективизма.
- Предполагают оценку только на стадии инициации проекта, т. е. основаны на прогнозных расчетах и не учитывают стадии жизненного цикла проекта ГЧП.
- Предполагают оценку только с позиции одного из стейкхолдеров. Федеральный закон № 224-ФЗ – только с позиции публичной стороны.

Как следствие, представляется актуальным разработать подход, учитывающий достижения предыдущих исследований и позволяющий наиболее объективно оценивать успешность или неуспешность реализации проектов ГЧП (1) на основе объективных критериев, (2) с позиции каждого из основных стейкхолдеров и (3) с учетом этапов жизненного цикла проектов ГЧП.

Результаты исследования

Многосторонность участников проекта государственно-частного партнерства позволяет предположить, что для разных стейкхолдеров необходимо использовать различные критерии успешности, которые напрямую связаны с мотивами участия в таких проектах каждой из сторон.

Кроме того, представляется аргументированным применение различных критериев успешности в зависимости от стадии реализации проекта ГЧП. В этом контексте следует выделить следующие основные стадии жизненного цикла проекта ГЧП: инициация (включая прединвестиционные исследования, поиск и привлечение потенциальных инвесторов), проведение конкурсных процедур по выбору частного партнера (включая разработку конкурсной документации и проведение конкурса), проектирование инфраструктурного объекта, его строительство или реконструкция, его эксплуатация и/или техническое обслуживание, а также завершение проекта [23].

Таким образом, нами разработан подход, основанный на критериальной оценке успешности реализации проекта ГЧП, который представлен в табл. 2.

Таблица 2

Матрица критериальной оценки успешности проекта ГЧП с учетом этапов его жизненного цикла и интересов стейкхолдеров
 Table 2. Matrix of criterion assessment of a PPP project efficiency taking into account its life cycles and key stakeholders' interests

Стейкхолдеры / Stakeholders	Стадии проекта ГЧП / Stages of a PPP project						Завершение / Completion
	Инициация / Initiation	Конкурс / Competition	Проектирование / Projecting	Строительство/реконструкция / Construction/reconstruction	Эксплуатация/обслуживание / Exploitation/servicing		
Публичная сторона / Public party	Выявлен пул инвесторов, заинтересованных участвовать в проекте ГЧП / A pool of investors is identified, who are interested in participation in the PPP project	По итогам конкурса определен победитель (частная сторона) / The winner is identified through contest (the private party)	Проект соответствует требованиям, установленным в соглашении о ГЧП (в том числе проектной документацией) / The project complies with the requirements stated in the agreement on PPP (including the project documentation)	Объект введен в эксплуатацию и полностью соответствует ранее утвержденному проекту / The facility is launched into exploitation and fully complies with the agreed project	Инфраструктурный объект предоставляет услуги конечным пользователям по качеству и объему, соответствующим условиям заключенного соглашения. / - Отсутствуют нарекания на функционирование инфраструктурного объекта со стороны общества в течение всего срока реализации проекта / - The private party accomplished its obligations on the PPP agreement fully and in due time. / - There were no significant complaints from the society to the infrastructural facility functioning during the whole period of the project implementation	- Частная сторона своевременно и в полном объеме выполнила свои обязательства по соглашению о ГЧП. - Отсутствовали существенные нарекания на функционирование инфраструктурного объекта со стороны общества в течение всего срока реализации проекта / - The private party accomplished its obligations on the PPP agreement fully and in due time. - There were no significant complaints from the society to the infrastructural facility functioning during the whole period of the project implementation	
Частный инвестор / Private investor	-	Победа в конкурсе по выбору частной стороны / Winning the contest chosen by the private party	Проект разработан в запланированный срок и в рамках изначально запланированного бюджета расходов. / Проект прошел согласование с публичной стороной / The project was developed within the planned period and the initially planned expenditure budget. / The project was Agreed with the public party	Объект введен в эксплуатацию в запланированный срок и в рамках изначально запланированного бюджета расходов. / Отсутствуют факторы, приводящие к репутационным рискам / The facility is launched into within the planned period and the initially planned expenditure budget. / There are no factors leading to reputational risks	Проект реализуется в соответствии с показателями эффективности не ниже первоначально запланированных в финансовой модели. / Отсутствуют факторы, приводящие к репутационным рискам / The project is implemented in compliance with the efficiency indices not lower than the ones initially planned in the financial model. / There are no factors leading to reputational risks	Экономическая эффективность проекта на протяжении всего его жизненного цикла не ниже первоначально запланированных в финансовой модели. / На протяжении всего проекта отсутствовали существенные репутационные риски / The economic efficiency of the project during its life cycle is not lower than the one initially planned in the financial model. / During the whole project there were significant reputational risks	
Общество / Society	-	-	-	-	Конечные потребители инфраструктурных получают качественные услуги, соответствующие их ожиданиям / End users of the infrastructure get quality services meeting their expectations	Конечные потребители инфраструктуры по-прежнему продолжают получать качественные услуги, соответствующие их ожиданиям / End users of the infrastructure continue getting quality services meeting their expectations	
Финансирующая организация / Financing organization	-	Открыт лимит кредитования на реализацию проекта ГЧП для финансирования частного инвестора / The credit limit is opened for the PPP project implementation to finance the private investor	-	-	Частный инвестор своевременно и в полном объеме обслуживает выданный на реализацию проекта ГЧП кредит/выпущенный облигационный заем / The private investor fully and in due time services the credit or bonded debt issued for the PPP project implementation	-	

Источник: составлено автором.
 Source: compiled by the author.

Следует отметить, что при использовании предложенной матрицы реализация проекта ГЧП может быть оценена как успешная при соблюдении следующего условия: на каждом из этапов жизненного цикла проекта ГЧП критерий успешности выполняется каждым из указанных в табл. 2 стейкхолдеров. В противном случае реализация проекта признается неуспешной. При этом она в целом (т. е. по итогам завершения проекта) не может быть оценена как успешная, в случае если хотя бы на одном из этапов его реализации и хотя бы для одного из стейкхолдеров не был выполнен соответствующий критерий успешности.

Выводы

Предложенная критериальная матрица предназначена для оценки успешности проектов ГЧП по итогам завершения каждого из указанных этапов жизненного цикла проекта ГЧП, т. е. ее использование позволяет получить фактическую объективную оценку успешности реализации проекта ГЧП в течение всего его жизненного цикла. В практическом аспекте полученные выводы могут стать основой для дальнейшего совершенствования национального законодательства, регулирующего реализацию проектов ГЧП в контексте закрепления обязательств по оценке успешности каждого проекта с позиций публичной стороны и общества. Как следствие, это позволит повысить прозрачность и эффективность хода реализации проектов государственно-частного партнерства на основе ведения уполномоченным органом исполнительной власти базы данных проектов ГЧП, основанных на систематическом мониторинге хода их реализации по критериям, предложенным в данной работе.

Следует отметить, что за рамками данного исследования осталась разработка набора показателей оценки и их пороговых значений, с помощью которых могут измеряться предложенные в настоящей работе критерии оценки. Данный аспект станет предметом наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. База проектов ГЧП // Росинфра. URL: <https://rosinfra.ru/profile/base-projects> (дата обращения: 08.06.2022).
2. Сиваев С. Б., Маркварт Э. Государственно- и муниципально-частное партнерство в России и за рубежом: учебное пособие. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 404 с.
3. Мерзлов И. Ю. Развитие теории и методологии управления конкурентоспособностью региональной экономики на основе применения государственно-частного партнерства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Пермь, 2016. 40 с.
4. The Renegotiation of PPP Contracts: an overview of its recent evolution in Latin America / J. L. Guasch, D. Benitez, I. Portabales, L. Flor // OECD/ITF Joint Transport Research Centre Discussion Papers: The International Transport Forum (ITF). Paris. 27–28 October 2014.
5. Абрамян С. К., Голубкина С. К. Организационно-правовые формы на основе проектов ГЧП // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-formy-proektov-na-osnove-gchp> (дата обращения: 19.05.2022).
6. Heravi G., Hajihosseini Z. Risk allocation in public-private partnership infrastructure projects in developing countries: case study of the Tehran // Chalus toll road. J. Infrastruct. Syst. 2012. Vol. 18 (3). Pp. 210–217. DOI: [https://doi.org/10.1061/\(asce\)is.1943-555x.0000090](https://doi.org/10.1061/(asce)is.1943-555x.0000090)
7. Critical success factors for PPPs in infrastructure developments: Chinese perspective / A. P. C. Chan, P. T. I. Lam, D. W. M. Chan et al. // Journal of Construction Engineering and Management. 2010. Vol. 136 (5). Pp. 484–494. DOI: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)CO.1943-7862.0000152](https://doi.org/10.1061/(ASCE)CO.1943-7862.0000152)
8. Gay Public private partnership projects in Singapore: Factors, critical risks and preferred risk allocation from the perspective of contractors / B.-G. Hwang, X. Zhao, M. J. Sh. Gay // International Journal of Project Management. 2013. Vol. 31. Pp. 424–433. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2012.08.003>
9. Методология отбора и оценки эффективности проектов государственно-частного партнерства с учетом интересов стейкхолдеров / И. Н. Ткаченко, Я. В. Савченко, М. В. Евсеева // Дискуссия. 2014. № 8 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-otbora-i-otsenki-effektivnosti-proektov-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-s-uchetom-interesov-steykholderov> (дата обращения: 18.05.2022).
10. Воронежский И. С. Оценка эффективности государственно-частного партнерства // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 335–339. URL: <https://moluch.ru/archive/312/70904/> (дата обращения: 18.05.2022).

11. Трынов А. В. Методика оценки экономической эффективности инвестиционных проектов, реализуемых на принципах государственно-частного партнерства // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 602–612. DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-2-23>
12. Ежемесячный дайджест рынка ГЧП в России // Росинфра. 2022, январь. URL: <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/ezemesacnyj-dajdzest-rynka-gchp-v-rossii-anvar-2022> (дата обращения: 18.05.2022).
13. Савченко Я. В. Классификация объектов и проектов государственно-частного партнерства // Известия УрГЭУ. 2013. № 5 (49). С. 32–37.
14. Atkinson R. Project management: cost, time and quality, two best guesses and a phenomenon, its time to accept other success criteria // International Journal of Project Management. 1999. Vol. 17 (6). Pp. 337–342.
15. Critical success criteria for mass house building projects in developing countries / D. K. Ahadzie, D. G. Proverbs, P. O. Olomolaiye // International Journal of Project Management. 2008. Vol. 26 (6). Pp. 675–687.
16. Ogunlana S. O. Beyond the 'iron triangle': stakeholder perception of key performance indicators (KPIs) for large-scale public sector development projects // Int. J. Proj. Manag. 2010. Vol. 28 (3). Pp. 228–236.
17. Инвестиционный менеджмент: учебник / С. Е. Метелев, В. П. Чижик, С. Е. Елкин, Н. М. Калинина. Омск: Омскбланкиздат, 2013. 290 с.
18. Милошевич Д. З. Набор инструментов для управления проектами. Инструменты и приемы для практикующего проект-менеджера. Москва: МИСИ-МГСУ, 2018. С. 44–45.
19. Родионова Н. В. Теория и методология исследования экономических и социальных показателей в системах управления предприятиями: дис. ... д-ра экон. наук. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГИЭУ, 2004. 155 с.
20. Делмон Дж. Государственно-частное партнерство в инфраструктуре: практическое руководство для органов государственной власти. Мировой банк, 2010.
21. Разработка методики оценки эффективности реализации проектов государственно-частных партнерств / Н. В. Городнова, А. А. Пешкова, Д. С. Воронов, А. А. Емельянов // Вестник НГУЭУ. 2018. № 2. С. 59–78.
22. Ahmadabadi A. A., Heravi G. The effect of critical success factors on project success in Public-Private Partnership projects: A case study of highway projects in Iran // Transport Policy. 2019. Vol. 73. Pp. 152–161. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2018.07.004>
23. Мерзлов И. Ю. Содержание организационно-экономического механизма управления государственно-частным партнерством // Экономика и менеджмент систем управления. 2013. № 4.2 (10). С. 264–275.

References

1. PPP database. *Rosinfra*. (in Russ.). <https://rosinfra.ru/profile/base-projects>
2. Sivaev, S. B., Marquart, E. (2018). *Public and municipal-private partnership in Russia and abroad: a tutorial*. Moscow, Delo Publishing House RANEPА (in Russ.).
3. Merzlov, I. Yu. (2016). *Developing the theory and methodology of competitiveness management of regional economy based on public-private partnership*: abstract of a doctoral (Economics) thesis. Perm (in Russ.).
4. Guasch, J. L., Benitez, D., Portabales, I., Flor, L. (2014). The Renegotiation of PPP Contracts: an overview of its recent evolution in Latin America. In OECD/ITF Joint Transport Research Centre Discussion Papers: The International Transport Forum (ITF). Paris, France. 27–28 October 2014.
5. Abramyan, S. K., Golubkina, S. K. (2020). Organizational and legal forms of PPP-based projects. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 7 (in Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-formy-proektov-na-osnove-gchp>
6. Heravi, G., Hajihosseini, Z. (2012). Risk allocation in public-private partnership infrastructure projects in developing countries: case study of the Tehran. *Chalus toll road. J. Infrastruct. Syst.*, 18 (3), 210–217. [https://doi.org/10.1061/\(asce\)is.1943-555x.0000090](https://doi.org/10.1061/(asce)is.1943-555x.0000090)
7. Chan, A. P. C., Lam, P. T. I., Chan, D. W. M., Cheung, E., Ke, Y. (2010). Critical success factors for PPPs in infrastructure developments: Chinese perspective. *Journal of Construction Engineering and Management*, 136 (5), 484–494. [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)CO.1943-7862.0000152](https://doi.org/10.1061/(ASCE)CO.1943-7862.0000152)
8. Hwang, B.-G., Zhao, X., Gay, M. J. Sh. (2013). Public private partnership projects in Singapore: Factors, critical risks and preferred risk allocation from the perspective of contractors. *International Journal of Project Management*, 31, 424–433. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2012.08.003>
9. Tkachenko, I. N., Savchenko, Y. V., Evseeva, M. V. (2014). To the question about methodology selection and evaluation of effectiveness public-private partnership based on the interests of stakeholders. *Discussion*, 8 (49) (in Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-otbora-i-otsenki-effektivnosti-proektov-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-s-uchetom-interesov-steykholderov>

10. Voronezhsky, I. S. (2020). Assessing the efficiency of public-private partnership. *Young Scientist*, 22 (312), 335–339 (in Russ.). <https://moluch.ru/archive/312/70904/>
11. Trynov, A. V. (2016). Public-Private Investment Partnerships: Efficiency Estimation Methods. *Economy of Region*, 12 (2), 602–612. <https://doi.org/10.17059/2016-2-23> (in Russ.).
12. Monthly digest of the PPP market in Russia. (2022, January). *Rosinfra* (in Russ.). <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/ezemesacnyj-dajdzest-rynka-gcp-v-rossii-anvar-2022>
13. Savchenko, Y. V. (2013). Classification of objects and projects of public-private partnership. *Izvestia of the USUE*, 5 (49) (in Russ.).
14. Atkinson, R. (1999). Project management: cost, time and quality, two best guesses and a phenomenon, its time to accept other success criteria. *International Journal of Project Management*, 17 (6), 337–342.
15. Ahadzie, D. K., Proverbs, D. G., Olomolaiye, P. O. (2008). Critical success criteria for mass house building projects in developing countries. *International Journal of Project Management*, 26 (6), 675–687.
16. Ogunlana, S. O. (2010). Beyond the ‘iron triangle’: stakeholder perception of key performance indicators (KPIs) for large-scale public sector development projects. *Int. J. Proj. Manag.*, 28 (3), 228–236.
17. Metelev, S. E., Chizhik, V. P., Elkin, S. E., Kalinina, N. M. (2013). *Investment management*. Omsk, Omskblankizdat (in Russ.).
18. Milosevic, D. Z. (2018). *A set of tools for project management. Tools and techniques for a practicing project-manager*. Moscow, MSI-MGSU (in Russ.).
19. Rodionova, N. V. (2004). *Theory and methodology of researching the economic and social indices in the systems of company management*, doctoral (Economics) thesis. Saint Petersburg, Publishing house of SPbGIEU (in Russ.).
20. Delmon, J. (2010). *Public-private partnership in infrastructure: practical guidelines for state authorities*. World Bank (in Russ.).
21. Gorodnova, N. V., Peshkova, A. A., Voronov, D. S., Emelyanov, A. A. (2018). Development of a methodology for assessing the effectiveness of public-private partnership projects. *Vestnik NSUEU*, 2, 59–78 (in Russ.).
22. Ahmadabadi, A. A., Heravi, G. (2019). The effect of critical success factors on project success in Public-Private Partnership projects: A case study of highway projects in Iran. *Transport Policy*, 73, 152–161. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2018.07.004>
23. Merzlov, I. Yu. (2013). Content of organizational and economic mechanism of managing a public-private partnership. *Economics and Management of Management Systems*, 4.2 (10) (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 25.03.2022

Дата принятия в печать после доработки / Date of acceptance for publication after finalization 12.07.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.535-547>

УДК 332.1:338.45:622(985):504

JEL: O18, P25, Q57, R11, R13

О. В. КУДРЯВЦЕВА¹,
Е. В. СЕРЕБРЕННИКОВ¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ РОССИЙСКИХ АРКТИЧЕСКИХ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ ШЕЛЬФОВЫХ ПРОЕКТОВ

Контактное лицо:

Кудрявцева Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор
экономического факультета, Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова

E-mail: olgakud@mail.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 9064-4420, AuthorID: 112178

Серебрянников Евгений Владимирович, специалист экономического факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: e.v.serebrennikov@gmail.com

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8471-8712, AuthorID: 1135386

Аннотация

Цель: исследование эколого-экономических перспектив российских арктических нефтегазодобывающих шельфовых проектов методом функционального анализа.

Методы: математическое моделирование, сравнительный анализ, эмпирический анализ.

Результаты: предложен метод оценки финансового обеспечения мероприятий по ликвидации предполагаемого экологического ущерба при разливах углеводородов на арктических шельфовых нефтегазодобывающих проектах, рассмотрены модели нефтеразливов на арктических шельфовых месторождениях «Приразломное» и «Победа», проведена оценка стоимости мероприятий по ликвидации этих происшествий.

Научная новизна: в работе впервые проведено исследование функции финансового обеспечения мероприятий по ликвидации предполагаемого экологического ущерба при разливе углеводородов на арктических шельфовых нефтегазодобывающих месторождениях «Приразломное» и «Победа» посредством использования математического метода функционального анализа, расчет максимумов затрат, а также времени с момента начала разлива, на которое приходится эти функциональные значения. Допущение математической модели – гипотеза о константности дебита скважин (оценка сверху – используемый характерный дебит секундной добычи всего месторождения), а также пренебрежение изменениями физических свойств жидких углеводородов (вязкость, плотность) вследствие характерной годовой динамики температур арктических областей и рассмотрение динамики распространения нефтеразлива на морской поверхности в инертной фазе без учета гравитационно-вязкого и поверхностного режимов.

Практическая значимость: данные математического моделирования разливов могут быть использованы страховыми компаниями в рамках вычислений страховых премий, Росприроднадзором при калькуляции штрафов, а также иными надзорными ведомствами при андеррайтинге нефтегазовых арктических проектов.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, добыча углеводородов в Арктике, нефтегазодобывающий комплекс, экологическая безопасность, арктический шельф, моделирование разлива, технологии ликвидации нефтеразлива

Благодарность: авторы благодарят рецензента за ценные замечания и предложения.

© Кудрявцева О. В., Серебрянников Е. В., 2022

© Kudryavtseva O. V., Serebrennikov E. V., 2022

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кудрявцева О. В., Серебренников Е. В. Использование математических методов исследования для анализа эколого-экономических перспектив российских арктических нефтегазодобывающих шельфовых проектов // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 535–547. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.535-547>

The scientific article

O. V. KUDRYAVTSEVA¹,
E. V. SEREBRENNIKOV¹

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

USING MATHEMATICAL RESEARCH METHODS FOR ANALYZING ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC PROSPECTS OF THE RUSSIAN ARCTIC OIL AND GAS PRODUCING SHELF PROJECTS

Contact:

Olga V. Kudryavtseva, Doctor of Economics, Professor of Economics Faculty, Lomonosov Moscow State University

E-mail: olgakud@mail.ru

eLIBRARY ID: SPIN-code: 9064-4420, AuthorID: 112178

Evgeniy V. Serebrennikov, expert of Economics Faculty, Lomonosov Moscow State University

E-mail: e.v.serebrennikov@gmail.com

eLIBRARY ID: SPIN-code: 8471-8712, AuthorID: 1135386

Abstract

Objective: to study the ecological and economic prospects of Russian Arctic oil and gas offshore projects by the method of functional analysis.

Methods: mathematical modeling, comparative analysis, empirical analysis.

Results: a method is proposed for assessing the financial provision of measures to eliminate the alleged environmental damage caused by hydrocarbon spills in Arctic offshore oil and gas production projects; models of oil spills in the “Prirazlomnoye” and “Pobeda” Arctic offshore fields are considered; the cost of measures to eliminate these incidents is estimated.

Scientific novelty: for the first time, the paper investigates the function of financial provision for measures to eliminate the alleged environmental damage due to hydrocarbons spills at the “Prirazlomnoye” and “Pobeda” Arctic offshore oil and gas fields with the mathematical method of functional analysis, calculation of the maximum costs, as well as the time from the start of the spill, which accounts for these functional values. The assumption of the mathematical model is the hypothesis of the constancy of the well flow rate (the top estimate is the characteristic flow rate of the per second production of the entire field), as well as the neglect of changes in the physical properties of liquid hydrocarbons (viscosity, density) due to the characteristic annual temperature dynamics of the Arctic regions and consideration of the dynamics of the oil spill spread on the sea surface in the inert phase without taking into account the gravitationally viscous and surface modes.

Practical significance: the mathematical modeling data on spills can be used by insurance companies in the calculation of insurance premiums, by Rosprirodnadzor Agency in the calculation of fines, and by other supervisory agencies in the underwriting of oil and gas Arctic projects.

Keywords: Economics and national economy management, Hydrocarbon production in the Arctic, Oil and gas production complex, Environmental safety, Arctic shelf, Spill modeling, Oil spill elimination technologies

Acknowledgements: the authors are grateful to the reviewer for valuable comments and ideas.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kudryavtseva, O. V., Serebrennikov, E. V. (2022). Using mathematical research methods for analyzing environmental and economic prospects of the Russian arctic oil and gas producing shelf projects. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 535–547 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.535-547>

Введение

На рубеже 1960–1970-х гг. возник новый фундаментальный фактор влияния на мировую экономику – экологический. Высокие темпы урбанизации и роста плотности технологических инфраструктур, экспоненциальный рост мирового населения и, как следствие, мирового энергопотребления, интенсификация динамики производства и трансконтинентальной логистики стали оказывать крайне пагубные экологические эффекты [1, 2].

Колоссальные выбросы углеводородов в атмосферу, загрязнение Мирового океана и почв, жесточайшая вырубка лесного покрова, оскудение пахотных земель, опустынивание, нарушение баланса количества, давлений и температур веществ в земной коре (добыча углеводородов, редкоземельных металлов, руд, создающая гигантские полости в земной коре) имеют ускоряющуюся динамику роста в последние несколько десятилетий, сохранение которой в ближайшие десятилетия может привести к глобальной экологической катастрофе необратимого характера, влекущей за собой мощнейшие социальные катаклизмы [3, 4].

Мировая политическая повестка в последние десятилетия дополнилась перманентными дискуссиями о принятии мер по недопущению такого развития ситуации посредством введения новых политических и экономических нормативов [5]. Создание Римского клуба, подписание Киотского протокола и Парижских соглашений, а также разработка модели устойчивого развития ООН в XXI в. и Конвенция Глазго – 2021 закрепили декларацию новых целей и внедрение новых установок мирового сообщества в третьем тысячелетии, основанных на формировании новых ценностей с учетом сохранения окружающей среды [6].

В рамках борьбы с изменением климата, ради сохранения экосистем моря и суши, экологизации городов и производств, в развитых (Западная Европа и Северная Америка – с 1970-х гг.) и развивающихся (страны БРИКС – с 1990-х гг.) странах вводятся новые фискальные ограничения экологического характера, проводится международная и внутренняя политика по «озеленению» производств, наблюдается стремление к низкоуглеродной экономике (минимизация выбросов углерода в атмосферу – нивелирование экологических рисков, в том числе парникового эффекта, повышение температуры земной поверхности при котором даже на несколько градусов может привести к потере 30–50 % многообразия флоры и фауны) [7].

Развитие технологий возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) в ключе парадигмы устойчивого развития бросает мощные вызовы для традиционной экономики углеводородов, однако в перспективе ближайшего столетия нефтегазодобывающая отрасль, являясь на данный момент доминантой для энергетики, транспорта и мировой логистики, будет оставаться конкурентоспособной. При малейшем неудовлетворенном спросе на керосин возникнет нарушение цепочек морских поставок, возрастут цены на продовольственные и непродовольственные товары, возникнут макроэкономические риски, стагнация и кризисы – все это является причиной актуализации дальнейших исследований в данной отрасли [3].

Более того, политическая повестка сегодняшнего дня и ее воздействие на мировую экономику диссонируют с задачами тысячелетия, упомянутыми выше. Нарушение мировой логистики, нехватка продовольствия, жесткие товарно-сырьевые эмбарго на мировом рынке создают дополнительную существенную нагрузку на бюджеты стран и регионов, являются причинами значительной экономической турбулентности, волатильности на рынках энергоносителей, скачков на сырьевых и валютных биржах. Все это тормозит мировую экологическую повестку и инвестиции в зеленую энергетику, ВИЭ, смещая акценты борьбы с изменением климата на вопросы энергетической безопасности и бесперебойные, политически детерминированные по-

ставки традиционных энергоносителей (ярчайший пример следствия такого рода процессов – разворот вектора сырьевого экспорта России с Запада на Восток и увеличение получаемых российским бюджетом средств на фоне роста цен на углеводороды весной и летом 2022 г. при относительном уменьшении объема поставок). На этом фоне актуальность рассмотрения экономических задач, связанных с нефтегазодобывающей отраслью, в том числе с ее экологической составляющей, только возрастает.

В настоящее время нефтегазодобыча в зоне российского арктического шельфа – прерогатива больших компаний, таких как ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром», являющихся государственными по форме собственности, что обеспечивает им возможность получения значительных субсидий из федерального бюджета, а также налоговые преимущества. Это придает компаниям дополнительный импульс для развития арктических проектов, высокорискованных в плане прибыли в кратко- и среднесрочной перспективе. В крайне суровых условиях Арктики неэффективно, а порой и невозможно использовать классические методы и технологии добычи углеводородов, поэтому необходимы инновационные технологии в области геологоразведки, нефте-сервиса, добычи, транспорта, в том числе в сфере экологических решений.

Целью данного исследования является анализ эколого-экономических перспектив развития российских арктических нефтегазодобывающих шельфовых проектов.

Задачей данного исследования является изучение функции финансового обеспечения мероприятий по ликвидации предполагаемого экологического ущерба при разливе углеводородов на арктических шельфовых нефтегазодобывающих месторождениях «Приразломное» и «Победа» посредством метода функционального анализа, расчет максимумов затрат, а также времени с момента начала разлива, на которое приходится эти функциональные значения.

Исследование эколого-экономических перспектив российских арктических нефтегазодобывающих шельфовых проектов методом функционального анализа

С учетом того, что практически половина (по данным Министерства финансов РФ, около 37–46 %) бюджета формируется за счет доходов от добычи и экспорта углеводородов [8], Правительство России крайне заинтересовано в качественном и количественном развитии технологий нефтегазодобычи, особенно в текущих условиях высокой степени выработки запасов углеводородов на отечественных месторождениях Каспийского, Волго-Уральского, Восточно-Сибирского, Охотского бассейнов. Актуальной стратегической задачей настоящего времени является интенсификация добычи недр в Арктической зоне России. Это определено в Указе «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», подписанной Президентом России В. В. Путиным 26 октября 2020 г. Добыча ископаемых ресурсов в арктическом регионе влечет за собой экологический ущерб, попытки учета которого уже предпринимаются в исследованиях по оценке его минерально-сырьевого потенциала [9].

Не менее актуальными на этом фоне являются задачи экологической безопасности, проблематика моделирования процессов, связанных с возможными разливами продуктов углеводородов жидкой фазы в арктических условиях, поэтому создание методологии расчета экологического ущерба от возможных происшествий на арктических шельфовых территориях особенно актуально сегодня.

Вопросам изучения методов оценки разливов нефтепродуктов на суше, море и шельфе, а также подсчета стоимости мероприятий по их ликвидации посвящено большое количество теоретических и экспериментальных работ исследователей из различных областей науки и регионов мира с конца 1970-х гг. прошлого столетия. Примечательны работы исследователей Гримас, Аллен и Долцетти «Экспресс-оценка скорости проникновения углеводородов в почвы сразу же после аварийного разлива для целей быстрого реагирования» [10], Дж. Фэя «Физические процессы нефтяного разлива на морской поверхности» [11], О. В. Кудрявцевой и А. А. Поповой «Снижение экологических ущербов в энергетическом комплексе посредством определения масштабов загрязнения от разливов нефти на нефтепроводах» [12], «Основные проблемы экологического страхования в России и пути их решения» [13], «Проблемы страхования ответственности за загрязнение окружающей среды в российском нефтегазовом секторе» [14], П. А. Красильникова и В. В. Середина «Изу-

Кудрявцева О. В., Серебренников Е. В. Использование математических методов исследования для анализа эколого-экономических перспектив...
Kudryavtseva O. V., Serebrennikov E. V. Using mathematical research methods for analyzing environmental and economic prospects...

чение закономерностей и построение математических моделей распределения углеводородов по разрезу на территориях нефтеперерабатывающих предприятий» [15], в которых последовательно развиваются идеи оценки динамики распространения и величины экологического ущерба при разливе углеводородов, а также методики возможных мероприятий по их ликвидации. Стоит отметить, что большая часть работ по данной тематике посвящена разливам продуктов углеводородов на суше, на континентальных территориях, тогда как рассмотрение данной задачи на морской поверхности и на шельфе очень важно в настоящее время: при разливе углеводородов жидкой фракции необходимо учитывать влияние морских течений, градиент температур и множество других факторов, сводящих математическое моделирование лишь к описательной модели (не говоря уже о случаях неконтролируемых выходов попутного газа на морском шельфе и сипов, описываемых задачей распространения газа в слоях жидкости, восходящей в фундаментальную механику).

Постановлением Министерства природных ресурсов и экологии России от 31.12.2020 № 1139 «Методика расчета финансового обеспечения осуществления мероприятий, предусмотренных планом предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, включая возмещение в полном объеме вреда, причиненного окружающей среде, жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц в результате разливов нефти и нефтепродуктов», размер финансового обеспечения мероприятий по ликвидации аварий разливов нефти определяется по формуле:

$$F = V_1 \times P_1 + V_2 \times P_2 + \dots + V_i \times P_i + \dots + V_n \times P_n,$$

где F – сумма финансового обеспечения (руб.); n – количество мероприятий в соответствии с планом предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, требующих финансовых затрат; V_i – объем работ на выполнение i -го мероприятия, который необходимо провести для предупреждения и ликвидации разлива нефти и нефтепродуктов в соответствии с планом предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов; P_i – стоимость единицы объема работ (услуг) на выполнение i -го мероприятия по предупреждению и ликвидации разлива нефти и нефтепродуктов в соответствии с планом предупреждения и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов. Этот показатель определяется из расходов на соответствующие работы (услуги) по стоимости, сложившихся в субъектах Российской Федерации, включающих собственные расходы организации на закупку необходимых материалов и оборудования, расходы на оплату работ (услуг) специализированных экспертных организаций по локализации и ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов (в том числе расходы на оплату работ (услуг) аварийно-спасательных служб и аварийно-спасательных формирований).

Общность данной модели характеризуется отсутствием конкретного, прикладного описания составляющих подсчета затрат на мероприятия по ликвидации нефтеразливов, что оставляет пространство со стороны компаний-виновников для недобросовестного отношения к экологическому контролю, имитации мероприятий по предотвращению и ликвидации возможных происшествий, минимизации инвестиций в природоохранную отрасль. Авторы статьи предлагают методику расчета возможной оценки финансового обеспечения мероприятий по ликвидации предполагаемого экологического ущерба при разливе углеводородов на арктическом шельфовом нефтегазодобывающем проекте, выраженную следующей формулой:

$$F = V_1 \times P_1 + V_2 \times P_2 + V_3 \times P_3,$$

где F – сумма финансового обеспечения (руб.); V_1 – временной промежуток необходимого фрахта траловых кораблей боновых заграждений и сбора продуктов разлива, оборудованных скиммерами (время использования в часах); P_1 – стоимость фрахтового договора для данного происшествия, измеряемая по формуле:

$$P_1 = p \times N,$$

где p – цена фрахта одного судна за единицу времени (руб.); N – количество необходимых кораблей; V_2 – временной промежуток необходимого фрахта подводных носителей и боновых заграждений для сбора продуктов

разлива (время использования в часах); P_2 – стоимость фрахтового договора аренды подводных носителей и боновых заграждений для данного происшествия (руб.); V_3 – количество необходимых для данного происшествия химических реагентов расщепления нефтепродуктов (диспергентов, в килограммах); P_3 – рыночная/оптовая стоимость диспергентов (рублей за килограмм).

Рассмотрим более подробно формирование значений V_1 , V_2 и V_3 : эти величины являются следствием параметров нефтеразлива: радиуса, площади покрытия, количества выбросов, временной динамики распространения. Для оценки динамики распространения возможного нефтеразлива на арктическом шельфовом нефтегазодобывающем проекте в незамерзающей зоне и зоне молодого льда возможно применение частного решения задачи распространения нефтяного пятна на морской поверхности, используя уравнение непрерывности, стационарное уравнение движения жидкости и закон сохранения массы [16; 17. С. 87–93; 18], которые задают функцию радиуса распространения нефтяного пятна в зависимости от нескольких параметров в осесимметричном приближении [19, 11]:

$$r = a \times \left(\frac{\rho - \rho_0}{\rho} \times g \times V \times t^2 \right)^{0,25},$$

где a – коэффициент пропорциональности ($a = 1,14$ получен экспериментально); ρ – плотность морской воды; ρ_0 – плотность жидких углеводородов; g – ускорение свободного падения; V – объем разлива жидких углеводородов за время t ; t – время, прошедшее с момента неконтролируемого выхода жидких углеводородов на морскую поверхность.

Используя данное уравнение с подстановкой соответствующих данному месторождению коэффициентов, можно осуществить математическое моделирование динамики распространения нефтяного пятна во времени, его радиуса и площади. Данная закономерность, экспериментально полученная Д. Фэем в 1971 г., включена в «Методические рекомендации по оценке опасности подводных потенциально опасных объектов во внутренних водах и территориальном море Российской Федерации» (утверждено МЧС России 02.12.2021 № ДЗ-17-802-5172-ВЯ)¹ после изучения динамики нефтеразлива под Новороссийском осенью 2021 г. и его последующей ликвидации. Стоит отметить, что решение задачи нефтеразлива на морской поверхности, полученное Фэем, содержит три вариации данной формулы, отражающие изменение динамики распространения разлива (инерционная, вязкая и поверхностно-гравитационная фаза). В контексте рассматриваемой нами задачи осуществим аппроксимацию, используя формулу лишь первого, инерционного этапа, отражающего максимальную динамику разлива с учетом прошедшего с начала происшествия времени.

Рассмотрим формулу суммарной стоимости финансового обеспечения мероприятий по ликвидации аварийных разливов нефти в общем виде, подставляя все компоненты в финальную формулу:

$$F = V_1 \times p \times N + V_2 \times P_2 + V_3 \times p \times r^2,$$

где F – сумма финансового обеспечения (руб.); V_1 – временной промежуток необходимого фрахта траловых кораблей боновых заграждений и сбора продуктов разлива, оборудованных скиммерами (время использования в часах); p – цена фрахта одного судна за единицу времени (руб.); N – количество необходимых кораблей; V_2 – временной промежуток необходимого фрахта подводных носителей и боновых заграждений для сбора продуктов разлива (время использования в часах); P_2 – стоимость фрахтового договора аренды подводных носителей и боновых заграждений для данного происшествия (руб.); V_3 – количество необходимых для данного происшествия химических реагентов расщепления нефтепродуктов (диспергентов, в килограммах); P_3 – рыночная/оптовая стоимость диспергентов (рублей за килограмм).

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416631/ (дата обращения: 20.04.2022).

С учетом того, что время осуществления операции по устранению экологического ущерба и время разлива – две различные динамические величины, примем новые обозначения переменных:

$$\begin{aligned}V_1 &= V_2 = T, \\ p \times N + P_2 &= x, \\ V_3 &= y,\end{aligned}$$

и при подстановке новых обозначений итоговая формула примет вид:

$$F(t, T) = T \times x + y \times \pi \times a^2 \left(\frac{\rho - \rho_0}{\rho} \times g \times V \times t^2 \right)^{0,5},$$

где T – время, потраченное на реализацию мероприятий по ликвидации последствий нефтеразлива (в часах); x – суммарная спотовая стоимость оборудования и транспорта для реализации мероприятий по ликвидации разлива (руб.); y – количество необходимых для данного происшествия химических реагентов расщепления нефтепродуктов (диспергентов, в килограммах).

Учтем также, что между значениями t и T существует временной лаг, выражающий зависимость данных величин:

$$t = T + C,$$

где C – константа, выражающая временной промежуток между началом разлива и началом мероприятий по его устранению, т. е. среднее время прибытия судов ликвидации аварий разливов нефти (далее – ЛАРН) на место разлива от порта приписки.

Исследуем эту функцию, монотонную, непрерывную и дифференцируемую на всей области определения, на наличие условных экстремумов методом математического функционального анализа [20]. Исследуем полученную функцию суммарной стоимости:

$$F(t) = (t - C) \times x + y \times \pi \times a^2 \times t \left(\frac{\rho - \rho_0}{\rho} \times g \times V \right)^{0,5}.$$

Фактически функция суммарной стоимости мероприятий по устранению разлива принимает вид линейной функции от времени, и мы получим максимальное значение функции стоимости и значение времени, в течение которого оно достигается.

В качестве примеров рассмотрим нефтедобычу на морской ледостойкой стационарной платформе (далее – МЛСП) «Приразломная», находящейся на шельфе Печорского моря в 60 километрах от береговой линии (проект ПАО «Газпром», добыча начата в декабре 2014 г.) и добычу нефти на Восточно-Приновоземельском месторождении «Победа», скважина Университетская-1 (проект ПАО «НК «Роснефть», добыча ведется с сентября 2014 г.), находящемся на территории Карского моря, в 250 километрах от материковой зоны [21–22]. Эти проекты являются уникальными, пионерными для мировой нефтегазодобывающей отрасли в плане сложности климатических условий, северной широтности, а также одними из немногих функционирующих на сегодняшний момент арктических шельфовых проектов полного цикла: бурение, добыча, хранение, подготовка и отгрузка на нефтеналивные суда. Оба шельфовых месторождения находятся в граничных морских зонах незамерзающей части и зон начального, молодого льда Печорского и Карского морей Северного Ледовитого океана (по данным Арктического и Антарктического научно-исследовательского института). Рассмотрим задачу нахождения радиуса нефтеразливов на поверхности в локации этих месторождений, учитывая, что морская поверхность представляет собой жидкую фазу либо смесь жидкой и твердой фаз (пористый лед, обладающий аморфными свойствами), с выходом нефтепродуктов жидкой фазы на морскую поверхность и последующим их распространением в однородной и двухфазной среде. В данном приближении задача сводится к изучению динамики распространения нефтеразлива на морской поверхности в инертной фазе без учета гравитационно-вязкого и поверхностного режима [11].

Таблица 1

Сравнение месторождений «Приразломное» и «Победа» по геофизическим характеристикам и параметрам добычи

Table 1. Comparison of “Prirazlomnoye” and “Pobeda” fields by geophysical characteristics and production parameters

Месторождение / Field	Геофизические характеристики / Geophysical characteristics	Параметры добычи и время подхода судов ЛАРН / Production parameters and arrival time of Oil Spill Contingency Plan vessels
«Приразломное», проект ПАО «Газпром» / “Prirazlomnoye”, Gazprom project	Глубина моря – 19–20 м. Объем запасов более – 70 млн т / Sea depth – 19–20 meters. Reserves – over 70 mln tons	$q = 0,175 \text{ м}^3/\text{с}$ (15 120 м ³ /сут) C = 4 часа / $q = 0,175 \text{ м}^3/\text{с}$ (15,120 м ³ /day) C = 4 hours
«Победа», проект ПАО «НК «Роснефть» / “Pobeda”, NK Rosneft project	Глубина моря – 80–90 м. Объем запасов – более 100 млн т / Sea depth – 80–90 meters. Reserves – over 100 mln tons	$q = 0,325 \text{ м}^3/\text{с}$ (28 080 м ³ /сут) C = 28 часов / $q = 0,325 \text{ м}^3/\text{с}$ (28,080 м ³ /day) C = 28 hours

Источник: составлено авторами на основе данных ПАО «Газпром» и ПАО «НК «Роснефть». URL: <https://www.gazprom.ru/projects/prirazlomnoye/>; <https://www.rosneft.ru/business/Upstream/offshore/>

Source: compiled by the authors based on the data of Gazprom Public Corporation and NK Rosneft Public Corporation, available at: <https://www.gazprom.ru/projects/prirazlomnoye/>; <https://www.rosneft.ru/business/Upstream/offshore/>

Допущение математической модели – гипотеза о константности дебита скважин (оценка сверху – используемый характерный дебит секундной добычи всего месторождения), а также пренебрежение изменениями физических свойств жидких углеводородов (вязкость, плотность) вследствие характерной годовой динамики температур арктических областей.

Наиболее эффективным методом ликвидации разливов в данных широтах является механический метод с использованием подвижных скиммеров для сбора, диспергентов для переработки и смыва нефтепродуктов, а также подводных носителей ЛАРН в качестве сборных емкостей [23].

Учитывая среднюю плотность нефтеконденсата около 800 кг/м³, дебит скважин, время растекания, объем разлива нефти представляет чрезвычайную ситуацию федерального значения в обоих рассмотренных случаях.

Исходя из рыночной ценовой конъюнктуры фрахта (Архангельск), аренды оборудования для сбора нефти в акватории российской Арктики (Архангельск, Новый Уренгой, Нарьян-Мар): траловые суда ЛАРН, оборудованные скиммерами и боновыми ограждениями с подводными носителями (среднерыночная стоимость фрахта – 675 000 руб/сут), стоимости химических диспергентов (среднерыночная стоимость – 400 руб/кг), авторами был осуществлен расчет средней стоимости мероприятий по ликвидации предполагаемого экологического ущерба, представленный в табл. 2, 3.

Итоговые величины, указанные в таблицах, не включают зарплатный фонд, страховые платежи и учет возможных штрафов со стороны Росприроднадзора, функционирующего в контексте текущих методик. Размер ожидаемых страховых выплат, определяемый рекомендациями Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (CLC 92) [24], составляет 400 SDR (специального права заимствования за тонну выбросов) для показателей модели разлива на «Приразломном», т. е. 914 458 000 руб., на месторождении «Победа» – 2 400 SDR, что эквивалентно сумме 5 456 748 000 руб.

Таблица 2

Стоимость технологий устранения нефтеразлива на месторождении «Приразломное»

Table 2. Cost of technologies for eliminating an oil spill at “Prirazlomnoye” field

Название технологий и оборудования / Technologies and equipment	Объем работ / Volume of works	Стоимость, руб. / Cost, rubles
Траловое судно, оборудованное скиммерами, V_1 / Trawling vessel with oil skimmers, V_1	Площадь – 324 000 м ² , время разлива – 29 ч, радиус – 321 м, масса нефти – 14 112 т, объем – 17 640 м ³ / Area – 324,000 sq.m., spillage time – 29 hours, radius – 321 m, oil mass – 14,112 tons, volume – 17,640 cubic meters	196 349 000
Подводные носители и боновые заграждения, V_2 / Underwater carriers and oil-spill booms, V_2	Площадь – 324 000 м ² , глубина – 8,2 см / Area – 324,000 sq.m., depth – 8.2 cm	37 000 000
Диспергенты переработки, V_3 / Processing dispersants, V_3	Площадь – 324 000 м ² / Area – 324,000 sq.m.	64 100 000
Время / Time	$t = 22$ ч / hours	Итого / Total 297 449 000

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 3

Стоимость технологий устранения нефтеразлива на месторождении «Победа»

Table 3. Cost of technologies for eliminating an oil spill at “Pobeda” field

Название технологий и оборудования / Technologies and equipment	Объем работ / Volume of works	Стоимость, руб. / Cost, rubles
Траловое судно, оборудованное скиммерами, V_1 / Trawling vessel with oil skimmers, V_1	Площадь – 1 130 000 м ² , время разлива – 42 ч, радиус – 600 м, масса нефти – 72 800 тонн, объем – 91 100 м ³ / Area – 1,130,000 sq.m., spillage time – 42 hours, radius – 600 m, oil mass – 72,800 tons, volume – 91,100 cubic meters	1 230 538 000
Подводные носители и боновые заграждения, V_2 / Underwater carriers and oil-spill booms, V_2	Площадь – 1 130 000 м ² , глубина – 9,8 см / Area – 1,130,000 sq.m., depth – 9.8 cm	185 276 000
Диспергенты переработки, V_3 / Processing dispersants, V_3	Площадь – 1 270 000 м ² / Area – 1,270,000 sq.m.	342 112 000
Время / Time	$t = 25$ ч / $t = 25$ hours	Итого / Total 1 759 464 000

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рыночная стоимость финансовых потерь разлива нефтепродуктов составляет в среднем 127 008 000 руб. для месторождения «Приразломное» и 655 920 000 руб. для месторождения «Победа», где равновесная среднегодовая биржевая стоимость данной марки нефти – \$80, равновесный среднегодовой биржевой курс национальной валюты – \$0,013 [25].

Выводы

С учетом существенной волатильности ценообразования на мировом нефтегазовом рынке, тесно связанном с непредсказуемым природным и геополитическим климатом, полученные значения являются показательным доводом для создания государственного экологического финансового фонда, средства из которого могут быть использованы для осуществления мероприятий по ликвидации разливов федерального значения (существует вероятность повторения рыночной ситуации мая 2020 г., когда фьючерсная стоимость нефти *WTI* достигла отрицательных значений \$38 за баррель впервые в истории, что может стать веской причиной для нехватки средств экологического фонда компаний на ликвидацию аварий разливов нефти [26, 27]).

Исследование функции финансового обеспечения мероприятий по ликвидации предполагаемого экологического ущерба при разливе углеводородов на арктических шельфовых нефтегазодобывающих месторождениях «Приразломное» и «Победа» посредством функционального анализа позволили рассчитать максимумы затрат, а также время с момента начала разлива, на которое приходится эти функциональные значения, – 22 и 25 часов соответственно, что практически совпадает с функциональной динамикой разлива. Допущение математической модели – гипотеза о константности дебита скважин (оценка сверху – используемый характерный дебит секундной добычи всего месторождения), а также пренебрежение изменениями физических свойств жидких углеводородов (вязкость, плотность) вследствие характерной годовой динамики температур арктических областей и рассмотрением динамики распространения нефтеразлива на морской поверхности в инертной фазе без учета гравитационно-вязкого и поверхностного режимов. Безусловно, данная модель обладает значительным количеством упрощений и приближений, но величины, полученные из данных закономерностей, коррелируют с экспериментальными данными [28, 29].

Данные математического моделирования разливов могут быть использованы страховыми компаниями в рамках вычислений страховых премий, Росприроднадзором при калькуляции штрафов, а также иными надзорными ведомствами при андеррайтинге нефтегазовых арктических проектов.

Список литературы

1. Бобылев С. Н. Цели устойчивого развития // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2020. Т. 6, № 271. С. 92–94.
2. Бобылев С. Н., Григорьев Л. М. В поисках новых рамок для Целей устойчивого развития после Covid-19: страны БРИКС // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2021. Т. 13, № 1. С. 25–51. DOI: <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-51>
3. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Москва: Альпина Паблишер, 2020. 944 с.
4. Алимов А. А., Шестакова А. И. Экологическая дипломатия в XXI веке // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 2. С. 97–101.
5. Мировая климатическая повестка: экономические вызовы для России от введения Евросоюзом углеродного налога / О. Е. Медведева, С. В. Соловьева, А. В. Стеценко // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 2. С. 39–52.
6. Regional Priorities of Green Economy / С. Н. Бобылев, О. В. Кудрявцева, Е. Ю. Яковлева // Экономика региона. 2015. № 2. С. 148–159. DOI: <https://doi.org/10.17059/2015-2-12>
7. Меньшиков В. В., Меньшикова О. В. Экологическая ответственность и экологическое страхование // Вестник Международной академии наук. Русская секция. 2012. № 2. С. 36–41.
8. Бюджет для граждан. К Федеральному закону о федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов // Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/12/main/2021-2023.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).
9. Экономическая оценка минерально-сырьевого потенциала арктических территорий Республики Коми / И. Г. Бурцева, Т. В. Тихонова, И. Н. Бурцев // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12, № 1. С. 87–98. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-87-98>

10. Predictive evaluation of the extent of the surface spreading for the case of accidental spillage of oil on ground / S. Grimaz, S. Allen, J. Stewart, G. Dolcetti. Selected Paper IcheaP8, AIDIC Conference series. 2007. Vol. 8. Pp. 151–160.
11. Fay J. A. Physical processes in the spread of oil on a water surface // International Oil Spill Conference Proceedings. 1971. № 1. Pp. 463–467. DOI: <https://doi.org/10.7901/2169-3358-1971-1-463>
12. Кудрявцева О. В., Попова А. А. Снижение экологических ущербов в энергетическом комплексе посредством определения масштабов загрязнения от разливов нефти на нефтепроводах // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 64. С. 45–55.
13. Кудрявцева О. В., Попова А. А. Основные проблемы экологического страхования в России и пути их решения // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 69. С. 1–12.
14. Попова А. А. Проблемы страхования ответственности за загрязнение окружающей среды в российском нефтегазовом секторе // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 4. С. 160–175.
15. Красильников П. А., Середин В. В. Изучение закономерностей и построение математических моделей распределения углеводородов по разрезу на территориях нефтеперерабатывающих предприятий // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Геология. Нефтегазовое и горное дело. 2017. Т. 16, № 2. С. 191–200. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9923/2017.2.10>
16. Движение жидкостей и газов в природных пластах / Г. И. Баренблатт, В. М. Ентов, В. М. Рыжик. Москва: Недра, 1982. 211 с.
17. Полубаринова-Кочина П. Я. Теория движения грунтовых вод. Москва: Наука, 1977. 664 с.
18. Грунтоведение / В. Т. Трофимов, В. А. Королев, Е. А. Вознесенский и др. Москва: Изд-во Московского университета, 2005. 1024 с.
19. Fay J. A. The Spread of Oil Slicks on a Calm Sea // Oil on the Sea, Plenum Press / D. P. Hoult (Ed.). New York, 1969. Pp. 53–63.
20. Манита Л. А. Условия оптимальности в конечномерных нелинейных задачах оптимизации: учебное пособие. Москва: Московский государственный институт электроники и математики, 2010. 84 с.
21. Киушкина В. И., Родичкин И. А. Арктические стратегии: энергетика, безопасность, экология, климат. Т. 1. Москва: МШУ «Сколково», 2020. 283 с.
22. Чернова Е. Г., Разманова С. В. Структурные сдвиги в нефтегазовой отрасли: ключевые факторы, индикаторы, последствия // Вестник СПбГУ. Экономика. 2017. Т. 33, Вып. 4. С. 622–640. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.406>
23. Кижаяева А. В. Обеспечение экологической безопасности арктических регионов как важный вектор российской политики // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. № 7. С. 29–37.
24. Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз / В. В. Бушуев, А. А. Конопляник, Я. М. Миркин и др. Москва: ИД «Энергия», 2013. 344 с.
25. Яндекс Курс. Электронный ресурс. URL: <https://yandex.ru/news/quotes/1> (дата обращения: 29.06.2022).
26. Lee N. How negative oil prices revealed the dangers of the futures market // CNBC e-journal. 16.06.2020. URL: <https://www.cnbc.com/amp/2020/06/16/how-negative-oil-prices-revealed-the-dangers-of-futures-trading.html> (дата обращения: 26.03.2022).
27. Развитие альтернативной энергетики в России в контексте формирования модели низкоуглеродной экономики / О. В. Кудрявцева, Е. Н. Митенкова, О. И. Маликова, М. С. Головин // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2019. № 4. С. 122–139.
28. Моделирование поведения возможных разливов нефти при эксплуатации МЛСП «Приразломная». Оценка возможности ликвидации чрезвычайных ситуаций, связанных с разливами нефти // Официальный сайт Международного фонда дикой природы. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/823/arctic_oil_spills_modeling_rus.pdf (дата обращения: 20.06.2022).
29. Павленко В. И., Муангу Ж. Актуальные проблемы предотвращения, ликвидации разливов нефти в Арктике и методы оценки экологического ущерба прибрежным территориям // Арктика: экология и экономика. 2015. № 3 (19).

References

1. Bobylev, S. N. (2020). Targets of sustainable development. *Bulletin of the Auditing Chamber of the Russian Federation*, 6, 271 (in Russ.).
2. Bobylev, S. N., Grigoriev, L. M. (2021). In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*, 13 (1), 25–51 (in Russ.). <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-51>
3. Yergin, D. (2020). *Excavation. World history of struggle for oil, money, and power*. Moscow, Alpina Publisher (in Russ.).

4. Alimov, A. A., Shestakova, A. I. (2017). Ecological diplomacy in the 21st century. *Society. Environment. Development*, 2, 97–101 (in Russ.).
5. Medvedeva, O. E., Solovyova, S. V. Stetsenko, A. V. (2021). World climate agenda: economic challenges for Russia from the European Union implementation of carbon tax. *Property Relations in the Russian Federation*, 2, 39–52 (in Russ.).
6. Bobylev, S. N., Kudryavtseva, O. V., Yakovleva, Y. Y. (2015). Regional Priorities of Green Economy. *Economy of Regions*, 2, 148–159.
7. Menshikova, O. V., Menshikov, V. V. (2012). Environmental Responsibility and Environmental Insurance. *Herald of the International Academy of Science. Russian Section*, 2, 36–41 (in Russ.).
8. Budget for citizens. To the Federal Law on federal budget for 2021 and the planned period of 2022 and 2023. *Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation* (in Russ.). <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/12/main/2021-2023.pdf>
9. Burtseva, I. G., Tikhonova, T. V., Burtsev, I. N. (2022). Economic assessment of mineral resource potential of the Komi Republic Arctic territories. *Arctic: Ecology and Economy*, 12 (1), 87–98 (In Russ.). <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-1-87-98>
10. Grimaz, S., Allen, S., Stewart, J., Dolcetti, G. (2007). Predictive evaluation of the extent of the surface spreading for the case of accidental spillage of oil on ground. *Selected Paper IcheaP8, AIDIC Conference series*, 8, 151–160.
11. Fay, J. A. (1971). Physical processes in the spread of oil on a water surface. *International Oil Spill Conference Proceedings*, 1, 463–467. <https://doi.org/10.7901/2169-3358-1971-1-463>
12. Kudryavtseva, O. V., Popova, A. A. (2016). Limiting the environmental damage in the energy industry via calculation of pollution levels from oil spills. *Public Administration. E-journal*, 64, 45–55 (in Russ.).
13. Kudryavtseva, O. V., Popova, A. A. (2018). Main Problems of Ecological Insurance in Russia and Ways to Solve Them. *Public Administration. E-journal*, 69, 1–12 (in Russ.).
14. Popova, A. A. (2019). Issues of Environmental Impairment Liability Insurance in the Russian Oil and Gas Industry. *Moscow University Economics Bulletin*, (4), 160–175 (in Russ.).
15. Krasilnikov, P. A., Seredin, V. V. (2017). Study of regularities and construction of mathematical models of hydrocarbon distribution in a section on territories of oil treatment enterprises. *Perm Journal of Petroleum and Mining Engineering*, 16 (2), 191–200 (in Russ.). <https://doi.org/10.15593/2224-9923/2017.2.10>
16. Barenblatt, G. I., Kolesnikov, V. M., Ryzhik, V. M. (1982). *Movement of liquids and gases in natural rocks*. Moscow, Nedra (in Russ.).
17. Polubarinova-Kochina, P. Ya. (1977). *Theory of movement of ground waters*. Moscow, Nauka (in Russ.).
18. Trofimov, V. T., Korolev, V. A. Voznesensky, E. A. et al. (2005). *Ground science*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta (in Russ.).
19. Fay, J. A. (1969). The Spread of Oil Slicks on a Calm Sea. In D. P. Hoult (Ed.). *Oil on the Sea*, Plenum Press (pp. 53–63). New York.
20. Manita, L. A. (2010). *Conditions of optimality in finite-dimensional nonlinear optimization problems: tutorial*. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi institut elektroniki i matematiki (in Russ.).
21. Kiushkina, V. I., Rodichkin, I. A. (2020). *Arctic strategies: energy, safety, ecology, climate, 1*. Moscow, MShU “Skolkovo” (in Russ.).
22. Chernova, E. G., Razmanova, S. V. (2017). Structural shifts in oil and gas industry: Key factors, indicators, consequences. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 33 (4), 622–640 (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.406>
23. Kizhaeva, A. V. (2016). Environmental security in the Arctic as an important vector of Russia’s policy. *Topical issues of contemporary international relations*, 7, 29–37 (in Russ.).
24. Bushuev, V. V., Konoplyanik, A. A., Mirkin, Ya. M. et al. (2013). *Oil prices: analysis, trends, forecast*. Moscow, ID “Energiya” (in Russ.).
25. *Yandex Quotes, Digital resource* (in Russ.). <https://yandex.ru/news/quotes/1>
26. Lee, N. (2020, June 16). How negative oil prices revealed the dangers of the futures market. *CNBC e-journal*. <https://www.cnbc.com/amp/2020/06/16/how-negative-oil-prices-revealed-the-dangers-of-futures-trading.html>
27. Kudryavtseva, O. V., Mitenkova, E. N., Malikova, O. I., Golovin, M. S. (2019). Development of alternative energy in Russia in the context of a low-carbon economy model. *Moscow University Economics Bulletin*, 4, 122–139 (in Russ.).
28. Modeling the probable oil spills during exploitation of “Prirazlomnaya” offshore ice-resistant oil-producing platform. Assessing the possibility to eliminate emergencies related to oil spills. *Official website of World Wildlife Fund* (in Russ.). https://wwf.ru/upload/iblock/823/arctic_oil_spills_modeling_rus.pdf
29. Pavlenko, V. I., Muangu, Zh. (2015). Topical issues of preventing and eliminating oil spills in the Arctic and methods of assessing ecological damage to coastal territories. *Arctic: Ecology and Economy*, 3 (19) (in Russ.).

Вклад авторов

Е. В. Серебренников является главным исследователем; проводил обзор литературы; подготовил рукопись; осуществлял расчеты модели; интерпретировал результаты.

О. В. Кудрявцева направляла исследование; дополняла и корректировала обзор литературы; корректировала рукопись; интерпретировала результаты.

The author's contribution

E. V. Serebrennikov is the main researcher who carried out the research; performed the literature review; prepared the manuscript; performed calculations of the model; interpreted the results.

O. V. Kudryavtseva coordinated the research; complemented and corrected the literature review; corrected the manuscript; interpreted the results.

Конфликт интересов: один из авторов является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Conflict of Interest: one of the authors is a member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Economics and Law*. The article has been reviewed on the usual terms.

Дата поступления / Received 27.04.2022

Дата принятия в печать после доработки / Date of acceptance for publication after finalization 02.07.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.548-565>

УДК 332.1:338.24(470+571)

JEL: R1, R58, O1, O18

М. Е. КУЗНЕЦОВ¹,

М. И. НИКИШОВА¹

¹ Восточный центр государственного планирования, г. Москва, Россия

УПРАВЛЕНИЕ СЕВЕРНЫМ ЗАВОЗОМ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Кузнецов Михаил Евгеньевич, кандидат экономических наук, доцент, директор, Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования» (ФАНУ «Востокгосплан»)

E-mail: m.kuznetsov@vostokgosplan.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5657-8184>

Web of Science Researcher ID: 57195397097

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1367-4250

Контактное лицо:

Никишова Мария Игоревна, кандидат экономических наук, руководитель направления «Цифровая трансформация», Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования» (ФАНУ «Востокгосплан»)

E-mail: m.nikishova@vostokgosplan.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8089-1899>

Web of Science Researcher ID: 57204571828

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5353-8529

Аннотация

Цель: оценка нормативных правовых механизмов управления северного завоза в районы Крайнего Севера и формирование предложений по их совершенствованию.

Методы: пространственный подход, позволивший рассматривать управление северным завозом через концептуализацию пространственного измерения процессов снабжения удаленных районов – предзаданность определенной географической системы координат, в которую помещен исследуемый объект, и наличие регионализации, обусловленной пространственно-временной структурой территории нашей страны; интервьюирование и фокус-группы с органами исполнительной власти, представителями научно-исследовательских институтов, экспертного и предпринимательского сообщества с целью формирования массива исходных данных по правовым аспектам северного завоза.

Результаты: в статье определено, что региональные нормативные правовые акты преимущественно носят несистемный характер (за исключением Республики Саха (Якутия)), регулируя отдельные направления государственной поддержки, в частности, порядок предоставления финансовой поддержки. Низкая востребованность иных видов поддержки обусловлена необходимостью формирования стимулов для участия хозяйствующих субъектов в северном завозе в условиях низкой маржинальности бизнеса. Сложность заключается в необходимости интеграции централизованной и децентрализованной систем снабжения при отсутствии соответствующего правового поля.

Научная новизна: впервые проведена оценка эффективности мер государственной поддержки северного завоза для определения направлений совершенствования его правовых механизмов. Предложено определение северного завоза, категорирование этих районов по периодам транспортного сообщения; совершенствование правового регулирования на основе разработки единого закона с определением правил игры для стейкхолдеров.

© Кузнецов М. Е., Никишова М. И., 2022

© Kuznetsov M. E., Nikishova M. I., 2022

Практическая значимость: представленная оценка правовых механизмов управления северного завоза и формирование предложений по их совершенствованию могут быть полезны для корректировки существующего и выработки нового подхода к разработке специализированной нормативной правовой базы как на федеральном, так и региональном уровнях. Рекомендации могут быть использованы органами исполнительной власти при выработке государственной политики и нормативно-правовом регулировании вопросов жизнеобеспечения северных территорий.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, северный завоз, нормативный правовой механизм, Арктика, Дальний Восток, Крайний Север, закон о северном завозе, пространственное развитие

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кузнецов М. Е., Никишова М. И. Управление северным завозом: правовой аспект // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 548–565. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.548-565>

The scientific article

M. E. KUZNETSOV¹,

M. I. NIKISHOVA¹

¹ Eastern Center for State Planning, Moscow, Russia

MANAGING THE NORTHERN SUPPLY HAUL: LEGAL ASPECT

Mikhail E. Kuznetsov, PhD (Economics), Associate Professor, Director, Federal Autonomous Research Establishment “Eastern Center for State Planning”, (“Vostokgosplan”)
E-mail: m.kuznetsov@vostokgosplan.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5657-8184>
Web of Science Researcher ID: 57195397097
eLIBRARY ID: SPIN-code: 1367-4250

Contact:

Mariya I. Nikishova, PhD (Economics), Head of the “Digital Transformation” Division, Federal Autonomous Research Establishment “Eastern Center for State Planning”, (“Vostokgosplan”)
E-mail: m.nikishova@vostokgosplan.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8089-1899>
Web of Science Researcher ID: 57204571828
eLIBRARY ID: SPIN-code: 5353-8529

Abstract

Objective: to evaluate the regulatory legal mechanisms of the management of the Northern supply haul to the Far North regions and to formulate proposals for their improvement.

Methods: a spatial approach that allowed us to consider the management of the Northern supply haul through the conceptualization of the spatial dimension of the remote areas supply processes – the predestination of a certain geographical coordinate system in which the object under study is placed, and the presence of regionalization determined by the spatial and temporal structuring of the territory of our country; interviewing and focus groups with executive authorities, representatives of research institutes, expert and business communities in order to form an array of initial data on the legal aspects of the Northern supply haul.

Results: the article states that regional regulatory legal acts are predominantly non-systemic in nature (except in the Republic of Sakha (Yakutia)), regulating certain areas of state support, in particular the procedure for providing financial support. The low demand for other types of support is due to the need to form incentives for the participation of economic entities in the Northern supply haul under low business margins. The difficulty lies in the need to integrate centralized and decentralized supply systems in the absence of an appropriate legal framework.

Scientific novelty: for the first time, an assessment of the effectiveness of state support measures for the Northern supply haul was carried out to determine the directions for improving its legal mechanisms. The definition of the Northern supply haul and categorization of these areas by periods of transport communication are proposed. The improvement of legal regulation based on the development of a single law with the definition of the rules for stakeholders is proposed.

Practical significance: the presented assessment of the legal mechanisms of the Northern supply haul management and the formation of proposals for their improvement can be useful for correcting the existing and developing a new approach to the development of a specialized regulatory legal framework at both the federal and regional levels. The recommendations can be used by executive authorities in the development of state policy and regulatory regulation of life support issues in the northern territories.

Keywords: Economics and national economy management, Northern supply haul, Regulatory legal mechanism, Arctic, Far East, Extreme North, Law on the Northern supply haul, Spatial development

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kuznetsov, M. E., Nikishova, M. I. (2022). Managing the Northern supply haul: legal aspect. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 548–565 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.548-565>

Введение

Районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории (далее – районы Крайнего Севера) играют стратегически важную роль в развитии Российской Федерации. Обладая богатыми запасами минерально-сырьевых ресурсов, они занимают более 50 % площади страны и включают 25 регионов России с ограниченными сроками завоза грузов (продукции). На их территории производится до 20 % суммарного валового продукта субъектов Российской Федерации, проходят транспортные коридоры, газо- и нефтепроводы, сосредоточены объекты энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры [1].

К отличительным особенностям районов Крайнего Севера относятся сложные природно-климатические условия; ограниченная транспортная доступность и удаленность промышленных районов и населенных пунктов от основных транспортных коммуникаций; недостаточный уровень развития инфраструктуры; отсутствие собственной производственной базы большинства промышленных и сельскохозяйственных товаров. В сложившихся условиях обеспечение жизнедеятельности районов Крайнего Севера возможно лишь посредством реализации комплекса мероприятий по закупке и доставке жизненно важных товаров (прежде всего продовольствия и топлива¹ [2]) из других территорий для северного завоза. Бесперебойное его осуществление является ответственностью регионов.

Вместе с тем в ряде регионов имеет место межведомственная разобщенность, которая не позволяет сформировать единый оптимальный алгоритм для организации поставок грузов (продукции) в труднодоступные районы Крайнего Севера и зачастую приводит к увеличению стоимости жизненно необходимых товаров в отдельных населенных пунктах и к сбоям в организации их поставок. Дополнительно осложняют ситуацию отсутствие единой нормативной правовой базы и единого федерального органа исполнительной власти, отвечающего за осуществление северного завоза; процесс проведения государственных закупок характеризуется длительностью и высокой регламентированностью процедур; ограниченность финансовых ресурсов, в том числе бюджетных средств; наличие кассовых разрывов у поставщиков, не всегда оптимальные маршруты и трудности с прогнозированием поставок в связи с суровыми природно-климатическими условиями, возможными пожарами, ледовой обстановкой; ограниченное количество доступного для перевозок транспорта; недостаточный уровень развития логистической и складской инфраструктуры; наличие значительного

¹ До 70 % северного завоза составляет топливо, за ним идут продукты питания, лекарственные препараты и другие товары.

количества посреднических структур, имеющих различные экономические интересы. Указанные факторы приводят к удорожанию поставок ресурсов и продукции в отдаленные районы Крайнего Севера, а также повышают риски их срыва. В этой связи поиск эффективных механизмов осуществления северного завоза для жизнеобеспечения и развития северных территорий определяет актуальность темы исследования и ее практическую значимость.

Наличие значительного объема научных исследований [3–6], как направленных на изучение снабжения отдельных регионов, так и ориентированных на построение теоретических подходов к северному завозу в рамках всей территории страны, требует предварительного анализа накопленной информации, объяснительных моделей и предложений по улучшению системы северного завоза. Научные работы последнего времени [7–13] постепенно выходят на уровень концептуальных обобщений и опираются на определенные методологические подходы к исследованию социально-экономической сферы. Поэтому целесообразно в начале исследования обратиться к рассмотрению теоретико-методологических подходов к проблематике северного завоза в работах различных исследователей этой проблематики.

Несмотря на отсутствие единого понимания и четкого определения северного завоза в законодательстве, отсутствие единого нормативного правового регулирования его механизмов в российском научном сообществе, тема северного завоза разрабатывалась и была представлена в ряде публикаций.

Положение государственного регулирования северного завоза и его оценка представлены в работах И. Б. Богера через призму исторического анализа. По мнению исследователя, «...прямое государственное воздействие на процесс организации завоза в регионы Крайнего Севера не имеет перед собой преимуществ в рыночных условиях» [14. С. 106]. Автором был предложен альтернативный вариант, в котором государство способствует созданию корпоративных групп, задействованных в финансовых и материальных потоках в регионы, оказывая лишь незначительное регуляционное воздействие. Также автор обосновывает необходимость создания и модернизации распределительных пунктов депокации и транспортно-экспедиционных фирм, поясняет схему субсидирования досрочного завоза товаров, акцентируя внимание на создании целевого фонда северного завоза предприятиями добывающих отраслей.

В. А. Гоман рассматривает риски, возникающие в связи с отсутствием государственного регулирования в организации северного завоза и невозможностью полного перехода на рыночные отношения с предприятиями жилищно-коммунального хозяйства и топливно-энергетического комплекса. В свою очередь, исследователь в качестве причин отсутствия перспектив развития конкурентных отношений в сфере осуществления досрочного северного завоза называет слаборазвитую транспортную инфраструктуру. Незрелость инфраструктуры ведет к увеличению доли расходов на транспортировку в конечной стоимости товаров. Одна из серьезных проблем, отмечаемая автором, – «...малая численность населения, ограничивающая рынок сбыта» [2. С. 64]. По мнению исследователя, «...снижение государственного контроля за ценообразованием неминуемо ведет к росту уровня злоупотреблений, что влечет за собой неоправданное увеличение расходов на закупку и поставку топливных ресурсов» [2. С. 65].

Рассуждая об обеспечении северного завоза с точки зрения необходимости реформирования его законодательной базы, А. П. Шадрин обозначил проблему в сфере регулирования и поддержки жилищно-коммунального хозяйства и предложил решение в виде перераспределения полномочий в организации досрочного завоза поставок между различными уровнями исполнительной власти субъектов. По мнению автора, для распределения подобного рода полномочий между различными органами правоотношений необходимо выделить досрочный завоз продовольствия и товаров в регионы Крайнего Севера и приравненных к ним территорий как самостоятельный объект правового регулирования, что, в свою очередь, позволит вносить коррективы в федеральные законы. Кроме того, факт правового признания досрочного завоза даст возможность рассматривать отдельно систему функционирования жилищно-коммунального хозяйства и систему обеспечения предприятий ЖКХ топливно-энергетическими ресурсами [15].

Особого внимания заслуживает коллективная научная работа [16] Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета, посвященная изучению проблем формирования, функциони-

рования и развития транспортно-логистической системы Севера России. Авторами разработаны теоретико-методологические положения, направленные на выявление типовых вариантов сценариев реализации эффективного транспортно-технического процесса в зависимости от уровня рисков, определяемых на базе системного подхода к выявлению и оценке отрицательных событий, возникающих в процессе доставки грузов.

Из числа последних исследований необходимо выделить работу академика РАН Э. Е. Пиля, в которой представлен анализ объема северного завоза, осуществляемого водным внутренним транспортом. Исследование основано на статистических данных за период с 2015 по 2020 г. включительно. Проведенный анализ позволил автору сделать прогноз объема грузоперевозок, осуществляемых водным транспортом, до 2030 г. В работе также даны предложения по использованию в рамках северного завоза новых видов транспорта (экранопланов) [17].

Исследователи, занимающиеся изучением северного завоза, также затрагивают методологическую проблему, обусловленную необходимостью теоретической концептуализации пространственного измерения процессов снабжения удаленных районов – предзаданность определенной географической системы координат, в которую помещен исследуемый объект, и наличие регионализации, обусловленной пространственно-временной структурой территории нашей страны. Задаваясь вопросом о теоретической платформе, на базе которой возможно комплексное изучение специфики экономических процессов (предпринимательства) в Арктической зоне, А. Н. Пилясов предполагает, что такой комплексный взгляд «обеспечивает зональная парадигма, т. е. географический, а не антропологический, социокультурный или экономический взгляд...» [18]. Пример такого зонирования территории представлен на базе сопоставления списков арктических регионов и районов с ограниченными списками завоза. Сопоставление позволяет выделить два принципиально различных региональных типа: территории «островного» типа и территории квазиматериковой Арктики. С точки зрения организации северного завоза на начальном этапе исследования можно добавить еще один тип – территории с наличием портовой инфраструктуры на побережье, которая позволяет достаточно эффективно организовать доставку как топлива, так и продовольствия в регион, – «прибрежные».

Однако, несмотря на заявляемый в качестве метода исследования системный подход к анализу проблемы северного завоза, анализ ограничивается уровнем региональной социально-экономической системы, оставляя вне поля рассмотрения такие сферы, как пересмотр сложившейся системы отношений между регионами и центром, систему бюджетных отношений и налоговую систему. В исследованиях отсутствует анализ схем легитимации мероприятий по поддержке северного завоза: финансовых и организационных схем, алгоритмов принятия решений и организации обмена информацией. Подобный анализ может упорядочить многообразие форм поддержки северного завоза, применяемых на уровне регионов в увязке с транспортными маршрутами и сложившимися наработками в сфере планирования.

Существенным недостатком как теоретического дискурса, так и сложившейся нормативной системы является отсутствие определения северного завоза и прописанной в законодательстве системы его легитимации, а имеющееся региональное законодательство не в полной мере регламентирует организацию поставок продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности с ограниченными сроками завоза, наряду с этим в настоящее время не существует строго определенной модели организации обеспечения жизнедеятельности населения труднодоступных территорий. При этом вопрос о сложившихся институциональных формах (т. е. вопрос о системном уровне социального взаимодействия) остается открытым. Специальной задачей становится исследование региональных форм «производства» нормативных схем и алгоритмов организации закупок, поставок, финансовых схем, планирования и отчетности в рамках осуществления северного завоза. Только на основе изучения этих форм можно будет перейти к описанию системных характеристик северного завоза как институциональной формы. Таким образом, опираясь на разработки указанных авторов, в данном исследовании сделан акцент на юридическую составляющую процесса, а ключевыми задачами исследования являются оценка данного процесса и нормативных правовых механизмов управления и поддержки северного завоза с целью формирования предложений по их совершенствованию.

Изучение проблем и возможностей повышения эффективности северного завоза проводилось учеными ФАНУ «Востокгосплан» на основе запросов и интервью с представителями 25 регионов (ведомств, ответственных за северный завоз) для подтверждения наличия проблем, а также на основе анализа нормативных правовых актов и трудов перечисленных ученых.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации существующего регулирования северного завоза. В настоящее время ФАНУ «Востокгосплан» для Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики разрабатываются рекомендации для внесения в разрабатываемые нормативные правовые акты (далее – НПА) о северном завозе, таким образом, предлагаемые авторами разработки будут учитываться при создании новых НПА.

Результаты исследования

Существующая схема «северного завоза» характеризуется высокими рисками сбоя поставок, что может иметь катастрофические последствия для жизнеобеспечения труднодоступных районов Крайнего Севера. Причиной является наличие институциональных, экономических и инфраструктурных проблем, которые обусловлены в том числе недостаточным уровнем нормативного правового регулирования осуществления поставок жизненно необходимых товаров в труднодоступные северные территории (регулирование и управление на федеральном уровне отсутствует, планирование и финансирование осуществляется регионами только в отношении жизненно необходимых товаров, северный завоз осуществляют хозяйствующие субъекты, не всегда несущие прямую ответственность перед населением за цены и ассортимент продукции).

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы изучения процесса развития существующей практики нормативного правового регулирования северного завоза с целью разработки предложений по совершенствованию его правовых механизмов.

Процесс организации северного завоза схематично представлен на рис. 1.

Рис. 1. Процесс организации северного завоза

Источник: составлено авторами на основе исследований ФАНУ «Востокгосплан».

Fig. 1. Process of the Northern supply haul organization

Source: compiled by the authors based on the “Vostokgospplan” research.

Посредством северного завоза ежегодно обеспечивается снабжение 25 районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей Российской Федерации, а это более 3 млн человек, и завозится более 3 млн тонн грузов [19]. Из них 75 % составляют топливно-энергетические ресурсы. Прямые расходы бюджета на северный завоз, согласно расчетам авторов на основе данных, полученных из запросов в регионы, составили 14,2 млрд рублей (за 2020 г.). Из них более 95 % распределены между Якутией, Чукоткой, Магаданской областью, Красноярским, Хабаровским краями [20].

С 2016 по 2020 г. темпы роста стоимости северного завоза превысили темпы инфляции в два раза. В 2021 г. цены на товары продуктовой корзины в рамках северного завоза превысили среднероссийские показатели в среднем на 30 %, а ожидаемые цены на товары на 2022 г. превышают среднероссийские в несколько раз (рис. 2).

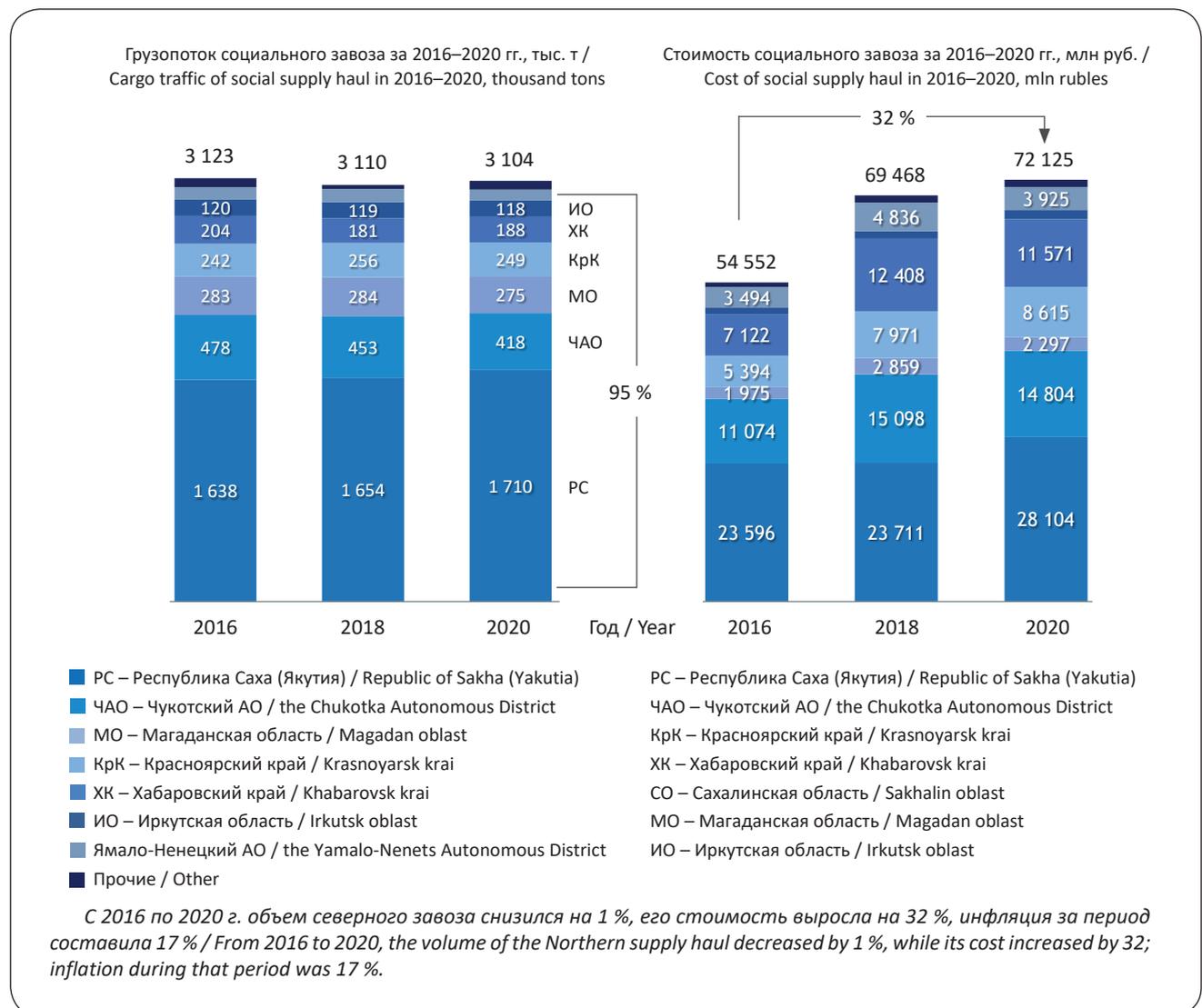

Рис. 2. Показатели северного завоза в 2016–2020 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных регионов, анализа ФАНУ «Востокгосплан», калькулятора инфляции ЦБ.

Fig. 2. Indices of the Northern supply haul in 2016–2020

Source: compiled by the authors based on the regional data, “Vostokgosplan” analysis, and the Central Bank inflation calculator.

В качестве одной из основных задач в сфере социального развития Арктической зоны до 2035 г. Президент Российской Федерации определил создание системы государственной поддержки доставки топлива, продуктов питания и других товаров первой необходимости в населенные пункты, расположенные в отдаленных районах, в целях обеспечения гражданам и коммерческим организациям доступных цен на данные товары [21].

Указанные задачи также определены в утвержденной в 2020 г. Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. [22].

Однако результаты исследования ФАНУ «Востокгосплан» [23] на основе интервью с различными ведомствами в регионах, а также анализа нормативной правовой базы и теоретических источников показали, что при организации северного завоза имеют место проблемы правового характера.

Региональные нормативные правовые акты преимущественно носят несистемный характер (за исключением Республики Саха (Якутия)), регулируя отдельные направления государственной поддержки. Основной акцент во всех субъектах Российской Федерации, отнесенных к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям с ограниченными сроками завоза грузов, делается на регламентацию порядка предоставления финансовой поддержки.

Низкая востребованность иных видов государственной поддержки (имущественной, организационной, информационной и др.) обусловлена необходимостью формирования стимулов для участия хозяйствующих субъектов в северном завозе в условиях высоких издержек и низкой маржинальности бизнеса. Общая сумма расходов на поддержку обеспечения жизнедеятельности в труднодоступных территориях Крайнего Севера в 2020 г. составляла свыше 56,7 млрд рублей. Наибольший объем средств на обеспечение поставок в труднодоступные районы выделяется в Чукотском автономном округе – 11,8 млрд рублей, Камчатском крае – 8,2 млрд рублей и Республике Саха (Якутия) – 8,1 млрд рублей. Совокупно на долю трех регионов приходится около 49,5 % всех расходов на северный завоз. Еще 35 % затрат обеспечивают Красноярский край (6,4 млрд рублей), Архангельская (5,5 млрд рублей), Тюменская (4,1 млрд рублей) и Иркутская области (3,9 млрд рублей). В то же время в Еврейской автономной области региональная финансовая поддержка северного завоза не осуществляется, что стало возможным вследствие изменения схемы досрочного завоза топлива.

Основной формой поддержки северного завоза являются субсидии (более 67 % всех затрат на государственную поддержку в 2020 г.). Высокая ее распространенность преимущественно определяется условиями предоставления, предусматривающими обязательное софинансирование мероприятий получателем поддержки, что особо актуально в условиях ограниченности бюджетных средств. В 2020 г. наибольший объем средств на предоставление субсидий участникам северного завоза был выделен в Чукотском автономном округе (9,3 млрд рублей), Камчатском крае (8,2 млрд рублей), Архангельской (5,5 млрд рублей), Тюменской (4,1 млрд рублей), Иркутской (3,9 млрд рублей), Магаданской (2,8 млрд рублей) областях, Ненецком автономном округе (1,4 млрд рублей) и Приморском крае (1,4 млрд рублей). Второе место (более 14 %) в структуре всех затрат на государственную поддержку северного завоза в 2020 г. приходилось на субвенции (8,0 млрд рублей). Они предоставляются в Красноярском, Хабаровском краях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Республике Алтай и Тюменской области. Финансовая поддержка в форме бюджетного кредита предусмотрена в пяти субъектах Российской Федерации: Еврейской автономной области, Республике Саха (Якутия), Тюменской области, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах. По итогам 2020 г. больше всего бюджетных кредитных ресурсов на обеспечение северного завоза предоставлено Республике Саха (Якутия) – 5,2 млрд рублей, что обусловлено большими объемами поставок и особо трудной доступностью территорий данного региона (поставки в ряд территорий региона могут осуществляться до двух лет).

Наименьшее распространение среди субъектов Российской Федерации получили меры государственной финансовой поддержки в форме иных межбюджетных трансфертов. В 2020 г. их совокупный объем составил 84,8 млн рублей. Они предоставлялись в Архангельской области и Ханты-Мансийском автономном округе.

Региональная государственная поддержка преимущественно предусмотрена для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – участников северного завоза. На 2021 г. суммарно насчитывается 116 основных поставщиков, с которыми были заключены контракты представителями регионов. В отдельных

регионах они представлены ресурсоснабжающими организациями, субъектами малого и среднего предпринимательства, сельскохозяйственными товаропроизводителями, а также специализированными операторами (например, Якутоптторгом). В Амурской, Сахалинской, Магаданской, Тюменской областях, Приморском крае, Республике Карелия, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах, помимо общих требований к получателям поддержки, в качестве обязательного условия указывается государственная регистрация на территории региона. В 15 из 24 субъектов Российской Федерации (Архангельская, Иркутская, Магаданская, Мурманская, Томская, Тюменская области, Еврейская автономная область, Республики Алтай, Тыва, Приморский и Хабаровский края, Чукотский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) получателями поддержки являются муниципальные образования, которым переданы полномочия по субсидированию закупки и доставки топлива и социально значимых продовольственных товаров.

Мероприятия по поддержке районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов преимущественно включены в региональные и муниципальные программы (82 мероприятия из 134), а часть также регулируется отдельными правовыми актами субъекта Российской Федерации в сфере северного завоза (88 мероприятий из 134). Ряд регионов (Камчатский край, Магаданская область, Чукотский и Ненецкий автономные округа) полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, вследствие чего практически все существующие механизмы государственной поддержки распространяются и на участников северного завоза.

В законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации (Магаданская область, Республики Бурятия и Саха (Якутия), Хабаровский край) определены дополнительные критерии (количество дней ограничений транспортной доступности, численность населения и др.) для классификации территорий, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, в зависимости от целей государственной поддержки.

Наиболее полно и комплексно вопросы организации северного завоза на региональном уровне регламентируются в Республике Саха (Якутия). В регионе принят специализированный закон, определяющий понятие «северный завоз», его виды в зависимости от уровня транспортной доступности территорий, критерии классификации населенных пунктов, участвующих в завозе. Утверждены перечни завозимых товаров и предоставляемых услуг.

В остальных субъектах Российской Федерации преимущественно регламентируются отдельные этапы осуществления северного завоза. Например, в Хабаровском крае принята типовая схема централизованного завоза топлива в муниципальные районы.

Таким образом, нормативно-правовые механизмы, регулирующие систему отношений в структуре северного завоза, имеют следующие недостатки:

- отсутствует единый подход в регионах (нормативная база);
- отраслевые стандарты (транспорт, энергетика) слабо учитывают приоритет работы с удаленными территориями;
- тарифы и цены формируются рыночными механизмами и в отдельных регионах являются очень высокими;
- уровень ответственности за недопоставку/некачественную поставку в ограниченный срок завозимых ресурсов невысокий – в лучшем случае финансовая ответственность на уровне стоимости закупочной цены продукции;
- отсутствие единой прозрачной системы контроля завоза на федеральном уровне и частичное отсутствие такого контроля в регионах;
- действия министерств часто не согласованы и не дополняют, а перекрывают друг друга (завоз разными фрахтами товаров, которые могут быть консолидированы).

Для понимания корневой причины указанных проблем следует обратиться в первую очередь к правовым аспектам.

Одной из ключевых проблем является несовершенство нормативно-правового регулирования организации северного завоза. Отсутствие контролирующего органа исполнительной власти, отвечающего за осуществление северного завоза, и единого нормативного правового акта [24], определяющего полномочия, обязанности и ответ-

ственность сторон в вопросах бесперебойного снабжения труднодоступных территорий, влекут за собой высокие риски срыва поставок. Например, в 2013 г. в Республику Саха (Якутия) в навигационный период было завезено лишь 30 % грузов [25], что повлекло за собой дополнительные затраты в размере около 900 млн рублей [26].

Несовершенство нормативно-правовой базы отражается в многочисленных изменениях в законодательстве. Организация северного завоза представлена в виде централизованной и децентрализованной систем снабжения. Централизованная система снабжения регулируется Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [27] и Федеральным законом № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [28]. Федеральный закон № 44-ФЗ ежегодно подвергается доработкам, большая часть которых носит принципиальный характер. С 2013 г. изменения и дополнения в закон вносились 82 раза, а в его развитие было принято более 300 нормативных правовых актов [29]. В результате заказчики и поставщики сталкиваются с необходимостью оперативно адаптироваться к новым правилам. Изменения законодательства сопровождаются множеством вопросов при их правоприменении, так как при разработке и внедрении предварительная апробация через пилотные проекты не осуществлялась [30].

Кроме того, нормы федеральных законов не учитывают особенности ведения предпринимательской деятельности в районах Крайнего Севера [31]. В совокупности с экстремальными природно-климатическими условиями и высокими затратами на оплату труда (включающими в себя повышающие коэффициенты), отопление и электроэнергию субъекты малого и среднего предпринимательства находятся в неконкурентных условиях по сравнению с поставщиками из других регионов. Дополнительно ограничивающим фактором к участию в закупочных процедурах является начальная цена. В соответствии с ч. 1 ст. 30 Федерального закона № 44-ФЗ начальная (максимальная) цена контракта не должна превышать 20 млн рублей. В связи с большими затратами на поставку продукции данное требование осложняет организацию северного завоза. Наряду с бюджетными циклами регионального планирования данное требование не позволяет выбирать на конкурсных процедурах единого поставщика, например на три года, с целью долгосрочного планирования поставок и экономии как со стороны региона, так и со стороны бизнеса.

Анализ нормативно-правовой базы субъектов Российской Федерации показал, что подходы в части поддержки территорий с ограниченными сроками завоза грузов очень сильно отличаются (например, как в Республике Саха (Якутия)). В то же время есть регионы, отнесенные в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ от 06.10.2003 к районам северного завоза, которые не имеют никакого нормативного оформления, например, в Еврейской автономной области отнесенный к данной категории Октябрьский район не имеет никаких преференций, а с учетом развития транспортной сети район на сегодня имеет круглогодичную транспортную доступность с некоторыми ограничениями в весенне-летний период (период весенних и летних паводков). Тем не менее регионы осуществляют поддержку мероприятий по организации северного завоза.

В результате анализа нормативных правовых актов было установлено, что из обязательных норм федерального законодательства, устанавливающих обязанность перед жителями отдаленных районов, следует рассматривать только Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 (ред. от 01.07.2021), все остальные положения предоставляют возможности для реализации функции, но не обязывают принимать соответствующие решения. Именно поэтому меры поддержки территорий с ограниченным сроком завоза эффективны только в тех регионах, где отработаны данные вопросы в нормативном поле. Единого стандарта для формирования устойчивой системы обязательного снабжения нет.

Общим выводом из рассмотренного нормативно-правового регулирования на федеральном и региональном уровнях и из проведенного интервью следует считать отсутствие единого подхода, отсутствие прописанных в нормативных документах критериев по отнесению того или иного района к территории с ограниченной транспортной доступностью и отсутствием возможности воспроизводства всего комплекса потребностей жителей в ключевых товарах народного потребления непосредственно в них же, что уже на сегодня привело, с одной стороны, к ряду необоснованных фактов отнесения административных единиц к районам, попадающим под категорию северного завоза, и, с другой – к эпизодам игнорирования администрациями субъектов РФ вопросов регулирования жизне-

обеспечения людей (поставок, цен на продукцию, в первую очередь продовольствия) в тех населенных пунктах, где это жизненно необходимо. Отсутствие обязательности применения положений Федерального закона № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» от 02.12.1994 позволяет региональным властям порой игнорировать запросы населения и приводит к снижению качества его жизни. Кроме того, «единые стандарты жизненного уровня», по сути, определяются Федеральным законом № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 и формально переводят уровень благосостояния в финансовую плоскость. Такой подход при дефиците продукции является формальностью и никак не характеризует возможности по покупке хотя бы минимального продуктового набора, не говоря уже про особые группы людей (детей до трех лет, пожилых людей с хроническими заболеваниями и т. д.).

Наиболее разумным решением данной проблемы может стать принятие федерального закона и/или ряда НПА, включающих следующие направления, представленные на рис. 3.

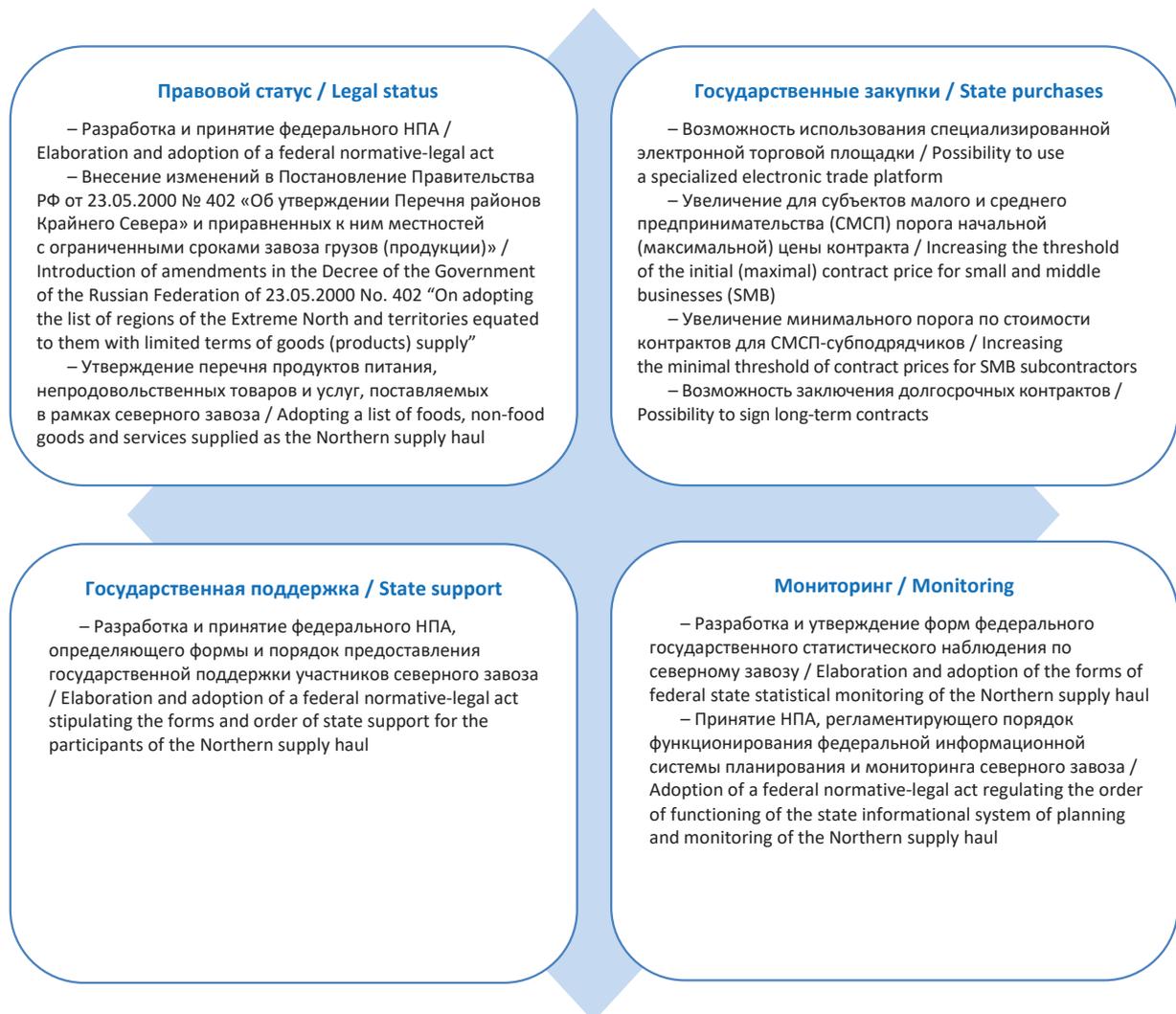

Рис. 3. Направления совершенствования северного завоза

Источник: составлено авторами на основе результатов контент-анализа законодательных документов.

Fig. 3. Areas of improving the Northern supply haul

Source: compiled by the authors based on the results of content analysis of legislative documents.

Сначала целесообразно определить снабжение труднодоступных районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей как самостоятельного объекта нормативного правового регулирования [32]. Для этого необходимо на федеральном уровне законодательно закрепить понятие «северный завоз» и его приоритетный социально значимый статус. Под северным завозом ФАНУ «Востокгосплан» предлагает считать комплекс организационных, транспортно-логистических и финансовых механизмов по бесперебойному снабжению районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов товарами (продукцией), необходимыми для обеспечения жизнедеятельности населения и функционирования организаций социальной сферы, жилищно-коммунального хозяйства и энергетики.

Правовой статус северного завоза станет основанием для закрепления полномочий по организации, осуществлению и контролю снабжения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в положениях соответствующих государственных структур. При этом роль государственного сектора будет заключаться в обеспечении планирования, организации, мониторинга и контроля осуществления поставок для жизнеобеспечения северных регионов с помощью единой информационной системы и цифровой системы мониторинга, которая позволит скоординировать действия участников; формировании и совершенствовании финансовых механизмов, а также системы стимулов для социально-экономического развития территорий; создании условий для функционирования и модернизации соответствующей инфраструктуры (транспортной, телекоммуникационной и др.) в целях минимизации рисков сбоев поставок. В этой связи целесообразно на федеральном уровне законодательно определить орган исполнительной власти, ответственный за бесперебойное снабжение районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Учитывая недостаточную эффективность региональных практик организации поставок товаров первой необходимости, нормативным правовым актом должно быть предусмотрено четкое разделение полномочий, обязанностей и ответственности между органами власти всех уровней.

Правоотношения в сфере осуществления северного завоза должны распространяться только на территории, не имеющие собственной производственной базы и круглогодичной транспортной доступности. Постановление Правительства Российской Федерации, утверждающее перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) [33], характеризуется высоким уровнем субъективности, так как не определяет систему критериев для классификации территорий. Кроме того, правовой акт принят в 2000 г. и с 2016 г. не актуализировался. Как результат, из указанного перечня не исключены населенные пункты, уже обеспечившие возможность круглогодичного снабжения вследствие развития инфраструктуры и изменения логистических схем поставок (например, Октябрьский район Еврейской автономной области). Таким образом, для отнесения территорий к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям с ограниченными сроками завоза грузов требуется разработка исчерпывающего перечня критериев с указанием их пороговых значений. В качестве базового параметра может использоваться срок транспортной доступности.

Основным условием осуществления северного завоза является его гарантированное финансирование. Учитывая социальную значимость мероприятий по жизнеобеспечению северных труднодоступных территорий, обязательства по их финансированию должны быть предусмотрены законом о бюджете и реализованы с учетом соблюдения установленных сроков, а также иметь целевой характер. Это позволит снизить риски сбоев поставок товаров первой необходимости, обусловленные дефицитом финансовых ресурсов. Кроме того, бюджетное планирование расходов на осуществление северного завоза является дополнительной гарантией для участников государственных и корпоративных закупок платежеспособности заказчика.

Прямое включение в бюджет расходов, связанных с обеспечением поставок грузов (продукции) в северные труднодоступные территории, не должно исключать возможность предоставления иных инструментов государственной финансовой поддержки его участников.

Одним из вариантов государственной поддержки является разработка специального налогового режима для налогообложения операций, связанных с закупкой, доставкой и использованием топливно-энергетических ресурсов, а также продовольственных и непродовольственных товаров первой необходимости в рамках

северного завода. По аналогии с применяемыми налоговыми льготами для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития возможно установление пониженных тарифов страховых взносов как для всех участников поставок, так и для отдельных категорий (например, субъектов малого и среднего предпринимательства).

Актуальными являются вопросы возможности применения льготных финансовых инструментов обновления основных фондов и развития транспортно-логистической инфраструктуры, например, благодаря созданию специализированного фонда по подобию канадского опыта снабжения сопоставимых территорий и соответствующей государственной программы по созданию опорной инфраструктуры северного завода. Опираясь на канадский опыт, стоит обратить внимание на то, что ключевую роль в развитии их северных территорий играют кооперативы, где представители коренных народов составляют основную массу населения. Многие кооперативы объединены в Ассоциацию арктических кооперативов. Благодаря оптовому характеру закупок Ассоциация снижает затраты на приобретение необходимых грузов, что напрямую отражается на цене для конечного покупателя – жителя Севера Канады. Также Ассоциация помогает местным компаниям организовывать сбыт своей продукции как внутри территорий, так и за ее пределы [35]. Этот опыт может быть рассмотрен и для российских реалий.

В целях решения проблемы покрытия кассового разрыва необходимо совершенствование механизма предоставления государственных гарантий и/или бюджетных кредитов. Перспективным направлением нормативного правового регулирования является разработка и реализация комплекса стимулирующих мер по постепенному переходу районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей на частичное самообеспечение товарами первой необходимости там, где это возможно.

Отдельным объектом государственного регулирования является механизм осуществления северного завода. Его организационные аспекты регламентируются федеральными законами о контрактной системе и о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц. Однако наличие нормативно-правовых и логистических проблем в данной сфере, а также реализуемые мероприятия по совершенствованию системы государственных закупок обуславливают необходимость актуализации законодательной базы.

Так, минимизация рисков срыва северного завода, связанных с недобросовестностью поставщиков, возможна за счет внесения изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 04.02.2015 № 99 [34] в части установления дополнительных требований к участникам закупок на осуществление поставок социально значимых товаров в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, а также возможности проведения конкурса с ограниченным участием. Кроме того, следует предусмотреть полномочия ФОИВ в части мониторинга и контроля осуществления северного завода, управления рисками и разработки условий для обеспечения приоритетного регулярного снабжения удаленных территорий (приоритизация обработки грузов, регулярные маршруты).

Одним из решений проблемы обеспечения своевременных поставок жизненно необходимых товаров в северные труднодоступные территории в полном объеме является правовое закрепление механизма использования материальных запасов Федерального агентства по государственным резервам, планируемых к замене.

В обобщенном виде предлагаемые автором предложения по совершенствованию правового регулирования системы северного завода в целом представлены на рис. 4.

Одной из развилочек при развитии концепции северного завода, которая из года в год обсуждается в научном и бизнес-сообществах, можно считать создание единого оператора северного завода – организации (или нескольких организаций), которая потенциально могла бы стать крупным федеральным игроком по снабжению ТЭР и ГСМ территорий с ограниченными сроками завоза. В пользу такой концепции организации северного завода аргументы, касающиеся необходимости создания единого окна, понятной ответственности за сбой поставок, синергетического эффекта и эффекта масштаба за счет понимания всех логистических цепочек и нюансов северного завода и системного планирования мероприятий по доставке, однако аргументами против являются ограничения федерального бюджета (сейчас мероприятия финансируются регионами), риски удорожания северного завода, коррупционные риски, угроза ухудшения состояния регионов вследствие того,

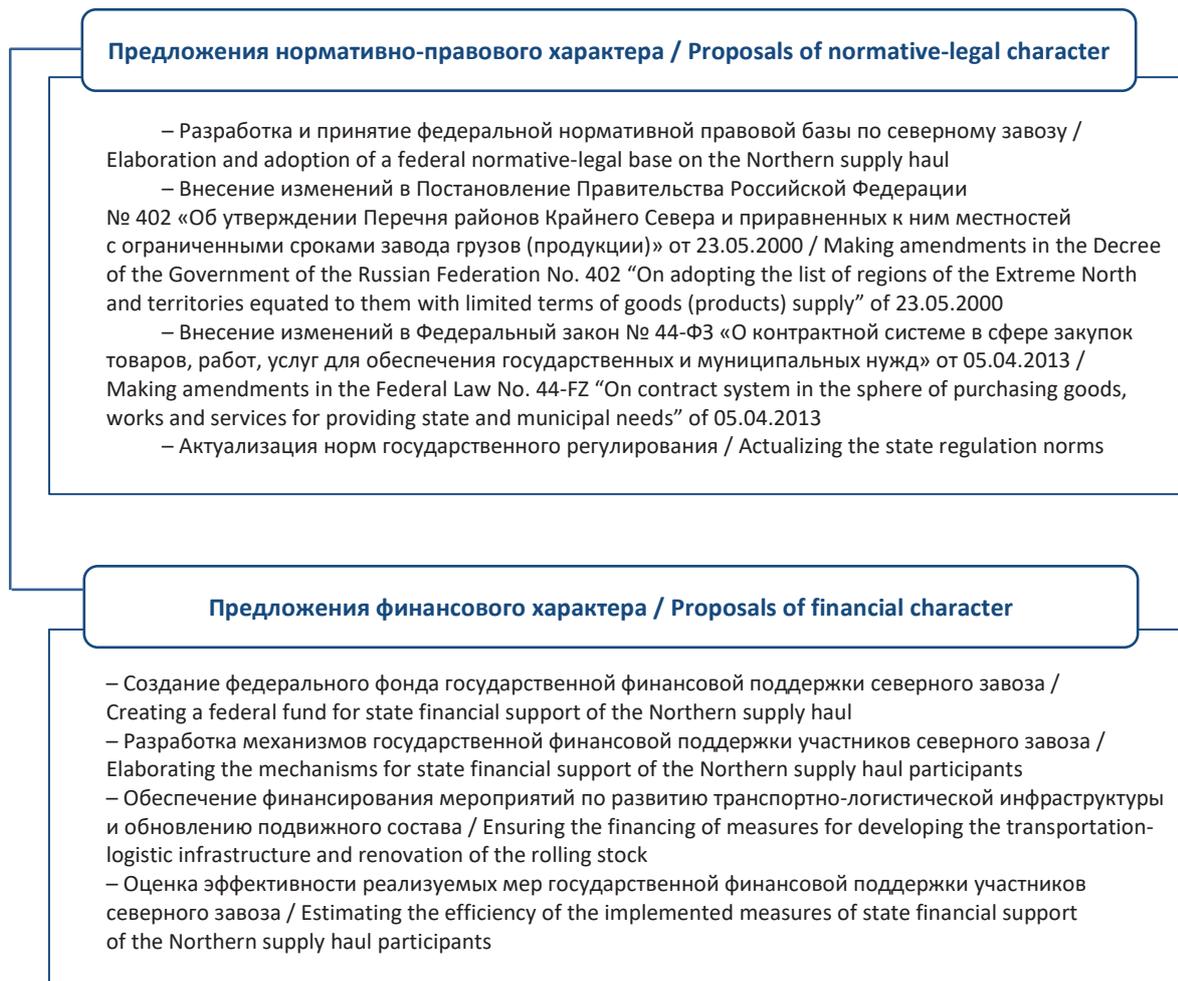

Рис. 4. Предложения по совершенствованию системы северного завоза

Источник: составлено авторами на основе результатов контент-анализа законодательных документов.

Fig. 4. Proposals for improving the system of the Northern supply haul

Source: compiled by the authors based on the results of legislative documents content analysis.

что представители малого бизнеса, занимавшиеся в регионах поставками, потеряют работу. Данная развилка является дискуссионной, требует дополнительного изучения социально-экономических эффектов и будет рассмотрена в рамках дальнейшего направления исследования.

Таким образом, для повышения уровня обеспеченности отдельных населенных пунктов жизненно необходимыми грузами и минимизации рисков сбоев в организации их доставок приоритетной задачей является совершенствование системы государственного регулирования северного завоза. Для этого необходимо формирование законодательной базы, определяющей правовой статус северного завоза, распределение полномочий и ответственности по его осуществлению, перечни предметов и территорий снабжения, виды и формы государственной поддержки. Модернизация системы государственного регулирования позволит обеспечить формализацию правоотношений в сфере организации поставок товаров (продукции) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, а также унифицировать механизмы их реализации. Реформирование законодательной базы создаст предпосылки для совершенствования системы северного завоза в целом.

Выводы

Принимая во внимание неснижающийся интерес научного сообщества к исследованию северного завоза, повышения эффективности его правового регулирования, можно сказать, что трансформация системы северного завоза, сопровождающаяся переходом к непропорциональному перераспределению ресурсов, а также полномочий между органами власти всех уровней, способствует усилению рисков сбоев поставок товаров первой необходимости в северные труднодоступные территории.

В ходе анализа процесса управления северным завозом определено, что теоретические подходы к оптимизации существующих механизмов жизнеобеспечения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей окончательно не сформированы, а региональные нормативные правовые акты преимущественно носят несистемный характер, регулируя отдельные направления государственной поддержки, акцентируя внимание на порядок предоставления финансовой поддержки. Результаты анализа нормативных правовых механизмов управления и поддержки северного завоза позволили также установить отсутствие в нормативных документах единого определения северного завоза, критериев отнесения территорий к районам с ограниченным сроком завоза, возможно, категорирования (разделения на группы по уровню транспортной доступности) этих районов по периодам возможного транспортного сообщения. Поэтому авторами предложено под северным завозом считать комплекс организационных, транспортно-логистических и финансовых механизмов по бесперебойному снабжению районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов товарами (продукцией), необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения и функционирования организаций социальной сферы, жилищно-коммунального хозяйства и энергетики.

С точки зрения авторов, совершенствование правового регулирования северного завоза в районы Крайнего Севера может быть осуществлено путем разработки единого закона с определением единых правил игры для ключевых стейкхолдеров.

Список литературы

1. Полешкина И. О. Оценка эффективности продовольственного обеспечения районов Крайнего Севера России // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 3. С. 820–835. DOI: <https://doi.org/10.17059/2018-3-10>
2. Гоман В. А. Северный завоз: реалии, возможности, перспективы // Человек и труд. 2000. № 6. С. 63–67.
3. Грицевич А. В. Северный завоз // ЭКО. 2008. № 3 (405). С. 78–88. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/2727>
4. Зафесов Ю. К. Эффективные механизмы северного завоза в регионы Крайнего Севера: автореферат дис. ... канд. экон. наук. Москва: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2006. 24 с.
5. Северный завоз товаров: состояние, повышение ответственности сибирских регионов / Л. П. Наговицина, М. И. Дроздова, Е. И. Леоненко // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 38. С. 64–72. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/38/6>
6. Серова В. А. Анализ законодательного обеспечения системы «северного завоза» в районы Крайнего Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2007. № 1 (17). С. 40а–48.
7. Галактионов О. Н. «Северный завоз» как фактор экономического обеспечения жизнедеятельности населения северных регионов // NovaUm.Ru. 2019. № 18. С. 131–134.
8. Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Тенденции развития правового режима Северного морского пути // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 2. С. 276–295. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.203>
9. Жуков М. А., Телеснина В. М. Вопросы оптимизации Северного завоза // Арктический вектор: «Северный завоз» – пути развития: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Якутск. 30 сентября 2021 года. Якутск: Академия наук РС (Я), 2021. С. 43–52.
10. Чернов С. Н., Чернова Т. И. Правовые основы проекта «водный путь Балтсиб» для реализации инфраструктуры Северного морского пути // Актуальные проблемы экономики и права: сборник трудов. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2022. С. 117–127.
11. Губарев В. Н. Вопросы правового обеспечения реализации стратегии развития арктического региона на примере Республики Саха (Якутия) // Экономика Востока России. 2020. № 1 (12). С. 17–19. URL: http://src-sakha.ru/medias/docs/journal-evr/EVR12/17-19_GubarevVN.pdf

12. Богданова Н. А., Чуйкова О. Ю. Современное состояние транспортного обслуживания северных регионов // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». Санкт-Петербург, 29–31 мая 2019 года. Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2019. С. 226–232.
13. Соколов Ю. И. Риски северного завоза // Проблемы анализа риска. 2019. Т. 16, № 4. С. 32–47. DOI: <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2019-16-4-32-47>
14. Богер И. Б. Северный завоз грузов в районы Северо-Востока России // Регион: экономика и социология. 2003. № 3. С. 105–121.
15. Шадрин А. П. Обеспечение северного завоза // Эксперт. 2001. URL: https://expert.ru/expert/2001/29/29ex-evenkia_26724/ (дата обращения: 06.04.2022).
16. Обеспечение эффективной и надежной доставки грузов северного завоза для районов Крайнего Севера и Арктической зоны России / Н. А. Филиппова, В. М. Власов, В. Н. Богумил. Москва: Техполиграфцентр, 2019. 214 с.
17. Пиль Э. А. Анализ северного завоза и варианты его реализации // Цифровая наука. 2021. № 3. С. 42–58.
18. Пилясов А. Н. Предпринимательство в Арктике: Проблемы развития малого и среднего бизнеса в Арктической зоне, или Чем арктические предприниматели похожи на белых медведей? Москва: КРАСАНД, 2021. 400 с.
19. Глава Минвостокразвития РФ: затраты на северный завоз сократит создание его «цифрового двойника». URL: <https://amppravda.ru/2022/01/20/0109995.html> (дата обращения: 06.04.2022).
20. Аналитическую цифровую модель северного завоза могут внедрить на Дальнем Востоке и в Арктике. URL: <https://ysia.ru/analiticheskuyu-tsifrovuyu-model-severnogo-zavoza-mogut-vnedrit-na-dalnem-vostoke-i-v-arktike/> (дата обращения: 06.04.2022).
21. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/ (дата обращения: 26.02.2022).
22. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (дата обращения: 26.02.2022).
23. Северный завоз: совершенствование механизмов государственной поддержки // Информационный портал Совета Федерации Российской Федерации. URL: <https://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/131352/> (дата обращения: 08.03.2022).
24. Вопросы обеспечения поставок продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности с ограниченным сроком завоза грузов // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/100411/> (дата обращения: 15.03.2022).
25. Расследованием причин срыва северного завоза в Якутии займется федеральная комиссия // Информационно-аналитический портал «SakhaNews». URL: <https://www.1sn.ru/90392.html> (дата обращения: 22.03.2022).
26. Что такое «северный завоз» и почему в этом году он был сорван? // Аргументы и факты. URL: <https://aif.ru/dontknows/eternal/1015079> (дата обращения: 22.03.2022).
27. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 29.03.2022).
28. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 29.03.2022).
29. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год» // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).
30. Закон о контрактной системе в сфере госзакупок: проблемы правоприменения и пути совершенствования // Аналитический вестник. 2021. № 18 (778). URL: <http://council.gov.ru/media/files/f9yp3LTc9SrFLGwATsiFFJduKOMVTKdn.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).
31. Проблемы развития малого и среднего бизнеса в Арктической зоне Российской Федерации // Информационный портал «Союз городов Заполярья». URL: http://krajniiy-sever.ru/?page_id=2015 (дата обращения: 15.03.2022).
32. Исторические тенденции и современные организационно-экономические проблемы «северного завоза» / В. В. Васильев, А. В. Грицевич, В. С. Селин. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2009. 152 с.
33. Постановление Правительства РФ от 23.05.2000 № 402 (ред. от 06.12.2016) «Об утверждении Перечня районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей с ограниченными сроками завоза грузов (продукции)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27259/ (дата обращения: 26.02.2022).
34. Постановление Правительства РФ от 4 февраля 2015 года № 99 «Об установлении дополнительных требований к участникам закупки отдельных видов товаров, работ, услуг, случаев отнесения товаров, работ, услуг к товарам, работам, услугам, которые по причине их технической и (или) технологической сложности, инновационного, высокотехнологического

или специализированного характера способны поставить, выполнить, оказать только поставщики (подрядчики, исполнители), имеющие необходимый уровень квалификации, а также документов, подтверждающих соответствие участников закупки указанным дополнительным требованиям». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251753> (дата обращения: 18.03.2022).

35. Sulzenko A., Fellows G. K. Planning for infrastructure to realize Canada's potential: The corridor concept // The School of Public Policy Publications. 2016. Т. 9. URL: <https://cdm.ucalgary.ca/index.php/sppp/article/view/42591> (дата обращения: 25.11.2021).

References

1. Poleshkina, I. O. (2018). Problems of Food Security in the Regions of the Far North of Russia. *Economy of Region*, 14 (3), 820–835 (in Russ.). <https://doi.org/10.17059/2018-3-10>
2. Goman, V. A. (2000). The Northern supply haul: realities, opportunities, prospects. *Chelovek i Trud*, 6, 63–67 (in Russ.).
3. Gritsevich, A. (2019). The Northern supply haul. *ECO Journal*, 3(3), 78–88 (in Russ.). <https://ecotrends.ru/index.php/eeco/article/view/2727>
4. Zafesov, Yu. K. (2006). *Effective mechanisms of the Northern supply haul to the Extreme North regions*, abstract of the PhD (Economics) thesis. Moscow, Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF.
5. Nagovitsina, L. P., Drozdova, M. I., Leonenko, E. I. (2017). Northern delivery of goods: condition, Siberian regions responsibility increase. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 38, 64–72 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/19988648/38/6>
6. Serova, V. A. (2007). Analysis of legislative provision of the system of the Northern supply haul in the Extreme North regions. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 1 (17), 40a–48 (in Russ.).
7. Galaktionov, O. N. (2019). “The Northern supply haul” as factor of economic provision of activity of the Northern regions population. *NovaUm.Ru*, 18, 131–134 (in Russ.).
8. Bekyashev, D. K., Bekyashev, K. A. (2021). The trends in the development of the legal regime of the Northern Sea Route. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 12 (2), 276–295 (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.203>
9. Zhukov, M. A., Telesnina, V. M. (2021). Issues of the Northern supply haul optimization, *The Arctic vector: “The Northern supply haul” – ways of development: works of the 4th Interregional scientific-practical conference*. Yakutsk, September 30, 2021 (pp. 43–52). Yakutsk, Akademiya nauk RS (Ya) (in Russ.).
10. Chernov, S. N., Chernova, T. I. (2022). Legal bases of the “BaltSib water route” project for implementation of the Northern Sea Route infrastructure. *Topical issues of economics and law: collection of works* (pp. 117–127). Kirov, Mezhhregional'nyi tsentr innovatsionnykh tekhnologii v obrazovanii.
11. Gubarev, V. N. (2020). Issues of legal support for the implementation of the Arctic region's development strategy on the example of the Sakha Republic (Yakutia). *Ekonomika Vostoka Rossii*, 1 (12), 17–19 (in Russ.). http://src-sakha.ru/medias/docs/journal-evr/EVR12/17-19_GubarevVN.pdf
12. Bogdanova, N. A., Chuikova, O. Yu. (2019). Modern condition of transportation services of the Northern regions. *Collection of selected works by the materials of scientific conferences of “Natsrazvitiye” GNII*. Saint Petersburg, May 29–31, 2019 (pp. 226–232). Saint Petersburg, GNII “Natsrazvitiye” (in Russ.).
13. Sokolov, Yu. I. (2019). Risks of northern delivery. *Issues of Risk Analysis*, 16 (4), 32–47 (in Russ.). <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2019-16-4-32-47>
14. Boger, I. B. (2003). The Northern supply haul of goods to the North-East of Russia. *Region: Economics and Sociology*, 3, 105–121 (in Russ.).
15. Shadrin, A. P. (2001). Providing the Northern supply haul. *Ekspert* (in Russ.). https://expert.ru/expert/2001/29/29evenkia_26724/
16. Filippova, N. A., Vlasov, V. M., Bogumil, V. N. (2019). *Providing the effective and reliable supply of goods of the Northern supply haul for the Extreme North regions and the Arctic zone of Russia*. Moscow, Tekhpoligriftsentr (in Russ.).
17. Pil, E. A. (2021). Analysis of the Northern delivery and options for its implementation. *Tsifrovaya nauka*, 3, 42–58 (in Russ.).
18. Pilyasov, A. N. (2021). *Entrepreneurship in the Arctic: Problems of development of small and middle business in the Arctic zone, or How are Arctic entrepreneurs like polar bears?* Moscow, KRASAND (in Russ.).
19. *Head of the Russian Ministry of the Far East development: expenses for the Northern supply haul can be reduced by creating its “digital double”* (in Russ.). <https://ampravda.ru/2022/01/20/0109995.html>
20. *Analytical digital model of the Northern supply haul may be introduced in the Far East and the Arctic* (in Russ.). <https://ysia.ru/analiticheskuyu-tsifrovuyu-model-severnogo-zavoza-mogut-vnedrit-na-dalнем-vostoke-i-v-arktike/>
21. *Order of the president of the Russian Federation of 05.03.2020 No. 164 “On the bases of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035”* (in Russ.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347129/

22. Order of the president of the Russian Federation of 26.10.2020 No. 645 "On the strategy of development of the Arctic zone of the Russian Federation and provision of national security for the period up to 2035" (in Russ.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/
23. The Northern supply haul: improving mechanisms of state support. *Informational platform of the Federation Council of the Russian Federation* (in Russ.). <https://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/131352/>
24. Issues of provision of products (goods) supply to the Extreme North regions and territories equated to them with the limited terms of goods supply. *Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation* (in Russ.). <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/100411/>
25. A federal commission will investigate the causes of a failure of the Northern supply haul in Yakutia. *SakhaNews*. <https://www.1sn.ru/90392.html>
26. What is "the Northern supply haul" and why it failed this year? *Argumenty i Fakty* (in Russ.). <https://aif.ru/dontknows/eternal/1015079>
27. Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (ed. of 02.07.2021) "On contract system in the sphere of purchasing goods, works and services for providing state and municipal needs". (in Russ.). http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_144624/
28. Federal Law of 18.07.2011 No. 223-FZ (ed. of 01.07.2021) "On purchasing goods, works and services by certain types of juridical persons" (in Russ.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/
29. Report on the results of expert-analytical event "Monitoring of development of state and corporate purchases in the Russian Federation in 2020". *Auditing Chamber of the Russian Federation* (in Russ.). <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf>
30. Law on the contract system in the sphere of state purchases: issues of law implementation and ways to improve them. (2021). *Analiticheskii Vestnik*, 18 (778) (in Russ.). <http://council.gov.ru/media/files/f9yp3LTc9SrFLGwATsiFFJduKOMVTKdn.pdf>
31. Issues of developing small and middle businesses in the Arctic zone of the Russian Federation. *Soyuz gorodov Zapolyar'ya* (in Russ.). http://krajnyy-sever.ru/?page_id=2015
32. Vasilyev, V. V., Gritsevich, A. V., Selin, V. S. (2009). *Historical trends and modern organizational-economic problems of "the Northern supply haul"*. Apatity, Izd-vo Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN (in Russ.).
33. Decree of the Government of the Russian Federation of 23.05.2000 No. 402 (ed. of 06.12.2016) "On adopting the list of regions of the Extreme North and territories equated to them, with limited terms of goods (products) supply" (in Russ.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27259/
34. Decree of the Government of the Russian Federation of February 4, 2015 No. 99 "On establishing additional requirements to participants of purchases of certain types of goods, works and services, cases of referring the goods, works and services to such goods, works and services, which, due to their technical and (or) technological complexity, innovative, high-technology or specialized character, can be supplied, executed, or render only by suppliers (subcontractors, executors) having the necessary level of qualification, as well as documents confirming the compliance of the purchase participants with the said additional requirements". (in Russ.). <https://docs.cntd.ru/document/420251753>
35. Sulzenko, A., Fellows, G. K. (2016). Planning for infrastructure to realize Canada's potential: The corridor concept. *The School of Public Policy Publications*, 9. <https://cdm.ucalgary.ca/index.php/sppp/article/view/42591>

Вклад авторов

М. Е. Кузнецов является главным исследователем, проводившим исследование и координировавшим его, формировал вопросы исследования и проводил интервьюирование.

М. И. Никишова интерпретировала результаты исследования, проводила обзор литературы и интервьюирование.

The author's contribution

M. E. Kuznetsov is the chief researcher who performed and coordinated the research, formulated the research questions and conducted interviews.

M. I. Nikishova interpreted the research results, performed literature review and conducted interviews.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 27.04.2022

Дата принятия в печать / Accepted 30.05.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.566-576>

УДК 339.1:658:004

JEL: L81, L86

Н. С. СЕЛИВЕРСТОВА¹,

Р. А. САБИТОВ²,

Г. С. СМЕРНОВА²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

² Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ (КНИТУ – КАИ)

ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ЛОГИСТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Контактное лицо:

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5146-2502>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9231-2015>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1416-3100, AuthorID: 688895

Сабитов Рустэм Адиевич, кандидат технических наук, доцент кафедры «Динамика процессов и управление», Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ (КНИТУ – КАИ)

E-mail: r.a.sabitov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3792-3218>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ABD-1435-2020>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 4363-5154, AuthorID: 905090

Смирнова Гульнара Сергеевна, кандидат технических наук, доцент кафедры «Динамика процессов и управление», Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ (КНИТУ – КАИ)

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8880-4473>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ABD-1428-2020>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5642-0311, AuthorID: 143393

Аннотация

Цель: обзор основных моделей управления и подходов к исследованию логистических процессов в производственных экосистемах.

Методы: абстрактно-логический, диалектический, феноменологический методы.

Результаты: описаны основные направления и методы исследования в сфере цифровизации логистических процессов; ускоренный рост объемов электронной коммерции и форс-мажорные факторы (эпидемия, комплекс геополитических факторов) выделены в качестве драйвера развития решений в сфере повышения эффективности логистических процессов в российской экономике; выявлены перспективные направления развития моделей управления логистическими процессами.

Научная новизна: показано, что направления исследований в сфере логистики шире у зарубежных авторов и у российских исследователей имеется существенный потенциал поиска новых технологических и методологических решений в этой сфере; показана актуальность развития исследований в сфере цифровизации логистических процессов, в том числе на базе моделей предиктивного анализа.

© Селиверстова Н. С., Сабитов Р. А., Смирнова Г. С., 2022

© Seliverstova N. S., Sabitov R. A., Smirnova G. S., 2022

Практическая значимость: выявленное в работе понимание проблем в сфере логистики делает актуальной задачу развития совокупности проектов в этой сфере для повышения эффективности существующих цифровых экосистем, а также создает базу для дальнейших исследований в этой сфере.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством, макроэкономика, цифровая экономика, цифровизация, электронная коммерция, логистика, логистические процессы, информационные технологии

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Селиверстова Н. С., Сабитов Р. А., Смирнова Г. С. Подходы к управлению логистическими процессами в условиях цифровой экономики // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 566–576. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.566-576>

The scientific article

N. S. SELIVERSTOVA¹,

R. A. SABITOV²,

G. S. SMIRNOVA²

¹Kazan (Volga) Federal University

²Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI (KNITU – KAI)

APPROACHES TO MANAGING LOGISTICS PROCESSES UNDER DIGITAL ECONOMY

Contact:

Nayalya S. Seliverstova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department “Economic Theory and Econometrics”, Kazan (Volga) Federal University

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5146-2502>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-9231-2015>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 1416-3100, AuthorID: 688895

Rustem A. Sabitov, PhD (Engineering), Associate Professor of the Department “Dynamics of Processes and Management”, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev-KAI (KNITU – KAI)

E-mail: r.a.sabitov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3792-3218>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ABD-1435-2020>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 4363-5154, AuthorID: 905090

Gulnara S. Smirnova, PhD (Engineering), Associate Professor of the Department “Dynamics of Processes and Management”, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev-KAI (KNITU – KAI)

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8880-4473>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ABD-1428-2020>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 5642-0311, AuthorID: 143393

Abstract

Objective: to review the main management models and approaches to the study of logistics processes in production ecosystems.

Methods: abstract-logical, dialectical, phenomenological methods.

Results: the main directions and methods of research in the field of digitalization of logistics processes are described; the accelerated growth of e-commerce and force majeure factors (epidemic, a complex of geopolitical factors) are identified as a driver for the development of solutions in the field of improving the efficiency of logistics processes in the Russian economy; promising directions for the development of logistics process management models are identified.

Scientific novelty: it is shown that the directions of foreign authors' research in the field of logistics are broader, while Russian researchers have a significant potential to search for new technological and methodological solutions in this area; the relevance of the research development in the field of logistics processes digitalization is shown, including that on the basis of predictive analysis models.

Practical significance: the understanding of problems in the field of logistics, revealed in the work, makes it urgent to develop a set of projects in this area to increase the efficiency of existing digital ecosystems, and also creates a basis for further research in this area.

Keywords: Economics and national economy management, Macroeconomics, Digital economy, Digitalization, E-commerce, Logistics, Logistics processes, Information technologies

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Seliverstova, N. S., Sabitov, R. A., Smirnova, G. S. (2022). Approaches to managing logistics processes under digital economy. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 566–576 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.566-576>

Введение

В России запущена обширная государственная программа развития цифровой экономики [1] как экономики нового технологического поколения. Во многих развитых и развивающихся странах в течение последних десятилетий также наблюдается последовательное увеличение интереса к вопросам расширения сфер применения информационных систем и технологий.

Теоретические основы цифровой экономики были заложены еще в середине прошлого века. Массовая же цифровизация экономики, которая объективно началась в конце прошлого века и интенсивнее осуществляется в настоящее время, приводит к существенным изменениям во всех сферах жизнедеятельности человека, трансформируя подходы к работе с данными, партнерами, клиентами. Все больше исследователей в настоящее время рассматривают цифровизацию не как специализированный технологический процесс, но как важную часть «глобальной социоэкономической динамики» [2]. В этих условиях эффективность производственных систем определяется уровнем развития производственной логистики (исходя из принципа *Just In Sequence* – «в соответствии с потребностями») и управления цепочками поставок (*SCM – Supply Chain Management*).

Цифровизация приводит к необратимым изменениям ведущих паттернов поведения экономических субъектов за счет появления/внедрения новых инструментов формирования и реализации решений в рамках тех или иных процессов и операций – в процессах продаж и развития отношений с партнерами и клиентами, в логистике и т. п.

При этом в промышленности, в случае когда речь заходит о выборе конкретных решений для цифровизации каких-либо процессов и операций, ситуация является вовсе не тривиальной. Во-первых, круг готовых предлагаемых участниками ИТ-рынка решений автоматизации является достаточно ограниченным с учетом специфики деятельности предприятий конкретной отрасли и актуальных запросов бизнеса, а также с учетом требований по импортозамещению (что особенно актуально с весны 2022 г. с учетом всего комплекса геополитических событий). Во-вторых, реализация проектов в сфере цифровой трансформации несет в себе существенные репутационные риски для руководства предприятия, что влечет за собой: 1) постановку в качестве особой задачи выбор партнера – системного интегратора и 2) закрытость участников этого рынка в целом, о чем мы писали ранее [3]. В-третьих, оценка экономических выгод от цифровизации тех или иных процессов и операций представляется на сегодня отдельной методологической и практической проблемой, не имеющей единого решения.

Но если рассматривать процессы и операции, которые могут быть оцифрованы, не в рамках одной компании, а в рамках группы связанных компаний – *экосистемы (или бизнес-экосистемы)*, ситуация выглядит более универсальной, постановка задачи может быть более обобщенной. Это позволит разработать или подобрать

набор технологий и паттернов решений, которые в последующем могут быть адаптированы под достаточно широкий круг реальных запросов промышленных предприятий.

Поэтому, на наш взгляд, перспективной с научной точки зрения является разработка моделей управления процессами в рамках экосистем. В частности, в данной работе мы делаем обзор основных моделей, рассматривая логистические процессы для производственных экосистем.

Ключевыми методами данного исследования являются метод научной абстракции, моделирование, а также феноменологический, диалектический и системный подходы.

1. Цифровизация логистических процессов: направления и методы исследований

С учетом вышеизложенного позиционирования цифровизации как перспективного инструмента повышения эффективности экономических отношений на уровне отдельных предприятий, их групп и объединений (экосистем, бизнес-экосистем), а также национальной экономики в целом цифровые инструменты остаются лишь инструментом.

Для повышения эффективности и получения экономического эффекта отдельному экономическому субъекту (в нашем случае предприятию) важно обеспечивать производство продукции/оказание услуг в соответствии с потребностями клиентов/рынка. Клиентоориентированность давно уже стала одной из ведущих ценностей/принципов современного бизнеса [4] и оказывает влияние на все принимаемые решения [5]. Реализация принципа клиентоориентированности требует, во-первых, гибкого производства продукции в соответствии с потребностями клиентов/рынка, а также, во-вторых, повышения производительности цепочек поставок.

Как правило, задача производства продукции в соответствии с потребностями клиентов/рынка решается за счет инструментов маркетинга, выстраивания процесса продаж и является индивидуальной для каждого предприятия с учетом особенностей его клиентской базы. Повышение производительности цепочек поставок является более фундаментальной инфраструктурной проблемой для российских предприятий, в основном в связи с заданными извне характеристиками логистической инфраструктуры. Правда, как показали недавние события (закрытие воздушных границ, ограничение транспортных грузовых перевозок в 2022 г., ограничения на пересечение границ, существенный рост стоимости контейнерных перевозок в 2021 г. и т. п.), и производство товаров/услуг, и логистика могут очень сильно зависеть от непредвиденных обстоятельств и внешних факторов.

Проблема повышения производительности цепочек поставок промышленных предприятий достаточно активно исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Так, например, по мнению китайских исследователей G. Xu, T. Lu, Y. Liu [6], конвергенция цифровой экономики и реального сектора экономики являются необратимой тенденцией. С учетом ускоренного роста электронной торговли в мире управление логистическими процессами с помощью возможностей современных технологий становится все более актуальным.

В условиях глобальной конкуренции для успеха важна прозрачность операций в цепочках поставок [7]. А достижение большей прозрачности в цепочке поставок требует разработки комплексных инструментов электронной логистики. A. Bhargava, D. Bhargava, P. N. Kumar отмечают, что «Интеллектуальная логистика стала насущной потребностью индустрии 5.0 для минимизации времени и затрат на логистику и максимизации удовлетворенности клиентов и прибыли организации» [8]. Y. Yalan, T. Wei разрабатывают системы глубокого логистического обучения (*Deep logistic learning framework, DLLF*) для минимизации вычислительного времени и повышения точности распространения данных во время онлайн-транзакции [9]. Методы моделирования активно используются исследователями для анализа возможностей в этой сфере, например, в работе M. Rinaldi, M. Caterino, R. Macchiaroli [10] и других исследователей.

О. Н. Дунаев вводит в статье 2016 г. понятие *транслогистической платформы*, которая представляет собой «экономическое пространство сетевого взаимодействия/кооперации компаний, структурированное единым/общим процессом по созданию добавленной стоимости, а также единой (выстроенной по общим стандартам) технологией управления бизнес-сетью, охватывающей участников интегрированной цепи по-

ставок по созданию потребительской ценности для клиента» [11]. Подчеркивая тем самым комплексность вопроса повышения производительности цепочек поставок в экономической системе.

Р. А. Сабитов и др. [12] описывают случаи прогностических алгоритмов и симуляционных моделей [13] для систем управления логистическими процессами и процессами управления складом на примере предприятий отрасли машиностроения.

Интересно, что, судя по анализу публикаций в этой сфере за последние годы, наибольший интерес к теме оптимизации процессов логистики проявляют группы исследователей из стран Азии.

В результате обзора научных статей нами выявлено, что наиболее актуальными направлениями исследований в этой сфере среди зарубежных исследователей являются:

- 1) экологически чистое складирование (*Green warehousing*);
- 2) оптимизация логистики в целом (общие вопросы) (*Logistics optimization*);
- 3) обеспечение устойчивости существующих цепочек поставок (*Supply chain sustainability*);
- 4) условия функционирования экономики замкнутого цикла в части логистических процессов (*Circular Economy*);
- 5) промышленный симбиоз¹ в сфере логистики (*Industrial symbiosis*);
- 6) теория промышленной коэволюции (совместного развития) (*Industrial Coevolution Theory*).

При этом ключевыми методами являются опросы менеджеров производственных компаний, последующий анализ собранных данных с использованием программного обеспечения для моделирования структурных уравнений (например, с частичными наименьшими квадратами (*PLS-SEM*) *SmartPLS 3* [15]), а также формализация математических моделей в виде систем уравнений (для демонстрации зависимостей между факторами/переменными, структурных взаимосвязей), линейное и динамическое программирование [16], аудит по стандартам серии ИСО 9000 [17].

Отечественные исследователи рассматривают преимущественно общие вопросы организации логистических процессов на примере конкретных предприятий определенной отрасли (машиностроения, сельского хозяйства и т. п.). Преобладающими методами исследования выступают контекстный анализ (*case-study*), анкетирование, глубинные интервью, организационно-распорядительные и статистические методы [18], мультиагентные модели [19].

Соответственно, единого методологического подхода к анализу цифровизации логистических процессов к настоящему времени не сложилось, что частично предопределяется индивидуальными характеристиками компаний в разных отраслях, рынка и отраслей в целом. А также может указывать на отсутствие четкого понимания целевого результата оцифрованных логистических процессов в современных экосистемах – группах компаний, связанных между собой в единую цепочку создания ценности для конечного потребителя.

2. Ускоренные темпы развития электронной коммерции как фактор развития логистических систем в России и в мире

В последнее время активно увеличивалась доля электронной торговли в мире: ее рост прогнозировался с 7,4 % в 2015 г. до 14,6 % в 2020 г. [20]. Однако реальный рост превзошел плановые показатели, в том числе под влиянием пандемии *Covid-19* (далее – пандемия) и связанным с нею ростом доли операций, совершаемых удаленно с применением современных информационно-коммуникационных технологий. Неслучайно на этом фоне электронная коммерция (*e-commerce*) становится направлением развития деятельности, на которое начинают ориентироваться самые крупные компании, такие, например, как «Сбер» и не только.

Доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли в России по итогам 2020 г., согласно данным Росстата (ФСГС), выросла почти в два раза – с 2 % в 2019 г. до 3,9 %. На фоне пандемии

¹ «Это форма совместного управления цепочками поставок, направленная на повышение устойчивости отрасли и достижение коллективных выгод, основанных на утилизации отходов, побочных продуктов и избыточных коммунальных услуг между экономически независимыми отраслями промышленности» [14].

рост рынка электронной коммерции ускорился (в предыдущие годы доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли в России росла медленнее: в 2018 г. она составляла 1,7 %, в 2017 г. – 1,3 %, в 2016 г. – 1,2 %, в 2015 г. – 0,9 %, в 2014 г. – 0,7 %).

Все это усиливает интерес экономических субъектов к процессам логистики. По мнению исследователей НИУ «ВШЭ» [21], в период до 2030 г. мировой тенденцией является то, что «все больше компаний будут искать собственные цифровые технологические решения для доставки на последней миле (*Last-mile Logistics*)».

Необходимость переориентации логистических цепочек поставок вследствие новых санкций в отношении России со стороны США и ЕС в 2022 г. также является вызовом для отечественных предприятий и побуждает их пересматривать используемые в своих логистических процессах решения и технологии в сторону повышения их эффективности/производительности (и импортозамещения). Однако первичным фактором цифровизации логистических процессов в отдельных компаниях и бизнес-экосистемах мы считаем именно повсеместное увеличение объемов электронной коммерции как канала и технологии продажи, а значит, движения потоков создаваемой ценности.

Все это должно привести, на наш взгляд, к значительному росту спроса на отечественные решения в сфере цифровизации логистических процессов в настоящем и в обозримом будущем.

3. Основные проблемы развития логистики в России

Под логистикой в широком смысле понимается перемещение потоков ценностей во времени и в пространстве [22, 23]. Логистические процессы представляют собой частный вариант реализации логистики отдельной компанией или группой предприятий (в рамках бизнес-экосистемы или просто в формате кооперации).

В данном разделе мы описываем проблемы развития логистики в экономике России, которые носят системный характер и определяют организацию логистических процессов в отечественных компаниях.

Для экономики России вопросы организации логистики являются актуальными в связи с большой протяженностью территории, неравномерной плотностью населения и распределения производительных сил (в том числе это является наследием СССР) и при этом относительно низкой плотностью путей сообщения (автомобильных и железных дорог и т. п.). Удельный вес в экономике валовой добавленной стоимости отрасли «Транспортировка и хранение» (в текущих основных ценах) за 2019 г. (последний год до пандемии) составлял 6,8 % [24].

В России логистика в целом, и в частности складская логистика как один из видов логистики, развивалась и развивается не так стремительно, как в других странах [25]. В настоящее время эффективные логистические процессы (как процессы перемещения материальных ценностей) и транспортная система (как каналы перемещения материальных ценностей в пространственно распределенных системах) являются важными предпосылками развития экономических отношений на любом уровне: предприятия, региона или даже национальной экономической системы в целом.

Среди основных проблем развития логистики в России исследователи отмечают следующие:

– Низкий уровень менеджмента в вопросах управления логистическими цепями и звеньями. Довольно часто управление складом рассматривается отдельно от управления закупками, несмотря на то, что они прогнозируются от спроса. Вследствие чего изначально неправильно строится вся логистическая система [26].

– Низкий уровень развития логистической инфраструктуры. Большая часть субъектов РФ на сегодняшний день испытывает недостаток складских площадей.

– Большое количество логистических посредников (например, «АТЛ Холдинг», «Юнитранс», МТК, *ItellaNLC, DHL, TNT*) в крупных городах и их почти полное отсутствие в ряде субъектов РФ [27].

Устаревшее технологическое взаимодействие различных видов транспорта и всех участников транспортного процесса [28]. По мнению О. В. Карсаева, Б. М. Морозова, Р. А. Сабитова, Г. С. Смирновой [29], если не принимать дополнительных мер, доля транспортных расходов в промышленности будет неизбежно расти в связи с устареванием автопарка, инфраструктуры, технологий. В то время как высокие транспортные расходы являются барьером на пути создания сложных производств».

Все это создает новые технологические вызовы практически для всех предприятий, повышая актуальность поиска технологичных путей решения проблем в сфере организации логистических процессов. В связи с высокой потребностью решения всего комплекса задач в рамках обозначенной проблематики и недостаточной проработанностью целого ряда вопросов с теоретической точки зрения (что показал обзор литературных источников, особенно отечественных) представляется целесообразной оперативная разработка моделей гибкого управления логистическими процессами в современных производственных экосистемах.

4. Цифровые модели управления процессами логистики

Цифры неумолимо свидетельствуют о принятии все большим количеством людей и компаний новых технологий обмена и распределения информации. Например, использование дистанционных банковских услуг в мире увеличилось на 23 %, а мобильных банковских приложений – на 30 %², отмечается, что клиенты становятся более требовательными к наличию современных технологий обмена данными. Председатель коллегии Евразийской экономической комиссии Т. С. Саркисян [30] отмечает, что активы в традиционных отраслях промышленности, не прошедшие оцифровку, резко обесцениваются на фоне роста стоимости новых *цифровых активов*.

По мнению отечественных исследователей, в части цифровизации «этапа насыщения достигли крупные города в основной полосе расселения вдоль транспортных магистралей» [21].

Многие ведущие эксперты сходятся на том, что в ближайшие 15–20 лет мир ждет повсеместное применение *платформенной бизнес-модели* и, по сути дела, реформирование привычных организационных структур промышленности и торговли. Таким образом, все элементы процесса общественного воспроизводства претерпевают изменения, обусловленные в том числе внедрением в процессы производства, распределения, обмена и потребления новейших информационных систем и технологий.

И хотя моделирование как метод управления логистикой или ее отдельными элементами имеет богатую историю³ и серьезные достижения, в настоящее время сохраняется высокий потенциал повышения эффективности деятельности предприятий за счет разработки новых моделей управления логистикой и продуктов/сервисов на их основе.

В результате анализа литературных источников нами выявлено наличие практик применения следующих моделей управления логистическими процессами:

1. Концептуальные модели⁴.
2. Экономико-математические модели планирования, прогнозирования, управления и анализа состояния (которые включают в себя, как правило, совокупность:
 - a) математических моделей;
 - b) аналитических моделей;
 - c) имитационных моделей;
 - d) расчетных алгоритмов или компьютерных моделей⁵.

² По материалам Проекта основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 гг. // Центральный банк РФ. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131360/oncfr_2022-2024.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

³ «Еще в начале XX столетия петербургские профессора путей сообщения издали труд под названием “Транспортная логистика”. На его основе были построены модели перевозки войск, их обеспечения и снабжения. Эти модели получили практическое применение при планировании и проведении ряда кампаний русской армии в ходе Первой мировой войны» (Шумаев В. А. Основы логистики: учеб. пособие. Москва: Юридический институт МИИТ, 2016. 314 с.).

⁴ Являются наиболее общими. «Методология системного подхода предполагает разработку единой концептуальной модели объекта управления. Концептуальная модель должна отражать основные свойства реального объекта, внешние и внутренние условия» (Шумаев В. А. Основы логистики: учеб. пособие. Москва: Юридический институт МИИТ, 2016. С. 260).

⁵ Основой которых (в смысле программного обеспечения) является модель «планирования распределения материалов/ресурсов – DRP» (Шумаев В. А. Основы логистики: учеб. пособие. Москва: Юридический институт МИИТ, 2016. С. 245).

При этом все эти модели так или иначе должны опираться на статические или динамические модели производственного цикла (иногда их называют моделями *ритма* производственного цикла) и/или модели технологического(их) процесса(ов).

Необходимо отметить и подход, основанный на построении цифровых двойников. Несмотря на то, что в последнее время идет активная разработка цифровых двойников различного типа во многих отраслях экономики, до сих пор недостаточно внимания уделяется цифровым двойникам в логистике [32].

Мы считаем, что эти модели в условиях текущих внешних и внутренних вызовов должны быть адаптированы для промышленных экосистем – формальных или неформальных объединений предприятий для оптимизации процессов и практик создания ценности для клиентов.

Адаптация существующих моделей или разработка новых должна при этом осуществляться с учетом широкого спектра современных теоретических и практических достижений. Естественно, что приоритет в этом случае будут иметь платформенные решения [23, 33], позволяющие на базе больших данных активно использовать современные предиктивные технологии и трансформировать на их базе хозяйственную деятельность различных бизнес-структур.

Выводы

Таким образом, в данной работе показано, что направления исследований в сфере логистики и логистических процессов различаются у отечественных и зарубежных исследователей. При этом диапазон направлений исследования в этой сфере среди отечественных специалистов должен быть расширен, что соответствует международным трендам (экономика замкнутого цикла в части логистических процессов, промышленный симбиоз – с точки зрения логистики, теория промышленной коэволюции, теория промышленных экосистем и т. п.), а также потребностям российской экономики.

Происходящие в настоящее время процессы переориентации логистических процессов и цепочек поставок вследствие введенных против России санкций являются вызовом для отечественных предприятий в целом и для научно-исследовательских организаций и коллективов в частности, поскольку требуют разработки новых технологических решений и методологической базы для них.

В частности, авторы считают на основании вышеизложенного целесообразным:

1. Организацию и проведение широкого спектра теоретических и прикладных исследований по созданию цифровых двойников распределенных логистических систем и их интеграции с другими интеллектуальными технологиями поддержки принятия управленческих решений в рамках всей производственной экосистемы – для обеспечения интенсивного развития цифровых экосистем в современных условиях.

2. Совершенствование алгоритмов, применяемых для поддержки принятия управленческих решений в производственной логистике и SCM, основанных на новейших методах компьютерного моделирования в сочетании с методами искусственного интеллекта и системного анализа.

3. Развитие методологии моделирования интегрированных цепей поставок и оптимизации логистических процессов.

Реализация проектов по указанным направлениям может способствовать не только решению логистических проблем для отдельных компаний, но также созданию основы для повышения эффективности хозяйственной деятельности по целым направлениям деятельности (отраслям и т. п.).

Список литературы

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 21.08.2017).

2. Припачкин Ю. И. Цифровое регулирование в цифровой экономике как условие прорывного развития. Вызовы и возможности новейших технологий // Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения. Москва: Издание Государственной Думы, 2019. С. 52–57.

3. Цифровая трансформация как инструмент развития компаний в цифровой экономике на примере Татарстана / Н. С. Селиверстова, О. В. Григорьева, Э. В. Ксенофонтова // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 270–279. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.270-279>
4. Куликова О. М., Суворова С. Д. Клиентоориентированность как вектор развития современного бизнеса // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 1 (51). С. 102–107. DOI: <https://doi.org/10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.015>
5. Суварян А. М., Айрапетян К. Г. Система управления клиентоориентированностью. Эволюция NPS от индекса к системе // Сборник научных статей: 12-я годовичная научная конференция. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 274–283.
6. Xu G., Lu T., Liu Y. Symmetric Reciprocal Symbiosis Mode of China's Digital Economy and Real Economy Based on the Logistic Model // *Symmetry*. 2021. № 13 (7). P. 1136. DOI: <https://doi.org/10.3390/sym13071136>
7. Gunasekaran A., Ngai E. W. T. Virtual supply-chain management // *Production Planning & Control*. 2004. Vol. 15, Is. 6. Pp. 584–595. DOI: <https://doi.org/10.1080/09537280412331283955>
8. Industrial IoT and AI implementation in vehicular logistics and supply chain management for vehicle mediated transportation systems / A. Bhargava, D. Bhargava, P. N. Kumar et al. // *Int. J. Syst. Assur. Eng. Manag.* 2022. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13198-021-01581-2>
9. Yalan Y., Wei T. Deep Logistic Learning Framework for E-Commerce and Supply Chain Management Platform // *Arab. J. Sci. Eng.* 2021. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13369-021-05894-z>
10. Rinaldi M., Caterino M., Macchiarelli R. Additive manufacturing and supply chain configuration: Modelling and performance evaluation // *Journal of Industrial Engineering and Management*. 2022. Vol. 15, No 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.3926/jiem.3590>
11. Дунаев О. Н. Потенциал логистики как технологии управления сетевым взаимодействием // Экспертный союз. 2016. № 19. URL: <http://unionexpert.su/potencial-logistiki-kak-tehnologii-upravleniya-setevym-vzaimodejstviem/> (дата обращения: 10.02.2022).
12. Adaptive control and operational management system of machine-tool fleet of the manufacturing enterprise / R. A. Sabitov, G. S. Smirnova, Sh. R. Sabitov, B. M. Morozov et al. // *IFAC-PapersOnLine*. 2015. Vol. 48, № 3. P. 1236.
13. Identification and simulation models in logistics control systems for production processes and freighting / A. Dolgui, N. Bakhtadze, R. Sabitov, G. Smirnova et al // *IFAC-PapersOnLine*. 2017. Vol. 50 (1). Pp. 14638–14643. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2017.08.1903>
14. Supply chain collaboration in industrial symbiosis networks / G. Herczeg, R. Akkerman, M. Z. Hauschild // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 171. Pp. 1058–1067. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.10.046>
15. Green warehousing, logistics optimization, social values and ethics and economic performance: the role of supply chain sustainability / Y. Agyabeng-Mensah, E. Ahenkorah, E. Afum, E. Dacosta et al // *The International Journal of Logistics Management*. 2020. Vol. 31, No. 3. Pp. 549–574. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJLM-10-2019-0275>
16. Hillier F. S., Lieberman G. J. Introduction to operations research. 7th ed. New York: McGraw-Hill, 2001.
17. Каблашова И. В., Саликов Ю. А. Исследование организационных резервов обеспечения и улучшения качества процессов // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 4 (32). С. 28–40.
18. Володина Н. Л., Кривяков К. С. Инструменты и методы качества логистических процессов // Организатор производства. 2017. Т. 25, № 4. С. 67–82. DOI: <https://doi.org/10.25065/1810-4894-2017-25-4-67-82>
19. Agent-based Spatial Simulation with Netlogo / F. Bouquet, D. Sheeren, N. Becu, B. Gaudou et al. 2015 // *Description formalisms in agent models* / A. Banos, C. Lang, Marilleau Nicolas (Eds.). Londres (GBR); Kidlington: ISTE; Elsevier. Pp. 29–73.
20. Digital Economy Compass // *Statista.com*. April 2017. URL: www.statista.com (дата обращения: 10.07.2019).
21. Цифровые технологии в логистике и управлении цепями поставок: аналитический обзор / В. В. Дыбская, В. И. Сергеев, Н. Н. Лычкина и др.; под общ. и науч. ред. В. И. Сергеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 190 с.
22. A review of logistics Internet-of-Things: Current trends and scope for future research / H. Golpîra, S. A. Rehman Khan, S. Safaeipour // *Journal of Industrial Information Integration*. 2021. Vol. 22. Pp. 100–194. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jii.2020.100194>
23. How will last-mile delivery be shaped in 2040? A Delphi-based scenario study / M. Poppel, J. Ringbeck, S. Spinler // *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. Vol. 177. Pp. 121–493.
24. Транспорт // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23455?print=1> (дата обращения: 01.03.2022).
25. Смольянинова Е. Н., Полищук Е. В. Проблемы современной складской логистики в России // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2019. № 2. С. 292–294. DOI: <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0802-0071>

26. Мерзликина Ю. А., Прокопьева О. А. Тенденция развития складской логистики // Научное сообщество студентов: материалы XVI Междунар. студенч. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 200–201.
27. Попов П. В., Мирецкий И. Ю. Влияние социально-экономических показателей на формирование складской инфраструктуры регионов // Вестник МГСУ. 2017. Т. 12, Вып. 2 (101). С. 222–229. DOI: <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2017.2.222-229>
28. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение от 11 июня 2014 года № 1032-р. URL: <http://rosavtodor.ru/documents/transport-strategy-2030/> (дата обращения: 30.04.2022).
29. Имитационное моделирование системы эстафетной доставки / О. В. Карсаев, Б. М. Морозов, Р. А. Сабитов, Г. С. Смирнова // Вестник НЦБЖД. 2016. № 1 (27). С. 45–56.
30. Саркисян Т. С. Цифровая безальтернативность // Труды ВЭО России. 2017. Т. 204. С. 67–72.
31. Цифровизация в малых и средних городах России // НИУ ВШЭ. Высшая школа урбанистики и Яндекс Такси. 2018.
32. DHL Trend Report: Implementation of digital twins to significantly improve logistics operations. URL: <https://clck.ru/M8yeH> (дата обращения: 05.05.2021).
33. Брынцев А. Н. Экономика платформенных решений – новый этап развития страны // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 3. С. 98–107. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-98-107>

References

1. Program “Digital economy of the Russian Federation”. Adopted by the order of the Government of the Russian Federation No. 1632-р (2017, 28 July) (in Russ.). <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
2. Pripachkin, Yu. I. (2019). Digital regulation in digital economy as a condition of breakthrough development. Challenges and opportunities of the newest technologies. *Main trends of the digital economy development in financial sphere. Legal aspects of regulation and practical application* (pp. 52–57). Moscow, Izdanie Gosudarstvennoi Dumy (in Russ.).
3. Seliverstova, N. S., Grigoryeva, O. V., Ksenofontova, E. V. (2021). Digital transformation as a tool of companies’ development in the digital economy by the example of Tatarstan. *Actual Problems of Economics and Law*, 15 (2), 270–279 (in Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.270-279>
4. Kulikova, O., Suvorova, S. (2021). Customer focus as the main vector of business development. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 1 (51), 102–107 (in Russ.).
5. Suvaryan, A. M., Airapetyan, K. G. (2018). *System of client-centeredness management. Evolution of NPS from an index to a system*. Collection of scientific works (pp. 274–283). Yerevan (in Russ.).
6. Xu, G., Lu, T., Liu, Y. (2021). Symmetric Reciprocal Symbiosis Mode of China’s Digital Economy and Real Economy Based on the Logistic Model. *Symmetry*, 13 (7), 1136. <https://doi.org/10.3390/sym13071136>
7. Gunasekaran, A., Ngai, E. W. T. (2004). Virtual supply-chain management. *Production Planning & Control*, 15 (6), 584–595. <https://doi.org/10.1080/09537280412331283955>
8. Bhargava, A., Bhargava, D., Kumar, P. N. et al. (2022). Industrial IoT and AI implementation in vehicular logistics and supply chain management for vehicle mediated transportation systems. *Int. J. Syst. Assur. Eng. Manag.* <https://doi.org/10.1007/s13198-021-01581-2>
9. Yalan, Y., Wei, T. (2021). Deep Logistic Learning Framework for E-Commerce and Supply Chain Management Platform. *Arab. J. Sci. Eng.* <https://doi.org/10.1007/s13369-021-05894-z>
10. Rinaldi, M., Caterino, M., Macchiaroli, R. (2022). Additive manufacturing and supply chain configuration: Modelling and performance evaluation. *Journal of Industrial Engineering and Management*, 15 (1). <http://dx.doi.org/10.3926/jiem.3590>
11. Dunaev, O. N. (2016). Potential of logistics as a technology of managing network interaction. *Ekspertnyi soyuz*, 19 (in Russ.). <http://unionexpert.su/potencial-logistiki-kak-tehnologii-upravleniya-setevym-vzaimodejstviem/>
12. Sabitov, R. A., Smirnova, G. S., Sabitov, Sh. R., Morozov, B. M. et al. (2015). Adaptive control and operational management system of machine-tool fleet of the manufacturing enterprise. *IFAC-PapersOnLine*, 48 (3), 1236.
13. Dolgui, A., Bakhtadze, N., Sabitov, R., Smirnova, G. et al. (2017). Identification and simulation models in logistics control systems for production processes and freighting. *IFAC-PapersOnLine*, 50 (1), 14638–14643. <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2017.08.1903>
14. Herczeg, G., Akkerman, R., Hauschild, M. Z. (2018). Supply chain collaboration in industrial symbiosis networks. *Journal of Cleaner Production*, 171, 1058–1067. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.10.046>
15. Agyabeng-Mensah, Y., Ahenkorah, E., Afum, E., Dacosta, E. et al. (2020). Green warehousing, logistics optimization, social values and ethics and economic performance: the role of supply chain sustainability. *The International Journal of Logistics Management*, 31 (3), 549–574. <https://doi.org/10.1108/IJLM-10-2019-0275>

16. Hillier, F. S., Lieberman, G. J. (2001). *Introduction to operations research*. 7th ed. New York, McGraw-Hill.
17. Kablashova, I. V., Salikov, Iu. A. (2016). Research into organizational resources of process quality maintaining and enhancement. *Vestnik of Volga State University of Technology. Series: Economy and Management*, 4 (32), 28–40 (in Russ.).
18. Volodina, N. L., Krivyakin, K. S. (2017). The tools and methods of logistic process quality. *Organizer of Production*, 25(4), 67–82 (in Russ.). <https://doi.org/10.25065/1810-4894-2017-25-4-67-82>
19. Bouquet, F., Sheeren, D., Becu, N., Gaudou, B., Lang, C., Marilleau Nicolas, Monteil, C. (2015). Description formalisms in agent models. In A. Banos, C. Lang, Marilleau Nicolas (Eds.) *Agent-based spatial simulation with NetLogo: volume 1 : introduction and bases* (pp. 29–73). Londres (GBR); Kidlington: ISTE; Elsevier.
20. Digital Economy Compass (2017, April). *Statista.com*. www.statista.com
21. Dybskaya, V. V., Sergeev, V. I., Lychkina, N. N. et al. (2020). *Digital technologies in logistics and supply chains management: analytical review*. Moscow Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki (in Russ.).
22. Golpîra, H., Rehman Khan, S. A., Safaeipour, S. (2021). A review of logistics Internet-of-Things: Current trends and scope for future research. *Journal of Industrial Information Integration*, 22, 100–194. <https://doi.org/10.1016/j.jii.2020.100194>
23. Poppel, M., Ringbeck, J., Spinler, S. (2022). How will last-mile delivery be shaped in 2040? A Delphi-based scenario study. *Technological Forecasting and Social Change*, 177, 121–493.
24. Transport. *Federal agency for state statistics* (in Russ.). <https://rosstat.gov.ru/folder/23455?print=1>
25. Smolyaninova, E. N., Polishchuk, E. V. (2019). The problem of modern warehouse logistics in Russia. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2, 292–294 (in Russ.). <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0802-0071>
26. Merzlikina, Yu. A., Prokopeva, O. A. (2017). Trends of warehouse logistics development. *Students' academic community: works of the 16th International students' scientific-practical conference* (pp. 200–201). Cheboksary, TsNS “Interaktiv plyus” (in Russ.).
27. Popov, P. V., Miretskiy, I. Yu. (2017). Influence of socioeconomic indicators on the regional warehouse infrastructure formation. *Vestnik MGSU (Monthly Journal on Construction and Architecture)*, 12 (2), 222–229 (in Russ.). <https://doi.org/10.22227/1997-0935.2017.2.222-229>
28. *Transport strategy of the Russian Federation up to 2030: order No. 1032-r* (2014, 11 June) (in Russ.). <http://rosavtdor.ru/documents/transport-strategy-2030/>
29. Karsaev, O. V., Morozov, B. M., Sabitov, R. A., Smirnova, G. S. (2016). Imitation modeling of the system of relay delivery. *Vestnik NTsBZhD*, 1 (27), 45–56 (in Russ.).
30. Sarkisyan, T. S. (2017). Digital shortage of options. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 204, 67–72 (in Russ.).
31. Digitalization in small and middle Russian cities. (2018). *NIU VShE. Vysshaya Shkola Urbanistiki i Yandex Taxi*. 2018 (in Russ.).
32. *DHL Trend Report: Implementation of digital twins to significantly improve logistics operations*. <https://clck.ru/M8yeH>
33. Bryntsev, A. N. (2021). The economy of platform solutions – a new stage of the country's development. *Market economy problems*, 3, 98–107 (in Russ.). <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-98-107>

Вклад авторов

Н. С. Селиверстова является главным исследователем, проводившим исследование и координировавшим его.
Р. А. Сабитов сформулировал вопросы исследования.
Г. С. Смирнова интерпретировала результаты.

The author's contribution

N. S. Seliverstova is the chief researcher who performed and coordinated the research.
R. A. Sabitov formulated the research questions.
G. S. Smirnova interpreted the results.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 08.05.2022

Дата принятия в печать / Accepted 28.06.2022

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики С. А. Андриюшин / S. A. Andryushin

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.577-586>

УДК 336.7:338.2:502/504(470+571)

JEL: D92, G21, G28, Q56, Q57

А. Л. БЕЛОУСОВ¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ESG-СТАНДАРТОВ В РОССИЙСКОМ БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ

Белоусов Андрей Леонидович, кандидат экономических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: andreybelousov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9069-8830>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-2766-2018>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3633-3515

Аннотация

Цель: исследование процессов внедрения и реализации на практике ESG-стандартов в банковском секторе Российской Федерации и оценка их влияния на перспективы развития финансового рынка в целом.

Методы: логический и структурный анализ, системно-функциональный подход, формально-юридический метод.

Результаты: автором раскрыты сущность и особенности такого относительно нового для российского банковского сектора явления, как ESG-принципы ведения предпринимательской деятельности и ответственного финансирования. В рамках исследования раскрыты предпосылки становления современных ESG-концепций в международной практике, проведен анализ возможности их внедрения в практическую деятельность субъектов российского финансового сектора и оценены перспективы развития отечественной банковской системы в парадигме ответственного предпринимательства и устойчивого развития.

Научная новизна: заключается в комплексном характере исследования отношений, связанных с имплементацией ESG-принципов в российском финансовом секторе. Отличительной особенностью данной работы является уделение внимания как практическим вопросам внедрения ESG-принципов в российском финансовом секторе, так и оценке перспектив развития ESG-банкинга в Российской Федерации.

Практическая значимость: состоит в формировании определенной теоретической базы, необходимой как для изучения сущности ESG-подхода и устойчивого развития субъектов финансового сектора, так и для выработки предложений по корректировке регуляторной политики в данной сфере в будущем.

Ключевые слова: ESG, устойчивое развитие, банковская система, финансовый сектор, регулирование

© Белоусов А. Л., 2022

© Belousov A. L., 2022

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Белоусов А. Л. Правовые и организационные аспекты внедрения ESG-стандартов в российском банковском секторе // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 577–586. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.577-586>

The scientific article

A. L. BELOUSOV¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF INTRODUCING ESG-STANDARDS IN THE RUSSIAN BANKING SECTOR

Andrey L. Belousov, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: andreybelousov@mail.ru; albelousov@fa.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9069-8830>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-2766-2018>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3633-3515

Abstract

Objective: to study the processes of introduction and practical implementation of ESG standards in the Russian banking sector and to assess their impact on the prospects for the financial market development in general.

Methods: logical and structural analysis, system-functional approach, formal legal method.

Results: the author reveals the essence and features of such a relatively new phenomenon for the Russian banking sector as ESG-principles of doing business and responsible financing. The study reveals the prerequisites for the formation of modern ESG concepts in international practice, analyzes the possibility of their implementation in the practical activities of the Russian financial sector subjects and assesses the prospects for the Russian banking system development within the paradigm of responsible entrepreneurship and sustainable development.

Scientific novelty: consists in the complex study of relations associated with the ESG principles implementation in the Russian financial sector. A distinctive feature of this work is the focus on both practical issues of implementing the ESG principles in the Russian financial sector and assessing the prospects for the ESG banking development in the Russian Federation.

Practical significance: the formation of a certain theoretical basis necessary both for studying the essence of the ESG approach and the sustainable development of financial sector entities, and for developing proposals for adjusting regulatory policy in this area in the future.

Keywords: ESG, Sustainable development, Banking system, Financial sector, Regulation

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Belousov, A. L. (2022). Legal and organizational aspects of introducing ESG-standards in the Russian banking sector. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 577–586 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.577-586>

Введение

Постановка проблемы

Российский банковский сектор за последние более чем 30 лет преодолел огромный путь развития. Начав с этапа зарождения первых рыночных финансовых институтов, построенных на руинах ставшей неактуальной в нашей стране плановой экономики, банковская система пришла в итоге к современным конкурентоспособным на международном уровне финтехкомпаниям, работающим под надзором успешного и доказавшего свою эффективность мегарегулятора. За это время российский банковский бизнес построил и внедрил на практике отвечающую требованиям времени систему корпоративного управления, которая позволяет обеспечить прозрачность большинства процедур и процессов. Так, появились независимые директора в органах управления, выстроены правильные взаимоотношения с акционерами и инвесторами. Помимо этого, совместно с Банком России был сделан значительный шаг в рамках внедрения современной финансовой отчетности.

Однако дальнейшее качественное развитие игроков банковского рынка невозможно без учета современных тенденций изменения регуляторного воздействия на финансовые организации на международном уровне. Одним из ключевых трендов последних лет в этом плане является широкое внедрение в практическую плоскость *ESG*-подхода к построению и развитию бизнес-процессов.

В этой связи ключевой задачей данного исследования является оценка перспектив расширения практики применения *ESG*-стандартов в банковской практике и их влияние на дальнейшее развитие финансового сектора в целом.

Необходимость проведения исследования

В последнее десятилетие заметно изменилась парадигма социальной ответственности бизнеса. Это выражается в усилении общественного давления на предпринимателей с целью переориентации их бизнес-процессов на новые модели, в основе которых лежат ответственность и экологичность. Не стали здесь исключением финансовый сектор в целом и банковская сфера в частности, также показывающие четкую заинтересованность в интеграции современных подходов к защите окружающей среды и ответственному инвестированию. Расширение практики внедрения новых стандартов ведения бизнеса в финансовой отрасли обусловило внимание как ученых-теоретиков, так и практикующих специалистов к данной проблематике.

На сегодняшний день уже накоплен обширный зарубежный опыт исследований в области применения *ESG*-стандартов в банковской сфере. В частности, можно назвать работы таких авторов, как E. Nizam [1. P. 30], M. Finger [2. P. 240], N. Cucari [3. P. 250], D. Z. Huang [4. P. 20], A. Buallay [5. P. 100], R. El Houry [6. P. 3], M. Bruno, V. Lagasio [7. P. 2], G. Birindelli [8. P. 3], F. Crespi [9. P. 5], M. Eckhart [10. P. 4], F. Kalfaoglou [11. P. 83], R. Albuquerque [12. P. 4452], G. Landi [13. P. 27] и P. Velte [14. P. 500].

Применительно к Российской Федерации стоит сделать акцент на том, что в нашей стране в настоящее время еще не сформировалась необходимая теоретическая база в области оценки влияния *ESG*-подходов на развитие банковского сектора. При этом все-таки можно отметить работы таких авторов, как Н. Н. Семенова [15. С. 68], А. В. Бунякова [16. С. 614], И. Юргенс [17. С. 6], Б. А. Доронин [18. С. 48], Н. Ф. Челухина [19. С. 151] и Е. В. Стрельников [20. С. 90].

В обозначенных выше работах рассматриваются различные подходы к обозначенной проблематике. В этой связи имеет место объективная необходимость проведения дополнительных исследований. Это также подтверждает и то, что данный институт находится в настоящее время в стадии формирования. Поэтому в настоящей работе поставлена задача рассмотреть предпосылки становления современных *ESG*-концепций в международной практике, проанализировать возможность их внедрения в практическую деятельность субъектов российского финансового сектора и оценить перспективы развития отечественной банковской системы в парадигме ответственного предпринимательства и устойчивого развития.

Методы исследования

В качестве методологии исследования использовались методы логического и структурного анализа. Помимо этого, акцент был сделан на системно-функциональный подход к пониманию сущности и особенностей новой парадигмы развития российской банковской системы на основе ESG-подхода. Это обусловило определенную структуру работы. Так, в первом разделе основное внимание обращено на теоретические вопросы становления идей устойчивого развития и ESG-концепций ведения предпринимательства. Во втором разделе раскрываются правовые и организационные аспекты имплементации ESG-принципов в российском финансовом секторе. Третий раздел посвящен перспективам развития ESG-банкинга в Российской Федерации. Последний раздел – выводы по результатам исследования.

Результаты исследования

Генезис становления идей ESG в международной практике

Предпосылками появления и распространения ESG-подхода можно назвать ставшие популярными начиная с 70-х гг. прошлого века идеи устойчивого развития. Далее уже процессы глобализации, получившие серьезный импульс развития в конце XX в., оказали влияние и на взгляды на устойчивое развитие [21. Р. 73]. Так, ведущие мировые корпорации сместили с национального уровня в свою пользу фокус внимания к вопросам ответственного ведения бизнеса, опирающегося на идеи устойчивого развития.

Одним из важнейших документов, закрепивших на международном уровне новые идеи устойчивого развития, можно назвать опубликованный в 1987 г. доклад «Наше общее будущее». В нем впервые прозвучал в современном понимании термин «устойчивое развитие», в рамках которого предлагалась модель развития человечества, базирующаяся на достижении удовлетворения жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности поколений будущих [22. С. 5]. Далее, в 1990-е гг. ключевым этапом на пути становления ответственного бизнеса стал принятый в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию документ под названием «Повестка дня на XXI век». В нем, в частности, декларируется достижение двух целей: высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира [23. С. 1].

Первым серьезным актом, посвященным непосредственно учету ESG-стандартов при осуществлении инвестиционной деятельности, можно назвать документ *Principles for Responsible Investment*, выпущенный в 2006 г. по инициативе руководства ООН. Авторы данного документа делают акцент на учете ESG-стандартов при принятии решений касательно инвестиций [24. С. 18]. При этом само понятие «ESG» представляет собой аббревиатуру из трех компонентов: *Environmental* (окружающая среда), *Social* (общество), *Governance* (власть).

На сегодняшний день правовое обеспечение устойчивого развития финансового сектора базируется на принятой в 2015 г. на саммите ООН Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (далее – Повестка). С 2016 г. 17 декларируемых в Повестке целей вступили в силу. Для обеспечения финансовых основ реализации этих 17 целей на международном уровне должна быть сформирована новая экосистема глобальных финансов, которую также называют экосистемой зеленого финансирования [25. С. 85]. При этом, говоря о формировании соответствующего правового поля, можно отметить, что сейчас оно в основном состоит из норм «мягкого права», представленного в виде набора стандартов, руководств, кодексов и стратегий, имеющих добровольный характер применения.

Необходимость учета закрепленных в Повестке целей устойчивого развития обусловлена тем, что и представители финансового сектора, и регуляторы финансовых рынков, игнорирующие или отрицающие цели устойчивого развития, в среднесрочной перспективе получают ряд негативных последствий. Это могут быть как репутационные риски, так и ограничения возможностей привлечения финансирования для субъектов из той или иной юрисдикции [26. С. 10].

Имплементация ESG-принципов в российском финансовом секторе

В первую очередь стоит обозначить причины важной роли финансового сектора в популяризации идей устойчивого развития. С одной стороны, как представляется, банковская система не оказывает прямого влияния на окружающую среду. Однако через кредитные институты осуществляется перенаправление финансовых потоков [27. С. 330]. При этом именно банки определяют политику в области кредитования субъектов предпринимательских отношений [28. С. 1331]. Таким образом, посредством имеющегося инструментария они могут, устанавливая соответствующие критерии, стимулировать представителей предпринимательского сообщества выстраивать более экологичные бизнес-модели и инвестировать в условно «зеленые» проекты [29. С. 139]. В последнее время процессы цифровизации оказывают значительное влияние на векторы развития банковского сектора [30. С. 460]. Можно констатировать, что точно так же и новые подходы к ответственному финансированию будут менять концепции будущего развития кредитных организаций.

Началом претворения в жизнь концепции зеленого финансирования в Российской Федерации можно назвать размещение ПАО «РЖД» в 2019 г. зеленых еврооблигаций на сумму 500 млн евро. В том же году Мосбиржа совместно с Российским союзом промышленников и предпринимателей запустила ежедневный расчет новых индексов, ориентированных на анализ учета ESG-стандартов российскими компаниями. В 2021 г. ПАО «Совкомбанк» разместило первый российский выпуск социальных еврооблигаций на четыре года объемом в 300 млн долларов [31. С. 262]. В целом в Российской Федерации по состоянию на апрель 2022 г. запущены в работу и применяются на практике стандарты эмиссии ценных бумаг, ориентированные на оборот зеленых и социальных облигаций.

В утвержденной еще в 2019 г. Концепции организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования (далее – Концепция) раскрывается ключевая суть ESG-подхода. Так, ESG, согласно Концепции, – это экологические и социальные факторы, а также факторы корпоративного управления, которые соблюдают в своей деятельности компании и организации всех форм собственности и которые учитывают институциональные инвесторы и финансирующие организации в своих инвестиционных стратегиях и кредитных политиках¹.

Значимым шагом на пути становления инфраструктуры ответственного инвестирования в нашей стране стоит назвать Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации».

Говоря о развитии подходов регулятора к ESG-факторам, важно отметить, что 24 декабря 2021 г. Банк России опубликовал концептуальный документ под названием «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 г. и период 2023 и 2024 гг.» (далее – ОНРФР), в котором п. 3.6 посвящен как раз вопросам расширения вклада финансового рынка в достижение целей устойчивого развития. В нем, в частности, закрепляется положение о том, что для расширения вклада финансового рынка в достижение целей устойчивого развития и ESG-трансформации российского бизнеса ЦБ РФ считает приоритетным решение следующих двух задач.

Во-первых, это развитие инструментов и инфраструктуры рынка финансирования устойчивого развития и создание условий и возможностей для компаний по ESG-трансформации бизнеса в ответ на запрос инвесторов, трудовых коллективов, иных заинтересованных лиц и внешние вызовы.

Во-вторых, необходим учет ESG-факторов в регулировании финансового рынка для адаптации рынка к новым видам рисков.

В целом, как представляется, ключевым тезисом ОНРФР касательно тенденции расширения роли ESG-факторов является положение о том, что регулятор «ожидает внедрения ESG-факторов в процесс принятия

¹ Концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования // Банк России. Официальный сайт. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84163/press_04102019.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

инвестиционных решений институциональными и розничными инвесторами. Этому будет способствовать продвижение рекомендаций для институциональных инвесторов по учету ESG-факторов и раскрытию информации о соблюдении принципов ответственного инвестирования на основе подхода “соблюдай или объясняй причины несоблюдения”².

Сейчас при принятии решения о кредитовании представителей бизнеса ESG-оценку в том или ином виде уже используют примерно в 30 % российских банков [32. С. 420]. Ожидается, что при снижении геополитической турбулентности эти показатели в перспективе будут расти и все большее число кредитных организаций начнет вовлекаться в новую парадигму ответственного развития.

Можно отметить и то обстоятельство, что в настоящее время в Российской Федерации еще не сложилось единого подхода к понятию и сущности ESG-банкинга. Тем не менее на сегодняшний день продолжают формироваться теоретические подходы по вопросам, связанным с правовым регулированием устойчивого развития и внедрения ESG-стандартов в финансовом секторе. Так, в 2022 г. в Университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) был создан Центр компетенций «Право устойчивого развития. ESG-стандарты»³.

Оценка перспектив развития ESG-банкинга в Российской Федерации

Одним из наиболее серьезных и комплексных аналитических документов, посвященных перспективам развития ESG-банкинга в Российской Федерации, является исследование под названием «ESG-банкинг в России», проведенное компанией «Делойт» в СНГ по заказу Ассоциации российских банков. В нем, в частности, указывается на тот факт, что более 80 % российских банков на сегодняшний день не понимают, какая информация касательно ESG-стандартов наиболее важна для принятия решений как инвесторами, так и кредиторами⁴. В этой связи, оценивая перспективы развития ESG-банкинга в Российской Федерации, стоит отметить, что еще предстоит большая и кропотливая работа по информированию и представителей финансового сектора, и их корпоративных клиентов о сущности ESG-принципов и важности внедрения новых подходов в практическую плоскость. Также для успешной работы субъектов банковского рынка в новой парадигме ответственного финансирования со стороны государства требуется совершенствование регулирования в части определенного снижения нормативных требований и нагрузки на капитал, а также формирования ESG-критериев для более точной оценки рисков в новых условиях. При этом сами представители банковского сообщества готовы работать в рамках новой парадигмы ответственного финансирования. Так, первый заместитель председателя правления Россельхозбанка Кирилл Левин говорит, в частности: «Мы стремимся развивать ESG-стратегию гармонично, т. е. уделять внимание всем трем направлениям. Мы работаем с крупными клиентами, предоставляя им необходимую инфраструктуру и зеленые кредиты, работаем с розничными клиентами, обеспечивая популяризацию ESG-тематики и предоставляя инвестиционные инструменты»⁵.

Основная проблематика, связанная с расширением внедрения ESG-стандартов в финансовом секторе, обусловлена имеющимся рядом ограничений. При этом большая часть ограничений носит в настоящее время общемировой характер и требует решения на глобальном уровне [33. С. 790]. К такого рода ограничениям, в частности, можно отнести отсутствие единого четкого понятия ESG-банкинга, закрепленного в нормативном акте на международном уровне. Следствием этого является неразработанность единой методологии по интерпретации и управлению ключевыми ESG-рисками, что приводит к различным подходам к ESG-оценке у участников рынка. Как итог – невозможность на сегодняшний день выстраивания взаимосвязи между финансовой и нефинансовой отчетностью банков, которая позволила бы дать оценку влияния ESG-инициатив на финансовые показатели кредитных организаций.

² Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов // Банк России. Официальный сайт. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/131935/onrfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

³ URL: <https://www.msal.ru/news/esg-standarty-intervyu-s-ekspertami-mgyua/> (дата обращения: 10.04.2022).

⁴ URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/research-center/articles/2021/esg-banking-russia.html> (дата обращения: 10.04.2022).

⁵ URL: <https://www.rbc.ru/business/13/10/2021/61653d6f9a794707a7d78705> (дата обращения: 10.04.2022).

Также в рамках *ESG* доминирует главным образом экологическая составляющая, что обуславливается современным трендом именно на развитие инструментов защиты окружающей среды. При этом социальную составляющую *ESG* можно назвать определенно недооцененной.

Серьезный инструмент влияния кредитных организаций на популяризацию и развитие *ESG*-принципов – это адаптация существующих методик оценки кредитного риска под новые веяния времени и расширение финансирования зеленых проектов.

Ну и в качестве главного ограничителя для формирования *ESG*-культуры в банковском секторе в частности и в финансовой отрасли в целом в настоящее время можно назвать усиление санкционных ограничений и ужесточение риторики, направленной на изоляцию субъектов хозяйствования, напрямую или косвенно связанных с российской юрисдикцией. Разрыв экономических связей и финансовых цепочек обуславливает решение более актуальных в текущий момент проблем, отодвигая на задний план вопросы устойчивого развития. Без нормализации геополитической обстановки и взаимного движения навстречу друг другу между Российской Федерацией и рядом развитых стран невозможно, к сожалению, говорить о серьезных перспективах развития банковского сектора в соответствии с *ESG*-принципами.

Выводы

Стоит отметить, что вектор развития, направленный на внедрение *ESG*-стандартов в финансовой сфере, как представляется, носит долгосрочный характер. Это уже не модный тренд, а необходимость меняться под новые правила игры. По нашему мнению, применительно к банковскому сектору наибольшую актуальность в будущем будут иметь вопросы, связанные с учетом именно экологической составляющей. Это означает, что российским кредитным организациям придется менять подходы к оценке рисков заемщиков, адаптировать критерии кредитной политики в пользу развития в первую очередь зеленого финансирования инвестиционных проектов.

Если геополитический фактор уйдет на второй план и не будет оказывать решающего влияния, в перспективе можно ожидать интерес инвесторов к российским суверенным *ESG*-гособлигациям, появление которых на рынке будет лишь вопросом времени. В этой связи задачей как законодателя, так и Банка России становится создание благоприятной регуляторной среды, в рамках которой кредитные организации смогут адаптировать бизнес-процессы в контексте учета *ESG*-факторов в своей деятельности.

Список литературы

1. The impact of social and environmental sustainability on financial performance: A global analysis of the banking sector / E. Nizam, Ng. Adam, G. Dewandaru, R. Nagayev, M. A. Nkoba // Journal of Multinational Financial Management. 2019. № 49. Pp. 35–53. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2019.01.002>
2. Environmental risk management and financial performance in the banking industry: A cross-country comparison / M. Finger, I. Gavius, R. Manos // Journal of International Financial Markets Institutions and Money. 2018. № 52. Pp. 240–261. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2017.09.019>
3. Cucari N., Esposito De Falco S., Orlando B. Diversity of board of directors and environmental, social governance: Evidence from Italian listed companies // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2018. № 25 (3). Pp. 250–266. DOI: <https://doi.org/10.1002/csr.1452>
4. Huang D. Z. Environmental, social and governance (ESG) activity and firm performance: A review and consolidation // Accounting & Finance. 2019. № 61 (1). Pp. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1111/acfi.12569>
5. Buallay A. Is sustainability reporting (ESG) associated with performance? Evidence from the European banking sector // Management of Environmental Quality: An International Journal. 2019. № 30. Pp. 98–115. DOI: <https://doi.org/10.1108/meq-12-2017-0149>
6. El Khoury R., Nasrallah N., Alareeni B. The determinants of ESG in the banking sector of MENA region: a trend or necessity? // Competitiveness Review. 2021. 21 December. DOI: <https://doi.org/10.1108/CR-09-2021-0118>
7. Bruno M., Lagasio V. An Overview of the European Policies on ESG in the Banking Sector // Sustainability. 2021. № 13 (22). Pp. 12641. DOI: <https://doi.org/10.3390/su132212641>

8. Composition and Activity of the Board of Directors: Impact on ESG Performance in the Banking System / G. Birindelli, S. Dell'Atti, A. P. Iannuzzi, M. Savioli // Sustainability. 2018. № 10. P. 4699. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10124699>
9. Crespi F., Migliavacca M. The Determinants of ESG Rating in the Financial Industry: The Same Old Story or a Different Tale? // Sustainability. 2020. № 12. P. 6398. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12166398>
10. Eckhart M. Financial Regulations and ESG Investing: Looking Back and Forward // Values at Work / D. C. Esty, T. Cort (eds). Palgrave Macmillan, Cham. 2020. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-55613-6_14
11. Kalfaoglou F. ESG risks: a new source of risks for the banking sector // Economic Bulletin, Bank of Greece. 2021, July. № 53. Pp. 83–112. DOI: <https://doi.org/10.52903/econbull20215305>
12. Corporate social responsibility and firm risk: Theory and empirical evidence / R. Albuquerque, Y. Koskinen, C. Zhang // Management Science. 2019. № 65 (10). Pp. 4451–4469. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.2018.3043>
13. Landi G., Sciarelli M. Towards a more ethical market: The impact of ESG rating on corporate financial performance // Social Responsibility Journal. 2019. № 15 (1). Pp. 11–27. DOI: <https://doi.org/10.1108/srj-11-2017-0254>
14. Velte P. Does CEO power moderate the link between ESG performance and financial performance? A focus on the German two-tier system // Management Research Review. 2019. № 43 (5). Pp. 497–520. DOI: <https://doi.org/10.1108/mrr-04-2019-0182>
15. Семенова Н. Н., Жогина К. А. ESG-банкинг как новая парадигма развития банковской системы России // Финансовая жизнь. 2022. № 1. С. 67–70.
16. Буныкова А. В., Завьялова Е. Б. ESG-инвестирование: новое слово или новый смысл? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29, № 4. С. 613–626. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-613-626>
17. Юргенс И. ESG: дорого, но неизбежно // Современные страховые технологии. 2021. № 6. С. 1–7.
18. Проблемы развития ESG-банкинга и управления ESG-рисками в коммерческих банках / Б. А. Доронин, И. И. Глотова, Е. П. Томилина // Kant. 2021. № 4 (41). С. 46–50. DOI: <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-41.8>
19. Челухина Н. Ф. Финансовые аспекты ESG рисков // Финансовая экономика. 2022. № 1. С. 150–153.
20. Стрельников Е. В. Вопросы инвестирования с применением ESG-инструментария: европейский и российский опыт // Финансовые и правовые аспекты социально ориентированного инвестирования: материалы V Всероссийской научно-практ. конференции, Екатеринбург, 18 ноября 2021 года / отв. ред. М. А. Задорина. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 89–94.
21. Naffa H., Fain M. A factor approach to the performance of ESG leaders and laggards // Finance Research Letters. 2021. P. 102073. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102073>
22. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», 1987 г. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 08.04.2022).
23. Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 08.04.2022).
24. A Practical Guide to ESG Integration for Equity Investing // Principles for Responsible Investment. P. 18. URL: <https://www.unpri.org/download?ac=10> (дата обращения: 08.04.2022).
25. Yakovlev I. A., Nikulina S. I. Indonesia's Strategy for Sustainable Finance // Financial Journal. 2019. № 6 (52). Pp. 83–95. DOI: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-6-83-95>
26. Белоусов А. Л. Некоторые аспекты внедрения информационных технологий в финансовой сфере // Инновационное развитие экономики. Будущее России: материалы и доклады V Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. 2018. С. 7–12.
27. Яковлев Д. А., Белоусов А. Л. Проблемы регулирования деятельности инвестиционных советников и пути их решения // Финансовая экономика. 2019. № 10. С. 328–331.
28. Борисова Е. С., Белоусов А. Л. Инновации как инструмент обеспечения информационной безопасности и повышения эффективности деятельности банковской системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 3. С. 1330–1342. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1330-1342>
29. Белоусов А. Л. Вопросы развития промышленного комплекса в аспекте реализации специальных инвестиционных контрактов // Управление пространственным развитием территорий: глобальные тренды и региональные приоритеты: материалы научно-практической конференции. Вологда: Вологодский филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ», 2019. С. 138–140.
30. Белоусов А. Л., Левчук Е. Ю. Диджитализация банковского сектора // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 2 (770). С. 455–464. DOI: <https://doi.org/10.24891/fc.24.2.455>
31. Belousov A. L. Syndicated Lending: Law Enforcement and Legislative Refinements // Digest Finance. 2021. Vol. 26, № 3 (259). Pp. 261–267. DOI: <https://doi.org/10.24891/df.26.3.261>

32. Белоусов А. Л. Теоретические и практические аспекты формирования финансового маркетплейса в Российской Федерации // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15, № 3. С. 413–424. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.413-424>

33. Шинкевич А. И. Низкоуглеродная экономика: проблемы и перспективы развития в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 783–799. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.783-799>

References

1. Nizam, E., Ng, A., Dewandaru, G., Nagayev, R., Nkoba, M. A. (2019). The impact of social and environmental sustainability on financial performance: A global analysis of the banking sector. *Journal of Multinational Financial Management*, 49, 35–53. <https://doi.org/10.1016/j.mulfin.2019.01.002>

2. Finger, M., Gavius, I., Manos, R. (2018). Environmental risk management and financial performance in the banking industry: A cross-country comparison. *Journal of International Financial Markets Institutions and Money*, 52, 240–261. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2017.09.019>

3. Cucari, N., Esposito De Falco, S., Orlando, B. (2018). Diversity of board of directors and environmental, social governance: Evidence from Italian listed companies. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 25(3), 250–266.

4. Huang, D. Z. (2019). Environmental, social and governance (ESG) activity and firm performance: A review and consolidation. *Accounting & Finance*, 61(1), 1–26. <https://doi.org/10.1111/acfi.12569>

5. Buallay, A. (2019). Is sustainability reporting (ESG) associated with performance? Evidence from the European banking sector. *Management of Environmental Quality: An International Journal*, 30, 98–115. <https://doi.org/10.1108/meq-12-2017-0149>

6. El Khoury, R., Nasrallah, N. and Alareeni, B. (2021, December 21). The determinants of ESG in the banking sector of MENA region: a trend or necessity? *Competitiveness Review*. <https://doi.org/10.1108/CR-09-2021-0118>

7. Bruno, M., Lagasio, V. (2021). An Overview of the European Policies on ESG in the Banking Sector. *Sustainability*, 13 (22), 12641. <https://doi.org/10.3390/su132212641>

8. Birindelli, G., Dell’Atti, S., Iannuzzi, A. P., Savioli, M. (2018). Composition and Activity of the Board of Directors: Impact on ESG Performance in the Banking System. *Sustainability*, 10, 4699. <https://doi.org/10.3390/su10124699>

9. Crespi, F., Migliavacca, M. (2020). The Determinants of ESG Rating in the Financial Industry: The Same Old Story or a Different Tale? *Sustainability*, 12, 6398. <https://doi.org/10.3390/su12166398>

10. Eckhart, M. (2020). Financial Regulations and ESG Investing: Looking Back and Forward. In D. C. Esty, T. Cort (Eds.), *Values at Work*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-55613-6_14

11. Kalfaoglou, F. (2021, July). ESG risks: a new source of risks for the banking sector. *Economic Bulletin, Bank of Greece*, 53, 83–112. DOI: <https://doi.org/10.52903/econbull20215305>

12. Albuquerque, R., Koskinen, Y., Zhang, C. (2019). Corporate social responsibility and firm risk: Theory and empirical evidence. *Management Science*, 65 (10), 4451–4469. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2018.3043>

13. Landi, G., Sciarelli, M. (2019). Towards a more ethical market: The impact of ESG rating on corporate financial performance. *Social Responsibility Journal*, 15 (1), 11–27. <https://doi.org/10.1108/srj-11-2017-0254>

14. Velte, P. (2019). Does CEO power moderate the link between ESG performance and financial performance? A focus on the German two-tier system. *Management Research Review*, 43 (5), 497–520. <https://doi.org/10.1108/mrr-04-2019-0182>

15. Semenova, N. N., Zhogina, K. A. (2022). ESG-banking as a new paradigm for the development of the Russian banking system. *Financial Life*, 1, 67–70 (in Russ.).

16. Bunyakova, A. V., Zavyalova, E. B. (2021). ESG investment: a new word or a new world? *RUDN Journal of Economics*, 29 (4), 613–626 (in Russ.). DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-613-626

17. Yurgens, I. (2021). ESG: expensive but inevitable. *Sovremennye strakhovye tekhnologii*, 6, 1–7 (in Russ.).

18. Doronin, B. A., Glotova, I. I., Tomilina, E. P. (2021). Development problems of ESG-banking and ESG-risk management in commercial banks. *Kant*, 4 (41), 46–50 (in Russ.). <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-41.8>

19. Cheluhina, N. F. (2022). Financial aspects of ESG risks. *Finansovaya ekonomika*, 1, 150–153 (in Russ.).

20. Strelnikov, E. V. (2022). Issues of investing with ESG-tools: European and Russian experience. In M. A. Zadorina (Ed.), *Financial and legal aspects of socially oriented investment: works of the 5th All-Russia scientific-practical conference, Yekaterinburg, November 18, 2021* (pp. 89–94). Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet (in Russ.).

21. Naffa, H., Fain, M. (2021). A factor approach to the performance of ESG leaders and laggards. *Finance Research Letters*, 102073. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102073>

22. *Report of World Committee on Environment and Development “Our Common Future”, 1987* (in Russ.). <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>

23. Agenda 21. Adopted by UN Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, June 3–14, 1992 (in Russ.). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
24. A Practical Guide to ESG Integration for Equity Investing. (2021). *Principles for Responsible Investment*, 18.
25. Yakovlev, I. A., Nikulina, S. I. (2019). Indonesia's Strategy for Sustainable Finance. *Financial Journal*, 6 (52), 83–95. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-6-83-95>
26. Belousov, A. L. (2018). Some aspects of introducing information technologies in finance sphere. In *Innovative development of economy. The future of Russia: materials and reports of the 5th All-Russia (national) scientific-practical conference* (pp. 7–12) (in Russ.).
27. Yakovlev, D. A., Belousov, A. L. (2019). Problems of regulating the activities of investment advisers and ways of their solution. *Finansovaya ekonomika*, 10, 328–331 (in Russ.).
28. Borisova, E. S., Belousov, A. L. (2019). Innovations as a tool for providing cyber security and increasing the efficiency of banking system, *Actual Problems of Economics and Law*, 13 (3), 1330–1342 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1330-1342>
29. Belousov, A. L. (2019). Issues of the industrial sector development in the aspect of implementation of special investment contracts. In *Managing the special development of territories: global trends and regional priorities: works of the scientific-practical conference* (pp. 138–140). Vologda, Vologodskii filial FGBOU VO "RANKhiGS pri prezidente RF" (in Russ.).
30. Belousov, A. L., Levchuk, E. Yu. (2018). Digitalization of the Banking Sector. *Finance and Credit*, 24 (2), 455–464 (in Russ.). <https://doi.org/10.24891/fc.24.2.455>
31. Belousov, A. L. (2021). Syndicated Lending: Law Enforcement and Legislative Refinements. *Digest Finance*, 26 (3), 261–267. <https://doi.org/10.24891/df.26.3.261>
32. Belousov, A. L. (2021). Theoretical and practical aspects of forming a financial marketplace in the Russian Federation. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (3), 413–424 (in Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.3.413-424>
33. Shinkevich, A. I. (2020). Low-carbon economy: problems and prospects of development in Russia, *Actual Problems of Economics and Law*, 14 (4), 783–799 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.783-799>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 10.04.2022
Дата принятия в печать / Accepted 12.05.2022

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА / THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Редактор рубрики А. Г. Никитин / Rubric editor A. G. Nikitin

Научная статья
УДК 340.1:347.9

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.587-597>

А. В. СКОРОБОГАТОВ¹,

А. В. КРАСНОВ²

¹ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

² Казанский филиал Российского государственного университета правосудия г. Казань, Россия

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Контактное лицо:

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8894-1939, AuthorID: 112765

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

E-mail: field08@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9934-4975>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3334013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3971-7305, AuthorID: 355813

Аннотация

Цель: комплексное теоретико-правовое исследование природы судебной практики.

Методы: методологической основой статьи является постклассическая рациональность, позволяющая исследовать судебную практику в контексте воздействия на регулирование общественных отношений и установить правовую природу этого явления. Это определило интеграцию методов, разработанных в юридической (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования) и иных гуманитарных науках (герменевтический, дискурсивный).

© Скоробогатов А. В., Краснов А. В., 2022

© Skorobogatov A. V., Krasnov A. V., 2022

*Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая природа судебной практики
Skorobogatov A. V., Krasnov A. V. Legal nature of judicial practice*

Результаты: в статье судебная практика рассматривается как индивидуальное правовое регулирование, т. е. деятельность уполномоченных судебных органов государства по рассмотрению и разрешению юридических дел, а также созданию индивидуальных правовых основ правомерного поведения субъектов общественных отношений. Авторы исходят из того, что судебная практика представляет собой единство познания, деятельности и результата, активно участвуя в конструировании правовой реальности. Это приводит к выводу о том, что судебная практика должна пониматься дихотомично – как деятельность судей, результатом которой является создание индивидуальных и обобщающих правовых актов, направленных на конструирование правовой реальности (специфичная форма правовой коммуникации), и как материальный источник права (совокупность обобщающих правовых актов (позиций судов), оказывающих правовое воздействие на сознание и поведение неопределенного круга одноименных субъектов).

Научная новизна: в статье впервые в отечественной юридической науке исследование судебной практики переведено с уровня отраслевого анализа на философско-правовой. При этом авторы подчеркивают междисциплинарный общегуманитарный характер судебной практики. Анализ и интерпретация судебной практики осуществлены на онтологическом и аксиологическом уровне правовой реальности. Это позволило выявить специфическую роль судебной практики в правовой системе как средства связи индивидуального и общего правового регулирования.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании судебной практики и ее роли в создании и функционировании российской правовой реальности, а также для совершенствования судебной деятельности всех уровней.

Ключевые слова: государство и право, судебная практика, форма права, источник права, интегративное понимание права, правовая реальность, правовая коммуникация

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая природа судебной практики // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 587–597. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.587-597>

The scientific article

A. V. SKOROBOGATOV¹,

A. V. KRASNOV²

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

² Kazan branch of Russian State University of Justice, Kazan, Russia

LEGAL NATURE OF JUDICIAL PRACTICE

Contact:

Andrey V. Skorobogatov, Doctor of History, Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

Aleksandr V. Krasnov, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory of state and law, Kazan branch of Russian State University of Justice

E-mail: field08@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9934-4975>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3334013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3971-7305, AuthorID: 355813

Abstract

Objective: a comprehensive theoretical and legal study of the nature of judicial practice.

Methods: the methodological basis of the article is postclassical rationality, which allows studying judicial practice in the context of its impact on the public relations regulation and establishing the legal nature of this phenomenon. This determined the integration of methods developed in the legal science (formal legal, comparative legal methods, method of legal modeling) and other humanities (hermeneutical, discursive methods).

Results: the article considers judicial practice as an individual legal regulation, i.e. the activities of the authorized judicial bodies of the state aimed at consideration and resolution of legal cases, as well as the creation of individual legal foundations for the lawful behavior of subjects of public relations. The authors proceed from the fact that judicial practice is a unity of cognition, activity, and result, as it actively participates in the construction of legal reality. This leads to the conclusion that judicial practice should be understood dichotomically – as the activity of judges, the result of which is the creation of individual and generalizing legal acts aimed at constructing a legal reality (a specific form of legal communication), and as a material source of law (a set of generalizing legal acts (positions of courts) that have a legal impact on the consciousness and behavior of an indefinite circle of subjects of the same name).

Scientific novelty: in the article, for the first time in the Russian legal science, a study of judicial practice is transferred from the level of sectoral analysis to the philosophical-legal level. At the same time, the authors emphasize the interdisciplinary, general humanitarian nature of judicial practice. The analysis and interpretation of judicial practice are carried out at the ontological and axiological levels of legal reality. This allowed identifying the specific role of judicial practice in the legal system as a means of communication between individual and general legal regulation.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities when considering the essence and content of judicial practice and its role in the creation and functioning of the Russian legal reality, as well as for improving judicial activity at all levels.

Keywords: State and law, Judicial practice, Form of law, Source of law, Integrative understanding of law, Legal reality, Legal communication

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2022). Legal nature of judicial practice. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 587–597 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.587-597>

Введение

Постановка проблемы. Развитие современной России характеризуется транзитивностью, обуславливающей необходимость реформирования всех сторон социальной жизни не только материально, но и процессуально. Проводившаяся в начале XXI в. масштабная судебная реформа, которая явно затормозилась во второй половине прошлого десятилетия, была направлена не только на повышение эффективности правового воздействия судебной власти на обеспечение правопорядка, но и более четкое определение сущности и содержания судебной деятельности. Одним из проявлений судебной деятельности является судебная практика, многогранность которой в теоретическом и сравнительно-правовом аспекте не позволяет однозначно ее интерпретировать не только нормативно, но и доктринально. Один из наиболее часто возникающих при этом вопросов связан с определением правовой природы судебной практики, в том числе с выявлением ее принадлежности к формам (источникам права).

Анализ исследований и достижений. Судебная практика исследовалась в отечественной и зарубежной правовой науке в разных контекстах. С одной стороны, в фокусе внимания ученых оказались вопросы понимания правовой (юридической) практики в целом. В советской и российской науке можно выделить несколько позиций по поводу содержания правовой практики: как юридическая деятельность (И. Ю. Дюрягин [1. С. 160], Ю. И. Гревцов, И. Ю. Козлихин [2. С. 219]); только результаты юридической деятельности (С. С. Алексеев [3. С. 254]); сочетание первых двух позиций (С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров [4]). Указанные

точки зрения основывались в том числе на использовании понимания практики как общенаучной категории. Судебная практика предстает как разновидность или даже элемент юридической, а в обобщенном плане социальной практики (В. Н. Карташов [5. С. 19]).

В дальнейшем анализу были подвергнуты как вопросы судебной практики в целом в качестве разновидности юридической практики, так и тематика, связанная с отдельными ее компонентами. В первом случае, в частности, ее понятие формулировалось посредством включения в нее всех решений судов по индивидуальным делам (С. И. Вильнянский [6. С. 57, 60]) или только самых важных направлений, тенденций судопроизводства (А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин, А. Ф. Шебанов [7]). В свою очередь, А. К. Безина [8. С. 70, 72] и М. Н. Марченко [9. С. 106] обозначили окончательное формирование двух содержательных трактовок судебной практики в отечественной юриспруденции – так называемых широкой и узкой. Судейское правосознание и место судебных актов в системе форм и источников права исследовано в работах С. В. Бошно [10], П. А. Гука [11] (в том числе тематика судебных норм), В. В. Лазарева [12] (правовые позиции), судебная практика в контексте индивидуального правового регулирования рассматривается в трудах И. А. Минникова [13], в плане индивидуального судебного регулирования – в работах В. В. Ершова [14]. Судебная практика была комплексно осмыслена как на уровне теории права, так и отраслевых юридических наук [15]. Предприняты исследования судебной практики в постклассическом контексте в рамках диалогической теории права (И. Л. Честнов [16]) и концепции правовой реальности (А. В. Краснов, А. В. Скоробогатов [17]). Попытки комплексно исследовать концепт и феномен судебной практики в России предприняты в коллективной монографии «Судебная практика в правовой системе России» [18].

За рубежом вопросы судебной практики сводятся главным образом к исследованию места и роли судебных прецедентов в правовой системе (Р. Wesley-Smith [19], М. Zander [20]). Кроме того, в фокусе внимания оказывается практика судов континентальной Европы (А. L. Goodhart, D. N. MacCormick, R. S. Summers [21]), а также международных судов и качественного содержания их решений (Н. Thirlway [22]). Предприняты попытки анализа судебной практики в контексте конструирования социальной реальности (Р. L. Berger, T. Luckmann [23]). То есть можно констатировать то обстоятельство, что и в зарубежной науке исследование судебной практики не связывается исключительно с проблемами англо-американских прецедентов (D. Hellman [24]).

Как показывает проведенный обзор литературы, проблема судебной практики как в процессуальном, так и в материальном смысле неоднократно привлекала интересы ученых. Однако преимущественно проблема исследовалась на основании классической методологии, что способствовало некоторой односторонности выводов. Это ставит на повестку дня необходимость комплексного изучения категории судебной практики с позиций постклассической методологии.

Целью статьи является комплексное теоретико-правовое исследование природы судебной практики.

Методологически статья основана на постклассической рациональности, ориентирующей исследователя на междисциплинарность и построение знания концептуального уровня [25]. Обращение к постклассической методологии позволяет исследовать судебную практику в контексте воздействия на регулирование общественных отношений и определить правовую природу этого явления.

Результаты исследования

Будучи олицетворением и вербализацией деятельности управомоченных судебных органов по рассмотрению и разрешению правовых конфликтов, судебная практика представляет собой комплексный правовой феномен, исследование которого имеет не только гносеологическое, но также онтологическое и аксиологическое значение. Обращение к природе этого явления дает возможность не только глубже понять его содержание, но и выйти на уровень теоретических обобщений о сущности форм (источников) права. Это ставит на повестку дня изучение судебной практики не только категориально, но и функционально.

Судебная практика как феномен правовой реальности раскрывается через признаки.

Во-первых, субъектами судебной практики (как адресатами и адресантами правовой коммуникации) выступают исключительно суды как органы государственной власти. Что касается третейских судов и ар-

битражей, которые представляют собой общественные организации, то они также вносят некоторый вклад в судебную практику, однако значение правовых позиций, вырабатываемых ими, по масштабу регулируемых отношений и обеспеченности не могут быть поставлены в один ряд с государственными судами. Появление медиации как способа досудебного разрешения конфликтов не делает ее автоматически одним из видов судебной практики. Скорее можно говорить о попытке создания альтернативы, основанной не на позитивном, а на социальном праве. При этом формирование медиативного решения, в отличие от решения суда, является актом горизонтальной правовой коммуникации, в которой медиатор выступает не субъектом, а модератором.

Во-вторых, судебная практика осуществляется как основная функция суда, связанная с рассмотрением юридических дел, правовых споров путем правоприменения. Однако не любые акты судебных органов можно отнести к судебной практике, а лишь те решения судов, которые принимаются по результатам осуществления ими юрисдикционной деятельности.

В-третьих, деятельность по обобщению судебной практики должна быть санкционирована со стороны высшего представительного органа государственной власти определенным образом. В частности, в действующем законодательстве предусмотрена деятельность Президиума и Пленума Верховного Суда РФ по обобщению практики и даче разъяснений, однако формально их обязательность не установлена соответствующими нормами (ст. 4 и 5 ФКЗ «О Верховном Суде РФ»)¹.

В-четвертых, будучи создаваемой и применяемой в конкретных судебных делах в ситуации правовой неопределенности, судебная практика приобретает общерегулятивный характер. Поскольку при этом высшие суды, принимая решения, направленные на преодоление правовой неопределенности, связывают себя в последующем данной практикой при разрешении аналогичных дел, то судебная практика приобретает несвойственный ей горизонтальный характер. Однако это не означает, что при этом судебная практика становится конвенциональным результатом правовой коммуникации [26]. Речь идет лишь о признании отдельных судебных решений.

В-пятых, позиции суда как содержание судебной практики являются образцами последующих судебных решений, приобретая прецедентный характер. Вследствие этого судебная практика имеет форму вертикальной правовой коммуникации. Вышестоящий судебный орган, выступая в качестве адресанта, создает правовую информацию, обязательную для нижестоящих судов, которые выступают адресатами коммуникации. Эта обязательность может быть детерминирована как нормами процессуальных кодексов (ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ²; ч. 4 ст. 170 АПК РФ³, ст. 350 КАС РФ⁴), так и нормативными свойствами правовых позиций высших судов⁵.

В-шестых, в силу наличия у высших судов по Конституции РФ права законодательной инициативы (ст. 104)⁶ судебная практика может рассматриваться как прямое средство устранения правовой неопределенности и совершенствования юридических норм. Выступая адресантом правовой коммуникации, высшие суды конструируют в данном случае принципиально новую правовую реальность. Однако действуют не только легально,

¹ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 10.02.2014. № 6. Ст. 550.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

⁴ Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

⁵ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 // Российская газета. 15.01.2019. № 6.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

но и легитимно, положив в основу конструирования обобщение деятельности судов нижних инстанций как специфической формы обратной связи с социумом в процессе выявления дефектов правового регулирования.

Судебная практика является органическим единством трех основных компонентов: познания, деятельности и результата, которые в своих диалектических взаимопереходах создают относительно законченный цикл этого процесса. Данное правовое явление заключается, прежде всего, в деятельности судебных органов, интеллектуально или функционально связанной с рассмотрением и разрешением различных юридических дел (правовых конфликтов) в соответствии с нормативно закрепленной компетенцией. Эта деятельность направлена на осуществление правосудия как важнейшей государственной функции [27], а также на защиту субъективных прав и охраняемых законом интересов субъектов права [28]. Однако судебная практика не ограничивается процессуальным аспектом правовой коммуникации, а включает в себя и материальный аспект, т. е. транслируемую правовую информацию. Последний аспект выражается в аккумуляции и вербализации правового опыта судебной деятельности, который может быть выражен в разнообразных формах: от решения суда первой инстанции до обобщения судебной практики высшими судами.

Судебная практика играет существенную роль в конструировании правовой реальности. Во-первых, она оказывает непосредственное воздействие не только на процесс толкования юридических норм, но и на выработку правил толкования, тем самым детерминируя доктринальную рефлексию нормативных правовых актов [29]. Благодаря этому создаются условия для осуществления правовой коммуникации горизонтальной и вертикальной направленности на бесконфликтной основе. Во-вторых, осуществляемые в процессе судебной практики конкретизация и индивидуализация юридических норм способствуют сближению правотворческого и правореализационного уровня правовой реальности не только онтологически, но и аксиологически. Речь идет о воплощении в юридической деятельности ценностных детерминантов законодательно закрепленных правил поведения [30]. В-третьих, единый доктринальный подход к интерпретации юридических норм, выработанный судебной практикой, обозначает общий вектор ценностных ориентиров правосознания как правоприменителей, так и обычных граждан. В свою очередь, это способствует повышению правовой определенности и корреляции содержания судебных решений и социальных ожиданий [31]. Тем самым происходит усиление не только легальности, но и легитимности судебной практики [32]. В-четвертых, судебная практика способствует преодолению дефектов в правовом регулировании. Прежде всего, речь идет о преодолении пробелов и коллизий [33]. Если деятельность судов первой инстанции способствует преодолению лишь конкретных дефектов регулирования общественных отношений, то благодаря осуществляемым Пленумом Верховного Суда РФ обобщениям судебной практики формируются общие (типичные) правила решения пробельных и коллизионных ситуаций [34]. В условиях отсутствия соответствующей юридической нормы эти правила фактически приобретают нормативные свойства, обеспечивая обратную связь общего и индивидуального правового регулирования. В-пятых, судебная практика может иметь непосредственное конструктивистское воздействие на правовую реальность при применении судами первой инстанции для разрешения типичных ситуаций правоположений, сформулированных высшими судами [35]. Однако подобная ситуация возможна лишь при условии отсутствия прямого законодательного указания, создавая своеобразное «пространство для маневра» судебной практики [36].

Судебная практика является специфическим видом юридической деятельности, целью которой является индивидуальное правовое регулирование общественных отношений. Содержание этой деятельности раскрывается при анализе ее отдельных этапов, которые имеют не только хронологическое, но и функциональное значение. Началом судебной практики является выявление объективных общественных закономерностей, которые требуют правового регулирования. Сфера правового регулирования – это то социальное пространство, которое подчинено действию права. Пределы государственного воздействия в этом случае можно рассматривать с двух сторон: его возможности и его необходимости. Верхний предел правового воздействия на общественные отношения является пределом возможного. Отношения, которые находятся за ним, оказываются вне досягаемости государственной власти и регулируются неюридическими нормами. Нижний предел (необходимость вмешательства) определяется важностью для государства тех или иных общественных от-

ношений. Этот предел, особенно в условиях транзитивного общества, наиболее неустойчив и определяется правовой целью, артикулируемой референтными группами.

Для того чтобы в результате судебной практики адекватно отображались процессы, которые требуют правового воздействия, необходимо не только обнаружить, изучить, но и оценить объективные закономерности, которые направляют эти процессы. Эти действия можно рассматривать в качестве первого этапа судебной практики. Обязательной предпосылкой создания судебного акта является познание тех сложных условий, факторов и обстоятельств, общественных отношений, которые развиваются и трансформируются, правовое регулирование которых отсутствует и диктуется требованиями общественного прогресса. Познание правовой реальности в процессе судебной практики носит статично-динамичный характер, учитывая при рассмотрении конкретных правоотношений не только степень их соответствия юридической норме, но и субъективную сторону деяния, которая обусловлена фрагментацией реальности в сознании и (или) поведении индивида.

Осознание судом потребностей и цели правового регулирования конкретных общественных отношений приводит к переходу на второй этап судебной практики. При этом происходит переход от гносеологических аспектов практики к аксиологическим, связанным с достижением нормативно провозглашенной цели. Участие судебной практики в конструировании правовой реальности на этом этапе связано с формализацией и бюрократизацией его решений. В этом смысле ее можно рассматривать в качестве организационной формы институализации права [37].

Будучи направленным на упорядочивание социального взаимодействия, судебное решение способствует не только функциональной организации развития общества, но и преодолению фрагментации правовой реальности, выявленной на предыдущем этапе. При этом важно учитывать, что судебные решения имеют не только персонализированный, но и типический характер. С одной стороны, суд выносит решение в отношении конкретных субъектов в определенной ситуации, конкретизируя юридическую норму применительно к обстоятельствам дела. С другой – полное, всестороннее и объективное исследование фактических обстоятельств дела сопровождается толкованием нормы. Это позволяет сформировать как минимум в сознании судьи (как максимум, благодаря обобщениям судебной практики, в сознании граждан) образ решения, которое будет максимально способствовать разрешению подобного конфликта в дальнейшем и тем самым способствовать дефрагментации правовой реальности.

Таким образом, мы становимся свидетелем того, что судебная практика, выполняя главным образом правоприменительную функцию, тем не менее одновременно включается в процесс правообразования и способствует совершенствованию содержания нормативных правовых актов. Посредством формирования определенных правил толкования и применения юридических норм судебная практика способствует изменению возможных путей применения норм судьями, ориентируя их на некие сложившиеся варианты, тем самым осуществляя правовое воздействие на их сознание и принятие решений, хотя формально правоприменительные судебные акты, безусловно, не являются обязательными для других судов по аналогичным делам. В связи с этим применительно к российской правовой системе мы не можем говорить о судебном прецеденте как таковом в качестве формы права [38]. Однако обобщение некой системы судебных актов по определенной категории дел (связанной с применением юридических норм, как правило, принадлежащих отдельному правовому институту) представляет собой источник права, который способен повлиять на процессы применения права (через обобщенные варианты толкования и применения), а в дальнейшем – напрямую на содержание нормативных правовых актов, т. е. форм права.

В зависимости от роли в дефрагментации правовой реальности судебная практика может быть дифференцирована на индивидуально-правовую и обобщающую (практику общего характера). В первом случае судебный акт имеет юридическую силу лишь для конкретных субъектов. Во втором случае судебные акты приобретают значение для неограниченного круга лиц и ситуаций. Принятые при этом обобщающие решения можно обозначить как «позиции суда» [39. С. 21], об обязательности применения которых мы писали выше.

Общий характер ряда судебных актов позволяет говорить о том, что судебная практика выполняет функции именно источника, а не формы права, ориентируя субъектов на определенные варианты толкования и применения юридических норм. При этом преодолевается правовая неопределенность в форме коллизий и пробелов законодательства и формируется единообразный подход к разрешению аналогичных дел.

Выводы

Таким образом, судебная практика выступает комплексной философско-правовой категорией, природа которой опосредована не только нормативно, но и ценностно. Будучи специфичной формой правовой коммуникации, судебная практика детерминирует развитие и функционирование правовой реальности. С одной стороны, аксиологически судебная практика выступает в качестве механизма, посредством которого правовые ценности обретают конкретное бытие в правовом поведении субъектов, индивидуально отрегулированном судом. Суд совершает конструирование правовой реальности, так как общие и абстрактные нормы права превращаются в реальное поведение, рамки которого определяются судом; тем самым индивидуализация сочетается с типизацией на индивидуальном уровне. С другой стороны, созданные в процессе судебной практики обобщающие позиции судов оказывают правовое воздействие на сознание и поведение неопределенного круга одноименных субъектов и могут рассматриваться не только как регулятор поведения, но и как средство совершенствования юридических норм и нормативного правового регулирования в целом, так как высшие суды имеют право законодательной инициативы по Конституции РФ. Тем самым судебная практика одновременно и размыкает, и замыкает процессы правового регулирования, выступая связующим звеном между общим и индивидуальным, абстрактным и конкретным.

Список литературы

1. Дюрягин И. Ю. Применение норм советского права. Свердловск: Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1973. 248 с.
2. Гревцов Ю. И., Козлихин И. Ю. Энциклопедия права: учебное пособие. Санкт-Петербург: ИД Санкт-Петербургского государственного университета; Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского университета, 2008. 772 с.
3. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. Москва: Проспект, 2009. 576 с.
4. Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров. Москва: Юрид. лит., 1975. С. 3–17.
5. Карташов В. Н. Юридическая практика как объект (предмет) юридической науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 13–23.
6. Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. 339 с.
7. Правотворчество в СССР / А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин, С. А. Пяткина, А. А. Тилле и др.; под ред. А. В. Мицкевича. Москва: Юрид. лит., 1974. 319 с.
8. Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений // Избранное в 5 т. Т. 2. Москва: РАП, 2012. С. 65–202.
9. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. Москва: Проспект, 2009. 510 с.
10. Бошно С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 440 с.
11. Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2012. 49 с.
12. Лазарев В. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. Москва: Городец, Формула права, 2003. 528 с.
13. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 54 с.
14. Ершов В. В. Регулирование правоотношений. Москва: РГУП, 2020. 564 с.
15. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. Москва: ИЗиСП; Норма; ИНФРА М, 2017. 432 с.
16. Честнов И. Л. Юридическая практика с позиций постклассической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 164–168.
17. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Судебная практика в правовой реальности России: опыт комплексного исследования // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25, № 3. С. 545–561. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-545-561>
18. Судебная практика в правовой системе России: научные очерки / под ред. Т. В. Губаевой, А. В. Краснова. Москва: РГУП, 2021. 160 с.
19. Wesley-Smith P. The Sources of Hong Kong Law. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1996. xlvii, 307 p.
20. Zander M. Cases and Materials on the English Legal System. 10th ed. N. Y.: Cambridge University Press, 2007. lxii, 861 p.
21. Interpreting Precedents: A Comparative Study / D. N. MacCormick, R. S. Summers, A. L. Goodhart (eds.). N. Y.: Routledge, 1997. xii, 585 p.

22. Thirlway H. *The Sources of International Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2019. xxii, 247 p.
23. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N.Y.: Penguin Books, 1991. 250 p.
24. Hellman D. An Epistemic Defense of Precedent // *Precedent in the United States Supreme Court* / Ch. J. Peters (eds.). Dordrecht: Springer, 2013. Pp. 63–76.
25. Честнов И. Л. Постклассическая методология юридических исследований // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2020. № 2 (76). С. 14–21.
26. Пужаев В. В. Закон и судебная практика как источники права в учении Эммануэля Леви // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 4 (44). С. 415–422.
27. Thomas E. W. *The Judicial Process: Realism, Pragmatism, Practical Reasoning and Principles*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. ix, 444 p.
28. Griffiths J. The general theory of litigation: a first step // *Zeitschrift für Rechtssoziologie. The German Journal of Law and Society*. 2016. Vol. 4, Iss. 2. Pp. 145–201.
29. Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // *Судебная практика как источник права* / отв. ред. Б. Н. Топорнин. Москва: ИГП РАН, 1997. С. 34–42.
30. Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // *Журнал российского права*. 2016. № 8. С. 43–57. DOI: <https://doi.org/10.12737/20902>
31. Аверин А. В. Правопонимание и юридическая практика // *Ленинградский юридический журнал*. 2008. № 4 (14). С. 19–36.
32. Mack K., Anleu S. R. Performing Impartiality: Judicial Demeanor and Legitimacy // *Law & Social Inquiry*. 2010. Vol. 35, Iss. 1. Pp. 137–173.
33. Гук П. А. Преодоление коллизий законодательных актов судебными органами: теория, техника, практика // *Юридическая техника*. 2017. № 11. С. 132–134.
34. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовой пробел: феноменологические аспекты // *Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.)* / отв. ред. Н. Н. Черногор. Москва: ИЗиСП; Юриспруденция, 2021. С. 77–92.
35. Головатый В. Я. Судебная практика: общетеоретическая характеристика // *Leges si viata*. 2016. Май. С. 25–29.
36. Боруленков Ю. П. Юридическое познание и усмотрение правоприменителя // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2014. № 5. (16). С. 123–128.
37. Насыров Р. В. Судебная практика в системе форм институционализации права // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2022. № 1. С. 30–36.
38. Власова Г. Б., Власов В. И. Судебная практика: правоприменение и правотворчество // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2017. № 4 (83). С. 40–42.
39. Позиции судебного толкования в правовой системе России / Л. А. Гумеров, А. В. Краснов, Р. А. Шарифуллин // *Российское правосудие*. 2019. № 12. С. 14–22. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2072-909x.2019.12.14-22>

References

1. Dyuryagin, I. Yu. (1973). *Applying the norms of the Soviet law*. Sverdlovsk, Sred.-Ural'sk. kn. izd-vo (in Russ.).
2. Grevtsov, Yu. I., Kozlikhin, I. Yu. (2008). *Encyclopedia of law: tutorial*. Saint Petersburg, ID Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta (in Russ.).
3. Alekseev, S. S. (2009). *General theory of law: tutorial*. Moscow, Prospekt (in Russ.).
4. Bratus, S. N., Vengerov, A. B. (1975). Notion, content and forms of judicial practice. In S. N. Bratus, A. B. Vengerov (Eds). *Judicial practice in the Soviet legal system*. Moscow, Yurid. lit. (in Russ.).
5. Kartashov, V. N. (2010). Legal practice as an object (subject) of law science. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 1 (12), 13–23 (in Russ.).
6. Vilnyanskii, S. I. (1958). *Lectures on the Soviet civil law*. Kharkov, Izd-vo Khar'k. un-ta (in Russ.).
7. Mitskevich, A. V., Pigolkin, A. S., Pyatkina, S. A., Tille, A. A. et al. (1974). *Law-making in the USSR*. Moscow, Yurid. lit. (in Russ.).
8. Bezina, A. K. (2012). Judicial practice in the mechanism of legal regulation of labor relations. *Selected works in 5 vol*. Vol. 2 (pp. 65–202). Moscow, RAP (in Russ.).
9. Marchenko, M. N. (2009). *Judicial law-making and judicial law*. Moscow, Prospekt (in Russ.).

10. Boshno S. V. (2005). *Form of law: theoretical-legal research*, doctoral (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
11. Guk, P. A. (2012). *Judicial practice as a form of judicial norm-setting in the Russian legal system: general theoretical analysis*, abstract of doctoral (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
12. Lazarev, V. V. (2003). *Legal positions of the Russian Constitutional Court*. Moscow, Gorodets, Formula prava (in Russ.).
13. Minnikes, I. A. (2009). *Individual legal regulation (theoretical-legal analysis)*, abstract of doctoral (Law) thesis. Yekaterinburg (in Russ.).
14. Ershov, V. V. (2020). *Regulation of legal relations*. Moscow, RGUP (in Russ.).
15. Khabrieva, T. Ya., Lazarev, V. V., Gabov, A. V. et al. (2017). *Judicial practice in the modern Russian legal system*, monograph. Moscow, IZiSP; Norma; INFRA M (in Russ.).
16. Chestnov, I. L. (2012). Juridical practice from the viewpoint of postclassical methodology. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 164–168 (in Russ.).
17. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2021). Judicial practice in the law reality of Russia: experience of a comprehensive research. *RUDN Journal of Law*, 25 (3), 545–561 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-545-561>
18. Gubaeva, T. V., Krasnov, A. V. (Eds.) (2021). *Judicial practice in the Russian legal system: scientific sketches*. Moscow, RGUP (in Russ.).
19. Wesley-Smith, P. (1996). *The Sources of Hong Kong Law*. Hong Kong, Hong Kong University Press.
20. Zander, M. (2007). *Cases and Materials on the English Legal System* (10th ed.). N. Y., Cambridge University Press.
21. McCormick, D. N., Summers, R. S., Goodhart, A. L. (Eds.). (1997). *Interpreting Precedents: A Comparative Study*. N. Y., Routledge.
22. Thirlway, H. (2019). *The Sources of International Law* (2th ed.). Oxford, Oxford University Press.
23. Berger, P. L., Luckmann, T. (1991). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N. Y., Penguin Books.
24. Hellman, D. (2013). An Epistemic Defense of Precedent. In Ch. J. Peters (Ed.). *Precedent in the United States Supreme Court* (pp. 63–76). Dordrecht, Springer.
25. Chestnov, I. L. (2020). Post-classical methodology of legal research. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2 (76), 14–21 (in Russ.).
26. Puzhaev, V. V. (2018). Law and judicial practice as sources of law in the doctrine of Emmanuel Levy. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4 (44), 415–422 (in Russ.).
27. Thomas, E. W. (2005). *The Judicial Process: Realism, Pragmatism, Practical Reasoning and Principles*. N. Y., Cambridge University Press.
28. Griffiths, J. (2016). The general theory of litigation: a first step. *Zeitschrift für Rechtssoziologie. The German Journal of Law and Society*, 4 (2), 145–201.
29. Nersesyants, V. S. (1997). The court neither makes law nor governs, but applies law (on law-enforcing nature of judicial acts). In B. N. Topomin (Ed.). *Judicial practice as a source of law* (pp. 34–42). Moscow, IGP RAN (in Russ.).
30. Vlasenko, N. A., Zaloilo, M. V. (2016). Concretization and Interpretation of Law as the Creative Content of Judicial Practice. *Journal of Russian Law*, 8, 43–57 (in Russ.). <https://doi.org/10.12737/20902>
31. Averin, A. V. (2008). Legal sense and juridical practice. *Leningrad Legal Journal*, 4 (14), 19–36 (in Russ.).
32. Mack, K., Anleu, S. R. (2010). Performing Impartiality: Judicial Demeanor and Legitimacy. *Law & Social Inquiry*, 35 (1), 137–173.
33. Guk, P. A. (2017). Overcoming the collisions of legislative acts by judicial bodies: theory, technique, practice. *Yuridicheskaya tekhnika*, 11, 132–134 (in Russ.).
34. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2021). Legal gap: phenomenological aspects. In N. N. Chernogor (Ed.). *Gaps in positive law: doctrine and practice: works of the 6th International scientific conference of theoreticians of law “Gaps in positive law: doctrine and practice” (Moscow, February 20–21, 2020)* (pp. 77–92). Moscow, IZiSP; Yurisprudentsiya (in Russ.).
35. Golovaty, V. Ya. (2016, May). Judicial practice: general theoretical characteristics. *Leges viatae*, 25–29 (in Russ.).
36. Borulenkov, Yu. P. (2014). Legal knowledge and discretion of the law enforcer. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*, 5 (16), 123–128 (in Russ.).
37. Nasyrov, R. (2022). Judicial practice in the system of law institutionalization. *Russian-Asian Legal Journal*, 1, 30–36 (in Russ.). <http://journal.asu.ru/ralj/article/view/%282022%291.4>
38. Vlasova, G. B., Vlasov, V. I. (2017). Judicial practice: law-enforcement and law-making. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 4 (83), 40–42 (in Russ.).
39. Gumerov, L. A., Krasnov, A. V., Sharifullin, R. A. (2019). Position of juridical interpretation in Law system of Russia. *Russian Justice System*, 12, C. 14–22 (in Russ.). <https://doi.org/10.17238/issn2072-909x.2019.12.14-22>

Вклад авторов

А. В. Скоробогатов – общая концепция статьи, аннотация, введение, основная часть, список литературы, подготовка статьи к публикации.

А. В. Краснов – аннотация, введение, основная часть, выводы.

The author's contribution

A. V. Skorobogatov – general concept of the article, abstract, introduction, main part, references, preparation of the manuscript for publication.

A. V. Krasnov – abstract, introduction, main part, conclusions.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 19.04.2022

Дата принятия в печать / Accepted 10.06.2022

ПОЗНАНИЕ

Кабанов, П. А.

Стимулирование реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ : аналитический доклад. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 91 с. (Серия: Противодействие коррупции).

В аналитическом докладе представлены результаты исследования правового регулирования стимулирования реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Рассмотрены формы поощрения за правомерное антикоррупционное поведение, а также депоощрения лиц, ранее удостоенных региональных наград и совершивших впоследствии коррупционные деяния (преступления, административные правонарушения, проступки). Выявлены несоответствия между положениями регионального законодательства в вопросах поощрения и депоощрения как универсальных средств управленческого воздействия, а также предложены меры по его совершенствованию в целях повышения эффективности противодействия коррупции с использованием указанных средств.

Работа продолжает практику аналитических докладов НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова для органов публичной власти и по их обращению.

Доклад предназначен для лиц, реализующих государственную политику противодействия коррупции на любых ее уровнях, научных работников, преподавателей, обучающихся и всех, кто интересуется проблемами коррупции и противодействия ей. Выводы исследования представляются особенно актуальными для субъектов Российской Федерации.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО / CIVIL LAW

Редактор рубрики *А. С. Панова* / Rubric editor *A. S. Panova*

Научная статья
УДК 347.218.3:338.242

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.598-609>

Т. В. ЕФИМЦЕВА^{1,2}

¹ *Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Оренбургский институт (филиал), г. Оренбург, Россия*

² *Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
г. Челябинск, Россия*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ефимцева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой предпринимательского и природоресурсного права, Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»; старший научный сотрудник кафедры «Предпринимательское, конкурентное и экологическое право», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

E-mail: tve-26@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4295-6046>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6169-1721

Аннотация

Цель: изучение текущего состояния доктрины и законодательства о национализации для формулирования предложений по совершенствованию правового регулирования общественных отношений в данной сфере.

Методы: в исследовании использовались такие общенаучные методы познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия. С помощью логического метода исследования были сформулированы определения некоторых терминов, в частности, национализации, экстренной национализации, выявлены присущие им признаки. В процессе изучения темы применялись также частно-научные методы исследования, характерные для юриспруденции: формально-юридический, сравнительно-правовой, с помощью которых выявлена логика законодателя и сделаны выводы о целесообразности выплаты компенсации при национализации имущества у частных собственников.

Результаты: в статье на основе анализа законодательства, практики его применения, российской и зарубежной литературы раскрывается сущность национализации. Под национализацией в работе понимается приобретение государством права собственности на имущество, находившееся в частной собственности, на основании федерального

© Ефимцева Т. В., 2022

© Efimtseva T. V., 2022

Ефимцева Т. В. Некоторые аспекты правового обеспечения национализации частной собственности
Efimtseva T. V. Some aspects of the legal provision of private property nationalization

закона с выплатой или без выплаты компенсации собственнику стоимости его имущества, которое направлено на защиту публичных интересов. Особое внимание в статье обращается на понимание категории «государственная собственность» как собственность всего народа, т. е. общенародная собственность.

Научная новизна: в работе раскрывается понятие и сущность национализации, а также смежных с ней правовых категорий (приватизация, отчуждение, компенсация и др.), проведен сравнительно-правовой анализ порядка национализации в различных государствах, выявлены преимущества и недостатки предварительного и равноценного возмещения как обязательного условия национализации частной собственности. В работе обосновывается необходимость национализации предприятий во всех наиболее важных отраслях, и в первую очередь в сферах естественных монополий, в которых производители могут получать прибыль только для обеспечения собственного развития. Национализация должна быть мягкой, с возможностью выплаты компенсации, но только после проведения полного аудита результатов деятельности предприятий для решения вопроса о том, насколько добросовестно и ответственно действовали их собственники и управляющие.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при совершенствовании гражданского законодательства и практики его применения, а также разработке долгосрочных и краткосрочных стратегий экономического развития России.

Ключевые слова: гражданское право, собственность, право собственности, государство, народ, интересы, национализация, компенсация

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Ефимцева Т. В. Некоторые аспекты правового обеспечения национализации частной собственности // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 598–609. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.598-609>

The scientific article

T. V. EFIMTSEVA^{1,2}

¹ Orenburg institute (branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Orenburg, Russia

² South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

SOME ASPECTS OF THE LEGAL PROVISION OF PRIVATE PROPERTY NATIONALIZATION

Tatyana V. Efimtseva, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Business and Natural Resources Law, Orenburg institute (branch) of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin; Senior Researcher of the Department “Entrepreneurial, Competitive and Ecological Law”, South Ural State University (National Research University)

E-mail: tve-26@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4295-6046>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 6169-1721

Abstract

Objective: to study the current state of the doctrine and legislation on nationalization in order to formulate proposals for improving the legal regulation of public relations in this area.

Methods: the study used such general scientific methods of cognition as analysis and synthesis, induction and deduction, and analogy. The logical method of research helped to formulate definitions of some terms, in particular, nationalization and emergency nationalization; their inherent features were identified. While studying the topic, private scientific research methods characteristic of jurisprudence were also used: formal legal and comparative legal methods, which helped to reveal the logic of the legislator and draw conclusions about the expediency of paying compensation when nationalizing property from private owners.

Results: based on the analysis of legislation and the practice of its application, as well as of the Russian and foreign literature, the essence of nationalization was revealed. In the article, nationalization is understood as the acquisition by the state of ownership of property that was privately owned, on the basis of federal law, with or without compensation of the property value to the owner, which is aimed at protecting public interests. The article pays special attention to the understanding of the “state property” category as the property of the whole people, i.e. public property.

Scientific novelty: the article reveals the concept and essence of nationalization, as well as related legal categories (privatization, alienation, compensation, etc.), conducts a comparative legal analysis of the order of nationalization in various states, and identifies the advantages and disadvantages of preliminary and equivalent compensation as a prerequisite for private property nationalization. The author substantiates the need for nationalization of enterprises in all important industries, and, primarily, in the areas of natural monopolies, in which producers can make a profit to ensure their own development only. Nationalization should be soft, with the possibility of compensation, but only after a full audit of the performance of enterprises to resolve the issue of how conscientiously and responsibly their owners and managers acted.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and practical activities to improve civil legislation and the practice of its application, as well as to develop long-term and short-term strategies for the economic development of Russia.

Keywords: Civil law, Property, Property right, State, People, Interests, Nationalization, Compensation

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Efimtseva, T. V. (2022). Some aspects of the legal provision of private property nationalization. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 598–609 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.598-609>

Введение

Россия продолжает сталкиваться с экономическими последствиями специальной военной операции. Многие транснациональные корпорации приостанавливают бизнес, что приводит к банкротству предприятий, дефициту товаров, безработице, дестабилизации ситуации в стране. Во избежание негативных последствий Правительство Российской Федерации разработало законопроект о внешней администрации по управлению организацией, что означает фактическую национализацию имущества иностранных компаний из недружественных юрисдикций. В связи с этим остро встает необходимость принятия полноценного закона о национализации, а также выявления сути национализации, ее порядка и возможных последствий.

В качестве примера можно привести проект «Сахалин-2», в котором структура капитала управляющей компании «Сахалин Энерджи» выглядит следующим образом: «Газпром» – 50 % + 1 акция; Shell – 27,5 % – 1 акция; Mitsui – 12,5 %; Mitsubishi – 10 %, причем две последние компании принадлежат Японии, куда и направляется сжиженный природный газ (далее – СПГ) с «Сахалина-2». Согласно показателям 2018 г., прибыль от проекта составила 128 млрд рублей, что сопоставимо с бюджетом Сахалинской области. Японские, английские и голландские предприниматели не собираются выходить из проекта «Сахалин-2». Представляется, что государству нужно зачислять прибыль иностранных компаний на специальный счет до того момента, пока ЕС и Япония не снимут ограничения, наложенные на Россию. В таком случае средства со специального счета можно будет направлять в проекты реального сектора российской экономики¹.

Целью настоящего исследования является изучение текущего состояния доктрины и действующего законодательства о национализации для формулирования предложений по совершенствованию правового регулирования общественных отношений в данной сфере. Исходя из этого, можно выделить следующие задачи научного исследования: раскрыть понятие и сущность национализации, а также смежных с ней категорий права и форм

¹ Неубедительно. Алексей Кудрин встал на сторону западного бизнеса. URL: [https://zen.yandex.ru/media/dvinsky/neubeditelno-aleksei-kudrin-vstal-na-storonu-zapadnogo-biznesa-628f8c0303b73906ab0adbd2?& \(дата обращения: 10.05.2022\).](https://zen.yandex.ru/media/dvinsky/neubeditelno-aleksei-kudrin-vstal-na-storonu-zapadnogo-biznesa-628f8c0303b73906ab0adbd2?& (дата обращения: 10.05.2022).)

собственности, приватизации, отчуждения, компенсации и других, провести анализ порядка национализации в различных государствах и в разных исторических обстоятельствах, выявить преимущества и недостатки предвзятельного и равноценного возмещения как обязательного условия национализации частной собственности.

Методы исследования

В настоящем исследовании использовались такие общенаучные методы познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия. С помощью логического метода исследования были сформулированы определения некоторых терминов, в частности, национализации, экстренной национализации, выявлены присущие им признаки. В процессе изучения темы применялись также частнонаучные методы, характерные для юриспруденции, такие как формально-юридический, сравнительно-правовой, с помощью которых выявлена логика законодателя и сделаны выводы о целесообразности выплаты компенсации при национализации имущества частных собственников.

Результаты

Тема исследования является достаточно разработанной в науке. В частности, понятию собственности, ее сущности и формам собственности, основаниям приобретения и прекращения права собственности посвящены отдельные разделы в учебниках по экономической теории (например, учебник Ж. А. Бланки «История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени» [1], учебник «Политическая экономия» под редакцией К. В. Островитянова [2]) и по юриспруденции, в первую очередь по гражданскому праву (например, учебники «Гражданское право» под редакцией Е. А. Суханова, А. П. Сергеева [3, 4]), также эти вопросы раскрываются и в Комментариях Гражданского кодекса Российской Федерации (например, Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей [5]). Общественные итоги процесса национализации 2010–2019 гг. проанализировал и подвел Е. В. Рожков [6].

Основополагающим трудом, освещающим состояние проблем права собственности перед началом реформ 1990-х гг., стал круглый стол на тему «Право собственности в СССР», материалы которого под редакцией Ю. К. Толстого и В.Ф. Яковлева были опубликованы в 1989 г. Э. А. Чиркиным в издательстве «Юридическая литература» [7]. Толкованию конституционных норм о собственности посвятили статьи И. А. Гончаров [8] и А. М. Автономов [9], а о том, что собой представляет государственная собственность в настоящее время, порассуждал Е. В. Богданов [10].

Н. Б. Аленкина раскрывает понятие и содержание национализации [11]. В. В. Груздев в своей работе подробно освещает такие способы прекращения (приобретения) права собственности на принудительно изъятое имущество, как реквизиция и национализация, при этом он обращает внимание на различия реквизиции и национализации [12].

Кроме того, необходимо сказать о том, что национализация иностранных инвестиций составляет правовой институт международного частного права. В этой связи следует назвать учебники по международному частному праву Л. А. Лунца и М. Вольфа [13, 14]. Более подробно компенсацию как правовое основание национализации иностранных инвестиций раскрывает в своей статье Т. В. Глинщикова [15].

Достаточно интересным и полезным представляется зарубежный опыт регулирования национализации и ее последствий. Так, теоретические и практические основы трансформации форм собственности (на примере Российской Федерации и зарубежных стран) раскрыты в монографии О. А. Баулиной, В. В. Ключина и А. О. Догадова [16].

Что же касается оснований национализации, то если Дж. Саума и М. Санабрия полагают, что компенсация и убытки за национализированное имущество должны выплачиваться государством во всех случаях [17], то П. Сайназарова и М. Саадудев [18], напротив, в своей статье говорят о праве государства национализировать частную собственность, правда, если у государства есть на это веские основания.

Право собственности является не только широким, но и наиболее устойчивым вещным правом, составляя основную юридическую предпосылку и результат нормального имущественного оборота. Именно поэтому

закон специально регулирует как основания приобретения права собственности (правопорождающие юридические факты), так и основания его прекращения (правопрекращающие юридические факты). Последние подлежат тщательной регламентации, с тем чтобы сохранить и поддержать «прочность» права собственности в соответствии с провозглашенным в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации принципом неприкосновенности собственности [5].

Согласно ст. 35 Конституции Российской Федерации, право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Многозначность конституционных положений создает возможность не только для защиты и самого права, и имущества, но и для распространения конституционной защиты собственности на отношения, не являющиеся гражданско-правовыми [9].

Право собственности в системе конституционных прав должно обеспечить его субъекту определенную сферу свободы в экономической жизни и независимую жизнь. Таким образом, в конституционно-правовом смысле гарантии права собственности выступают одновременно как гарантии свободы [8].

В частности, в ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливается, что прекращение права собственности происходит лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. При этом в перечень оснований прекращения права собственности не входят приватизация и национализация, тем не менее в указанной статье Гражданского кодекса Российской Федерации упоминается, что по решению собственника в порядке, предусмотренном законами о приватизации, имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, отчуждается в собственность граждан и юридических лиц. Обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация), производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков в установленном законом порядке.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» под приватизацией государственного и муниципального имущества понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц.

Как отмечает Е. А. Суханов, приватизация связана «с отчуждением большого количества объектов, находившихся в публичной собственности в силу особенностей организации прежней, огосударственной экономики. Она является временной, переходной мерой по формированию материальной базы для развития рыночного хозяйства и соответствующего ему имущественного оборота» [3]. В этой связи нужно отметить два признака, присущие приватизации. Во-первых, она распространяется только на имущество, находящееся в государственной и муниципальной собственности, т. е. в публичной собственности, и предназначенное для передачи частным собственникам. В силу этого обстоятельства приватизация не может рассматриваться в качестве общего основания прекращения права собственности и всегда становится основанием возникновения права частной собственности (граждан и юридических лиц). И, во-вторых, приватизация может проводиться только в порядке, предусмотренном законами о приватизации, а не общим гражданским законодательством.

Национализация – это процесс, обратный приватизации, основание прекращения права собственности на имущество частного лица и основание приобретения государством права собственности на это имущество. Термин «национализация» происходит от латинского слова «нация». Экономическая теория определяет это понятие как передачу частной собственности в государственную собственность, когда власть полагает, что она может управлять собственностью более эффективно, чем частный владелец. В экономической теории говорится, что национализация обычно проводится в отношении имущества, имеющего важное значение для государства и общества. Иными словами, формирование государственной собственности связывают с необходимостью производства общественных благ. В теории права национализация означает государственную

политику, способствующую социальным и экономическим изменениям, которые позволяют передать частную собственность в собственность государства [8. С. 132]. Существуют и другие определения национализации.

В качестве примера приведем определение, сформулированное О. А. Баулиной, В. В. Ключиным, А. О. Догадовым: «Национализация – есть процесс перехода права собственности на имущество от частных лиц к государству как путем экспансии на возмездной или безвозмездной основе, так и путем добровольной передачи имущества государству на договорной основе или в результате несостоятельности (банкротства). В процессе национализации может происходить либо выкуп имущества с выплатой его стоимости, либо же его безвозмездная экспроприация посредством реквизиции или конфискации» [16. С. 7].

При этом обычно под реквизицией понимается принудительное возмездное изъятие государством имущества либо в собственность, либо во временное владение и пользование. Что же касается конфискации, то она в первую очередь является одним из видов уголовно-правового воздействия на лицо, виновное в совершении преступления [19. С. 29]. В международном праве широко используется термин «экспроприация», которая должна осуществляться с соблюдением определенных требований, но для регулирования внутрисударственных отношений сегодня эта дефиниция не применяется [20].

Для того чтобы понять саму идею национализации, важно знать причины, стоящие за ней, политические и/или экономические факторы, ведущие к ней, преследуемые ею цели, особенности исторического развития страны. Цели и задачи национализации существенно различаются в зависимости от классовых интересов, временных интервалов и исторической эпохи, в которой она проводилась. Если же рассматривать историю национализации во времена феодализма, то основной целью национализации выступало укрепление монархии и снижение политической и экономической роли отдельных феодалов. Национализация, проводимая в ходе буржуазных революций, имела своей целью ускорение капиталистического развития [1].

Целями национализации в современной России являются следующие: вывод экономики страны из кризисного состояния и обеспечение требуемого уровня функционирования отдельных отраслей экономики; снижение роли монополий и защита потребителей от их злоупотреблений; обеспечение безопасности государства, в том числе экономической, военной, экологической, информационной. По мнению многих ученых-юристов, за институтом национализации стоит идея о том, что общественные интересы должны превалировать над частными интересами и что правами меньшинства можно пожертвовать в пользу большинства [21, 22].

Национализация – это обращение в государственную собственность имущества, находящегося в частной собственности граждан и юридических лиц [3]. Национализация производится на основании специального федерального закона с возмещением стоимости изъятого имущества и других убытков в порядке, установленном ст. 306 Гражданского кодекса Российской Федерации. В настоящее время специальный федеральный закон о национализации в России не принят, соответственно, и национализация как способ обращения имущества граждан и юридических лиц в государственную собственность применяться не может. Вместе с тем фактическая национализация отдельных отраслей промышленности возможна и в случае отсутствия правовой базы. «В экономике и некоторых зарубежных правовых порядках, например в США, существует понятие “ползучая экспроприация” (*creeping expropriation*), т. е. скрытая национализация, когда специального закона не принимается, однако создаются столь невыносимые условия для ведения бизнеса в конкретной стране, что инвесторы сами ищут возможность избавиться от своих активов в пользу государства» [4].

Исходя из этого, особенностью современной национализации является ее скрытый, завуалированный характер, когда государство действует не прямо, открыто захватывая контроль над частными компаниями и переводя их под управление государственных органов, а опосредованно, приобретая контролирующие пакеты акций в уставных капиталах таких компаний, что позволяет государству определять политику их деятельности [16. С. 14].

Следовательно, национализация – институт, в котором сочетаются частноправовые и публично-правовые начала. С одной стороны, национализация должна учитывать интересы добросовестных частных собственников, которые при определенных условиях вправе рассчитывать на выплату компенсации. С другой – государство, действуя в целях защиты общественных интересов, отстаивая собственную независимость и суверенитет,

спасая отечественное производство, проводит национализацию, которая представляет собой, по существу, способ государственного воздействия на экономику. Именно поэтому законодателю необходимо гармонично сочетать частные и публичные интересы, включая и применимые в процессе правового регулирования национализации соответствующие методы.

Вместе с тем, как отмечается в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, в общих интересах всех участников гражданского оборота, в интересах общества в целом влияние государства и как законодателя, и как судебной власти на содержание и состояние гражданского правопорядка в стране должно быть значительно усилено.

Национализация – сложная, комплексная процедура, в которой взаимодействуют различные субъекты, а это в свою очередь означает, что для урегулирования института национализации важны не только материальные, но и процедурные нормы. Вопрос о законности национализации, а соответственно, и право на оспаривание ее результатов во многом зависят от соблюдения государством процедуры осуществления процесса национализации [11. С. 3]. Одним из условий национализации является обязательная оценка имущества профессиональным оценщиком (ст. 8 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»).

Приведенные формулировки Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актов позволяют прийти к некоторым выводам. Во-первых, необходимо принять специальный закон о национализации, так как Гражданский кодекс Российской Федерации не может предложить достаточную регламентацию этого института уже ввиду того, что урегулированию подлежат также и процедурные вопросы (порядок и условия национализации), которые относятся к публичному праву. Во-вторых, закон о национализации должен носить общий характер и определять общий порядок и условия национализации. Иными словами, закон о национализации, как и любой закон, является актом общеобязательного характера, на основании которого будут издаваться акты органов исполнительной власти в отношении конкретного имущества и конкретных собственников.

При этом при разработке федерального закона о национализации должны быть четко определены цели, которых намерено достичь государство в результате национализации. Так, например, Е. В. Рожков полагает, что при проведении национализации государству необходимо добиться сохранения стратегически важных отраслей; вывести из-под иностранного контроля объекты, обеспечивающие экономический суверенитет; пресечь незаконный вывод средств из страны [6. С. 103–104]. И сегодня национализация имущества граждан и частных компаний становится важным и необходимым условием, без которого невозможно победить в борьбе нашей страны за суверенитет.

По мнению В. В. Груздева, национализация в экономическом плане находится в области стратегического развития государства, и она должна осуществляться только при условии предварительного и равноценного возмещения. При национализации должно последовать предварительное возмещение, без которого право государственной собственности не возникнет [12].

По общему правилу национализация имущества без предварительного и равноценного возмещения его стоимости недопустима. При этом в случае национализации необходимо руководствоваться ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации, в силу которой принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Одного закона, предусматривающего национализацию, недостаточно для возникновения права собственности на имущество, подпадающее под действие этого закона. Конкретному собственнику на основании правоприменительного акта об изъятии выплачивается сумма компенсации, включающая рыночную стоимость национализируемого имущества, возмещаются иные убытки, и только после исполнения данного обязательства возникает право публичной собственности.

Вместе с тем нельзя исключать ситуации «экстренной» национализации в соответствии с законом, предусмотренные ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации цели. В ходе такой национа-

лизации право публичной (государственной) собственности возникает независимо от исполнения властным субъектом обязательств перед бывшим собственником по выплате стоимости изъятого у него имущества и других убытков.

При этом нужно отметить, что национализация является суверенным правом государства, которое закреплено в Хартии экономических прав и обязанностей государств, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 1974 г., но вместе с тем в настоящее время нет оснований для утверждения о существовании самостоятельного принципа компенсации при национализации.

Вопрос о компенсации за национализированное имущество остается достаточно противоречивым и дискуссионным как в рамках отдельных государств, так и на международном уровне. Отсутствие единых международных подходов к решению этого вопроса объясняется существованием в мире различных концепций собственности, и, основываясь на этих концепциях, государства по-разному подходят к проблеме выплаты компенсации, что особенно ярко выражено в инвестиционном законодательстве [17].

В свое время специалисты из стран социалистического лагеря обосновывали право государства на возможность проведения национализации без компенсационных выплат. В частности, Л. А. Лунц писал, что не считается нарушением норм международного права безвозмездная национализация имущества как собственных граждан, так и иностранных лиц, поскольку в таком случае соблюдается национальный режим, т. е. к иностранцам и лицам без гражданства применяются те же правила, что и к гражданам [13. С. 37]. При этом следует признать, что государства, принимающие иностранный капитал, не всегда удовлетворяют требования иностранных инвесторов о выплате компенсации за национализируемое имущество.

Напротив, сторонники другого подхода подтверждают обязанность государства выплатить собственникам эффективную, быструю и адекватную компенсацию за изъятое имущество и возместить причиненные убытки. Так, например, М. Вольф полагает, что обязательным условием принудительного изъятия имущества в публичных интересах является возмещение его стоимости [14. С. 559].

Исходя из этого, правило о том, что при национализации иностранному инвестору возмещаются стоимость национализируемого имущества и другие убытки, действует только в отношении тех государств, которые его признают, как, например, Австрийская Республика (Федеральный конституционный закон о национализации от 2 июля 1987 г.). Вместе с тем требование о выплате компенсации не должно применяться к государствам, не признавшим его в качестве правовой нормы [15]. Тем более что государства различаются по уровню развития и некоторые развивающиеся государства не имеют экономической возможности выплачивать компенсацию в случае национализации имущества частных собственников [23. Рр. 258–259].

Национализация частной собственности вряд ли вызовет возражения собственников, если за ней последует быстрая и соразмерная компенсация стоимости национализируемого имущества. Напротив, в случае отсутствия компенсации национализация вызовет протесты со стороны государств, чьи граждане были лишены своей собственности, и эти требования часто удовлетворяются международными судебными инстанциями [17]. Однако, как показывает практика, спорные и не всегда законные сделки, связанные с приватизацией государственного имущества, были ключевыми основаниями для оспаривания и отмены результатов приватизации и последующей национализации имущества.

В частности, как разъяснил Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в письме от 1 сентября 1997 г., в случае если приватизация государственного имущества осуществлялась с нарушением законодательства Российской Федерации и условий договоров купли-продажи соответствующего имущества, органы государственной власти вправе в судебном порядке предъявить иски с различными требованиями: о расторжении сделок приватизации, о применении мер ответственности, о признании сделок приватизации недействительными, о применении последствий недействительности ничтожной сделки, об устранении нарушений законодательства Российской Федерации и о привлечении виновных лиц к ответственности.

Несомненно, национализация является неотъемлемым правом каждого суверенного государства, включая Российскую Федерацию. Этот факт не вызывает сомнений и признан во всем мире. В частности, суверенитет любого государства предполагает отсутствие какого-либо вида принуждения: экономического, политического

или иного – к свободному и полному осуществлению права контроля над богатствами и ресурсами страны, включая возможность национализации последних.

Но, учитывая большое влияние национализации на судьбу страны в целом и ее народа, действия властей в этом направлении должны быть хорошо продуманы и взвешены. По мнению П. Сайназаровой и М. Саадуева, неправильно принимать судьбоносные для государства решения, будучи переполненным эмоциями или желанием отомстить нерадивому губернатору. В связи с этим даже если будет принято решение о проведении национализации, она должна быть проведена цивилизованным и законным образом и в строгом соответствии с законодательством [18].

Еще один важный момент, на который нужно обратить внимание для уяснения сущности национализации, заключается в том, что национализация – это переход имущества из частной собственности в государственную собственность. А что же в таком случае представляет собой государственная собственность?

В прошлом, когда под государственной собственностью понималась социалистическая собственность, национализация рассматривалась в качестве перехода имущества из частной собственности конкретных лиц в собственность всего народа. Отсутствие частной собственности на средства производства исключало эксплуатацию трудящихся масс и возможность присвоения прибавочного продукта, а существование социалистической собственности позволяло вести планирование народного хозяйства и создавать централизованные фонды потребления. Однако с течением времени бюрократический аппарат, объявивший целью государственной политики всеобщее обогащение, смог постепенно отодвинуть народ от средств производства и закрепить в общественном сознании идею разделения имущества на «мое» и «наше», причем последнее признавалось «ничейным», «никому не принадлежащим».

Такая опасность существует всегда, при любом экономическом укладе. Ведь с учетом того, что у большинства граждан реализация своих полномочий собственников реально связана с запредельно высокими издержками, а у управляющих собственностью должностных лиц нет достаточных стимулов и информации о предпочтениях номинальных собственников, у управляющих формируется чувство фактического собственника экономических ресурсов, которые они и используют, исходя из личных или клановых интересов, извлекая нетрудовые доходы или действуя из карьерных соображений.

В связи с этим Ю. К. Толстой и В. Ф. Яковлев справедливо заметили, что в поздний советский период партийная бюрократия рассматривала государственную собственность в качестве своего личного ресурса, а не как общенародное достояние, как было на начальных этапах советской власти [4].

В настоящее время российский народ еще больше, чем ранее, отстранен от государственной собственности, несмотря на то, что некоторые права граждан по управлению таким имуществом предусмотрены в законодательстве (например, право на проведение общественной экологической экспертизы, право на проведение общественных обсуждений проектов планов строительства).

Исходя из этого, есть все правовые основания для признания народа России собственником своего имущества и установления в законодательстве категории общенародной собственности, правовой режим которой должно определить государство [10].

Как отмечается в учебнике «Политическая экономия», общественная собственность на средства производства и на продукты труда и распределение продуктов труда в интересах трудящихся определяют решающие преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической системой. Все выгоды крупного общественного производства, обеспечивающего огромный рост производительной силы труда, достаются обществу в целом и трудящимся массам, а не эксплуататорам, как это имеет место при капитализме.

Господство общественной собственности на средства производства означает, что социалистическое производство свободно от противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов производства, присущего капитализму. При социализме общественному характеру производства соответствует общественная социалистическая собственность на средства производства. В силу этого в социалистическом обществе между производственными отношениями и производительными силами имеется полное соответствие [2. С. 290].

Выводы

Термин «национализация» имеет множество значений, но суть ее заключается в том, что национализация – приобретение государством права собственности на имущество, находившееся в частной собственности, на основании федерального закона с выплатой или без выплаты компенсации собственнику стоимости его имущества, которое направлено на защиту публичных интересов. Национализацию следует отличать от приватизации, экспроприации, конфискации и реквизиции.

Национализация проводится на основании специального закона, в котором предусматриваются ее порядок и условия, в том числе условия выплаты компенсации бывшим собственникам и возмещения причиненных им убытков. Однако государство, действуя в целях защиты национальных интересов в экстремальных условиях, может не возмещать причиненный собственникам ущерб.

В исключительных обстоятельствах государство вправе провести национализацию имущества, общий порядок и условия которой нужно предусмотреть в соответствующем законе. При этом только государство определяет, будет ли оно выплачивать компенсацию бывшим собственникам и возмещать причиненные им убытки. Отвечая своей сути, национализация должна быть проведена таким образом, чтобы национализируемое имущество переходило не просто к государству, а именно к народу, который является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации.

Список литературы

1. Бланки Ж. А. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени. Т. 1: С древнейших времен до XVIII века / пер. с фр. 2-е изд. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 400 с.
2. Политическая экономия / К. В. Островитянов, Д. Т. Шепилов, Л. А. Леонтьев, И. Д. Лаптев и др. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1954. 455 с.
3. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. / В. В. Витрянский и др.; отв. ред. Е. А. Суханов; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва: Статут, 2010. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 956 с.
4. Гражданское право: учебник. В 3 т. / Е. Н. Абрамова и др.; под ред. А. П. Сергеева. Москва: Велби, 2008. Т. 1. 1006 с.
5. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей / подгот. М. И. Брагинский и др. Москва: Фонд «Правовая культура», 1995. 478 с.
6. Рожков Е. В. Процессы национализации в 2010–2019 годах: общественные итоги // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020. Т. 13, № 3. С. 98–107.
7. Право собственности в СССР: Круглый стол изд-ва «Юрид. лит.» / ред. и сост. Э. А. Чиркин; отв. ред. Ю. К. Толстой, В. Ф. Яковлев. Москва: Юрид. лит., 1989. 287 с. – (Пробл., дискуссии, предложения).
8. Гончаров И. А. Государственная собственность: теория вопроса и толкование конституционных норм о собственности // Образование и право. 2020. № 10. С. 132–139.
9. Автономов А. М. Конституционная защита владения в России // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 2002. № 3 (40). С. 125–135.
10. Богданов Е. В. Проблемы принудительного изъятия государством объектов частной собственности посредством реквизиции, конфискации и национализации по гражданскому законодательству России // Lex Russica. 2020. № 2. С. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.159.2.025-032>
11. Аленкина Н. Б. Спорные вопросы применения норм гражданского права о национализации // Вестник КРСУ. 2013. Т. 13, № 1. С. 3–8.
12. Груздев В. В. Реквизиция и национализация как основания возникновения обязательств // Право и экономика. 2021. № 11 (405). С. 30–36.
13. Лунц Л. А. Курс международного частного права. В 3 т. Т. 2: Международное частное право. Особенная часть. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрид. лит., 1975.
14. Вольф М. Международное частное право / под ред. и с предисл. проф. Л. А. Лунца. Москва: Гос. изд-во иностр. лит., 1948.
15. Глинщикова Т. В. Компенсация как правовое основание национализации иностранных инвестиций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 89–91.

16. Теоретические и практические основы трансформации форм собственности (на примере Российской Федерации и зарубежных стран) / О. А. Баулина, В. В. Ключин, А. О. Догадов // Вестник Евразийской науки. 2019. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/78ECVN519.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).
17. Sauma J., Sanabria M. Compensation for Lawful Nationalization // *Jus Mundi*. 2020, Jul 21. URL: <https://blog.jusmundi.com/compensation-for-lawful-nationalization> (дата обращения: 10.05.2022).
18. Sainazarova P., Saaduev M. Nationalization as a Legal Institute and Political Tool in Kyrgyzstan. Kalikova&Associates. 2011. URL: http://www.k-a.kg/uploads/Nationalization_as_Legal_Institute_and_Political_Tool_inKG.pdf (дата обращения: 01.05.2022).
19. Филиппова О. В. Уголовно-правовое регулирование конфискации имущества в современной России // Мониторинг правоприменения. 2013. № 4. С. 29–39.
20. Данельян А. А. Проблемы национализации и экспроприации иностранной собственности в международном праве // Юрист. 2014. № 6.
21. Богдан В. В. Право общественного интереса и концепция деления права на частное и публичное: постановка проблемы // Право и политика. 2017. № 7. С. 110–117. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2017.7.22966>
22. Магарамова К. Ш. Национализация банковской системы РФ // *Economics. Law. State*. 2019. № 1 (3). С. 13–21.
23. Rafat A. Compensation for Expropriated Property in Recent International Law // *Vill. L. Rev.* 1969. № 14. P. 199. URL: <https://digitalcommons.law.villanova.edu/vlr/vol14/iss2/1> (дата обращения: 10.05.2022).

References

1. Blanki, Zh. A. (2013). *History of political economy in Europe from the ancient till present time. Vol. 1: From the ancient times till the 18th century*. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM" (in Russ.).
2. Ostrovityanov, K. V., Shepilov, D. T., Leont'ev, L. A., Laptev, I. D. et al. (1954). *Political economy*. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury (in Russ.).
3. Vitryanskii, V. V. et al.; Sukhanov, E. A. (ed.). (2010). *Russian civil law: tutorial*. In 2 vol. Moscow, Statut. Vol. 1: General part. Law of property. Hereditary law. Intellectual rights. Personal non-property rights (in Russ.).
4. Abramova, E. N. et al.; Sergeeva, A. P. (ed.). (2008). *Civil law: tutorial*. In 3 vol. Moscow, Velbi. Vol. 1 (in Russ.).
5. Braginskii, M. I. et al. (Eds.). (1995). *Commentary on Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation for entrepreneurs*. Moscow, Fond "Pravovaya kul'tura" (in Russ.).
6. Rozhkov, E. V. (2020). The nationalisation in 2010–2019: social results. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 13 (3), 98–107 (in Russ.).
7. Chirkin, E. A., Tolstoy, Yu. K., Yakovlev, V. F. (Eds.). (1989). *Law of property in the USSR: Round table of "Juridical Literature" Publishers*. Yurid. lit. Ser. Probl., diskussii, predlozheniya (in Russ.).
8. Goncharov, I. A. (2020). State property: theory and interpretation of constitutional rules on property. *Education and Law*, 10, 132–139 (in Russ.).
9. Avtonomov, A. M. (2002). Constitutional protection of ownership in Russia. *Konstitutsionnoe Pravo: Vostochnoevropeiskoe Obozrenie*, 3 (40), 125–135 (in Russ.).
10. Bogdanov, E. V. (2020). Challenges of Compulsory Seizure of Private Property by the State through Requisition, Confiscation and Nationalization under the Civil Legislation of Russia. *Lex Russica*, 73 (2), 25–32 (in Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.159.2.025-032>
11. Alenkina, N. B. (2013). Disputable issues of applying the civil law norms on nationalization. *Herald of KRSU*, 13 (1), 3–8 (in Russ.).
12. Gruzdev, V. V. (2021). Requisition and nationalization as the grounds for the emergence of obligations. *Pravo i Ekonomika*, 11 (405), 30–36 (in Russ.).
13. Lunts, L. A. (1975). *A course in international private law*. In 3 vol. Vol. 2: International private law. Special part. Moscow, Yurid. lit. (in Russ.).
14. Vol'f, M. (1948). *International private law*. Moscow, Gos. izd-vo inostr. lit. (in Russ.).
15. Glinshchikova, T. V. (2018). Compensation as a legal basis for the nationalization of foreign investment. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 4, 89–91 (in Russ.).
16. Baulina, O. A., Klyushin, V. V., Dogadov, A. O. (2019). Theoretical and practical bases of transformation of forms of ownership (on the example of the Russian Federation and foreign countries). *The Eurasian Scientific Journal*, 5 (11) (in Russ.). <https://esj.today/PDF/78ECVN519.pdf>
17. Sauma, J., Sanabria, M. (2020, July 21). Compensation for Lawful Nationalization. *Jus Mundi*. <https://blog.jusmundi.com/compensation-for-lawful-nationalization>

18. Sainazarova, P., Saaduev, M. (2011). *Nationalization as a Legal Institute and Political Tool in Kyrgyzstan*. Kalikova&Associates. http://www.k-a.kg/uploads/Nationalization_as_Legal_Institute_and_Political_Tool_inKG.pdf
19. Filippova, O. (2013). Criminal law regulation of confiscation of property in today's Russia. *Monitoring of Law Enforcement*, 4, 29–39 (in Russ.).
20. Danel'yan, A. A. (2014). Problems of nationalization and expropriation of foreign property in international law. *Yurist*, 6 (in Russ.).
21. Bogdan, V. V. (2017). Public interest law and the concept of dividing the law to private and public: the formulation of the problem. *Law and Politics*, 7, 110–117 (in Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2017.7.22966>
22. Magaramova, K. Sh. (2019). The nationalization of the banking system of the Russian Federation. *Federation Economics. Law. State*, 1 (3), 13–21 (in Russ.).
23. Rafat, A. (1969). Compensation for Expropriated Property in Recent International Law. *Vill. L. Rev.*, 14, 199. <https://digitalcommons.law.villanova.edu/vlr/vol14/iss2/1>

Конфликт интересов: автор является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Conflict of Interest: the author is a member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Economics and Law*. The article has been reviewed on the usual terms.

Дата поступления / Received 27.05.2022

Дата принятия в печать / Accepted 20.07.2022

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Rubric editor P. A. Kabanov

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.610-624>

УДК 343.2/.7:343.9(470+571)(1-22)

Г. Ф. КОИМШИДИ¹,
Д. К. ЧИРКОВ²,
А. А. ЛИТВИНОВ³

¹ *Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Россия*

² *Российский государственный университет туризма и сервиса, п. Черкизово, Россия*

³ *Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Россия*

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ И ЕЕ КРАТКОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ НА 2022 г.

Коимшиди Георгий Феофилактович, кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ВНИИ МВД России
E-mail: koim@mail.ru
eLIBRARY ID: SPIN-код: 4808-0622, AuthorID: 714102

Контактное лицо:

Чирков Дмитрий Константинович, кандидат юридических наук, доцент, профессор Высшей школы бизнеса, менеджмента и права, РГУТИС
E-mail: dk8888@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7257-7157>
SPIN-код: 6873-0820, AuthorID: 474386

Литвинов Антон Анатольевич, ведущий научный сотрудник, Университет прокуратуры
E-mail: veriham@mail.ru
SPIN-код: 8855-2707, AuthorID: 695633

Аннотация

Цель: анализ криминогенной обстановки в Российской Федерации, территориальных различий преступности в сельской местности, а также краткосрочное прогнозирование данной преступности в Российской Федерации.

Методы: динамический, статистический, исторический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы исследования, а также конкретно-социологическая методика оценки сельской преступности.

© Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К., Литвинов А. А., 2022

© Koimshidi G. F., Chirkov D. K., Litvinov A. A., 2022

Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К., Литвинов А. А. Территориальный анализ преступности в сельской местности и ее краткосрочный прогноз на 2022 г.
Koimshidi G. F., Chirkov D. K., Litvinov A. A. Territorial analysis of crime in rural areas and its short-term forecast for 2022

Результаты: основной тенденцией сельской преступности с 1 января 2019 г. по 1 октября 2021 г. можно считать равномерное прямолинейное снижение: постоянное ежемесячное снижение – 1,1 тыс. преступлений. Данная тенденция характеризует ситуацию, когда действие криминогенных факторов нейтрализуется воздействием антикриминогенных. Если взять за основу вышеназванные данные и распространить их на следующий год, то можно предположить, что в 2022 г. в сельской местности Российской Федерации будет зарегистрировано от 331,2 тыс. до 388,8 тыс. преступлений. Между тем следует отметить, что официальные данные о состоянии преступности в сельской местности вызывают столь же обоснованные сомнения, как и уголовная статистика в целом по Российской Федерации. Обвальное сокращение преступлений в сельской местности не вытекает из происходящих социальных изменений на селе и дает основание полагать, что причиной такого сокращения является нарушение учетно-регистрационной дисциплины со стороны работников органов внутренних дел.

Научная новизна: в работе впервые проведен сравнительно-правовой анализ динамики зарегистрированных преступлений в сельской местности и в городских населенных пунктах, в результате которого выявлены особенности преступности в сельской местности и предложен авторский краткосрочный прогноз на 2022 г. Несмотря на тенденцию сокращения в 2009–2021 гг. количества регистрируемых в сельской местности преступлений, криминальная обстановка на селе остается сложной. Статистические показатели не отражают реального состояния преступности данного вида, так как указанная тенденция обусловлена искусственным регулированием количества отражаемых в статистической отчетности преступлений в сторону занижения.

Практическая значимость: в результате проведенного криминологического исследования выявлена высокая степень общественной опасности преступности в сельской местности, а ее прогнозирование позволяет уделить пристальное внимание необходимости разработки эффективных мер по борьбе и предупреждению данного вида преступности.

Ключевые слова: уголовное право и криминология, преступность в сельской местности, преступность городская, динамика преступлений, особенности преступности села, уровень сельской преступности, региональный анализ преступности в сельской местности

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К., Литвинов А. А. Территориальный анализ преступности в сельской местности и ее краткосрочный прогноз на 2022 г. // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 610–624. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.610-624>

The scientific article

G. F. KOIMSHIDI¹,
D. K. CHIRKOV²,
A. A. LITVINOV³

¹All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

²Russian State University of Tourism and Service, Cherkizovo, Russia

³University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

TERRITORIAL ANALYSIS OF CRIME IN RURAL AREAS AND ITS SHORT-TERM FORECAST FOR 2022

Georgy F. Koimshidi, PhD (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: koim@mail.ru
eLIBRARY ID: SPIN-код: 4808-0622, AuthorID: 714102

Contact:

Dmitry K. Chirkov, PhD (Law), Associate Professor, Professor, Higher School of Business, Management and Law, Russian State University of Tourism and Service

E-mail: dk8888@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7257-7157>

SPIN-код: 6873-0820, AuthorID: 474386

Anton A. Litvinov, Leading Researcher, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

E-mail: veriham@mail.ru

SPIN-код: 8855-2707, AuthorID: 695633

Abstract

Objective: to analyze the criminological situation in the Russian Federation and the territorial differences in crime in rural areas, as well as to make a short-term forecast of this type of crime in the Russian Federation.

Methods: dynamic, statistical, historical, systemic-structural and comparative-legal methods, as well as a specific sociological methodology of estimating rural crime.

Results: the main trend of rural crime from January 1, 2019 to October 1, 2021 can be considered a uniform straight-line decrease: a constant monthly decrease by 1.1 thousand crimes. This trend characterizes a situation when the effect of criminogenic factors is neutralized by the impact of anti-criminogenic ones. If we take the above-mentioned data as a basis and generalize them for the next year, we can assume that in 2022 from 331.2 thousand to 388.8 thousand crimes will be registered in rural areas of the Russian Federation. Meanwhile, it should be noted that official data on the state of crime in rural areas, as well as the criminal statistics in the Russian Federation as a whole, cause well-founded doubts. The landslide reduction in crimes in rural areas does not follow from the ongoing social changes in rural areas and gives reason to believe that such a reduction is due to a violation of accounting and registration discipline on the part of staff of the law-enforcement bodies.

Scientific novelty: for the first time, a comparative legal analysis of the dynamics of registered crimes in rural and urban areas was carried out, as a result of which the features of crime in rural areas were identified and the author's short-term forecast for 2022 was proposed. Despite the tendency to reduce the number of crimes registered in rural areas in 2009-2021, the criminal situation in rural areas remains complicated. Statistical indicators do not reflect the real state of this type of crime, since this trend is due to artificial regulation of the number of crimes reflected in statistical reporting towards understatement.

Practical significance: as a result of the conducted criminological research, a high degree of public danger of crime in rural areas has been revealed, and its forecasting makes it possible to pay closer attention to the need to develop effective measures to combat and prevent this type of crime.

Keywords: Criminal law and criminology, Crime in rural areas, Urban crime, Crime dynamics, Features of rural crime, Rural crime rate, Regional analysis of crime in rural areas

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Koimshidi, G. F., Chirkov, D. K., Litvinov, A. A. (2022). Territorial analysis of crime in rural areas and its short-term forecast for 2022. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 610–624 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.610-624>

Введение

В современных реалиях экономического кризиса, попыток давления западных стран на Российскую Федерацию особую актуальность приобретает продовольственная безопасность страны, которая напрямую связана с безопасностью, в том числе криминальной, сельского населения.

Сельская местность обладает определенной спецификой, заключающейся в удаленности сельских поселений друг от друга и от районных центров; в плохом транспортном сообщении между ними; в недостаточно

развитой телекоммуникационной связи; в сезонности сельскохозяйственного производства; в удаленности от отделов полиции и в некоторых иных факторах, накладывающих отпечаток на образ жизни и поведение, в том числе преступное, жителей сельской местности [1. С. 126].

Исторически сложившаяся и проверенная управленческим, культурным опытом система предупреждения преступлений в сельской местности была разрушена в 1990-х гг., вместо нее ничего не создано до настоящего времени. Также имеются сложности у администраций сельских поселений с оказанием помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы. Они связаны с тем, что в сельской местности отсутствует система социальной поддержки таких людей, как и гарантированные государством рабочие места для этой категории граждан [2. С. 40–45].

О крайне неблагоприятных условиях жизнедеятельности в сельской местности также свидетельствуют социологические и криминологические исследования [3–7].

Такое негативное явление, как массовое обеднение сельского населения произошло вследствие ошибочного представления о том, что в условиях рыночной экономики быстро будет создано новое сельскохозяйственное производство, основанное на частной собственности на землю; сформировано новое крестьянство, способное обеспечить продовольственную безопасность. Начался и продолжается опасный для страны, негативный социальный процесс, именуемый «раскрестьяниванием» деревни. С одной стороны, он выразился в сокращении сельского населения. С другой – в социальной деградации сохраняющегося сельского населения, утрате навыков к сельскохозяйственному труду. По расчетам П. П. Великого и Е. В. Бочарова, с 1990 г. произошло шестикратное уменьшение сельских тружеников. Сложившаяся структура сельскохозяйственного производства сделала излишним 7 млн человек сельских тружеников [1. С. 126].

С 1990-х гг. в России начинается резкая деформация жизнедеятельности сельского населения [1. С. 128–129]. В последние тридцать лет очень сильно изменилась структура сельского населения, выразившаяся в резком увеличении в ней доли лиц пожилого возраста. С криминологической точки зрения отток молодежи из сельских поселений снижает криминальную активность сельского населения. Однако не все однозначно с проблемой внутренней миграции сельских жителей. Масштабы миграционных потоков определяются не только поиском лучших условий для жизни и труда сельскими жителями, но и миграционной емкостью урбанизированной среды [1. С. 129]. В советское время плановая индустриализация «вытягивала» трудоспособное население из деревень, обеспечивала их социализацию в городах-новостройках и при реализации широкомасштабных строительных проектов.

Цель статьи – анализ криминогенной обстановки в Российской Федерации, территориальные различия преступности в сельской местности, а также краткосрочное прогнозирование данной преступности в Российской Федерации.

Результаты исследования

В настоящее время, в условиях экономического кризиса, усугубившегося в результате пандемии и тотальных санкций западных стран в отношении России, уровень безработицы в городах заметно вырос, что сдерживает отток сельского населения, и в первую очередь лиц старше 40 лет. Данный контингент в городе не востребован [1. С. 131].

О негативных экономических тенденциях на селе свидетельствует характеристика источников денежных средств сельских жителей. Наибольшую их долю занимают пенсии, пособия и случайные приработки [1. С. 131]. Усиливают «раскрестьянивание» негативные социокультурные факторы, снижение возможностей получения хорошего медицинского, бытового и иного социального обслуживания, получения образования, организации досуга. Это резко ухудшает социальное самочувствие жителей села, порождает аномию, т. е. способствует разложению системы ценностей и этических норм, нравственно-психологического состояния сельских жителей [3. С. 165]. «Раскрестьянивание» не только способствует оттоку сельских жителей в город, но и сопровождается маргинализацией и люмпенизацией, деструкцией ценностей, ростом девиантного поведения [1. С. 133].

В сельской местности растет хроническая бедность, при которой человек имеет в течение ряда лет низкую ресурсообеспеченность, что приводит к фактическому изменению повседневного поведения, круга общения, снижению самооценки. Опасно формирование у представителей застойной бедности специфического образа жизни с утратой надежды на изменение сложившейся ситуации, прекращением попыток что-то изменить, сменой менталитета, ростом агрессивности, формированием асоциальных идентичностей [8]. Происходит процесс стигматизации бедных. Бедность стала ассоциироваться с пьянством и другими асоциальными формами поведения. Ядро российской бедности составляет именно хроническая бедность, которая включает в себя как выходцев из социальных низов, так и из вполне благополучных слоев населения [8. С. 16–19]. Сказанное о хронической бедности имеет прямое отношение к криминализации сельского социума.

Так, каждое пятое-шестое (18,6 %) преступление в стране совершается в сельской местности. По состоянию на 1 октября 2021 г. в Российской Федерации за 12 прошедших месяцев зарегистрировано 376 138 преступлений, совершенных в сельской местности. Это на –4,5 %, или на 17 575, преступлений меньше.

Основные тенденции в динамиках преступности в городах и в сельской местности до 2019 г. совпадали (рис. 1). Последние три года (2019–2021 гг.) эти динамики имеют разнонаправленные векторы. Городская преступность незначительно растет: ежемесячно в среднем на +2,6 тыс. преступлений в городах и поселках городского типа. А сельская преступность незначительно снижается: ежемесячно в среднем на –1,1 тыс. преступлений в сельской местности.

Каждое третье (33,6 %) преступление в сельской местности совершается в 11 субъектах Российской Федерации: в Краснодарском крае – 20 697 (5,5 %), Республике Башкортостан – 15 165 (4,0 %), Алтайском крае – 13 589 (3,6 %), Ростовской – 11 612 (3,1 %), Ленинградской – 10 499 (2,8 %), Московской – 9 694 (2,6 %), Иркутской – 9 415 (2,5 %) областях, Ставропольском крае – 9 389 (2,5 %), Челябинской области – 9 187 (2,4 %), Красноярском крае – 8 995 (2,4 %) и в Республике Бурятия – 8 182 (2,2 %).

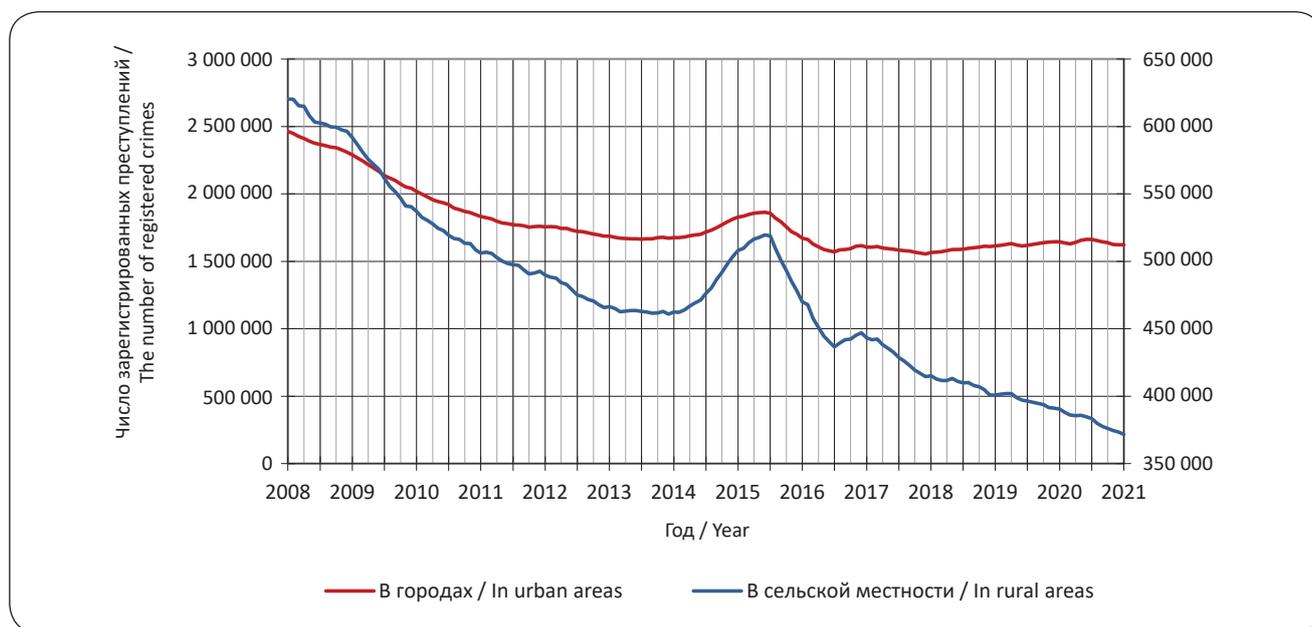

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных преступлений в городах и сельской местности. 2009–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Fig. 1. Dynamics of the number of registered crimes in urban and rural areas (2009–2021)

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

По состоянию на 1 октября 2021 г. из 82¹ субъектов Российской Федерации в 63 наблюдалось снижение. При этом в тринадцати регионах снижение было заметным (более 10 %), а в шести из них – более 15 %: в Ярославской области – 16,4 %, в Рязанской области – 18,8 %, в Республике Коми – 19,4 %, в Ивановской области – 20,1 %, в Республике Тыва – 27,0 % и в Республике Северная Осетия – Алания – 75,6 % (с 1 200 до 293).

А в девятнадцати регионах наблюдался рост, и в трех из них – заметный: в Республике Ингушетия – на 17,3 %, в Камчатском крае – на 25,6 % и в Ненецком автономном округе – на 90,4 % (со 115 до 219).

В Российской Федерации совершается 1 014,4 преступления на 100 тыс. сельского населения (в городах – 1 495,2).

Следует отметить, что 10 % сельского населения страны проживает в регионах, где средний уровень преступности (наибольший) составляет 1 860,1: от 1 648,0 в Хабаровском крае до 2 374,0 в Еврейской автономной области.

А 10 % сельского населения страны проживает в регионах, где средний уровень преступности (наименьший) составляет 259,0: от 118,2 в Республике Северная Осетия – Алания до 503,6 в Кабардино-Балкарской Республике.

Децильный коэффициент² 7,2 указывает, что дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню преступности в сельской местности заметна, но не критична.

Уровень преступности в сельской местности в Еврейской автономной области (2 374,0) настолько высок, что этот регион по данному показателю нарушает статистическую однородность всех субъектов Российской Федерации.

Из остальных 81 субъекта шесть регионов можно отнести к *группе с высоким уровнем сельской преступности* (табл. 1). Средний уровень – 2 073,0. Территориальный индекс группы – 2,0 (уровень сельской преступности в группе в два раза больше, чем в среднем по стране).

Таблица 1

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с высоким уровнем сельской преступности

Table 1. The Russian Federation subjects included into the group with high level of crime in rural areas

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Камчатский край / Kamchatka krai	2 248,0
Республика Алтай / Altay Republic	2 148,6
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	2 081,8
Амурская область / Amur oblast	2 038,0
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	2 037,6
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Region	1 910,7
Средний уровень в группе / Average in the group	2 073,0

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

¹ За исключением субъектов-городов Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя.

² Соотношение этих средних.

К группе регионов с уровнем сельской преступности выше среднего относятся 17 субъектов Российской Федерации (табл. 2). Средний уровень – 1 656,7. Территориальный индекс группы – 1,6.

Таблица 2

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем сельской преступности выше среднего

Table 2. The Russian Federation subjects included into the group with above average level of crime in rural areas

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Забайкальский край / Trans-Baikal krai	1 877,5
Республика Карелия / Republic of Karelia	1 862,4
Магаданская область / Magadan oblast	1 824,2
Ленинградская область / Leningrad oblast	1 800,6
Сахалинская область / Sakhalin oblast	1 766,1
Иркутская область / Irkutsk oblast	1 759,0
Новгородская область / Novgorod oblast	1 723,5
Приморский край / Primorskiy krai	1 715,0
Ханты-Мансийский автономный округ / Khanty-Mnasi Autonomous Region	1 661,5
Хабаровский край / Khabarovsk krai	1 648,0
Республика Удмуртия / Udmurt Republic	1 574,2
Челябинская область / Chelyabinsk oblast	1 531,6
Архангельская область / Arkhangelsk oblast	1 522,7
Кемеровская область / Kemerovo oblast	1 521,8
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamal-Nenetz Autonomous Region	1 518,2
Республика Коми / Komi Republic	1 509,4
Курганская область / Kurgan oblast	1 506,0
Средний уровень в группе / Average in the group	1 656,7

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

54 субъекта Российской Федерации относятся к группе со средним уровнем сельской преступности: от 646,1 в Карачаево-Черкесской Республике до 1 442,5 в Псковской области. Средний уровень – 974,0. Территориальный индекс – 1,0.

Пять регионов можно отнести к группе с уровнем сельской преступности ниже среднего (табл. 3). Средний уровень – 353,3. Территориальный индекс группы – 0,3 (уровень сельской преступности в группе составляет 30 % от аналогичного показателя в стране или уровень сельской преступности в группе в три раза меньше, чем в среднем по стране).

Таблица 3

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем сельской преступности ниже среднего
Table 3. The Russian Federation subjects included into the group with lower than average level of crime in rural areas

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Республика Крым / Republic of Crimea	562,6
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkar Republic	503,6
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	318,8
Республика Ингушетия / Ingush Republic	280,0
Чеченская Республика / Chechen Republic	159,5
Средний уровень в группе / Average in the group	353,5

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

В группе с низким уровнем сельской преступности всего один субъект Российской Федерации – Республика Северная Осетия – Алания (118,2 преступления на 100 тыс. сельского населения).

Виктимность сельского населения Российской Федерации по уровню погибших

Социально-демографическое развитие сельских территорий характеризуется спадом рождаемости, сокращением числа лиц моложе и трудоспособного возраста, старением возрастной структуры села [9. С. 14–19]. Острота демографических проблем актуализирует значимость мер, направленных как на рост рождаемости, так и на сокращение смертности населения. Сельские территории России характеризуются более высоким уровнем смертности, чем городские. Факторами риска выступают не только низкие доходы населения, но и отдаленность от медицинских центров, недостаточная обеспеченность врачами и медсестрами, плохое качество жилья, нездоровый образ жизни отдельных социальных групп [10. С. 21–25]. Наряду с этим отрицательно влияющим фактором на ожидаемую продолжительность жизни населения влияет чрезмерное потребление алкоголя [11. С. 58–83]. Также значимым фактором является высокий уровень преступности в сельской местности.

По состоянию на 1 октября в Российской Федерации за 12 прошедших месяцев от преступлений погибло 22 907 человек. Более чем каждый третий (38,5 %, или 8 815) погибли в сельской местности.

Почти каждый третий (32,9 %) погиб в сельской местности одиннадцати субъектов Российской Федерации: 445, или 5,0 %, погибли в Республике Башкортостан, 378, или 4,3 %, – в Краснодарском крае, 283, или 3,2 %, – в Ростовской области, 257, или 2,9 %, – в Иркутской области, 252, или 2,9 %, – в Московской области, 249, или 2,8 %, – в Красноярском крае, 236, или 2,7 %, – в Алтайском крае, 211, или 2,4 %, – в Приморском крае, 211, или 2,4 % – в Республике Татарстан, 197, или 2,2 %, – в Забайкальском крае и 179, или 2,0 %, – в Ленинградской области.

Уровень погибших в сельской местности – 23,8 человека на 100 тыс. сельского населения. В городах почти в два раза меньше – 12,5 на 100 тыс. городского населения.

При этом 10 % сельских жителей проживают в регионах, где средний уровень (наибольший) погибших составляет 49,8: от 38,7 в Красноярском крае до 200,7 в Магаданской области.

А 10 % сельских жителей проживают в регионах, где средний уровень (наименьший) погибших составляет 4,9: от 1,6 в Республике Северная Осетия – Алания до 9,5 в Республике Дагестан.

Децильный коэффициент 10,1 указывает, что дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню погибших в сельской местности заметна и критична.

Уровень преступности в сельской местности в девяти субъектах Российской Федерации настолько высок, что эти регионы по данному показателю нарушают статистическую однородность всех субъектов Российской Федерации.

Федерации: Магаданская область (200,7), Республика Тыва (78,6), Мурманская область (62,1), Ямало-Ненецкий автономный округ (60,6), Хабаровский край (59,7), Забайкальский край (58,3), Ханты-Мансийский автономный округ (57,6), Чукотский автономный округ (56,3) и Камчатский край (53,7). Виктимность (по уровню погибших) в сельской местности этих регионов нужно исследовать отдельно.

Типология по уровню погибших в сельской местности остальных 72 субъектов Российской Федерации

Шесть регионов можно отнести к группе с высоким уровнем погибших в сельской местности (табл. 4). Средний уровень – 47,9. Территориальный индекс группы – 2,0 (уровень погибших в сельской местности в группе в два раза больше, чем в среднем по стране).

Таблица 4

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с высоким уровнем погибших в сельской местности
Table 4. The Russian Federation subjects included into the group with high level of crime victims in rural areas who died

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Приморский край / Primorskiy krai	49,3
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Oblast	48,5
Иркутская область / Irkutsk oblast	48,0
Амурская область / Amur oblast	47,9
Республика Карелия / Republic of Karelia	46,1
Ярославская область / Yaroslavl oblast	45,7
Средний уровень в группе / Average in the group	47,9

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

К группе регионов с уровнем погибших в сельской местности выше среднего относятся 11 субъектов Российской Федерации (табл. 5). Средний уровень – 37,1. Территориальный индекс группы – 1,6.

Таблица 5

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем погибших в сельской местности выше среднего

Table 5. The Russian Federation subjects included into the group with above average level of crime victims in rural areas who died

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Кемеровская область / Kemerovo oblast	40,7
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	40,6
Красноярский край / Krasnoyarsk krai	38,7
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	37,1
Сахалинская область / Sakhalin oblast	36,3
Тверская область / Tver oblast	35,9
Владимирская область / Vladimir oblast	35,7
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Region	34,9
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	34,9

Окончание табл. 5 / Continuation of Table 5

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Республика Алтай / Altay Republic	34,6
Вологодская область / Vologda oblast	34,2
Средний уровень в группе / Average in the group	37,1

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

51 субъект Российской Федерации относится к группе со средним уровнем погибших в сельской местности: от 13,3 в Республике Крым до 531,6 в Архангельской области. Средний уровень – 22,3. Территориальный индекс – 0,9.

Четыре региона можно отнести к группе с уровнем погибших в сельской местности ниже среднего (табл. 6). Средний уровень – 6,3. Территориальный индекс группы – 0,3 (уровень погибших в сельской местности в группе в 3,7 раза меньше, чем в среднем по стране).

Таблица 6

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем погибших в сельской преступности ниже среднего

Table 6. The Russian Federation subjects included into the group with lower than average level of crime victims in rural areas who died

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	9,5
Республика Ингушетия / Ingush Republic	7,0
Ставропольский край / Stavropol krai	4,5
Чеченская Республика / Chechen Republic	2,7
Средний уровень в группе / Average in the group	6,3

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

В группе с низким уровнем погибших в сельской местности всего один субъект Российской Федерации – Республика Северная Осетия – Алания (1,6 погибшего от преступлений на 100 тыс. сельского населения республики).

Виктимность сельского населения Российской Федерации по уровню получивших тяжкий вред здоровью

По состоянию на 1 октября в Российской Федерации за 12 прошедших месяцев в результате преступлений тяжкий вред здоровью получили 33 199 человек. Почти каждый третий (31,5 %, или 10 446) получили его в сельской местности.

Каждый третий (33,2 %) получил тяжкий вред здоровью в сельской местности в одиннадцати субъектах Российской Федерации: 530, или 5,1 %, в Краснодарском крае; 379, или 3,6 %, в Красноярском крае; 373, или 3,6 %, в Республике Башкортостан; 338, или 3,2 %, в Иркутской области; 321, или 3,1 %, в Московской области; 289, или 2,8 %, в Алтайском крае; 288, или 2,8 %, в Ленинградской области; 244, или 2,3 %, в Пермском крае; 240, или 2,3 %, в Ростовской области; 239, или 2,3 %, в Республике Дагестан и 232, или 2,2 %, в Республике Бурятия.

Уровень получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности – 28,2 человека на 100 тыс. сельского населения. В городах на 7,8 пункта меньше – 20,4 на 100 тыс. городского населения.

При этом 10 % сельских жителей проживают в регионах, где средний уровень (наибольший) получивших тяжкий вред здоровью составляет 61,9: от 49,4 в Ленинградской области до 136,6 в Республике Тыва.

А 10 % сельских жителей проживают в регионах, где средний уровень (наименьший) получивших тяжкий вред здоровью составляет 6,4: от 1,2 в Республике Северная Осетия – Алания до 14,0 в Республике Дагестан.

Децильный коэффициент 9,7 указывает, что дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности заметная и близка к критичной.

Уровень преступности в сельской местности в четырех субъектах Российской Федерации настолько высок, что эти регионы по данному показателю нарушают статистическую однородность всех субъектов Российской Федерации: Республика Тыва (136,6), Ямало-Ненецкий автономный округ (89,2), Ханты-Мансийский автономный округ (77,6) и Магаданская область (73,0). Виктимность (по уровню получивших тяжкий вред здоровью) в сельской местности этих регионов следует исследовать отдельно.

Типология по уровню получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности остальных 77 субъектов Российской Федерации

Девять регионов можно отнести к группе с высоким уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности (табл. 7). Средний уровень – 59,2. Территориальный индекс группы – 2,1 (уровень получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности в группе в 2,1 раза больше, чем в среднем по стране).

Таблица 7

**Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с высоким уровнем получивших тяжкий вред здоровью
в сельской местности**

**Table 7. The Russian Federation subjects included into the group with high level of crime victims in rural areas
with severe injuries to health**

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Иркутская область / Irkutsk oblast	63,1
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous oblast	62,7
Красноярский край / Krasnoyarsk krai	58,9
Камчатский край / Kamchatka krai	58,2
Кемеровская область / Kemerovo oblast	58,1
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	57,8
Забайкальский край / Trans-Baikal krai	57,8
Мурманская область / Murmansk oblast	57,0
Сахалинская область / Sakhalin oblast	55,0
Средний уровень в группе / Average in the group	59,2

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

К группе регионов с уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности выше среднего относятся 12 субъектов Российской Федерации (табл. 8). Средний уровень – 47,0. Территориальный индекс группы – 1,7.

Таблица 8

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности выше среднего

Table 8. The Russian Federation subjects included into the group with above average level of crime victims in rural areas with severe injuries to health

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Region	52,3
Приморский край / Primorskiy krai	51,6
Ленинградская область / Leningrad oblast	49,4
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Region	49,3
Хабаровский край / Khabarovsk krai	49,0
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	47,5
Амурская область / Amur oblast	47,1
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	46,2
Республика Алтай / Altay Republic	42,9
Архангельская область / Arkhangelsk oblast	42,5
Владимирская область / Vladimir oblast	41,8
Республика Карелия / Republic of Karelia	40,9
Средний уровень в группе / Average in the group	47,0

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

53 субъекта Российской Федерации относятся к группе со средним уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности: от 14,0 в Республике Дагестан до 39,3 в Вологодской области. Средний уровень – 25,0. Территориальный индекс – 0,9.

Четыре региона можно отнести к группе с уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности ниже среднего (табл. 9). Средний уровень – 4,3. Территориальный индекс группы – 0,2 (уровень получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности в группе в 6,6 раза меньше, чем в среднем по стране).

Таблица 9

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности ниже среднего

Table 9. The Russian Federation subjects included into the group with lower than average level of crime victims in rural areas with severe injuries to health

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Республика Ингушетия / Ingush Republic	7,0
Ставропольский край / Stavropol krai	5,7
Чеченская Республика / Chechen Republic	2,8
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of Northern Osetia - Alaniya	1,2
Средний уровень в группе / Average in the group	0,3

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Группа с низким уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности пустая – нет субъектов Российской Федерации, имеющих такой уровень получивших тяжкий вред здоровью от преступлений.

Выводы

В результате проведенного исследования был составлен прогноз числа зарегистрированных преступлений в сельской местности на 2022 г. Моделью (основной тенденцией) сельской преступности с 1 января 2019 г. по 1 октября 2021 г. было равномерное прямолинейное снижение: постоянное ежемесячное снижение –1,1 тыс. преступлений. Надежность аппроксимации – 98,4 % (рис. 2). Эта модель характеризует ситуацию, когда действие криминогенных факторов нейтрализуется воздействием антикриминогенных. Если экстраполировать эту модель на следующий год, то в 2022 г. в сельской местности будет зарегистрировано 360 тыс. преступлений.

Таким образом, если криминальная ситуация в сельской местности не изменится, а также с учетом общепринятой ошибки прогнозирования (около 7–10 %) можно предположить, что в 2022 г. в сельской местности Российской Федерации будет зарегистрировано от 331,2 тыс. до 388,8 тыс. преступлений.

Подводя итог анализу состояния преступности в сельской местности, следует отметить, что официальные данные о состоянии преступности в сельской местности вызывают столь же обоснованные сомнения, как и уголовная статистика в целом по Российской Федерации. Обвальное сокращение преступлений в сельской местности не вытекает из происходящих социальных изменений на селе, дает основание полагать, что причиной такого сокращения является нарушение учетно-регистрационной дисциплины со стороны работников органов внутренних дел [12. С. 155–222; 5. С. 250–260; 6. С. 188–197; 7. С. 4–20].

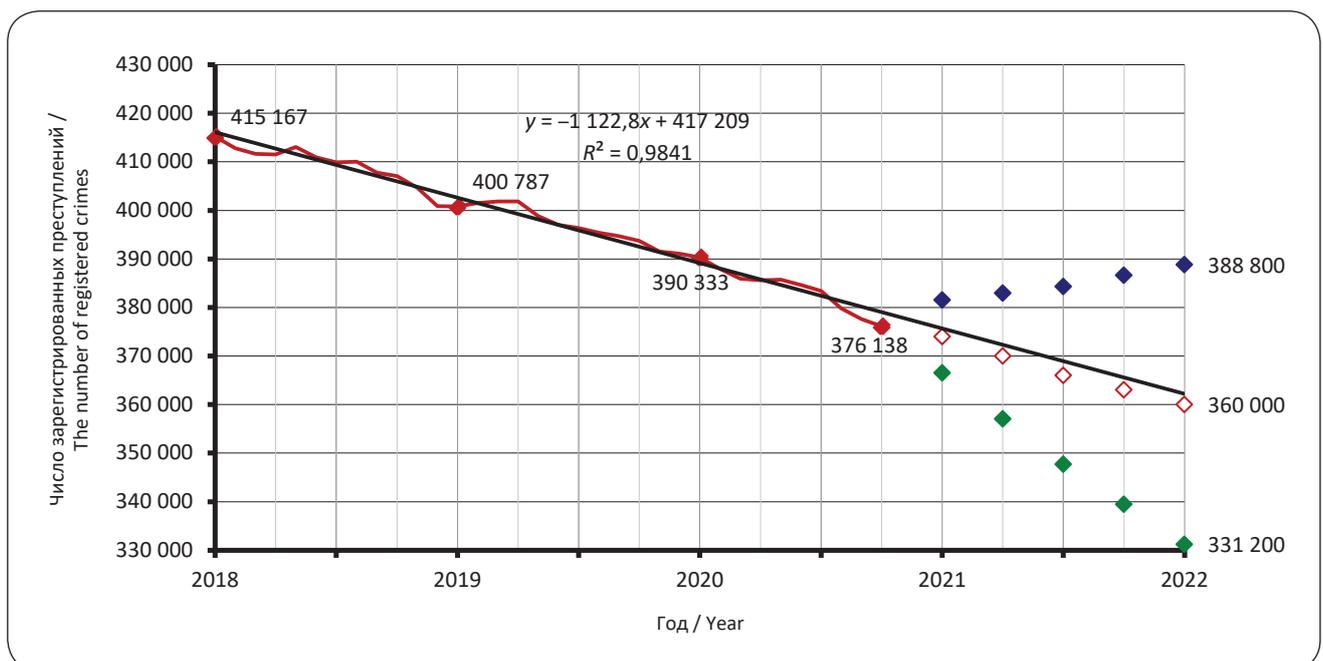

Рис. 2. Динамика числа зарегистрированных преступлений в сельской местности (2009–2021 гг.) и ее прогноз на 2021 и 2022 гг.

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Fig. 2. Dynamics of the number of registered crimes in rural areas (2009–2021) and its forecast for 2021 and 2022

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Санкционный режим, в котором оказалась Россия, достаточно сильно повлиял на экономику нашей страны, но сложившаяся ситуация также способствовала тому, что государство активизировалось и предприняло необходимые шаги на пути к увеличению объемов сельскохозяйственного производства и развития сектора в целом [13]. Однако без широкомасштабной борьбы с преступностью в сельской местности развитие села будет крайне затруднительным.

Список литературы

1. Великий П. П., Бочаров Е. В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социс. 2012. № 1. С. 126.
2. Петровский А. В. Преступность и ее предупреждение в сельских районах Краснодарского края и Республики Адыгея // Теория и практика общественного развития. 2020. № 10 (152). С.40–45.
3. Тезаурус социологии: темат. словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
4. Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социс. 2011. № 5. С. 24–35
5. Современная криминологическая характеристика преступности в сельской местности / Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди, Д. К. Чирков, А. А. Литвинов и др. // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 250–260. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.08.2014.1.250-260>
6. Современная криминологическая характеристика преступности в сельской местности (продолжение статьи) / Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди, Д. К. Чирков, А. А. Литвинов и др. // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2. С. 188–197. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.08.2014.2.188-197>
7. Современные тенденции преступности в сельской местности: научный подход к данной проблематике / Д. К. Чирков, А. А. Литвинов, Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди // Национальная Безопасность / Nota Bene. 2014. № 1 (30). С. 4–20.
8. Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социс. 2014 № 1. С. 16–19.
9. Блинова Т. В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 2. С. 14–19.
10. Моделирование факторов, влияющих на снижение смертности сельского населения России / Т. В. Блинова, С. Г. Былина, В. А. Русановский // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 2 (81). С. 21–25.
11. Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России / Т. Коссова, Е. Коссова, М. Шелунцова // Экономическая политика. 2017. № 1. С. 58–85.
12. Сельская преступность в России: современные тенденции и меры противодействия / Д. К. Чирков, А. А. Литвинов, Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди // Вопросы безопасности. 2013. № 6. С. 155–222. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.6.10530>
13. Подколзина И. М., Павлюк А. В. Обеспечение устойчивого развития экономики сельского хозяйства в рамках инновационного подхода // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1. С. 23–27.

References

1. Velikii, P. P., Bocharov, E. V. (2012). De-peasanting as an indicator of destructive transformation of the Russian agrarian sphere. *Sotsis*, 1, 126 (in Russ.).
2. Petrovsky, A. V. (2020). Crime and its prevention at rural areas of the Krasnodar territory and the Republic of Adygea. *Theory and Practice of Social Development*, 10 (152), 40–45 (in Russ.).
3. Toshchenko, Zh. T. (Ed.). (2009). *Thesaurus of sociology: thematic dictionary – reference book*. Moscow, YuNITI-DANA (in Russ.).
4. Tikhonova, N. E. (2011). Lower class in the social structure of Russian society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 5, 24–35 (in Russ.).
5. Antonov-Romanovskiy, G. V., Koimshidi, G. F., Chirkov, D. K., Litvinov, A. A., Trushenko, A. N. (2014). Modern criminological characteristics of crime in rural areas. *Actual Problems of Economics and Law*, 8 (1), 250–260. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.08.2014.1.250-260>
6. Antonov-Romanovskiy, G. V., Koimshidi, G. F., Chirkov, D. K., Litvinov, A. A., Trushenko, A. N. (2014). Modern criminological characteristics of crime in rural areas (continuation). *Actual Problems of Economics and Law*, 8 (2), 188–197. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.08.2014.2.188-197>

7. Chirkov, D. K., Litvinov, A. A., Antonov-Romanovskiy, G. V., Koimshidi, G. F. (2014). Modern crime trends in rural areas: scientific approach to the problem. *Natsional'naya Bezopasnost / Nota Bene*, 1 (30), 4–20 (in Russ.).
8. Tikhonova, N. E. (2014). Poverty phenomenon in contemporary Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1, 16–19 (in Russ.).
9. Blinova, T. V. (2018). Demographic threats and limitations of the development of rural territories in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2, 14–19 (in Russ.).
10. Blinova, T. V., Bylina, S. G., Rusanovskiy, V. A. (2020). Modelling of factors that reduce death rate of rural population in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2 (81), 21–25 (in Russ.).
11. Kossova, T. V., Kossova, E. V., Sheluntsova, M. A. (2017). Estimating the impact of alcohol consumption on mortality and life expectancy in Russian regions. *Economic Policy*, 1, 58–83 (in Russ.).
12. Chirkov, D. K., Litvinov, A. A., Antonov-Romanovskiy, G. V., Koimshidi, G. F. (2013). Rural crime in Russia: modern tendencies and countermeasures. *Security Issues*, 6, 155–222 (in Russ.). <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.6.10530>
13. Podkolzina, I. M., Pavlyuk, A. V. (2018). The sustainable development of the rural economy in the framework of the innovative approach. *Economic Problems and Legal Practice*, 1, 23–27 (in Russ.).

Вклад авторов

Г. Ф. Коимшиди проводил аналитическую работу статистических данных и совместно с Д. К. Чирковым является главным исследователем.

Д. К. Чирков является главным координатором и исследователем по подготовке рукописи.

А. А. Литвинов проводил обзор литературы и обобщение статистических форм ГИАЦ МВД России.

The author's contribution

G. F. Koimshidi carried out analytical processing of the statistical data and, together with D. K. Chirkov, is the main researcher.

D. K. Chirkov is the chief coordinator and researcher who prepared the manuscript.

A. A. Litvinov performed the literature review and summarization of the statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Дата поступления / Received 04.01.2022

Дата принятия в печать / Accepted 20.07.2022

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор *П. А. Кабанов* / Persons in charge of selection *P. A. Kabanov*

Редактор рубрики *Дж. Шаббар* / Rubric editor *J. Shabbar*

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.625-665>

УДК 343.1:343.8:343.9(73)

Р. А. ЛЕО¹

¹ Университет Сан-Франциско, г. Сан-Франциско, США

ПРОБЕЛЫ ПРАВОСУДИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ричард А. Лео, профессор права и социологии, Университет Сан-Франциско
E-mail: rleo@usfca.edu

Аннотация

Цель: обобщение и изучение правоприменительных ошибок во время предварительного расследования, судебного следствия и исполнения приговора в американской уголовно-исполнительной системе.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: в работе достаточно подробно описаны и раскрыты четыре основных причины правоприменительных ошибок, которые встречаются во время предварительного расследования, судебного следствия и исполнения приговора в американской уголовно-исполнительной системе. К ним относятся: ложное признание, ошибочное опознание свидетеля, ошибка судебной экспертизы, ложное свидетельство информатора в местах лишения свободы. Неслучайно поэтому основной задачей эмпирических исследований криминологов и других ученых по минимизации правоприменительных ошибок в сфере уголовного судопроизводства за последние десятилетия стало требование о большей прозрачности в процессе сбора доказательств, а также развитие и внедрение лучших практик, основанных

© Лео Р. А., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<http://rusjel.ru>) 25.09.2022

© Leo R. A., 2022.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* and *The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* (CCJLS) и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Leo, R. A. (2014). *The Justice Gap and the Promise of Criminological Research*, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 1–37.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/419-the-justice-gap-and-the-promise-of-criminological-research>

на социологических исследованиях. Развитие концептуального знания важно не только для создания системных, обобщающих и фундаментальных подходов к проблеме правоприменительных ошибок, но и чтобы показать законодателю, что на чаше весов – судьбы людей, а также существенные социально-правовые издержки.

Научная новизна: в работе рассмотрены существующие проблемы в американской уголовно-исполнительной системе, которые встречаются на этапе предварительного расследования, судебного следствия и исполнения приговора. Среди них проблемы полицейских допросов, ложных признаний и судебных ошибок, приводящих к осуждению невиновного.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с минимизацией правоприменительных ошибок, которые встречаются на этапах предварительного расследования, судебного следствия и исполнения приговора в американской уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: правосудие, криминология, полицейский допрос, ложное признание, судебная ошибка, правоприменительная ошибка

Благодарности: автор выражает благодарность Hank Fradella, Val Jenness, David Johnson и Kim Richman за полезные предложения.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Лео Р. А. Пробелы правосудия и перспективы криминологического исследования // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16, № 3. С. 625–665. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.625-665>

The scientific article

R. A. LEO¹

¹ University of San Francisco, San Francisco, USA

THE JUSTICE GAP AND THE PROMISE OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Richard A. Leo, Hamill Family Professor of Law and Social Psychology, University of San Francisco
E-mail: rleo@usfca.edu

Abstract

Objective: to summarize and study the law-application errors during preliminary interrogation, court investigation, and conviction in the American criminal justice system.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

The article was first published in English language by *Criminology*, *Criminal Justice, Law & Society* and *The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Leo, R. A. (2014). The Justice Gap and the Promise of Criminological Research, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 1–37.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/419-the-justice-gap-and-the-promise-of-criminological-research>

Лео Р. А. Пробелы правосудия и перспективы криминологического исследования
Leo R. A. The Justice Gap and the Promise of Criminological Research

Results: the work describes in detail and considers four main causes of law-application errors occurring during preliminary interrogation, court investigation, and conviction in the American criminal justice system. These include: false confessions, eyewitness misidentification, forensic error, and perjured jailhouse informant testimony. Hence, it is not accidental that the main task of empirical research of criminologists and other researchers in the past two decades has been a call for greater transparency in the evidence-gathering process and the development and implementation of best practices based on social science research. Developing conceptual knowledge is important not only for creating a more systematic, generalizable and respectable criminology of wrongful conviction, but also to better inform policy-makers' understandings that people's lives may be at stake, as well as trade-offs of wrongful convictions.

Scientific novelty: the work considers the current problems in the American criminal justice system, that occur during preliminary interrogation, court investigation, and conviction. Among them are the problems of police interrogations, false confessions and court errors, leading to wrongful convictions.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the minimization of errors occurring at the stages of preliminary interrogation, court investigation, and conviction in the American criminal justice system.

Keywords: Justice, Criminology, Police interrogation, False confession, Judicial error, Law-application error

Acknowledgements: I thank Hank Fradella, Val Jenness, David Johnson, and Kim Richman for helpful suggestions.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Leo, R. A. (2022). The Justice Gap and the Promise of Criminological Research. Russian Journal of Economics and Law, 16 (3), 625–665. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.625-665>

*«В том крохотном мире, где существуют дети, – говорит Пип в «Больших надеждах» Диккенса, – ничто не воспринимается так тонко и не чувствуется так остро, как несправедливость...»
Однако обостренное восприятие явной несправедливости характерно и для мира взрослых.
Нами движет, и это вполне логично, не столько понимание того, что мир не во всем справедлив, ведь мало кто этого ожидает, сколько то, что вокруг существуют легко исправимые несправедливости, которые мы хотим устранить.*

Амартия Сен «Идея справедливости» [1. Р. VII]

Получение академической награды – это всегда большая честь, особенно если она явилась результатом карьерных достижений, ведь такая награда служит выражением признания многих часов, дней, недель и лет одинокого, часто никем не видимого труда исследователя, а также, разумеется, качества и значимости этого труда. Однако, чувствуя заслуги отдельного ученого, легко забыть о роли всего научного сообщества. В мире крайне мало вещей, которые делаются в одиночку, и академические исследования не являются исключением. Наука – это всегда коллективный труд [2].

Как и все мы, я чрезвычайно благодарен людям, которые ввели меня в мир криминологии. На протяжении моей трудовой биографии я имел счастье учиться у таких выдающихся криминологов, как Франк Зимринг, Джером Сколник, Малькольм Фили, ныне покойный Шелдон Мессингер (*Frank Zimring, Jerome Skolnick, Malcolm Feeley, Sheldon Messinger*), а позже работать вместе с великолепными специалистами, такими как Джоан Петерсилия, покойный Гилберт Гейс, Генри Понтел, Черил Максон, Майкл Готтфредсон, Элиот Карри (*Joan Petersilia, Gilbert Geis, Henry Pontell, Cheryl Maxson, Michael Gottfredson, Elliott Currie*). Все они были лауреатами премии Пола Таппана Западного общества криминологии. В том числе поэтому получение этой премии – огромная честь для меня.

Исследования моих учителей и коллег в области криминологии, как и практически всех членов упомянутого общества, имеют одну общую черту. Независимо от методологического подхода или излюбленной теории, все мы стремимся в той или иной форме посредством наших исследований помочь системе уголовного правосудия стать более справедливой – или, говоря словами нобелевского лауреата по экономике Амартия Сен, устранить «явные несправедливости вокруг нас» [1. Р. VII]. Я называю это явление пробелом правосудия. Его можно определить как разницу между обещанием справедливости, заложенным в наши формально демократические правовые институты, и фактическим отправлением правосудия в реальной деятельности этих институтов.

Наши лучшие криминологические исследования направлены на понимание и ликвидацию этих пробелов правосудия. Среди самых ярких примеров – работы, посвященные тюрьмам и результатам тюремного заключения [3–6], соглашениям о признании вины и уголовным судам низших инстанций [7, 8], смертной казни [9–11], ювенальной юстиции [12, 13], деятельности полиции [14–16]. Эти работы имеют определенную цель, направленную на решение какой-либо проблемы [17], и они показывают, что криминологические исследования способны закрыть пробелы правосудия в отношении конкретных правовых практик и институтов и дать понимание направления реформ для их ликвидации или, по крайней мере, уменьшения. Криминологи находятся в уникальном положении: именно они могут выявить и изучить пробелы правосудия в правовой системе Америки, поскольку обладают как навыками методологически строгих эмпирических исследований, так и знанием фактического материала в указанной области. Другими словами, именно криминологи могут определить проблему и предложить варианты ее решения.

В данной статье мы обсудим влияние нескольких пробелов в американской системе уголовного правосудия на сферу моей исследовательской деятельности. В частности, мы рассмотрим проблемы полицейских допросов, ложных признаний и судебных ошибок, приводящих к осуждению невиновного, а также практические шаги по совершенствованию качества отправления правосудия в этих сферах. Как и другие исследователи, я считаю необходимым изучить широкий спектр взаимосвязанных вопросов, чтобы продвинуть общий уровень знаний в данной области; это позволит многим заинтересованным лицам: ученым, сотрудникам правоохранительных органов, законодателям, представителям СМИ и простым гражданам – лучше понять, как образуются пробелы правосудия и что можно сделать для их ликвидации. Надеюсь, что эта работа отразит широкий научный взгляд на различные проблемы американского правосудия, включая проблемы полицейских допросов, ложных признаний и ошибочного осуждения невиновных.

Допрос (с принуждением) и (ложное) признание Бредли Пейджа

Осенью 1984 г. я был старшекурсником Калифорнийского университета в Беркли. Там же учился и Бредли Пейдж, хотя мы не были знакомы. 4 ноября 1984 г. его девушка, Роберта Биби Ли, также студентка Беркли, пошла на пробежку в парк Редвуд в районе Окленд Хиллз и не вернулась. Пять недель спустя, 9 декабря 1984 г., ее найдут неподалеку убитой тремя сильными ударами в основание черепа. Хотя против Пейджа не было никак улик, следователи из полиции Окленда сразу решили, что именно он убил Ли, по той единственной причине, что был ее парнем, как позже объяснил один из детективов в телевизионном выступлении. Пейджа вызвали на допрос на следующий же день. Через 16 часов непрерывного допроса с использованием методов давления Пейдж дал неясные, спутанные и умозрительные признательные показания в убийстве Биби Ли и последующем изнасиловании ее трупа. На первом заседании в 1986 г. суд присяжных обвинил Пейджа в преднамеренном убийстве первой и второй степени, однако позже, во время второго суда в 1988 г., он был осужден за умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах и провел почти три года в тюрьме штата.

Дело Пейджа изучали многие специалисты и пришли к выводу, что, по многим признакам, его признание было ложным и что нет никаких улик, связывающих его с этим преступлением [18–22]. Тщательно проанализировав все первичные документы по делу Пейджа, я также считаю, что его признание абсолютно ложно [19, 20] – «полная чушь», по словам известного социального психолога Эллиота Аронсона¹ – и что Пейдж

¹ Elliott Aronson. Eye to Eye with Connie Chung [Television news broadcast]. (1994, January 13). New York, NY: CBS Broadcasting, Inc.

совершенно невиновен в смерти Ли, за которую он был ошибочно осужден и заключен в тюрьму. Признательные показания Пейджа содержат многочисленные признаки недостоверности, которые, как мы теперь знаем, характерны для ложных показаний [23]. В них содержится огромное количество явных ошибок, физически невозможных свидетельств, противоречий, нестыковок, неправдоподобных утверждений и несоответствий; его показания не совпадают с фактами, известными относительно этого преступления; не упомянуты детали, которые мог знать только истинный преступник, но не полиция; информация не подтверждается. Признание Пейджа несогласованно и противоречит физическим уликам. Рассмотрим, например, следующие факты:

1. Пейдж утверждал, что Ли умерла после того, как он ударил ее рукой, отчего она упала и потеряла сознание, при этом из носа у нее пошла кровь. Однако такой удар не мог убить Ли, так как не мог привести к появлению трех крупных переломов черепа, о которых в момент допроса не знали ни Пейдж, ни полицейские. (Позже стало известно, что смерть наступила от трех ударов по голове острым предметом.)
2. Пейдж показал, что после убийства изнасиловал Биби Ли (в тот момент такова была версия полиции), однако позже было установлено, что это было невозможно из-за трупного окоченения, а также при вскрытии не было найдено следов спермы.
3. По показаниям Пейджа, он занимался сексом с мертвым телом на одеяле, взятом из его машины, однако на одеяле не было никаких следов сексуальных действий; не было также пятен крови (от массивного кровотечения из обширных ран на голове), признаков отмывания пятен, волос Ли.
4. По словам Пейджа, он закопал тело Ли с помощью колпака от запасного колеса, которое было в его машине, однако волокна и частицы почвы с колпака не соответствовали ни волокнам с одежды Ли, ни почве, где было найдено ее тело.
5. Пейдж утверждал, что протаскал тело Ли по земле более ста ярдов до места захоронения, однако 16 следователей и шесть поисковых групп с собаками не нашли на земле следов крови, хотя провели на этом участке сотни часов начиная со следующего дня после ее исчезновения.

Помимо этого, полиция Окленда и обвинители округа Аламеда проигнорировали показания свидетеля, указывавшего на другого подозреваемого. Эта свидетельница, Карен Маркадт, сообщила, что видела бородатого мужчину, который заталкивал женщину в фургон возле парка Редвуд в день исчезновения Ли, а затем опознала Ли как женщину, которая боролась с этим мужчиной. Через двенадцать дней собака-ищейка определила запахи Ли на том месте, где Маркадт видела борьбу, при этом след никуда не привел, что соответствует тому, что Ли затолкали в машину. Кроме того, в 1994 г. в новостном шоу CBS «Eye to Eye» Майкла Иде опознали как возможного убийцу Ли. Десятилетие спустя Ричард Офши и я писали:

«Иде, неоднократно осужденный за убийства, говорил своим сокамерникам в тюрьме штата Вашингтон, что за десять лет до этого убил нескольких женщин в районе залива Сан-Франциско, из которых одна была не белой. Иде внешне напоминал человека, который заталкивал Ли в фургон в день ее исчезновения. Известно, что Иде находился в тот период времени в том районе, и это преступление совпадает по типу действий и типу жертвы с другими преступлениями, совершенными им. Когда отдел шерифа округа Аламеда узнал об Иде, они изучили несколько дел об убийствах того периода и обнаружили, что ДНК Иде совпадает с ДНК, найденным на женщине, которая была похищена (как и Ли, согласно показаниям свидетельницы), убита (как Ли) и изнасилована (как, вероятно, Ли) в Ист Бэй через три недели после убийства Ли» [20. Рр. 357–358].

Кроме того, что внешность Иде совпала с описанием похитителя Ли, тем самым подтверждая показания Маркадт, он также работал в тот период доставщиком в шести милях от места убийства Ли и мог пользоваться фургоном. Однако обвинители из округа Аламеда проигнорировали эти данные и отказались заново открывать дело.

Независимо от того, убил Майкл Иде Биби Ли или нет, значимых доводов в пользу виновности Бредли Пейджа никогда не было, как и значимых улик, подтверждающих его ложное признание². Почему же он при-

² В опубликованном заключении Апелляционного суда штата Калифорния, где пересматривалось дело Пейджа, отмечено, что, кроме признательных показаний, против Пейджа были существенные улики [24. Р. 161]. Это утверждение ложно и, без сомнения, отражает предубеждающее влияние признания Пейджа на профессиональное суждение юристов. Признание Бредли Пейджа не позволило увидеть его невиновность [25].

знался? Потому что полиция применила обманные, манипулятивные и принуждающие методы и стратегии, которые в ходе длительного допроса запутали и запугали наивного молодого человека, заставив его (а) начать сомневаться в своей памяти; (б) на время поверить, что он мог потерять рассудок и убить свою девушку, хотя он этого и не помнит, а затем (в) придумать, как он мог сделать это, пытаясь угодить давящим на него следователям. В Оклендском отделении полиции Пейджа непрерывно допрашивали с 10:12 10 декабря до 02:15 11 декабря 1984 г. сначала два следователя (сержанты Харрис и Лейсер), затем на полиграфе (сержант Фурри), затем снова сержанты Харрис и Лейсер и наконец заместитель окружного прокурора округа Аламеда Арон Пейн и инспектор Кевин Леонг (полный отчет см. [18]). Некоторые эпизоды допросов были записаны, но полной записи нет, в том числе нет записи допроса после исследования на полиграфе.

Во время незаписанного допроса сержанты Харрис и Лейсер неоднократно обвиняли Пейджа в убийстве Ли; объявляли его отрицающие вину показания ложными, не соответствующими фактам; постоянно говорили о множестве улик, якобы имеющих против него; заявляли, что его вина объективно и неопровержимо доказана³. Сержанты Харрис и Лейсер повторяли, что Пейдж провалил допрос на полиграфе, что свидетели видели, как он убивал Биби Ли, что его отпечатки найдены на месте преступления; все это было ложью. Этот обвиняющий, предполагающий виновность метод допроса привел к тому, что Пейдж потерял уверенность в надежности своей памяти, начал сомневаться в себе и рассматривать возможность того, что он отключился и убил Ли в беспомощности. Когда Пейдж спрашивал, как он мог убить Ли и не помнить этого, Харрис и Лейсер повторяли, что он подавил свои воспоминания об убийстве. Они говорили, что если он хорошо постарается, то припомнит все. С каждым часом этого допроса Пейдж все больше путался, уставал, отчаивался, терял уверенность.

Харрис и Лейсер продолжали давить, угрожая Пейджу, что он проведет всю оставшуюся жизнь в тюрьме, если не признается в убийстве и не расскажет подробностей происшедшего. Пейдж поверил, что он каким-то образом убил Ли и что он проведет всю жизнь в тюрьме, и начал придумывать детали преступления. Сержанты убедили его придумать сценарий убийства. Лейсер велел Пейджу закрыть глаза и вспомнить, что произошло. Пейдж начал описывать, что ему представляется, но не мог назвать времени, места событий и своей мотивации. Затем, по словам Пейджа, следователи сообщили ему детали преступления, например, положение тела Ли, положение ран на голове и носу, способ захоронения; затем они репетировали его показания. Как отмечала Davis:

«Пейдж говорил, что следователи высказывали какое-либо предположение, а он воображал, как это могло происходить; либо они спрашивали его о чем-то, и он включал это в свой сценарий (например, использовал ли он ветку или камень или ударил ее головой обо что-то – то есть то, что полицейские могли предполагать на основе сведений о положении тела и характере ран). Позже Пейдж описывал этот процесс как конструирование истории, подобно кинофильму, т. е. он рассказывал о том, как мог бы убить Ли, если бы действительно убил ее» [18. Р. 2016].

Через несколько часов незаписанного допроса Харрис и Лейсер снова включили магнитофон, прошлись по отрепетированной истории и записали признательные показания Пейджа.

Практически сразу после дачи признательных показаний Пейдж отказался от них, сначала перед окружным прокурором, который в дальнейшем допрашивал его в отделении полиции Окленда, а затем и перед Харрисом и Лейсером. Однако этот отказ уже не имел значения. Как много лет спустя было показано в социологических исследованиях, когда обвинители приняли решение включить признание Пейджа в состав судебного обвинения против него, его осуждение по этому делу было предопределено [26, 27, 25]. Уже не имело значения, что его показания смутны, предположительны, непоследовательны, противоречивы и не подтверждаются уликами. В тот же год, когда состоялся первый суд над Пейджем, Верховный Суд США отмечал:

³ Как отметила Deborah Davis, Харрис и Лейсер «лгали [Пейджу] в течение всего допроса – о своих собственных мотивах, об уликах против него, о том, какие варианты действий ему доступны и каковы последствия этих действий» [18. Р. 220].

«Никакой другой тип свидетельств не является настолько глубоко пристрастным... При решении вопроса факту признания придается такой большой вес, что наличие признания делает любой другой аспект судебного заседания избыточным, и настоящий суд происходит практически только тогда, когда получено признание» [28. Р. 182].

Независимо от «глубоко пристрастного» влияния признания на жюри присяжных, Бредли Пейдж стал также жертвой своей эпохи. В то время еще не была так, как сейчас, развита социологическая наука в области ложных признаний – лишь спустя год появился фундаментальный труд Kassin и Wrightsman [29], в котором описывалась, типологизировалась и фактически впервые определялась эта область. Суд над ним состоялся за много лет до того, как в уголовной юстиции произошла революция, связанная с ДНК, позволившая освободить сотни невинных заключенных, некоторые из которых были приговорены к смертной казни [30, 31]. Оказавшись ложно обвиненным, Бредли Пейдж не обладал концептуальной терминологией, с помощью которой мог бы убедительно заявить о своей невинности. Его адвокаты не были обучены анализировать методы полицейского расследования, не понимали психологию полицейского давления и убеждения, не умели строить защиту против ложного обвинения, поскольку в то время эта область была совершенно не развита. В 1984 г. считалось, что «ложные признания делают только чудачки, и это происходит случайно» [32. Р. 1155]. Адвокат Бредли Пейджа привлек к защите одного из ведущих социальных психологов того времени, профессора Элиота Аронсона, но тот фактически никогда не изучал психологию полицейского допроса или психологию ложных признаний, сделанных в результате такого допроса.

Иными словами, в историческом смысле ситуация сложилась не в пользу Бредли Пейджа. Сделай он свое признание на десять лет позже, в 1994 г., на его стороне был бы огромный пласт научной социологической литературы в области допросов, принуждения, ложных признаний обвиняемых; его защитники были бы обучены оценивать методы допросов и распознавать ложные признания; многочисленные эксперты могли бы дать показания в суде, объяснив присяжным, каким образом психологические техники полицейских допросов могут приводить к ложным признаниям невинных [33, 34, 22].

Хотя я не был знаком с Бредли Пейджем, я размышлял о его деле многие годы. Когда он сделал свое признание, мы были одного возраста и учились на одном потоке в университете Беркли, который Пейдж так и не окончил. Я мог бы быть на его месте. Полицейские Окленда не просто принудили его к ложному признанию, которое привело к аресту, обвинению и тюремному заключению невинного, но также, как и во многих подобных случаях [19, 35], сломали ему жизнь [36]. К тому же, если Биби Ли действительно убил Майкл Иде, полиция Окленда дала возможность преступнику насилловать и убивать других женщин.

Что происходит на допросе

Осенью 1990 г., когда Бредли Пейдж все еще был в тюрьме, я поступил в аспирантуру университета Беркли по программе юриспруденции и социальной политики. В то время мои исследовательские интересы сосредоточивались в основном на истории и практике полицейских допросов в США и приложении этой области к праву, государственной политике и правосудию. В частности, меня интересовало, чем полицейские допросы по тяжким преступлениям отличаются от допросов, описываемых в ходе заседаний апелляционных судов, и особенно Верховного Суда; тогда этот подход назывался изучением закона в действии [37]. Изучив литературу по теме, я с удивлением обнаружил, что эмпирических криминологических источников, описывающих и анализирующих полицейские допросы в Америке, практически нет. Моя диссертация должна была заполнить этот пробел.

Моя работа предполагала анализ архивных и исторических материалов (таких как отчеты государственных комиссий, сообщения СМИ, судебные дела, старые учебные пособия и материалы по ведению полицейских допросов и др.), а также документов современных дел (например, записей полицейских допросов, отчетов, записей досудебных и судебных расследований, современных учебных пособий и материалов по ведению полицейских допросов и др.). Возможно, самым важным было то, что я одновременно изучал 122 допроса по тяжким преступлениям в отделении полиции Окленда – именно в том отделении, в котором десятью годами

ранее Бредли Пейджа вынудили сделать ложное признание. Также я изучал видеозаписи 60 допросов по тяжким преступлениям в отделениях полиции Хейворда и Валледжо. Кроме того, я присутствовал и участвовал во множестве обучающих курсов и семинаров по ведению полицейских допросов в разных районах страны, в том числе в Отделе уголовных расследований отделения полиции Окленда, и брал интервью у многих следователей, подозреваемых, а также сотрудников системы уголовного правосудия – руководителей, обвинителей, судей. Среди них были сержант Ральф Лейсер, который (вместе с сержантом Харрисом) получил ложное признание Бредли Пейджа, и Кеннет Бурр, который выдвинул обвинение против Пейджа.

Эмпирические результаты и анализ, проведенные в рамках моей докторской работы [38], были опубликованы в нескольких статьях до и после защиты диссертации [39–41]. Я стал первым криминологом, который провел обширное количественное и качественное исследование и анализ процедуры допросов в США ([40, 41]; см. также [42]). Результаты этого эмпирического исследования позволили понять и уменьшить проблемы правосудия. Благодаря широкому охвату материала удалось проанализировать исторический переход от физических методов давления на допросе к психологическим манипулятивным и обманным техникам, возникшим на протяжении XX в., а также соответствующий сдвиг в нормах отношения общества к данной сфере и значительный рост профессионализма полиции. Кроме того, были отмечены более мелкие изменения, например, использование полицией различных психологических методов допроса (таких как обвинение, предъявление ложных улик, неприятие отрицания, ссылки на собственный интерес, минимизация и др.); сравнительная эффективность различных методов для получения признательных показаний; было показано, что полиция все в большей степени предупреждает задержанного о его правах согласно «правилу Миранды», при этом возникают различные новые стратегии в действиях полиции, направленные на то, чтобы подозреваемые отказались от своих прав по данному правилу; было установлено, что большинство подозреваемых по уголовным делам отказываются от своих прав по «правилу Миранды» и соглашаются на допрос, однако это гораздо менее распространено среди подозреваемых с уголовным прошлым (особенно по тяжким уголовным преступлениям); что большая часть допросов по тяжким уголовным преступлениям длится меньше часа [39–41]. В целом исследование было призвано пролить свет на один из самых первых и важных этапов судебного процесса.

Вскоре после того как моя диссертация вышла в свет, я обратился к социальной психологии в сфере полицейских допросов и получения признательных показаний. Проанализировав более 150 дел, Ричард Офши и я пришли к выводу, что полицейский допрос в США представляет собой последовательный двухступенчатый процесс, сочетающий психологическое давление и убеждение [43, 44]. На первом этапе следователь обычно использует несколько хорошо известных техник и стратегий допроса, пытаясь убедить подозреваемого, что он попался и не в силах изменить ситуацию. Следователь, вероятно, будет обвинять подозреваемого в совершении преступления, обрывать и блокировать отказы и возражения, прерывать или игнорировать уверения в невинности. Если подозреваемый сообщает об алиби, следователь заявит, что его слова несостоятельны, противоречат уликам или просто невероятны. Одна из самых эффективных техник, которые используются, чтобы убедить подозреваемого в безнадежности его положения, – это предъявить ему внешне объективные и неопровержимые свидетельства его вины, даже если таковых на самом деле не существует [26, 45, 43].

Ричард Офши и я предложили для этого метода название «уловка с ложной уликой» [43], и с тех пор ее широко исследовали психологи [46–54]. Американская полиция часто предъявляет подозреваемым сфабрикованные улики, например, несуществующих свидетелей, ложные признания поделщиков, ложные отпечатки пальцев, сфабрикованные видеозаписи или результаты исследования на полиграфе (как в деле Бредли Пейджа). Цель этой уловки – убедить подозреваемого, что улики против него убедительны и неопровержимы, вина его установлена и арест, обвинение и тюремное заключение неизбежны. Эти методы: обвинение, отметание возражений, отрицание алиби, предъявление реальных или несуществующих улик – часто повторяются по мере того, как усиливается давление. Они призваны повысить тревожность подозреваемого и лишить его уверенности в себе, показав, что допрос может закончиться только арестом [55, 56, 43, 44].

На втором этапе следователь будет стараться убедить подозреваемого, что выгоды от сотрудничества со следствием и признания перевешивают попытки сопротивления и отрицания, а значит, единственный способ улучшить свое безнадежное положение – это признаться в совершении правонарушения. При этом следователь дает понять, что в случае признания подозреваемый получит личные, моральные, общественные, процедурные, материальные, правовые или иные выгоды, а в случае отрицания своей вины – понесет соответствующие потери. В работах Ofshe и Leo [43, 44] было выдвинуто предположение, что эти побудительные аргументы могут простирается от ссылок на мораль до ссылок на возможную реакцию системы уголовного правосудия на признание или отрицание вины, и далее вплоть до явных или скрытых обещаний или предположений о снисхождении и угроз более сурового наказания. Иногда следователи дают понять – косвенно в форме предположения [57–61] или более явно, – что подозреваемый получит более легкое наказание, если признается, и более суровое наказание, если не признается [56]. В некоторых случаях принуждение состояло в откровенных угрозах наказания или иного вреда (например, угрозы, что будет назначен более долгий тюремный срок или смертная казнь, или угрозы причинения вреда членам семьи) и/или явных обещаниях снисхождения и/или освобождения от наказания (например, предложения освободить из-под стражи, назначить условный срок вместо реального или сократить срок).

Многие подозреваемые делают признание только после того, как следователи с помощью своих методов и техник убедили их, что для них признание является наиболее рациональным образом действия, в свете того, что они воспринимают как свои ограниченные возможности и последствия отрицания вины и отказа от признательных показаний [56, 43, 44, 62]. Психологическая логика современного допроса состоит в том, что иррациональные действия – признание вины в преступлении, которое, вероятно, повлечет за собой наказание, – представляется рациональным, особенно если подозреваемый уверен, что все улики против него и что его положение безнадежно и только сотрудничество с полицией может принести ему пользу [55, 56, 43, 44]. Одна из причин того, что психологические техники допроса так эффективны, состоит в том, что на подозреваемого безжалостно давят с точки зрения времени, побуждая его к признанию [43, 44]; подозреваемому не дают оценить реальные долгосрочные последствия признания вины, фокусируя его внимание на немедленной субъективной выгоде от прекращения давления на допросе [63, 64, 43, 44, 62].

Ложные признания: причины и последствия

Обзор литературы

Изучение психологической динамики техник допроса и их влияния на восприятие и решения подозреваемых позволило понять, как и почему в действительности возникают правдивые и ложные признания [56]. Позднее ряд социальных психологов провели лабораторные исследования того, как и почему определенные техники допроса вели к появлению как правдивых, так и ложных признаний; при этом оказалось, что некоторые техники чаще приводят к ложным признаниям [58, 65, 61, 66]. Ложные признания и ложная убежденность в своей вине, возникающая иногда у невиновных лиц, значительно усугубляют пробел правосудия, который существует в американской системе уголовного судопроизводства. Как показало дело Бредли Пейджа, этот эффект вызывает ряд серьезных вопросов: при наличии обширной системы конституционных прав и процедурных мер защиты, среди которых Пятая поправка, гарантирующая защиту от самообвинения, и требование доказательства «при отсутствии обоснованного сомнения», как стало возможным, что невиновный подозреваемый оговорил себя и был ошибочно осужден? Почему это случается так часто? Что можно сделать, чтобы предотвратить или, по крайней мере, минимизировать такие ложные признания и ошибочные приговоры?

В 1984 г. Бредли Пейдж мог показаться странным «чудаком» [32], но за последние 30 лет социологи зафиксировали и проанализировали сотни ложных признаний, сделанных под давлением полиции в американской системе уголовного правосудия [67, 26, 30, 27, 68, 69, 19, 70], и еще больше ошибочных приговоров невиновным [71, 72]. Теперь мы знаем сотни историй, подобных делу Бредли Пейджа, причем многие ошибочно осужденные провели в тюрьме гораздо больше времени. Более того, во множестве случаев полиции

удавалось получить ложные признания от нескольких невиновных подозреваемых [26]. Если вспомнить об исторических ценностях, на которых основана наша система уголовного правосудия, для американской правовой системы, вероятно, нет более тяжелой ошибки, чем осуждение невиновного [73, 56]. При этом до четверти ошибочных приговоров основываются, кроме прочего, на ложных признаниях, полученных в ходе полицейских допросов [71]. Как указывал покойный Welsh White, «как только полученное полицией ложное признание начинает восприниматься как истинное, риск ошибочного обвинения становится значительным» [74. Р. 185].

Хотя ложные признания очень распространены, большинство людей отказываются в них верить, что подтверждают многочисленные недавние опросы населения [75–79]. Большинство граждан отказываются поверить, что невиновного человека можно заставить признать свою вину в ходе полицейского допроса; тем самым возникает убежденность, что все признания истинные, если только подозреваемого не подвергали физическим пыткам или он не был психически болен. В одной из своих работ я назвал этот эффект мифом о психологических методах допроса [80]. Этот эффект подтвержден в исследованиях, упомянутых выше.

Миф о психологических методах допроса продолжает существовать по нескольким причинам. Большинство людей не знают, что происходит во время допроса, потому что не подвергались ему сами и не знают подвергавшихся ему людей лично. Кроме того, они не знают, как полицейских обучают допрашивать подозреваемых и каковы реально применяемые техники допроса. Следовательно, большинство людей не представляют, какие обманные, манипулятивные и стрессовые методы могут использовать следователи, чтобы получить признательные показания. Не знают они и о том, насколько часто эти методы приводили к ложным признаниям. Далее, большинство людей убеждены, что никто не станет действовать против своих интересов, иррационально или деструктивно по отношению к самому себе. Поэтому они предполагают, что невиновный человек не будет признаваться в преступлении, которого он не совершал, если только для этого не было понятной причины (такой как физическое принуждение или психическое заболевание).

Таким образом, большинство людей не могут представить, чтобы они сами сделали ложное признание, особенно в серьезном преступлении. В более общем смысле они становятся жертвами явления, которое социальные психологи назвали фундаментальной ошибкой атрибуции [81, 82]: это склонность приуменьшать влияние окружающей обстановки на поведение и считать, что поведение всегда является добровольным, даже в ситуации принуждения. Вероятно, социальных психологов не удивляет, что большинство людей считают ложные признания иррациональными, не понимают, как невиновный человек может признаться в преступлении, и уверены, что сами они никогда не признались бы в преступлении, которого не совершали, особенно тяжком, даже в ситуации психологического давления на допросе.

При этом ложное признание не является единым феноменом; оно вызывается комбинацией факторов. Проанализировав современную им литературу по психологии и праву, Kassin и Wrightsman [29] первыми выделили три типа ложных признаний: добровольные, сделанные под принуждением по мотивам сотрудничества, сделанные под принуждением по внутренней убежденности. Позднее эта типология подвергалась критике, модифицировалась, расширялась (обзор см. [56]), однако важно понимать, что побуждение к даче ложных признаний подчиняется трем концептуально различным психологическим процессам. Добровольные ложные признания делаются в отсутствие полицейских допросов, поэтому они объясняются внутренним психологическим состоянием или потребностями признающегося [83] или внешним давлением со стороны кого-либо, но не полиции [84]. Ложные признания по мотивам сотрудничества делаются в ответ на принуждение полиции, под влиянием стресса или давления, чтобы получить какую-либо инструментальную выгоду – обычно чтобы прекратить неприятную процедуру допроса, получить предполагаемое или обещанное снисхождение или избежать предполагаемого сурового наказания. Ложные признания по внутренним мотивам, или по убежденности, делаются в результате применения особых методов полицейского допроса, когда невиновный подозреваемый начинает сомневаться в своей памяти и считать (обычно только в течение короткого периода времени), что он мог совершить преступление, хотя и не помнит этого [43]. К последнему типу принадлежало признание Бредли Пейджа [18–20].

Так же, как ложные признания имеют различные причины, они имеют и разную логику. Если ложное признание сделано под давлением полиции, то этому предшествовал многоступенчатый процесс, направленный на оказание влияния, убеждение и подчинение, что обычно предполагает психологическое принуждение. При этом полицейские обычно выбирают для этого определенные условия проведения допроса; лица с известными чертами характера более восприимчивы к такому принуждению. Далее мы проанализируем три вытекающие одна из другой ошибки, которые возникают при получении ложного признания: (а) следователи ошибочно принимают невиновного человека за виновного; (б) этого человека допрашивают в обвиняющей манере, используя при этом фальшивые улики (уловка с ложной уликой) и часто явные или скрытые обещания и угрозы; и (в) как только ложное признание получено, вместе с обвиняемым составляется ложная история преступления, часто ему сообщаются детали, известные или неизвестные общественности. Ранее я предложил назвать эти ошибки соответственно ошибкой неверной классификации, ошибкой давления и ошибкой контаминации [56, 85].

Последовательность и нарастание ошибок

Ошибка неверной классификации. Первая ошибка возникает, когда следователи принимают невиновного человека за виновного. Как отмечено в работе Davis и Leo, «путь к ложному признанию начинается, что логично, с неверного определения подозреваемого полицией... Как только определены конкретные подозреваемые, полиция руководствуется при допросах презумпцией виновности» [86. Рр. 123–124]. Таким образом, решение приступить к допросу является ключевым моментом расследования. Если на этом этапе не произошло ошибки, то не будет и ложного признания, и ошибочного приговора. Другими словами, если бы полицейские никогда не допрашивали по ошибке невинных людей, они бы не получали ложных признаний. Это первая и, возможно, самая серьезная ошибка расследования.

К ней могут привести несколько взаимосвязанных факторов. Первый из них – недостаточная и неправильная подготовка к ведению допроса. Американских полицейских ошибочно учат тому, что они могут быть живым детектором лжи, способным с большой точностью отличить обман от истины [87, 88]. Например, следователей учат, что если человек отводит взгляд, горбится, меняет положение тела, ерзает, трогает свой нос, поправляет или протирает очки, грызет ногти, поглаживает затылок, то он с большой вероятностью лжет, а значит, виновен. Также считается склонным к обману, а следовательно виновным, тот, кто ведет себя сдержанно, отказывается помогать полиции, все отрицает или отвечает со знанием дела и по существу [87, 56]. Эти типы поведения и реакции – лишь несколько примеров из длинного списка так называемых невербальных и вербальных «поведенческих признаков» обмана, приводимого в учебных пособиях для следователей, по которому они должны определить подозреваемого как виновного и подвергнуть его обвинительному допросу [89–92]. Хотя обычно оговаривается, что ни один из невербальных и вербальных поведенческих признаков сам по себе не может служить доказательством лжи или правды, однако следователей учат, что они с уверенностью определяют, обманывает ли подозреваемый, если научатся интерпретировать язык тела, манеры, жесты, стиль речи. Некоторые инструкторы заявляют о невероятно высоких уровнях точности при определении лжи или правды, хотя и не приводят никаких подтверждений этой информации; например, обучающая компания *Reid & Associates* из Чикаго утверждает, что они могут научить следователей верно распознавать правду и ложь в 85 % случаев [88].

Глубоко укоренившееся среди полицейских убеждение, что следователей можно обучить с высокой точностью распознавать правду и ложь, является не только ошибочным, но и очень опасным [56]. Оно ошибочно, потому что основано на неверном представлении, которое прямо опровергается результатами практически всех опубликованных работ в этой области [93–96]. Социологические исследования неоднократно доказывали в различных контекстах, что люди плохо различают правду и ложь и часто ошибаются, определяя, говорят ли им правду или лгут. Большинство людей определяют это с точностью, не превышающей точности угадывания или случайного выбора (т. е. 50 %) [93, 97, 95]. Кроме того, было показано, что даже те, кто выносит такие суждения на регулярной основе в силу своей профессии – например, следователи, операторы полиграфа,

таможенники, судьи, психиатры [98] – обычно не могут отличить правду от лжи с точностью, существенно превышающей угадывание. То же подтверждают целенаправленные исследования полицейских следователей; они постоянно ошибались, определяя истинные и ложные отрицания вины [99–102]. Было показано, что метод поведенческого анализа, с помощью которого в компании *Reid & Associates* обучают следователей, на самом деле понижает точность суждений; на основании этого Kassin и Fong сделали вывод, что «метод *Reid* не является эффективным и, возможно, является даже контрпродуктивным для различения правды и лжи» [100. Р. 512]. Эмпирические исследования показали, что следователи и представители других профессий, занимающихся выявлением обмана, оказываются правы примерно в 45–60 % случаев [103], в среднем в 54 % [93].

Несложно понять, почему следователи так часто принимают невиновного человека за виновного. Не существует типа поведения или психологической реакции, которая была бы специфической для обмана, а значит, нет и единых признаков, подтверждающих, что человек говорит правду или лжет [104]. Те же самые реакции и жесты, которые инструкторы называют признаками лжи виновного, могут также быть правдивыми реакциями невиновного. Как отмечали Kassin и Fong (1999), «проблема также состоит в том, что люди, которых ошибочно обвиняют во лжи, часто демонстрируют признаки тревожности и другие типы поведения, неотличимые от поведения действительно лгущих людей» [100. Р. 501]. Таким образом, следователи, играющие роль живых детекторов лжи, полагаются на признаки, по которым в действительности нельзя диагностировать обман [92, 96, 91]. Напротив, учебные пособия приводят множество неверных описаний, часто представленных как неоспоримые факты – поведенческих признаков правды или лжи [105]. Как минимум один из известных инструкторов полицейских, президент компании *Reid & Associates* Джозеф Бакли, заявлял со всей определенностью: «Мы не допрашиваем невиновных» [103. Р. 36]. Как отмечал Alan Hirsch, «все больше свидетельств противоречит заявлению, что следователи, обученные в компании *Reid*, допрашивают только виновных» [105. Р. 821].

Этот распространенный в полицейской среде миф о способности следователя распознавать ложь является не только ошибочным, но и опасным по той очевидной причине, что, основываясь на нем, полицейский может неверно определить виновность подозреваемого по его «языку тела», а затем подвергнуть его обвиняющему допросу и добиться ложного признания. Например, полицейские города Эскондидо в штате Калифорния при допросе Майкла Кроува решили, что он лжет, а значит, виновен в убийстве своей сестры, потому что он казался «странно бесчувственным» по сравнению с другими членами семьи [74]. В округе МакГенри штата Иллинойс заместители шерифа пришли к выводу, что Гэри Годжер лжет, а значит виновен в жестоком убийстве обоих родителей, поскольку его эмоциональный отклик показался им недостаточным [106]. Следователи из города Пикскил, штат Нью-Йорк, посчитали Джеффри Десковица виновным в убийстве одноклассника не потому, что он был безэмоциональным, а, напротив, потому что он был чрезмерно обескуражен этой смертью [85]. Кроув, Годжер и Десковиц сделали ложные признания в убийствах; позднее их невиновность была доказана (однако Десковиц провел в тюрьме 16 лет, а Годжер – два года в камере смертников). Эти примеры не являются исключениями: в социологической литературе описано множество дел невиновных подозреваемых, которых подвергали допросам с принуждением (и в конечном итоге обвиняли по ложному признанию) только потому, что на начальном этапе их посчитали виновными из-за особенностей их невербального поведения [26].

Опасность мифа о «живом детекторе лжи» не только в том, что полицейские ошибочно классифицируют невиновных как виновных на основании самого ненадежного критерия [107], но также в том, что он существенно повышает веру полицейских в правильность их ошибочных суждений [100, 101, 108, 109]. Неадекватная уверенность в своих ошибочных суждениях – это большая проблема в работе следователя, так как цена ошибки очень высока – страдают свобода и репутация невиновного человека, а виновный избегает наказания и получает возможность снова совершить преступление. Ошибочные суждения по поводу обмана со стороны подозреваемого приводят к эффекту, который Meissner и Kassin [108, 109] назвали предубежденной реакцией следователя (т. е. склонность предполагать вину подозреваемого с полной или почти полной уверенностью). Чрезмерная уверенность следователя, который ошибочно принимает невино-

вного подозреваемого за виновного, не позволяет ему расследовать новые или имеющиеся зацепки, улики, теории, указывающие на других возможных подозреваемых. Как было показано в работах Kassin и других, ошибочные, но чрезмерно уверенные суждения по поводу обмана со стороны подозреваемого также повышают вероятность того, что невиновный подозреваемый будет подвергнут обвинительному допросу, в ходе которого следователи стараются получить информацию, подтверждающую их предварительные выводы о виновности, и отвергают улики, противоречащие этой версии [110, 111, 108, 109].

Выводы Kassin и его коллег соответствуют моим наблюдениям. Иногда следователи говорят, что их способности «живого детектора лжи» происходят от «шестого чувства», свойственного всем следователям полиции [112]. К сожалению, следователи зачастую принимают это чувство (или «инстинкт») за прямое доказательство вины подозреваемого и уверенно начинают агрессивный допрос. Проанализировав как доказанные, так и оспоренные признательные показания, я обнаружил, что следователи часто более уверены в виновности подозреваемого, чем позволяют объективные улики, и упорно не хотят рассматривать возможность, что их интуиция или анализ поведения ошибочны [26, 19]. Эти тенденции могут также усиливаться за счет профессиональной культуры, которая заставляет полицейских быть в целом более подозрительными и не поощряет признание своих ошибок и выражение сомнений в своих выводах [113, 114, 15].

Миф о «живом детекторе лжи» – лишь один из множества мифов, приводящих к ошибочным обвинениям невиновных людей, которые затем подвергаются агрессивным методам допроса и делают ложные признания. Другой миф состоит в том, что обученные офицеры полиции могут создать детальный и точный профиль подозреваемого путем изучения полицейских отчетов, фотографий с места преступления и других улик [85]. Например, в 1986 г., спустя примерно три месяца после изнасилования и убийства Лори Росетти, чикагские полицейские обратились к специалисту из ФБР Роберту Ресслеру, чтобы он составил профиль преступников по этому делу. Ресслер дал заключение, что преступление совершили молодые черные мужчины от 15 до 20 лет, от трех до шести человек, которые ранее отбывали наказание в тюрьме и жили недалеко от того места, где нашли тело Росетти [26]. Основываясь на этом заключении, следователи вышли на трех 17-летних черных: Маркелус Бредфорд, Ларри Оллинс и Омар Сандерс, которые жили неподалеку и уже успели побывать в местах лишения свободы. 27 января 1987 г. их начали допрашивать. Через 15 часов после начала допросов Бредфорд признался, что преступление совершили он сам, Ларри Оллинс и 14-летний двоюродный брат Ларри, умственно отсталый Кельвин. Последний также позднее дал признательные показания [26].

Хотя первоначальный анализ ДНК спермы, найденной на жертве, исключал причастность этих лиц, все четверо предстали перед судом. Ларри Оллинс, Кельвин Оллинс и Омар Сандерс получили пожизненные сроки, а Маркелус Бредфорд, который согласился признать свою вину и свидетельствовал против Ларри Оллинса, получил 12 лет. В 2001 г. было проведено новое исследование ДНК, которое окончательно опровергло какую-либо связь любого из этих лиц с изнасилованием и убийством Лори Росетти. Они были отпущены на свободу. Вскоре после этого полицией были задержаны Дуан Роах и Эдди «Бо» Харрис, которые дали признательные показания под видеозапись в изнасиловании и убийстве Росетти, что затем было подтверждено отпечатками пальцев и анализом ДНК. Роах и Харрис не подходили под описание Ресслера. Харрису было 46 лет в момент ареста и 31 год в момент убийства Росетти, а Роаху, соответственно, 38 и 23 года. По мнению полиции, преступление совершили только Роах и Харрис, а не шесть человек, как считал Ресслер [115].

Несмотря на обучение, опыт и профессиональную культуру, следователи, как и все люди, могут испытывать предубеждения при принятии решений и совершать ошибки [116]. Среди таких предубеждений – склонность придавать большое значение случайным событиям, делать выводы на основе неполной или нетипичной информации, интерпретировать неоднозначные улики таким образом, чтобы подтвердить свои предварительные выводы, и искать информацию, подкрепляющую существующие убеждения, при этом игнорируя или уменьшая значение иной информации. Все эти нормальные для человека предубеждения не только обильно представлены в работе полиции, но также поддерживаются за счет состязательного характера американской системы уголовного расследования [117, 56]. Как я показывал в других работах, следователи полиции не склонны признавать свои ошибки [118].

Ошибка давления: допросы с применением средств принуждения

Как только невиновный подозреваемый классифицирован как виновный, его часто подвергают обвинительному допросу. Это происходит потому, что обычно против невиновного подозреваемого нет существенных улик, а в отсутствие улик становится особенно важно получить его признание. Таким образом, чтобы успешно выстроить дело, следователю нужно признание. Напротив, если полицейские верно определили виновного и расследуют дело, обычно есть другие улики, и получение признания менее важно. Допрос и получение признания также особенно важны в тяжких делах, так как полицейские испытывают давление по поводу раскрытия преступления, а других улик может не обнаружиться [119]. Таким образом, огромное большинство задокументированных ложных признаний относятся к убийствам и другим тяжким преступлениям [26, 30, 69].

Как только начинается допрос, первоочередной причиной ложных признаний становятся применяемые полицией методы психологического давления, которые приводят к изменению восприятия ситуации подозреваемым, его ожиданий от будущего и мотивации от отрицания к признанию [43]. Под методами психологического давления мы подразумеваем одно из двух явлений: во-первых, это методы допроса, которые подавляют волю подозреваемого, например, обещания и угрозы; в психологии и юриспруденции они считаются методами принуждения. Во-вторых, это такие техники допроса, которые, действуя в совокупности, убеждают подозреваемого, что у него нет другого выбора, кроме как согласиться с требованиями следователя. Обычно они сводятся к методам из первой группы. Методы психологического давления включают также некоторые элементы допроса третьей степени по старой классификации, например, лишение (еды, сна, воды, доступа к туалету, например), изоляция, крайнее истощение и усталость. Однако в настоящее время эти методы применяются редко. Вместо этого полиция теперь обычно применяет (явные или скрытые) обещания снисхождения и угрозы более сурового обращения. Как писали Ofshe и Leo, «современный эквивалент резинового шланга – это скрытая угроза, выраженная в форме рассказа о последствиях» [44. Р. 1115]. Угрозы и обещания могут принимать различные формы, обычно их повторяют, развивают и усложняют в ходе допроса. Огромное большинство задокументированных ложных признаний в период после введения «правила Миранды» были получены в результате прямых и косвенных обещаний или угроз [26, 19].

Второй вид психологического давления – внушить подозреваемому, что у него нет другого выбора, кроме как согласиться со следователем. Он не сводится к какой-то одной технике, но часто является результатом совокупного воздействия различных методов допроса. Психологическая структура и логика современного допроса легко приводит к такому эффекту. Обстановка в местах лишения свободы и физические ограничения направлены на то, чтобы изолировать подозреваемого и лишить его всех возможностей. Допрос намеренно вызывает стресс и неприятные чувства, которые можно сделать более интенсивными и длительными. Техники допроса призваны внушить подозреваемому, что его вина установлена и несомненна, что никто не поверит его заверениям о невиновности и что, продолжая отрицать свою вину, он только усугубляет существующую ситуацию и конечный исход дела. Подозреваемые могут ощущать, что у них нет другого выбора, кроме как согласиться со следователем, по причине усталости, опустошенности или потому, что не видят другого способа прекратить невыносимый стресс. Некоторые из них, как Бредли Пейдж, начинают верить, что единственный способ уйти – это сделать, как говорит следователь. Другие соглашаются, так как считают, что это единственный способ избежать исхода, который их страшит (например, гомосексуального изнасилования в тюрьме). Если подозреваемые считают, что у них нет выбора, кроме как согласиться, это согласие и признание являются по определению недобровольными и расцениваются как полученные под давлением [43, 44].

Ошибка давления: уязвимые категории подозреваемых

Хотя психологическое давление является основной причиной ложных признательных показаний, индивидуумы различаются по способности выдерживать давление при допросе, а значит, и по их подверженности ложным признаниям [83]. При прочих равных условиях это наиболее внушаемые и уступчивые люди. Внушаемые люди обычно имеют более слабую память, более высокий уровень тревожности, низкую самооценку, низкий уровень уверенности в себе. Эти черты личности делают их более уязвимыми перед давлением, а значит,

вероятность ложного признания на допросе для них выше [120]. Внушаемость при допросе возрастает при лишении сна, усталости, синдроме отмены алкоголя или наркотиков [121–123]. Уступчивые люди стремятся избегать конфликтов, соглашаться, хотят угодить, особенно представителям власти [83].

Однако внушаемые и уступчивые люди – не единственные, кто особенно уязвим для давления при допросе в полиции. Сюда же относятся несовершеннолетние и лица с нарушениями интеллекта, когнитивными расстройствами и психическими заболеваниями.

Лица с нарушениями интеллекта. Нарушение интеллекта (ранее известное как умственная отсталость), несомненно, является нарушением умственных способностей, которое ограничивает возможности человека в области обучения, обработки и понимания информации [124]. Психологи обычно измеряют степень когнитивных нарушений через IQ или другие подобные тесты. Умственной отсталостью считаются показатели IQ ниже 70. Выделяют четыре степени умственной отсталости: легкая, умеренная, сильная, глубокая. Подавляющее большинство людей с умственной отсталостью (около 90 %) попадают в первую категорию [125]. Поскольку нарушения интеллекта не всегда заметны, иногда можно переоценить умственные способности индивида.

Умственно отсталые люди с большей вероятностью делают ложные признания по различным причинам [126, 125, 127, 128]. Во-первых, из-за того, что их интеллект функционирует ниже нормы (т. е. они имеют более низкие уровни сообразительности и внимания, более слабую память, слабые навыки размышления и общения), они простодушны, медленно думают, их легко запутать. Они не всегда понимают, что им говорят и каковы будут последствия их ответов. Им часто не хватает понимания причинно-следственных связей. Ограниченные интеллектуальные способности приводят также к ограниченному социальному интеллекту: они не всегда полностью понимают контекст и сложность определенных социальных взаимодействий и ситуаций, особенно соревновательных ситуаций, таких как допрос в полиции. Например, они могут не понять, что следователь, который кажется дружелюбным, на самом деле является их противником, или не улавливают долгосрочных последствий обвинительного заключения. Таким образом, они очень внушаемы и легко поддаются манипулированию. Кроме того, им не хватает уверенности в себе, способностей к решению задач, они склонны маскировать или скрывать свои когнитивные нарушения и обращаться за подсказками для своих реакций к другим людям, особенно авторитетным. По всем этим причинам люди с нарушениями интеллекта очень подвержены влиянию со стороны, в том числе недобросовестному влиянию, а также недостоверной информации. Поэтому их легко заставить согласиться с ложными или недостоверными утверждениями и повторять их, даже если это ведет к ложному обвинению.

Во-вторых, как отмечали многие исследователи, люди с нарушениями интеллекта хотят угодить другим. У них обычно высокая потребность в одобрении, поэтому они склонны уступать. Они адаптируются к своим когнитивным нарушениям, обучаясь подчиняться и соответствовать требованиям других людей, особенно обладающих властью [129, 130]. Из-за их желания угодить на них легко влиять и воздействовать в ситуации конфликта. Некоторые специалисты называют эту особенность «предвзятым ответом»: люди с нарушениями интеллекта отвечают в соответствии с тем, что, как они считают, хочет услышать их собеседник. Они скажут человеку, задающему вопросы, то, что, по их мнению, он ожидает услышать. Близка к этому черта, известная как синдром «обмана на проигрыш»: лица с нарушениями интеллекта с готовностью признают вину или дают заведомо неверные ответы, чтобы угодить, заслужить расположение, получить одобрение авторитетного человека [129]. Нетрудно видеть, как их уступчивость, особенно при общении с людьми, обладающими властью, может заставить их делать ложные признания во время допросов.

В-третьих, по причине когнитивных нарушений и заученного подражательного поведения лица с нарушениями интеллекта легко поддаются стрессу. У них не хватает психологических ресурсов, чтобы противостоять тому же уровню давления, стресса, тревожности, что и у людей с нормальным функционированием интеллекта [129, 130]. В результате они стремятся избегать конфликтов. Даже обычный уровень стресса, который намного ниже того, что бывает при обвинительном полицейском допросе, может восприниматься ими как чрезмерный. Поэтому они хуже выдерживают давление при допросе и скорее соглашаются с требованиями обвинителей, даже если знают, что делают ложное признание. Они склонны гораздо раньше согласиться со следователем,

чем люди с нормальным интеллектом, особенно если допрос продолжается долго. В последние годы появилось множество задокументированных ложных признаний людей с нарушениями интеллекта (см., например, [26]).

Несовершеннолетние лица. Молодые люди также находятся в группе риска по ложным признательным показаниям [131–133]. Детям и подросткам свойственны многие психологические черты, которые характеризуют лиц с нарушениями интеллекта. Многие несовершеннолетние также отличаются высокой степенью уступчивости. Они могут проявлять незрелость, наивно доверять людям, облеченным властью, уступать и стремиться угодить взрослым. Поэтому при допросах в полиции они склонны подчиняться. Кроме того, несовершеннолетние отличаются высокой внушаемостью. Как и лица с когнитивными нарушениями, они легко поддаются давлению, манипуляциям, их можно уговорить сделать ложное признание, в том числе ведущее к обвинению в преступлении. Также у несовершеннолетних (особенно у детей) снижены интеллектуальные возможности и способность к рассуждениям, они не вполне понимают сущность или серьезность допроса или долгосрочные последствия своих ответов на вопросы полицейских. Как и люди с нарушениями интеллекта, несовершеннолетние имеют ограниченные, по сравнению с нормальными взрослыми, речевые навыки, память, внимание, умение обработки информации. Они также менее способны выдерживать межличностный стресс, а значит, скорее начинают воспринимать обвинительный допрос как невыносимое давление. Все эти особенности показывают, почему несовершеннолетние более уязвимы перед обвинительным допросом и больше подвержены даже ложных признательных показаний.

Лица с психическими заболеваниями. Наконец, лица с серьезными психическими заболеваниями (например, психозами) также непропорционально подвержены даже ложных признательных показаний [134, 135], особенно в ответ на давление полиции. У них есть ряд психиатрических симптомов, благодаря которым они склонны соглашаться со следователем, предполагать или выдумывать ложную или недостающую информацию. Среди таких симптомов – ошибочное восприятие реальности, нарушения субъективного восприятия или убеждений, неспособность отличить факты от фантазии, склонность к чувству вины, повышенная тревожность, перепады настроения, недостаток самоконтроля [120]. Кроме того, психически больные могут страдать от недостаточности целенаправленного регулирования поведения, внимания и памяти; их можно легко запутать; они могут испытывать недостаток социальных навыков, таких как настойчивость [134]. Эти черты также повышают риск ложных признаний. Лица с психическими заболеваниями могут делать добровольные ложные признания, но их также легко склонить к признаниям по мотивам уступчивости. Как отмечает Salas, «психическое заболевание делает человека внушаемым и уступчивым перед малейшим давлением; принуждение может возникнуть гораздо легче, в ситуациях, которые “нормальный” человек не воспримет как ситуацию принуждения» [136. Р. 264]. В результате люди с психическими заболеваниями «особенно склонны либо к ложным признаниям, либо к непониманию контекста своих признаний, т. е. к тому, чтобы выступать против своих интересов, чего не сделает обычный подозреваемый» [136. Р. 274].

При этом необходимо подчеркнуть, что большинство ложных признаний полицейские получают от психически нормальных взрослых подозреваемых [26, 68].

Ошибка контаминации. Признание – это не только заявление «Я это сделал». Оно включает также развернутый рассказ, в ходе которого дается контекст и делаются попытки объяснить это заявление. Рассказ, сопровождающий признание, не был еще в достаточной мере исследован учеными, как и процедура допроса, приводящая к его появлению; однако это ключевой момент для верного понимания и оценки признательного показания и улики [19]. Движение подозреваемого от отрицания к признанию, часто происходящее очень тяжело, объясняется применением психологических методов давления при полицейском допросе, а также их взаимодействием с личностью подозреваемого. Но именно рассказ превращает простую констатацию вины в оформленное признание. Он делает признание вины подозреваемого убедительным, по крайней мере внешне. Содержание и словесное оформление этого рассказа частично объясняют, почему признательные показания считаются такой значимой уликой и иногда приводят к аресту, обвинению и осуждению невиновного [137, 56].

Следователи понимают важность этого этапа допроса. Они используют его, чтобы подправить, оформить, а иногда и составить рассказ подозреваемого. Их цель – получить убедительный рассказ, который позволит

предъявить обвинение подозреваемому и передать дело в суд. Для этого необходим правдоподобный сюжет; он должен содержать элементы, согласованные между собой и способные убедить слушателей. Особенно важно наличие явно или косвенно выраженного объяснения мотивов совершения преступления. Следователи прекрасно умеют придумывать, предполагать и/или получать от подозреваемого объяснение его мотивов; на самом деле техника «развития темы» – это просто метод приписывания подозреваемому мотива (обычно такого, который минимизирует его виновность), с которым подозреваемый соглашается, а затем повторяет его, даже если он совершенно неверен. Чтобы обвинить подозреваемого, гораздо важнее иметь правдоподобную историю, чем правдивую [56]. Чтобы повысить правдоподобие и убедительность признательных показаний, следователи стремятся сделать их внешне достоверными и аутентичными. Для этого они подталкивают подозреваемого объяснить свое признание велением совести, выразить раскаяние, привести яркие детали совершения преступления, которые подтвердят его вину. Кроме того, следователи стремятся сделать так, чтобы признание казалось добровольным, а они сами – лишь пассивными свидетелями признания.

Следователь помогает создать ложное признание путем давления на подозреваемого и сообщения ему деталей преступления. В результате возникает контаминация рассказа подозреваемого. Если только подозреваемый не узнал деталей преступления от очевидца, из разговоров соседей или средств массовой информации, невиновный человек не будет знать ни обычных, ни драматических подробностей происшедшего [19]. Поэтому рассказ невиновного подозреваемого будет изобиловать ошибками в тех местах, где верную информацию нельзя угадать. Конечно, если такая информация не подразумевается, предполагается или открыто сообщается подозреваемому, а это происходит, намеренно или ненамеренно, во многих делах с ложными признаниями [138, 19, 23].

Контаминация рассказа подозреваемого является, таким образом, третьей ошибкой полиции. В совокупности три эти ошибки приводят к получению и конструированию ложного признания. В другой работе я отмечал:

«Контаминация признания происходит потому, что (1) психологическая установка на презумпцию виновности, свойственная полицейскому допросу в Америке, способствует появлению и закреплению ошибки подтверждения, которая в свою очередь (2) заставляет следователей, внешне ненамеренно, предоставлять подозреваемым подробную информацию по делу в рамках обвинительных стратегий допроса до и после признания, однако (3) не существует внутреннего механизма корректировки, позволяющего установить и исправить ошибку классификации или технику допроса, способствующую подтверждению или сообщению информации. Другими словами, контаминация является обычным делом при ложных признаниях, поскольку психологические установки, присущие методам допроса в Америке, фактически не оставляют иного решения после того, как следователи выбрали невиновного подозреваемого для проведения допроса» [118. P. 211].

Контаминация во время полицейского допроса не очевидна, и ее трудно определить, поэтому риск ошибочного обвинения повышается [23]. Результатом ее становится то, что Gisli Gudjonsson [33] назвал искажением специальных знаний, – это подробности в рассказе подозреваемого, которые не были известны широкой публике и которые нельзя угадать, но которые были сообщены подозреваемому следователями; затем следователи утверждают, что эти подробности они узнали от подозреваемого [56]. Знание этих фактов часто преподносится как доказательство виновности. Считается, что если подозреваемый включает их в свой рассказ о преступлении, то он знает детали преступления, о которых может знать только преступник, следовательно, он виновен. В отличие от истинных знаний такого рода, искажение специальных знаний наносит вред, так как эффективно используется для обвинения невиновного человека. Если полицейские раскрывают невиновному подозреваемому факты о преступлении, о которых не сообщалось публично, а затем настаивают, часто даже под присягой в суде, что получили эту информацию от него, то они фактически фабрикуют против него ложные улики [138, 139].

Искаженные специальные знания – это важная улика, так как она подтверждает признание обвиняемого. Во многих документированных случаях ложных признаний прослеживается такой механизм или его элементы: когда признание обвиняемого начинает подвергаться сомнению, полиция полагается на искаженные специальные знания, пытаясь убедить обвинителей, что признание истинное; обвинители таким же образом

пытаются убедить судей и присяжных; защитники также ссылаются на искаженные специальные знания, чтобы убедить своих подзащитных признать свою вину и снизить наказание; опираясь на искаженные специальные знания, судьи и присяжные выносят ошибочные приговоры; апелляционные суды подтверждают эти приговоры, также руководствуясь искаженными специальными знаниями [140].

Таким образом, искажение специальных знаний превратилось, намеренно или нет, в серьезную проблему американской системы уголовного правосудия, поскольку это явление фактически гарантированно приводит к осуждению невиновного подозреваемого. Причина может быть в ненамеренном эффекте, или в сильном институциональном давлении к раскрытию преступлений (особенно тяжких), или в сочетании факторов, но искажение специальных знаний присутствует во множестве дел с документированными ошибочными приговорами, основанными на ложных признаниях. Например, изучение 63 дел, в которых приговор заключенному был пересмотрен в сторону оправдания по причине изучения ДНК и выявления ложных признаний, показало, что искажение специальных знаний имело место в 59 случаях (94 % дел) [139]. Поскольку искаженные специальные знания встраиваются в признательные показания обвиняемого и воспринимаются полицейскими и обвинителями как подтверждение вины, решить эту проблему очень сложно.

Последствия ложных признаний

Признание – это самое важное и убедительное свидетельство вины, которое можно предъявить против обвиняемого. Следовательно, ложное признание – это самое важное и убедительное ошибочное свидетельство вины, которое можно предъявить против невиновного обвиняемого. Бывший судья Верховного Суда США Уильям Бреннан отмечал, что «никакой другой класс улики не является настолько глубоко необъективным» [28. Р. 182]. Эта мысль полностью подтверждается социологическими исследованиями [26, 141, 142, 19, 143]. Наличие признания оказывает сильное влияние на мнение и решения официальных лиц в системе уголовного правосудия и на членов суда присяжных, поскольку большинство людей считают, что признательные показания, особенно подробные, являются истинными по определению. Таким образом, признательные показания определяют исход дела не в пользу обвиняемого, причем обычно перевешивают любые противоречащие им факты или улики [25, 19]. Если ложное признание предъявляется в судебном заседании против обвиняемого, то дело с большой вероятностью закончится ошибочным обвинением, даже если это признание получено в ходе допроса с применением сомнительных методов и не подкреплено другими свидетельствами.

Признание запускает в действие презумпцию виновности, внешне неопровержимую, по мнению чиновников от правосудия, представителей СМИ, широкой общественности и присяжных [25, 19]. В результате эта цепочка событий приводит к тому, что каждый из этих элементов системы оказывается предубежденным против обвиняемого; к нему станут относиться суровее на каждом этапе дознания и судебного процесса [40]. Для него существенно повышается вероятность лишения свободы до суда, предъявления обвинения, давления с целью заставить признать вину и пойти на сделку, быть осужденным. Кроме того, наличие признания создает свой собственный набор предубеждений, работающих на подтверждение виновности и перекрестную контаминацию [117], в результате чего и сотрудники системы правосудия, и присяжные интерпретируют остальную информацию по делу в наихудшем для обвиняемого свете. Например, неуверенное и противоречивое свидетельство очевидца могло быть быстро удалено из материалов дела при отсутствии признания, но вместо этого будет расцениваться как подтверждение валидности признания [144, 145]. При переходе дела от одного этапа процедуры уголовного правосудия к другому значимость ложного признания увеличивается, и становится все труднее исправить ошибку.

Роль полиции. Как только полиция получает признание, расследование обычно прекращается, дело считается раскрытым, больше не делается попыток получить какие-либо улики, даже если признание внутренне противоречиво, не совпадает с имеющимися фактами или получено под принуждением [19]. Признание служит подтверждением вины. Даже если по другому делу возникают улики, дающие возможность предположить или прямо показывающие ложность признания, полиция почти всегда продолжает считать, что подозреваемый виновен, а признание истинное [26, 19].

Еще одна причина, почему полиция обычно закрывает дело после получения признания, – это недостаточное понимание рисков, которые влекут за собой психологические методы давления на допросах и ложные признания [55, 19]. Обучающие материалы и программы по методам допросов появились в начале 1940-х гг., но в них до сих пор практически ничего не говорится о ложных признаниях, сделанных под влиянием полицейских методов, хотя их существование и последствия раскрываются во множестве опубликованных научных работ. Например, часто цитируют пособие Inbau и Reid, однако в нем об указанной проблеме впервые упомянули лишь в 4-м издании в 2001 г. И хотя при этом в пособие была добавлена целая глава на данную тему, в ней, как и во всех других американских пособиях и программах по допросам, продолжают настаивать, что предлагаемые в них методы не «приводят к признаниям невиновных» (это утверждение ошибочно и опровергается множеством эмпирических исследований ([87. Р. 212]; критические работы см. [55, 19, 83, 120, 19, 43, 44])). И хотя с тех пор Inbau и соавт. выпустили уже пятое издание этого пособия [146], Alan Hirsch отметил: «Оно во многом исказило или проигнорировало те важные аспекты, которые уже известны относительно ложных признаний, тем самым закрепив широкую распространенность этого тревожного явления» ([105. Р. 805]; см. также [147]). В результате американские полицейские плохо подготовлены в области психологии ложных признаний, они не знают, почему применяемые методы могут заставить невиновного человека признаться, в каких делах ложные признания особенно вероятны, как их распознать и предотвратить.

Роль участников юридического процесса. Презумпция вины и тенденция к более суровому обращению с теми, кто сделал признание, распространяется и на обвинителей. Как и полицейские, они редко рассматривают возможность того, что невиновный подозреваемый может дать признательные показания. Некоторые так скептически настроены, что упорно отказываются признать, что такое произошло даже после однозначного установления невиновности обвиняемого с помощью теста ДНК [103]. Как только подозреваемый признался, обвинители обычно стремятся приписать ему наибольшее количество различных правонарушений [43]; назначить самый высокий залог, особенно в делах с тяжкими преступлениями [19]; резко снижается вероятность предложения или согласия на сделку с целью снизить наказание [19]. Признание становится ключевым элементом обвинения.

Даже защитники часто воспринимают признавшихся как виновных и обращаются с ними суровее. На них часто давят с целью пойти на сделку, чтобы избежать более серьезного наказания, которое непременно будет назначено, если дело будет рассматривать суд присяжных [148]. Как отмечалось в решении Верховного Суда штата Калифорния, «признание производит эффект бомбы, которая разрушает защиту» [149. Р. 497]. Американские судьи склонны воспринимать признавшихся как виновных и назначать им более суровые наказания [19, 150]. Судьи обычно не верят заверениям обвиняемых в своей невиновности и ссылаются на ненадлежащее поведение полиции, а потому редко отклоняют признательные показания, даже самые сомнительные [151].

Если дело доходит до суда, то присяжные считают признание наиболее убедительной из всех улики, кроме видеозаписи совершения преступления, особенно если о признании становится широко известно до суда, как это бывает с почти всеми тяжкими преступлениями [142, 19, 143]. Таким образом, ложные признания с большой вероятностью ведут к неверным приговорам. Изучив 60 ложных признаний, Leo и Ofshe [19, 20] обнаружили, что в 73 % из таких дел, которые дошли до суда, были вынесены ошибочные приговоры; в исследовании Drizin и Leo [26] эта цифра составляла 81 % из 125 дел с ложными признаниями, а в работе Gould с соавт. [27] приводится цифра 88 % из 460 ошибочных и «частично ошибочных» приговоров (в 110 из которых было ложное признание).

Эти цифры очень примечательны. Если считать, что выборка репрезентативна, то они показывают, что ложное признание в деле, которое доходит до суда, влечет за собой вероятность от 73 до 88 %, что будет вынесен обвинительный приговор, даже если это признание не подтверждается никакими надежными уликами. В целом вышеуказанные работы показали, что ложное признание – это значимая улика для судьи и присяжных, потому что оно глубоко влияет на их оценку дела в направлении обвинения – настолько, что они позволяют ему перевешивать даже серьезные доказательства невиновности подозреваемого [25, 19]. Присяжные просто не обращают должного внимания на улики, опровергающие ложное признание, даже если оно было получено

под принуждением, а другие улики говорят о невиновности подозреваемого. Таким образом, ложное признание обладает высокой степенью предвзятости против невиновного обвиняемого в американской системе уголовного правосудия. Как отметил Welsh White, «система не имеет защитных механизмов, которые не позволили бы присяжным придавать непропорционально большое значение таким признаниям» [74. P. 155].

Большое количество осужденных в результате ложных признаний станет еще выше, если рассматривать также тех, кто согласился на сделку и не предстал перед судом: в работах Leo и Ofshe [19, 20] приводится цифра 12 % из 60 дел, а в работе Drizin и Leo [26] – 11 % из 125 дел. Если считать ложные признания в обеих выборках, которые не были отклонены до суда, то более 78 % в первой и более 85 % во второй выборке были осуждены ошибочно, по сделке или в результате судебного разбирательства.

Эти цифры хорошо согласуются с результатами экспериментов и опросов общественного мнения. Все они приводят к одному выводу – что признательные показания «обладают уникальной способностью» [141. P. 469] порождать предвзятость в пользу обвинения при истолковании фактов и приводить к ошибочным приговорам (см. также [19]). Экспериментально было показано, что участники инсценированного суда присяжных также считают признание более весомой уликой, чем любой другой тип улик [141, 143]. Kassin и Sukel [142] обнаружили, что признательные показания значительно увеличивают количество обвинительных приговоров даже в тех случаях, когда участники инсценированного суда присяжных считали, что они были получены под принуждением, и когда их инструктировали отклонять эти показания как неприемлемые; позднее они объясняли, что не могли вынести другое решение. Wallace и Kassin [150] показали подобные механизмы предубеждения у судей. Большинство американцев просто воспринимают признание как истинное. Если позднее ложные признания отзывают, то это не вызывает доверия или воспринимается как еще одно доказательство обмана, а значит, виновности [43].

Если подозреваемый, давший ложное признание, осужден, то приговор почти наверняка будет более суровым, а вероятность оправдательного приговора резко снижается [56]. При вынесении приговора судьи часто наказывают обвиняемых за то, что те заявляют о своей невиновности (поскольку на суд присяжных из-за них потрачены средства штата), а также за отказ выразить раскаяние и извиниться. Когда же обвиняемый осужден и заключен в места лишения свободы, его заявления о ложном признании и ошибочности приговора крайне редко воспринимаются серьезно чиновниками системы уголовного правосудия. Как указывает Gudjonsson [83], система уголовного правосудия плохо умеет обнаруживать, признавать и исправлять свои ошибки, особенно если осужден невинный человек. Действительно, при вынесении обвинительного приговора система официально признает вину подозреваемого, с уважением относится к вердикту присяжных и интерпретирует любые новые улики в свете, наиболее благоприятном для стороны обвинения.

До недавнего времени, пока не появились тесты ДНК, практически никто в системе уголовного правосудия не воспринимал серьезно заявления осужденного о невиновности и ошибочности приговора, особенно если приговор был вынесен на основе признательных показаний [32]. Большинство людей до сих пор по умолчанию считают приговоры правильными. Одна из причин этого в том, что система не имеет никаких стандартных механизмов пересмотра материально-правовой основы вынесения приговоров. Всегда речь идет лишь об официально дискредитированном слове осужденного против мнения целой системы. Если не произойдет какая-то счастливая случайность или вмешательство общественности, у несправедливо осужденного, который когда-то сделал ложное признание, не будет шансов официально доказать свою невиновность. Таким образом, ложные признания, сделанные под влиянием полиции, имеют наиболее тяжелые последствия из всех ошибок официальных лиц [25, 19].

Реформы правосудия

В моей работе меня интересовал не только эмпирический анализ психологических и социологических аспектов допросов в Америке, не только причины и следствия ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, но также обоснование реформ, призванных: 1) повысить качество полицейских допросов в Америке; 2) минимизировать количество ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, и 3) предотвратить

практику представления ложных и недостоверных признаний в суде и тем самым минимизировать риск ошибочных приговоров, вынесенных на их основе. Таким образом я надеялся способствовать закрытию пробела в системе правосудия с помощью двух реформ: введения электронной записи полицейских допросов и досудебных слушаний с целью подтвердить истинность признания. Я был в числе первых социологов в Америке, кто выступал за введение полной электронной записи полицейских допросов [41, 56, 152], а также первым, кто предложил ввести проверку сомнительных признаний на досудебном этапе, прежде чем они будут приняты как улики в суде [153, 154, 23].

Электронные записи полицейских допросов

Когда в начале 1990-х я только начинал исследования полицейских допросов и признаний, требование электронной записи было в законодательстве лишь одного штата (Аляски). Теперь, в конце 2014 г., т. е. более чем 20 лет спустя, это требование существует в форме закона в 19 штатах и округе Колумбия⁴ для всех или некоторых преступлений, а еще в двух штатах (Гавайи и Род-Айленд) является принятой практикой [155]. Кроме того, сотни отделов полиции по всей стране теперь добровольно делают такие записи, хотя это и не требуется по закону в их юрисдикциях [156]. Произошли изменения, которые были немыслимы два десятилетия назад, когда я начинал исследования в этой области.

Эти изменения в законодательстве и практике произошли не случайно. За последние 20 лет развернулось движение за узаконивание и внедрение электронной записи полицейских допросов, которая стала возможной благодаря развитию видеотехнологий в 1980-е гг. Этот вопрос все больше обсуждался в апелляционных судах в 1990-е, проекты законов неоднократно вносились на рассмотрение и были приняты во многих штатах в 2000-е. Возможно, самым значительным импульсом для ученых, активистов, специалистов в сфере уголовного правосудия и законодателей стали многочисленные сообщения в прессе об оправданиях невинно осужденных на основании тестов ДНК в середине 1990-х гг. Благодаря этим сообщениям стало уделяться больше внимания практикам полицейского допроса и ложным признаниям. Также стало больше призывов ввести обязательные электронные записи допросов, чтобы можно было оценить достоверность показаний.

Я участвовал в этом движении с начала 1990-х гг., не только документируя и анализируя ложные признания и их последствия в рамках своего исследования, но и выступая перед широкой публикой и законодателями в рамках своей общественной и профессиональной деятельности. Я постоянно рассказывал о полицейских допросах, ложных признаниях, о необходимости ввести электронные записи допросов таким профессиональным группам, как судьи, адвокаты по уголовным делам, полицейские, судебные психологи и психиатры, следователи, помощники юристов. Много лет я регулярно выступал в законодательных и судебных подкомиссиях органов власти на уровне штатов. Также я много работал в области печатных и электронных средств массовой информации – вел авторские колонки, выступал на телешоу и в печати, предоставлял материалы репортерам и журналистам, ведущим расследования. В определенном смысле миссия всей моей профессиональной жизни состояла в том, чтобы закрыть пробел правосудия с помощью знаний, которые я различными путями доносил до общественности и властей, – знаний о том, как возникают ложные признания, сделанные под влиянием полиции, почему они иногда приводят к осуждению невинных и что можно сделать, чтобы предотвратить их.

Важнейшим изменением в этой области стало введение обязательной полной электронной записи полицейских допросов. Центральным моментом практически любого ложного признания, сделанного под влиянием полиции, является спор о том, что фактически произошло во время допроса, часто очень длительного: использовали ли полицейские психологические методы принуждения (такие как угрозы и обещания), имела ли место контаминация рассказа подозреваемого информацией о преступлении, которая была известна только полиции. Как правило, суд верит той версии событий, которую представляет полиция, и отвергает возмож-

⁴ Эти штаты – Аляска, Миннесота, Иллинойс, Нью Джерси, Висконсин, Нью Мехико, Мэн, Северная Каролина, Мериленд, Небраска, Индиана, Миссури, Монтана, Орегон, Коннектикут, Арканзас, Мичиган, Калифорния, Вермонт и округ Колумбия [155].

ность принуждения или контаминации [157], поэтому оспариваемые (в том числе ложные) признания почти всегда принимаются как реальные улики. В результате полиция во многом имеет возможность предопределить, на какую версию событий будут опираться судьи и присяжные при оценке признания обвиняемого. Как мы видели на примере сотен документированных дел, это может привести к осуждению невиновных, которые в результате попадают в тюрьму, иногда на десятилетия, как Бредли Пейдж.

Электронная запись позволяет объективно, всесторонне, вдумчиво оценить ход допроса, не полагаясь на неполные, субъективные и, возможно, предубежденные мнения его участников. Она также снимает завесу секретности с процедуры допроса, который становится прозрачным и доступным для независимой оценки. Как отмечал Tom Sullivan, «повторный показ» в игре с полицией позволяет исключить спорные моменты [158. Р. 6]. Таким образом, ошибочные предположения и ложные воспоминания не будут восприниматься как факты. Кроме того, электронная запись способствует распространению лучшего опыта в работе полиции, так как следователи начинают избегать таких недопустимых методов, как угрозы, обещания и контаминация [159]. Чем более общепринятой и институционализированной становится электронная запись, тем больше она меняет культуру допроса, поскольку полицейские меньше используют методы, которые ведут к ложным признаниям.

Даже если следователи продолжают получать ложные признания – это представляется неизбежным, – электронная запись поможет исключить их из числа улик, которые ведут к ошибочным приговорам. Ведь запись создает долговременный и объективный источник информации для судей и присяжных. Таким образом, она становится средством, с помощью которого третьи стороны, такие как суды, могут отслеживать методы полиции и вводить в действие другие защитные механизмы [160]. Если возникают сомнения в правомерности методов полиции или достоверности утверждений подозреваемого, то руководство полиции может посмотреть записи допросов и решить вопрос о передаче дела в прокуратуру. Даже если полицейские и следователи не посчитают признание ложным, прокурор сможет оценить его достоверность с помощью электронной записи. Запись позволит прокурору оценить методы полиции, ответы подозреваемого и его собственную осведомленность о деталях преступления, которые не сообщались широкой публике.

И все же ложные признания до сих пор иногда встречаются, несмотря на полицейские и прокурорские фильтры; даже самые добросовестные следователи и обвинители иногда ошибаются. Во многих таких делах судьи первой инстанции определяли, что признание было истинным, и во всех делах, которые привели к ошибочному приговору, судьи и присяжные при оценке допроса говорили, что считали признание надежным свидетельством вины [26]. Полная запись допроса помогает предотвратить такие ошибки и дает возможность судьям и присяжным принимать решения, основанные на фактах, в том что касается принятия признательных показаний в качестве улики и придания им определенного веса в системе доказательств вины.

Сохранение полной записи допроса с возможностью доступа к ней создает многочисленные защитные механизмы в системе уголовного правосудия, позволяющие отсеять ошибочные и недостоверные улики и повысить надежность свидетельских показаний в уголовных делах. Электронная запись допросов не только предотвращает ошибочные приговоры невиновным, но и помогает вынести справедливый приговор виновному.

Досудебные слушания для подтверждения признательных показаний

В 2006 г. Steve Drizin, Peter Neufeld и я опубликовали статью, в которой впервые, насколько я могу судить, утверждали, что судьи первой инстанции должны проводить досудебные слушания по поводу достоверности признательных показаний [161]. Основываясь на результатах двух десятилетий эмпирических исследований в области социологии в целом [103], и в частности «стандарта соответствия Офши – Лео» [43, 44], мы предложили судьям новый метод проверки достоверности признательных показаний. Как писали много лет назад Richard Ofshe и я, в отсутствие предварительного знания или контаминации достоверность признания подозреваемого можно во многих случаях оценить с помощью анализа соответствия (или его отсутствия) между описаниями преступления в рамках рассказа подозреваемого и реальными деталями произошедшего. При этом необходимо определить, доказывает ли рассказ подозреваемого наличие (или отсутствие) знаний

о деталях преступления и подтверждается (или опровергается) ли этот рассказ объективными свидетельствами [43, 44, 19, 20]. Мы особо подчеркивали, что существует по меньшей мере три индикатора достоверности (факторы достоверности), которые можно оценить, чтобы сделать вывод об истинности признания: (1) признание приводит к обнаружению улики, ранее неизвестных полиции, (2) признание включает описание крайне необычных элементов преступления, которые не были обнаружены, или (3) признание включает точное описание обычных деталей преступления, которые нельзя угадать и которые не были обнаружены. Мы отмечали, что эти факторы, несомненно, позволят лучше оценивать достоверность признания, при этом на них могут опираться в своей повседневной деятельности все стороны системы уголовного правосудия, включая органы охраны правопорядка.

Мы также подчеркивали важность введения полной электронной записи полицейских допросов. Мы отмечали, что при оценке достоверности признания на основе электронной записи судьи должны рассматривать три фактора, определяющие принятие или отклонение признания:

1) содержит ли признание ранее не обнаруженную информацию, которая может быть независимо подтверждена, может быть известна только истинному преступнику или сообщнику и которую нельзя случайно угадать;

2) привело ли признание к обнаружению новых улик;

3) соответствует ли рассказ подозреваемого деталям преступления и имеющимся объективным уликам.

Мы утверждали, что если суд хочет признать незаписанные показания уликой по делу, то прокурор должен сначала четко и убедительно продемонстрировать, что правоохранительные органы не совершили ошибку и что признание позволило получить дополнительные улики по делу. Но даже если обвинитель выполнит это, то судья все равно должен тщательно рассмотреть остальные вышеперечисленные факторы, прежде чем решить, принимать признание как улику или отклонить его.

Предложенный нами тест на достоверность получил существенную правовую поддержку с принятием Федерального правила о доказательствах 403 и аналогичных правил штатов, которые позволяют судам первой инстанции исключать улики, если их доказательная ценность существенно уступает преюдициальному эффекту, который они могут вызвать у присяжных и привести к ошибочному вердикту⁵. По определению, ложное признание, как и любое ложное свидетельство, не имеет доказательной ценности. Признания, содержащие признаки недостоверности, но ложность которых нельзя доказать, обычно имеют очень низкую доказательную ценность. В то же время, как было показано выше, ложное признание, особенно в случае контаминации или влияния со стороны следователей, – это свидетельство, которое опасно предъявлять присяжным, так как оно с большой вероятностью приводит к ошибочному приговору. Аналогичным образом риск ошибочного приговора высок в случае признаний, содержащих признаки недостоверности, но ложность которых нельзя доказать. Таким образом, ложное или недостоверное признание, особенно в случае контаминации, имеет низкую или нулевую доказательную ценность, но при этом создает значительный риск несправедливого осуждения невиновного. Ранее мы утверждали, что указанные факторы Офши – Лео могут быть использованы судьями для оценки достоверности признания. Если сомнительное признание не отвечает минимальным пороговым требованиям, то судья первой инстанции мог бы исключить его из числа свидетельств, выносимых на судебное заседание, даже если это признание было признано законным, добровольным и отвечающим требованиям «правила Миранды» [163]. Во многих случаях действительно ложных признаний, если нет или почти нет других подтверждающих улик, как это было в деле Бредли Пейджа, прокурор, вероятно, вынужден будет снять обвинения против невиновного. В других случаях это действие предотвратит предъявление этой опасной – возможно, самой опасной из всех – улики присяжным, тем самым значительно снижая риск ошибочного приговора в суде.

⁵ В Федеральном правиле о доказательствах 403 говорится: «Суд может исключить релевантное свидетельство, если его доказательная ценность существенно ниже, чем риск одного из следующих действий: несправедливое предубеждение, смешение обстоятельств, введение присяжных в заблуждение, необоснованная отсрочка, затягивание процесса, необоснованное представление совокупных улик» [162. Р. 18].

По требованию защиты суды по уголовным делам должны оценивать достоверность признания, что может происходить на том же досудебном слушании, где оценивается добровольность дачи показаний. Признания, не обладающие достаточными признаками достоверности, должны быть исключены из числа улик. Существует несколько возможных оснований для оценки достоверности признательных показаний. Мы утверждали, что суды первой инстанции могут проводить такие слушания на основании существующих принципов и норм доказательственного права, как и поступил Верховный Суд США в 1986 г. в деле *Colorado v. Connelly* [28]. Как вариант, можно внести поправки в федеральные правила о доказательствах и таковые уровня штатов, сформулировав особое правило для проверки достоверности признания на досудебном слушании. Либо законодательные органы могли бы создать закон для оценки достоверности признания на предварительном слушании, в идеале сформулировав руководство для судей в форме комментария или непосредственно в тексте закона, где раскрывались бы критерии или факторы, на которые следует обратить внимание.

Мои соавторы и я отмечали, что Федеральное правило о доказательствах 403 и его аналоги в штатах предоставляют судам первой инстанции полномочия исключать признательные показания, если их доказательная ценность существенно ниже, чем создаваемый ими риск несправедливого предубеждения против обвиняемого, или риск смешения обстоятельств, или риск введения в заблуждение присяжных [161, 23]. Согласно правилу 403, на любом этапе уголовного процесса суды первой инстанции имеют широкие полномочия по оценке доказательной ценности любой представленной улики (включая признательные показания) и ее преюдициального эффекта и исключению ее из числа свидетельств по делу. Как и другие исследователи, мы считаем, что правило 403 представляет собой адекватный и необходимый механизм выявления недостоверных признательных показаний [164, 161, 23, 165]. Правило 403 дает судам первой инстанции широкие возможности для исключения недостоверных признаний, которые могут вызвать предубеждение у присяжных и привести к ошибочным вердиктам. Данное правило представляет собой скорее общий принцип, чем конкретное руководство к действию, и его базовая цель – обеспечить точность и справедливость процесса установления фактов в суде путем ограждения присяжных от тех, хотя и релевантных, свидетельств, которые они могут переоценить или сделать из них неверные или ненадлежащие выводы [166]. Федеральное правило о доказательствах 403 и аналогичные правила штатов широко используются судами первой инстанции во множестве других контекстов (например, при даче свидетельских показаний ребенком, при показаниях с чужих слов, при показаниях под гипнозом) с целью исключить недостоверные показания на досудебном этапе и не допустить их предъявления присяжным [167]. В деле *Daubert v. Merrill Pharmaceuticals* [168] Верховный Суд США применил правило 403, указав судам первой инстанции на их роль в оценке достоверности показаний в виде научной экспертизы на основе Федерального правила о доказательствах 702.

Мы считаем, что при использовании правила 403 для оценки соотношения между доказательной ценностью признательных показаний и риском создания предубежденности (и другими рисками) суды первой инстанции должны учитывать релевантные факторы, которые способствуют достоверности признания или снижают ее. Эти факторы, или показатели достоверности/недостоверности, включают, но не ограничиваются следующими:

- 1) привело ли заявление подозреваемого к обнаружению новых улик, ранее неизвестных полиции (например, орудие убийства, украденное у жертвы имущество и др.);
- 2) включает ли заявление подозреваемого точное описание необнародованных и/или обыденных деталей преступления, которые нельзя легко угадать, которые не были обнародованы и которые можно подтвердить другим путем;
- 3) соответствует ли рассказ подозреваемого деталям преступления и существующим объективным уликам;
- 4) в случае наличия нескольких обвиняемых соответствуют ли их показания друг другу.

Кроме того, суды первой инстанции должны учитывать, в какой степени заявление подозреваемого содержит необнародованные детали преступления, которые могут быть известны только самому подозреваемому и которые нельзя угадать; ошибки, несоответствия, противоречия с уликами по делу; признание фактов, которые полиция считала истинными в момент проведения допроса, но которые позднее оказались ложными. В то же время суды первой инстанции должны рассматривать признаки контаминации в рассказе подозреваемого, так как в случае

их наличия он вообще теряет доказательную ценность. Как было показано в работе Brandon Garrett [139], полная запись допроса могла бы предотвратить 59 из 63 ошибочных приговоров, которые были отменены в результате теста ДНК. Если будут приняты предлагаемые нами реформы, на досудебном слушании будут рассматриваться не только вопросы добровольности признания и выполнения требований «правила Миранды», но и сторона защиты сможет поднять вопрос о достоверности признательных показаний. Важно отметить, что эта реформа будет эффективной только в тех юрисдикциях, где существует требование обязательной электронной записи всего допроса до признания, потому что без такой записи судьи, прокуроры и защитники не смогут оценить, были ли детали преступления сообщены подозреваемым или получены им от полицейских.

Другие возможные направления реформ

Введение обязательной полной электронной записи полицейского допроса и рассмотрения достоверности признательных показаний на досудебном слушании – это две реформы в системе правосудия, которые я в наибольшей степени анализировал и пропагандировал в своей научной работе, презентациях, профессиональных и других выступлениях. Не существует какой-либо одной реформы, которая решила бы все проблемы, связанные с практикой полицейского допроса и дачи признательных показаний в Америке. В других работах я оценивал и/или выступал за другие реформы, направленные на предотвращение или минимизацию ложных признаний, сделанных под влиянием полиции [56]. Чем раньше будут проведены эти реформы, тем более эффективными они могут стать.

Один из относительно прямолинейных путей – повысить качество подготовки полицейских в части практик допросов и признательных показаний, чтобы следователи больше узнали о существовании, путях и причинах появления ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, о социологических исследованиях факторов риска в этой области, о признаках истинных и ложных признаний и о способах их предотвращения. В частности, можно выделить по меньшей мере три направления реформ подготовки полицейских. Во-первых, следователям нужно объяснять, что они не могут полагаться на интуицию при определении виновности или невиновности подозреваемого на основе своего восприятия его поведения, языка тела и других невербальных признаков. Во-вторых, нужно улучшить подготовку в области различных видов и причин ложных признаний, сделанных под влиянием полиции. Следователям нужно объяснять, что применяемые ими методы могут привести к признанию невиновного человека, а главное, почему это происходит. В-третьих, нужно подробнее показывать признаки достоверных и недостоверных признаний и различия между ними. Заявление подозреваемого «Я это сделал» не несет в себе подтверждения; к нему нужно изначально относиться как к нейтральному и проверять на соответствие фактам. По иронии, в пособии Оклендского отделения полиции было указано, что неподтвержденное признание «ничего не стоит» [169. Р. 72], однако это не помешало сержантам Харрису и Лейсеру закрыть глаза на то, что признание Бредли Пейджа не было ничем подтверждено и содержало многочисленные признаки ложности и недостоверности. Следователей необходимо научить, что верно оценить достоверность признания можно только путем анализа соответствия между рассказом подозреваемого и фактами преступления; такой анализ покажет наличие виновного знания (при условии отсутствия контаминации) и подкрепленность показаний существующими уликами [44].

Другое направление реформ, достойное рассмотрения, – это введение требования определить возможную причину преступления до начала обвинительного допроса подозреваемого в полиции [170, 56]. Как мы показали выше, полицейские часто неверно определяют невиновного человека как виновного на основе ненадежных свидетельств: в случае Бредли Пейджа это был всего лишь тот факт, что он был другом жертвы, как заявил сержант Лейсер на национальном телевидении. Как только американские полицейские определили человека виновным, их целью становится не расследовать его возможное участие в преступлении, а заставить его сделать инкриминирующие заявления. Если решение начать допросы будет проверяться независимой третьей стороной, требование определить возможную причину преступления позволит предотвратить давление на подозреваемого и плохо продуманные допросы; тем самым будут выявляться дела, наиболее способствующие появлению ложных признаний.

Еще один способ предотвратить ложные признания – более эффективно регулировать использование методов допроса. Сегодня самой частой причиной ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, являются явные или скрытые обещания снисхождения и угрозы наказанием [44]. Однако в различных штатах суды первой инстанции по-разному решают вопрос, что считать недопустимым обещанием, которое может повлиять на волю подозреваемого [171]. Апелляционные суды должны сформулировать однозначное, четкое правило, при любых условиях запрещающее делать явные или скрытые обещания, предложения или предположения о снисхождении в обмен на признание вины. Сюда можно включить все действия, позволяющие воспринять их как обещание, предложение или предположение сокращения срока заключения, смягчения приговора или наказания; освобождения; иммунитета; снисхождения со стороны полиции, прокуратуры или суда в обмен на признание. Аналогичным образом, апелляционные суды должны создать однозначное правило, при любых условиях запрещающее явные или скрытые угрозы или предположения об ущербе, если признание не будет сделано. Сюда включаются любые действия, позволяющие воспринять их как предположение о вынесении смертного приговора, повышении срока заключения или другом ужесточении наказания в случае отсутствия признания.

Апелляционные суды и законодательные органы могут также вернуться к рассмотрению вопроса, насколько вообще приемлемыми можно считать техники допроса, вводящие в заблуждение. Экспериментальные и полевые исследования показали, что уловки с ложными уликами повышают риск получения ложных и недостоверных признаний [120]. В делах с ложными признаниями почти всегда фигурирует ложь полицейских во время допроса относительно улик. Эмпирически понятно, что такая ложь почти всегда необходима для получения ложного признания: за немногими исключениями, ложные признания не появляются без обмана со стороны полиции. Одна из причин этого в том, что если подозреваемый верит в этот обман, то он начинает считать, что он виновен в глазах третьих сторон и может изменить свое положение, только сделав признание. Другая причина – такая уловка заставляет подозреваемых сомневаться в своей памяти или способности противостоять постоянным обвинениям, подаваемым как установленный факт. И все же такие уловки обычно не приводят к ложным признаниям, если не сопровождаются другими техниками принуждения, такими как явные или скрытые обещания или угрозы.

Суды и законодатели могут также установить временные рамки допросов. Длительные допросы в условиях изоляции не только неправомерны, но и, как показали недавние исследования, гораздо чаще приводят к ложным признаниям. Обычные допросы длятся в среднем менее двух часов [40, 42], тогда как допросы, в ходе которых были получены ложные признания, часто длятся более шести часов [26]. Длительные допросы повышают риск ложных признаний потому, что утомляют подозреваемых, тем самым снижая их способность и желание сопротивляться давлению полиции. Если будет установлено ограничение на продолжительность допроса в четыре часа, то риск получения ложных признаний снизится, а возможности полиции для получения истинных признаний от виновных не пострадают [172]. Ведь, как заявлено в самом авторитетном в Америке пособии по полицейским допросам, «компетентному следователю редко требуется больше четырех часов для получения признания от преступника, даже в очень серьезных случаях... В большинстве дел требуется гораздо меньше четырех часов» [87. Р. 597].

Еще одно перспективное направление реформ – это, разумеется, введение дополнительных защитных механизмов для групп лиц, наиболее уязвимых для психологического давления при обвинительном допросе, а значит, с наибольшей вероятностью делающих ложные признания. Это лица с психическими и когнитивными нарушениями (особенно с нарушениями интеллекта), несовершеннолетние (особенно младше 15 лет), лица с психическими заболеваниями. Дополнительные защитные механизмы включают целый спектр мер от специальной подготовки полицейских в области работы с этими группами населения или более тщательной проверки достоверности показаний, полученных от этих групп, до присутствия опекунов или соответствующих взрослых при допросах [26].

Ряд исследователей указывают, что одним из защитных механизмов против ошибочных осуждений невиновных может быть обращение к свидетельству эксперта-социолога в делах с сомнительным допросом

или признанием [172–174]. Действительно, большое количество авторитетных научных исследований в этой области, а также множество прецедентов американского права подтверждают целесообразность таких свидетельств экспертов [172]. Если сомнительное признание предъявляется в суде, то присяжным необходимо знать, каким образом невиновного человека можно заставить признаться, особенно в тяжком преступлении [175]. Цель такого свидетельства эксперта в суде – дать общий обзор исследований проблемы допросов и признательных показаний, чтобы помочь присяжным принять информированное решение относительно значения признания обвиняемого. В частности, эксперт-социолог может помочь присяжным: 1) разобрав научные работы по проблеме ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, 2) объяснив, как и почему конкретные методы и стратегии допроса могут заставить невиновного дать признательные показания, 3) определив условия, повышающие риск ложного признания, 4) объяснив принципы анализа рассказа подозреваемого. Свидетельство эксперта в суде, направленное на повышение знаний присяжных в области психологии, причин и признаков ложных признаний, должно снизить количество ошибочных приговоров, основанных на ложных признаниях.

И последнее из возможных направлений реформ – это использование предупредительных инструкций для членов суда присяжных. Теоретически такие инструкции должны повысить настороженность присяжных по отношению к признательным показаниям, которые их просят оценить, а значит, увеличить точность вердиктов и снизить число ошибочных приговоров, основанных на недостоверных признаниях. Инструкции присяжным – обычно крайняя мера, потому что они затрагивают лишь небольшой процент дел, доходящих до суда. Кроме того, это наименее перспективная и системная мера из всех предлагаемых реформ, потому что она применяется в самом конце уголовного процесса. Инструкции присяжным редко дают в делах, где имеются признательные показания, однако они также повышают знания присяжных в области рисков отдельных техник допроса, принципов анализа рассказа подозреваемого, важности независимого подтверждения показаний. Таким образом, это один из способов, которым на уровне суда можно реформировать процедуру судебного расследования и повысить настороженность присяжных, чтобы обеспечить принятие более достоверных показаний и вынесение более точных вердиктов.

Криминологические аспекты ошибочных приговоров

В моей научной и другой работе я всегда стремился лучше понять и предотвратить не только ложные признания, сделанные под влиянием полиции, но и ошибочные приговоры, вынесенные невиновным. Это один из величайших пробелов правосудия в наше время. Как было показано выше, в американской системе уголовного правосудия нет худшей ошибки (которую к тому же она сама порождает), чем ошибочный обвинительный приговор фактически невиновному человеку, не говоря уже о приведении такого приговора в исполнение, что случалось много раз за последнее столетие [176–180]. Ошибочные приговоры требуют уделить особое внимание тому, чтобы понять их причины и предотвратить их. Ложные признания – лишь одна из причин или источников ошибочных приговоров. Как теперь стало известно, есть также много других причин, включая ошибочные опознания свидетелей, лжесвидетельства, ошибочные показания, ошибки и мошенничества судебной экспертизы, недобросовестные действия полиции и прокуратуры, неэффективные действия защитников. Необходимы дальнейшие и более качественные криминологические исследования в области ошибочных приговоров, направленные как на систематическое изучение ошибок уголовного правосудия, так и на повышение качества правосудия в Америке [181].

История изучения судебных ошибок

Изучение ошибочных приговоров в Америке началось с книги «Осуждая невиновных» (“Convicting the Innocent”) профессора права Йельского университета Эдвина Борхарда [182]. Выступая против широко распространенной тогда идеи, что невиновным людям никогда не выносятся обвинительные приговоры, Борхард продемонстрировал на примере 65 дел, что по различным причинам невиновные бывают осуждены, а значит, система уголовного правосудия может ошибаться. Революционная работа Борхарда сместила

фокус внимания с вопроса «бывают ли в Америке случаи вынесения ошибочного приговора невиновным» на вопрос «почему произошли эти ошибочные осуждения и как можно исправить это положение». Примерно через полвека после выхода книги Борхарда появилось еще несколько подобных работ, написанных адвокатами и журналистами. Они появлялись спорадически, часто были написаны по одной схеме и повторяли практически те же мысли, но на примере новых дел. Среди них можно назвать книги Эрла Стенли Гарднера «Суд последней надежды» [183], Джерома Франка и Барбары Франк «Невиновен» [184], Эдварда Радина «Невиновные» [185]. Как и в книге Борхарда, в них обсуждались случаи невинно осужденных, их предполагаемые причины и предлагались реформы для их устранения. Они были написаны по одной схеме, однако авторами двигало моральное негодование по поводу этой игнорируемой, но одной из самых важных проблем американского уголовного правосудия.

Большую часть десятилетия 1980-х гг. криминологи и социологи не проводили эмпирического изучения ошибочных приговоров невиновным. В то время почти все считали, что невиновные крайне редко или совсем никогда не получают ошибочных приговоров [186, 187]. Это мнение начало меняться, когда в 1987 г. в *Stanford Law Review* была опубликована программная работа Хьюго Бедау и Майкла Раделета «Ошибки правосудия в делах с потенциальным смертным приговором» [67]. Авторы выявили 350 дел, рассматривавшихся в судах Америки с 1900 по 1985 г., где были вынесены ошибочные приговоры с потенциальной смертной казнью, и, используя системный анализ, исследовали причины этих ошибок, источники выявления этих ошибок, а также число невиновных осужденных, которые были казнены (23). Эта революционная статья ознаменовала начало новой эры в изучении ошибочных приговоров (в частности, по тяжчайшим преступлениям) в Америке и стала важнейшей в этой области [188, 189]. Через пять лет после этого вышла книга Раделета, Бедау и Путнама [190], в которой перечислялись 416 невиновных по делам с потенциальным смертным приговором, 24 из которых были казнены с 1900 г. Однако спустя короткое время эта работа была одновременно подтверждена и потеряла свое значение благодаря самому важному достижению в истории ошибочных приговоров: тесту ДНК и его применению в системе уголовного правосудия, в частности, для пересмотра дел после вынесения приговора по заявлению осужденных о своей невиновности.

С 1989 г., когда произошли первые пересмотры дел на основе теста ДНК, с помощью этого теста было доказано вынесение множества ошибочных приговоров, в том числе по многочисленным делам с потенциальным смертным приговором⁶. Первой опубликованной на эту тему работой стало исследование о 28 ошибочных приговорах, в которых невиновность была доказана с помощью теста ДНК. Оно было опубликовано Департаментом юстиции в 1996 г. под заголовком «Осужденные присяжными, оправданные наукой: доказательство невиновности с помощью ДНК после вынесения приговора» [191]. С тех пор тесты ДНК стали еще сложнее, при этом была доказана невиновность более 320 ошибочно осужденных. Основатели проекта «Невиновность» Barry Scheck и Peter Neufeld, а также другие специалисты продолжают работу над делами, в которых тест ДНК помог установить фактическую невиновность и привел к освобождению ошибочно осужденных. Впечатляющая работа этих деятелей и всего проекта в Нью-Йорке привела к созданию множества подобных проектов или правовых клиник при школах права в регионах, которые также пытаются оправдать невиновных ошибочно осужденных и выступают за реформы, нацеленные на предотвращение и минимизацию ошибочных приговоров. В 2000 г., когда Scheck и Neufeld (вместе с журналистом Джимом Дуайером) опубликовали работу «Фактически невиновны: пять дней до казни и другие случаи с ошибочно осужденными» [31], 62 невиновных осужденных в Америке были оправданы на основе теста ДНК. Спустя 14 лет таких осужденных стало 321⁷, и эта цифра будет расти. В последние 25 лет также растет число ошибочно осужденных невиновных, оправданных с помощью других методов. В 2011 г. Сэм Гросс из школы права Мичиганского университета и Роб Уорден из Центра по ошибочным приговорам из Северозападного

⁶ См. <http://www.innocenceproject.org>

⁷ См. Там же.

университета создали Национальный регистр приговоров, пересмотренных в сторону оправдания, в котором в настоящее время содержится около 1 500 таких случаев с 1989 г., большинство из которых не прибегало к тесту ДНК⁸.

Оправдание сотен ошибочно осужденных невиновных поколебало ряд наших самых фундаментальных убеждений относительно системы и процедур американского уголовного правосудия. Точный процент ошибочных приговоров остается неизвестным, да и определить его невозможно. Однако в последние два десятилетия среди широкой публики, журналистов, сотрудников системы уголовного правосудия и судебной системы растет понимание того, что в американской системе уголовного правосудия ошибочные приговоры выносятся регулярно и часто. Так, только относительно ошибочных приговоров по делам, предполагающим смертную казнь, судья Верховного Суда США Дэвид Соутер писал в решении по делу *Kansas v. Marsh* (2006), что они выносятся «в количествах, о которых нельзя было и подумать до появления тестов ДНК» ([192. Р. 203], совпадающее мнение). Действительно, результаты проверки осужденных на ДНК, проведенные в 1990-х и 2000-х гг., не только раскрыли природу и частоту ошибок в американской правовой системе, но и поставили проблему ошибочных приговоров в общенациональную повестку, что привело к падению доверия общественности к системе уголовного правосудия и даже к снижению поддержки смертной казни [193]. Опрос 2001 г. показал, что 94 % американцев считают, что невиновных осужденных иногда казнят [194].

Достижения в криминологии судебных ошибок

В последние два десятилетия появилось множество исследований и публикаций ученых-правоведов, юристов-практиков и журналистов, посвященных ошибочным приговорам. Однако, за немногими исключениями [67, 195–201], до 2004 г. очень мало таких работ было написано криминологами. В 2005 г. я опубликовал статью, в которой стремился раскрыть криминологию ошибочных приговоров как область науки. Я попытался показать существующие варианты и недостатки эмпирических исследований ошибочных приговоров на примере трех типов работ. Я назвал их (1) «широкий охват» – такие исследования, как работа [182], или позднее выпущенная книга [30] с тем же заглавием, где дается обзор проблемы и ее решений и обсуждается большая выборка дел с ошибочными приговорами, различные правовые причины ошибочных приговоров, а затем предлагается набор реформ для их минимизации; (2) «специальная литература» – в основном психологические работы, посвященные причинам ошибочных приговоров, например, ошибочные опознания свидетелей, ложные признания, внушаемость детей; и (3) «документально-криминальный жанр» – книги с разбором дел, в которых был вынесен ошибочный приговор [188].

Я показал, что каждый из этих трех типов работ внес значительный вклад в наше понимание ошибочных приговоров, однако у них всех есть также множество недостатков. Книги с «широким охватом» представляют обзор актуального знания о причинах и последствиях ошибочных приговоров, а также путях решения этой проблемы. Однако эти книги были написаны по большей части журналистами и адвокатами, а не криминологами и социологами и так мало отличаются друг от друга, что содержат, как я писал, «знакомый сюжет» и практически никаких новых идей для решения проблемы ошибочных приговоров; по сути, они стали интеллектуальным тупиком. Специальная литература в основном была успешной в своих областях, но осталась по большей части незамеченной криминологами, и никто не попытался связать эти специализированные психологические работы с более широкими криминологическими исследованиями в области ошибочных приговоров. Как я писал в то время, «необходимо оторваться от изучения отдельных ошибок и понять, как в результате действия социальных сил, институциональной логики, ошибочных суждений и решений людей возникают ошибочные приговоры» [188. Р. 211]. Наконец, я утверждал, что книги документально-криминального жанра важны, потому что они гуманизируют проблему ошибочных приговоров, представляя до-

⁸ URL: <https://www.law.umich.edu/special/exoneration/Pages/about.aspx>

кументированную историю множества индивидуальных трагедий, и достигают широкой аудитории. Однако такие работы скорее описательные, чем систематизирующие или аналитические, в них не используются социологические подходы и методы анализа, а также они обычно не опираются на научную литературу в области ошибочных приговоров (а иногда и не упоминают ее) [188].

Я утверждал, что криминологи должны систематически развивать изучение ошибочных приговоров, делая эту область знания более углубленным и обобщенным разделом социологии. По моему мнению, с этой целью криминологи должны уйти от во многом упрощенных и неверных допущений, изложенных в вышеуказанной литературе, и стремиться к более глубокому пониманию психологических, социологических и институциональных причин ошибочных приговоров. Кроме того, я утверждаю, что для прогресса в изучении ошибочных приговоров необходимо построить теорию – выработать подходы и парадигмы для понимания общих закономерностей, объяснить логику и характеристики дел с ошибочными приговорами: «Криминологи должны ставить более широкие вопросы и пытаться найти более широкие ответы относительно того, как и почему различные действующие лица в системе уголовного правосудия, по отдельности и сообща, принимают верные и неверные решения на различных стадиях уголовного процесса» [188. Р. 215]. Кроме того, я считаю, что с методологической точки зрения эта область науки должна перейти от описательного изложения материалов дел и историй пересмотров приговоров к систематизации информации об ошибочных приговорах, при этом поддерживая сбор комплексных данных, сопоставительные исследования, анализ связей ([188], см. также [27, 181]).

Я преследовал в основном две цели. Мне хотелось бы, чтобы социологи перешли от эмпирических исследований в области ошибочных приговоров к более теоретически обоснованным и методологически грамотным криминологическим работам. Мне хотелось бы, чтобы наше коллективное знание о причинах, характеристиках и последствиях ошибочных приговоров стало более валидным и достоверным. Однако я не хочу, чтобы эта область становилась чисто академической. Как и многие социологи, я заинтересован в углублении и обобщении знания об ошибочных приговорах, которое позволило бы выработать более совершенные политические меры и снизить уровень несправедливости и ненужных страданий. Другими словами, я хочу помочь ученым и государственным деятелям понять и постараться закрыть некоторые пробелы в американской системе уголовного правосудия.

Заключение: закрывая пробел правосудия

За последние 25 лет социологические исследования по проблеме ошибочных приговоров в Америке привели к тому, что некоторые специалисты называют «революцией невиновных» [202–204] или «новым движением за гражданские права» [205, 206]. Это движение берет начало от ранних инновационных работ Барри Шека и Питера Нойфелда, основателей проекта «Невиновность» в школе права Кардозо в 1992 г., целью которого было «бесплатно предоставлять помощь в расследовании и юридическую помощь ошибочно осужденным и работать для предотвращения условий, приводящих к таким ошибочным приговорам» [207. Р. 5]. Затем появилась Общенациональная сеть невиновных, которая ныне охватывает более 60 проектов. Движение невиновных основывало свою деятельность на научных исследованиях, сообщениях в СМИ, поддержке юристов и законодателей и, в свою очередь, оказало значительное влияние на американскую систему уголовного правосудия в целом. Keith Findley писала, что «движение невиновных, появившееся в 1990-х... стало самым заметным явлением в мире уголовного правосудия со времени “революции надлежащего судопроизводства” (Warren Court’s Due Process Revolution) в 1960-х» [207. Р. 3]. Возможно, это преувеличение, но движение невиновных действительно показало, что криминологи и другие ученые-правоведы могут внести свой вклад в закрытие пробелов при осуществлении правосудия в Америке.

Документируя и анализируя сотни случаев ошибочного осуждения и лишения свободы невиновных, авторы эмпирических исследований за последние два десятилетия заново развенчали миф о непогрешимости системы уголовного правосудия, который был широко распространен до начала 1990-х гг. Казалось бы, этот миф должен был пошатнуться после появления книги Борхарда в 1930-х гг. (и работ других ученых

в последующие десятилетия), однако эту работу в основном игнорировали в течение более полувека. Как мы показали выше, американцы считали, что ошибочное осуждение невинных – это редкая случайность, особенно о тяжких преступлениях, а значит, не заслуживает никаких усилий по изучению или реформированию. Как отмечала Findley, «до появления теста ДНК в конце 1980-х гг. большинство сотрудников американской системы уголовного правосудия и специалистов самодовольно считали ее практически непогрешимой, а ошибочные приговоры хотя теоретически возможными, но настолько невероятными, что не стоит о них и думать» [208. Р. 1163]. Развенчав этот миф о непогрешимости, эмпирические работы криминологов показали, что ошибочные приговоры невинным представляют собой обычную, широко распространенную и систематическую практику американской системы уголовного правосудия, а не случайное и редкое отклонение.

Задokumentировав и обнародовав сотни безусловно ошибочных приговоров, ученые и активисты также вызвали к жизни явление, которое криминолог Marvin Zalman назвал «осознанием невинности» [187. Р. 1468]. Zalman определил его как «идею о том, что значительное число невинных людей оказываются осуждены в результате системных проблем уголовного правосудия, поэтому необходимо прикладывать усилия к их оправданию и проводить структурные реформы для сокращения подобных ошибок в будущем» [187. Р. 1468]. Осознание невинности, или «инноцентризм» ("innocentrism", [205]), отразилось в растущем понимании со стороны широкой публики, средств массовой информации, законодателей и самой правовой системы того, что ошибочные приговоры действительно выносятся. Примечательно, что это новое осознание невинности вызвало глубокие изменения в общественном мнении относительно смертной казни. Как мы видели, движение невинных привело к снижению общественной поддержки смертной казни. В январе 2000 г. тогдашний губернатор штата Иллинойс Джордж Райан (George Ryan) объявил о моратории на смертную казнь в штате Иллинойс, так как с момента восстановления смертной казни в этом штате в 1973 г. больше осужденных было освобождено из камер смертников по причине их фактической невинности ($n = 13$), чем казнено ($n = 12$). Действие моратория в этом штате закончилось в 2011 г., и смертную казнь запретили [209]. Еще несколько штатов также ввели запрет на смертную казнь: Нью-Джерси и Нью-Йорк в 2007 г., Нью-Мехико в 2009 г., Коннектикут в 2012 г., Мериленд в 2013 г. В штатах, где смертная казнь сохраняется, количество таких приговоров и приведенных в исполнение казней значительно снизилось за последние два десятилетия. Снижился и уровень общественной поддержки высшей меры наказания [210]. Самым значимым фактором этих изменений явилось осознание невинности [193, 211, 207].

Движение невинных, поддержанное эмпирическими социологическими исследованиями, посвященными причинам ошибочных приговоров, не только значительно повлияло на обсуждение уголовной политики, но и способствовало принятию ряда важных реформ. Эти реформы были направлены на снижение числа ошибочных приговоров через повышение надежности процедуры полицейского расследования и качества улик, на которых основывается обвинение. Как было показано выше, криминологические исследования внесли большой вклад в широкое внедрение требования обязательной электронной записи – эта мера наиболее часто рекомендуется для предотвращения ложных признаний и основанных на них ошибочных приговоров [56, 120] – во многих штатах и добровольное использование такой записи в сотнях отделений полиции других штатов. То же произошло с обширными эмпирическими исследованиями, посвященными ошибочным опознаниям свидетелей, которые почти повсеместно считались главной причиной ошибочных приговоров, благодаря работам от Borchard [182] до Garrett [30]. Эти исследования позволили провести множество реформ с целью предотвратить ошибки свидетелей, например, с помощью двойного слепого опознания и опознания по фотографии; подбора граждан для процедуры опознания исходя из описания жертвы, а не внешности подозреваемого; сообщения свидетелю, что подозреваемый может быть или не быть в числе опознаваемых лиц; документирования первоначальных суждений свидетеля; электронной записи процесса опознания ([212–214; однако см. [215]). Социологи также предложили множество рекомендаций для минимизации количества ошибочных приговоров, вызванных ошибками судебной экспертизы, включая вывод криминалистических лабораторий из-под контроля правоохранительных органов, введение аккредитации лабораторий и развитие

системы сертификации экспертов, введение независимого надзора и аудита лабораторий, повышение качества исследований и подготовки в этой области [216–218]. Еще один значительный источник ошибочных приговоров – ложные свидетельства информаторов в местах лишения свободы [30] – имеет сходство с признательными показаниями, поэтому предлагаемые реформы включают введение электронной записи всех сообщений таких информаторов, требования подтверждающих улик, досудебных слушаний для подтверждения достоверности и тщательного инструктирования присяжных [219–222].

Таким образом, предлагаемые реформы направлены на четыре ведущие источника ошибочных приговоров – ложные признания, ошибочные опознания свидетелей, ошибки судебной экспертизы, ложные свидетельства информаторов в местах лишения свободы. Основным принципом практически всех этих реформ стало требование большей прозрачности в процессе сбора улик, а также развитие и внедрение лучших практик, основанных на социологических исследованиях [114]. Другими словами, эмпирические исследования криминологов и других ученых в последние два десятилетия способствовали развитию лучших практик по предотвращению ошибочных приговоров и повышению надежности работы системы уголовного правосудия [223].

В более широком смысле в последнее десятилетие в криминологических и эмпирических исследованиях сделана попытка создать новые подходы, парадигмы и теории, чтобы лучше понять, как и почему появляются ошибочные приговоры, как их можно эффективно предотвратить, как можно и нужно реформировать систему уголовного правосудия, не затрагивая ее базовых ценностей [73, 224, 187, 225]. Развитие концептуального знания важно не только для создания более систематических, обобщающих и фундаментальных подходов к проблеме ошибочных приговоров [188], но и чтобы показать законодателям, что положено на чашу весов и каковы издержки решений в данной области. В этом отношении криминологи находятся в уникальном положении – они создают знание на основе практики, чтобы помочь законодателям предотвратить ошибочные приговоры в будущем, а значит, закрыть пробел в правосудии.

Список литературы / References

1. Sen, A. (2009). *The idea of justice*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
2. Merton, R. K. (1965). *On the shoulders of giants*. Chicago, IL, University of Chicago Press.
3. Clear, T. R. (2009). *Imprisoning communities*. New York, NY, Oxford University Press.
4. Clear, T. R. (2014). *The punishment imperative*. New York, NY, New York University Press.
5. Calavita, K., Jenness, V. (2013). Inside the pyramid of disputes: Naming problems and filing grievances in California prisons. *Social Problems*, 60 (1), 50–80.
6. Simon, J. (2014). *Mass incarceration on trial: A remarkable court decision and the future of prisons in America*. New York, NY, The New Press.
7. Feeley, M. M. (1979). *The process is the punishment: Handling cases in a lower criminal court*. New York, NY, Russell Sage Foundation.
8. Vera Institute. (1974). *Felony disposition study: Preliminary report*. <http://www.vera.org/sites/default/files/resources/downloads/1499.pdf>
9. Baldus, D. W., Woodworth, G. G., Pulaski, Jr., C. A. (1990). *Equal justice and the death penalty: A legal and empirical analysis*. Boston, MA, Northeastern University Press.
10. Kaplan, P. (2012). *Murder stories: Ideological narratives in capital punishment*. Lanham, MD, Lexington Books.
11. Zimring, F. E. (2003). *The contradictions of American capital punishment*. New York, NY, Oxford University Press.
12. Feld, B. C. (1999). *Bad kids: Race and the transformation of juvenile justice*. New York, NY: Oxford University Press.
13. Zimring, F. E. (2005). *American juvenile justice*. New York, NY, Oxford University Press.
14. Marx, G. (1988). *Undercover: Police surveillance in America*. Berkeley, CA, University of California Press.
15. Skolnick, J. H. (1966). *Justice without trial: Law enforcement in a democratic society*. New York, NY, John Wiley & Sons.
16. Zimring, F. E. (2012). *The city that became safe: New York's lessons for urban crime and its control*. New York, NY, Oxford University Press.
17. Miller, J. (2011). Social justice work: Purpose-driven social science. *Social Problems*, 58 (1), 1–20.

18. Davis, D. (2010). Lies, damned lies, and the path from police interrogation to wrongful conviction. In M. H. Gonzales, C. Tavis, J. Aronson (Eds.), *The scientist and the humanist: A Festschrift in honor of Elliot Aronson* (pp. 211–247). New York, NY, Psychology Press.
19. Leo, R. A., Ofshe, R. J. (1998). The consequences of false confessions: Deprivations of liberty and miscarriages of justice in the age of psychological interrogation. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 88 (2), 429–496. <https://doi.org/10.2307/1144288>
20. Leo, R. A., Ofshe, R. J. (2001). The truth about false confessions and advocacy scholarship. *The Criminal Law Bulletin*, 37, 293–370.
21. Pratkanis, A., Aronson, E. (1991). *Age of propaganda: The everyday use and abuse of persuasion*. New York, NY, W. H. Freeman & Co.
22. Wrightsman, L. S., Kassin, S. M. (1993). *Confessions in the courtroom*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications.
23. Leo, R. A., Neufeld, P. J., Drizin, S. A., Taslitz, A. E. (2013). Promoting accuracy in the use of confession evidence: An argument for pre-trial reliability assessments to prevent wrongful convictions. *Temple Law Review*, 85 (4), 759–838.
24. *People v. Page*, 2 Cal. App. 4th 161. (1991).
25. Kassin, S. M. (2012). Why confessions trump innocence. *American Psychologist*, 67 (6), 431445. <https://doi.org/10.1037/a0028212>
26. Drizin, S. A., Leo, R. A. (2004). The problem of false confessions in the post-DNA world. *North Carolina Law Review*, 182, 891–1007.
27. Gould, J. B., Carrano, J. Leo, R. A., Hail-Jares, K. (2014). Predicting erroneous convictions. *Iowa Law Review*, 99, 471–522.
28. *Colorado v. Connelly*, 479 U.S. 157 (1986).
29. Kassin, S. M., Wrightsman, L. S. (1985). Confession evidence. In S. M. Kassin, L. S. Wrightsman (Eds.), *The psychology of evidence and trial procedure* (pp. 67–94). Beverly Hills, CA, Sage Publications.
30. Garrett, B. L. (2011). *Convicting the innocent: Where criminal prosecutions go wrong*. Cambridge, MA, Harvard university Press.
31. Scheck, B., Neufeld, P. J., Dwyer, J. (2000). *Actual innocence: Five days to execution and other dispatches from the wrongly convicted*. New York, NY, Random House.
32. Ayling, C. J. (1984). Corroborating confessions: An empirical analysis of legal safeguards against false confessions. *Wisconsin Law Review*, 1121–1204.
33. Gudjonsson, G. H. (1992). *The psychology of interrogations, confessions and testimony*. New York, NY: John Wiley & Sons.
34. Ofshe, R. J. (1989). Coerced confessions: The logic of seemingly irrational action. *Cultic Studies Journal*, 6 (1), 1–15.
35. Warden, R., Drizin, S. A. (2009). *True stories of false confessions*. Evanston, IL, Northwestern University Press.
36. Page, J. (1998). *Trial and error: A father's unsettling look at the criminal justice system*. Berkeley, CA, Mercurio Bros.
37. Gould, J. B., Barclay, S. (2012). Mind the gap: The place of gap studies in sociolegal scholarship. *Annual Review of Law and Social Science*, 8, 323–335. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-102811-173833>
38. Leo, R. A. (1994). *Police interrogation in America: A study of violence, civility and social change. (Unpublished doctoral dissertation)*. University of California at Berkeley.
39. Leo, R. A. (1992). From coercion to deception: The changing nature of police interrogation in America. *Crime, Law, and Social Change: An International Journal*, 18 (1–2), 35–59. <https://doi.org/10.1007/BF00230624>
40. Leo, R. A. (1996). Inside the interrogation room. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 86 (2), 266–303. <https://doi.org/10.2307/1144028>
41. Leo, R. A. (1996). The impact of Miranda revisited. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 86 (3), 621–692. <https://doi.org/10.2307/1143934>
42. Feld, B. C. (2013). *Kids, cops and confessions: Inside the interrogation room*. New York, NY, New York University Press.
43. Ofshe, R. J., Leo, R. A. (1997). The social psychology of police interrogation: The theory and classification of true and false confessions. *Studies in Law, Politics and Society*, 16, 189–251.
44. Ofshe, R. J., Leo, R. A. (1997). The decision to confess falsely: Rational choice and irrational action. *Denver University Law Review*, 74, 9791122.
45. Moston, S., Stephenson, G. M., Williamson, T. M. (1992). The effects of case characteristics on suspect behavior during police questioning. *British Journal of Criminology*, 32 (1), 23–40.
46. Forrest, K. D., Woody, W. D., Brady, S. E., Batterman, K. C., Stastny, B. J., Bruns, J. A. (2012). False evidence ploys and interrogations: Mock jurors' perceptions of false-evidence ploy type, deception, coercion, and justification. *Behavioral Sciences and the Law*, 30 (3), 342364. <https://doi.org/10.1002/bsl.1999>
47. Kassin, S. M., Kiechel, K. L. (1996). The social psychology of false confessions: Compliance, internalization, and confabulation. *Psychological Science*, 7 (3), 125–128. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1996.tb00344.x>

48. Kebbell, M. R., Hurren, E., J., Roberts, S. (2006). Mock-Suspects' decision to confess: The accuracy of eyewitness evidence is critical. *Applied Cognitive Psychology*, 20, 477–486. <https://doi.org/10.1002/acp.1197>
49. Nash, R. A., Wade, K. A. (2009). Innocent but proven guilty: Eliciting internalized false confessions using doctored-video evidence. *Applied Cognitive Psychology*, 23 (5), 624–637. <https://doi.org/10.1002/acp.1500>
50. Perillo, J. T., Kassin, S. M. (2011). Inside interrogation: The lie, the bluff, and false confessions. *Law and Human Behavior*, 35 (4), 327–337. <https://doi.org/10.1007/s10979-010-9244-2>
51. Redlich, A. D., Goodman, G. S. (2003). Taking responsibility for an act not committed: The influence of age and suggestibility. *Law and Human Behavior*, 27 (2), 141–156. <https://doi.org/10.1023/A:1022543012851>
52. Woody, W. D., Forrest, K. D. (2009). Effects of false-evidence ploys and expert testimony on jurors' verdicts, recommended sentences, and perceptions of confession evidence. *Behavioral Sciences and the Law*, 27 (3), 333–360. <https://doi.org/10.1002/bsl.865>
53. Woody, W. D., Forrest, K. D., Yendra, S. (2014). Comparing the effects of explicit and implicit false-evidence ploys on mock jurors' verdicts, sentencing recommendations, and perceptions of police interrogation. *Psychology, Crime & Law*, 20 (6), 603–617. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2013.804922>
54. Wright, D. S., Wade, K. A., Watson, D. G., (2013). Delay and deja vu: Timing and repetition increase the power of false evidence. *Psychonomic Bulletin & Review*, 20 (4), 812–818. <https://doi.org/10.3758/s13423-013-0398-z>
55. Davis, D., O'Donohue, W. (2004). The road to perdition: Extreme influence tactics in the interrogation room. In W. O'Donohue (Ed.), *Handbook of forensic psychology* (pp. 897–996). San Diego, CA, Academic Press.
56. Leo, R. A. (2008). *Police interrogation and American justice*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
57. Davis, D., Leo, R. A., Follette, W. C. (2010). Selling confession: Setting the stage with the "sympathetic detective with a time-limited offer. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 26 (4), 441–457. <https://doi.org/10.1177/1043986210377229>
58. Horgan, A. J., Russano, M. B., Meissner, C. A., Evans, J. R. (2012). Minimization and maximization techniques: Assessing the perceived consequences of confessing and confession diagnosticity. *Psychology, Crime & Law*, 18 (1), 65–78. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2011.561801>
59. Kassin, S. M., McNall, K. (1991). Police interrogation and confessions: Communicating promises and threats by pragmatic implication. *Law and Human Behavior*, 15 (3), 233–251.
60. Klaver, J. R., Lee, Z., Rose, G. (2008). Effects of personality, interrogation techniques and plausibility in an experimental false confession paradigm. *Legal and Criminological Psychology*, 13 (1), 71–88. <https://doi.org/10.1348/135532507X193051>
61. Narchet, F. M., Meissner, C. A., Russano, M. B. (2011). Modeling the influence of investigator bias on the elicitation of true and false confessions. *Law and Human Behavior*, 35 (6), 452–465. <https://doi.org/10.1007/s10979-010-9257-x>
62. Yang, Y., Madon, S., Guyll, M. (in press). Shortsighted confession decisions: The role of uncertain and delayed consequences. *Law and Human Behavior*.
63. Madon, S., Guyll, M., Scherr, K. C., Greathouse, S., Wells, G. L. (2012). Temporal discounting: The differential effect of proximal and distal consequences on confession decisions. *Law and Human Behavior*, 36 (1), 13–20. <https://doi.org/10.1007/s10979-011-9267-3>
64. Madon, S., Yang, Y., Smalarz, L., Guyll, M., Scherr, K. C. (2013). How factors present during the immediate interrogation situation produce short-sighted confession decisions. *Law and Human Behavior*, 37 (1), 60–74. <https://doi.org/10.1037/lhb0000011>
65. Houston, K., Meissner, C. A., Evans, J. R. (2014). Psychological processes underlying true and false confessions. In R. Bull (Ed.), *Investigative interviewing* (pp. 19–34). New York, NY, Springer.
66. Russano, M. B., Meissner, C. A., Narchet, F. M., Kassin, S. M. (2005). Investigating true and false confessions within a novel experimental paradigm. *Psychological Science*, 16 (6), 481–486.
67. Bedau, H. A., Radelet, M. L. (1987). Miscarriages of justice in potentially capital cases. *Stanford Law Review*, 40, 21–179.
68. Gross, S. R., Jacoby, K., Matheson, D. J., Montgomery, N., Patel, S. (2005). Exonerations in the United States, 1989 through 2003. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 95, 523–553.
69. Gross, S. R., Shaffer, M. (2012). *Exonerations in the United States, 1989–2012: Report by National Registry of Exonerations*. Retrieved from University of Michigan Law School website: <https://www.law.umich.edu/special/exoneration/Documents/exonerationsus19892012fullreport.pdf>
70. Warden, R. (2003). *The role of false confessions in Illinois wrongful murder convictions since 1970*. Chicago, IL, Center on Wrongful Convictions.
71. *Innocence Project*. (2014). Retrieved from <http://www.innocenceproject.org>
72. University of Michigan Law School. (2014). *National Registry of Exonerations*. Retrieved from <https://www.law.umich.edu/special/exoneration/Pages/about.aspx>
73. Findley, K. (2008). Toward a new paradigm of criminal justice: How the innocence movement merges crime control and due process. *Texas Tech Law Review*, 41, 133–173.

74. White, W. S. (2001). *Miranda's waning protections: Police interrogation practices after Dickerson*. Ann Arbor, MI, University of Michigan Press.
75. Blandon-Gitlin, I., Sperry, K., Leo, R. A. (2011). Jurors believe interrogation tactics are not likely to elicit false confessions: Will expert witness testimony inform them otherwise? *Psychology, Crime & Law*, 17 (3), 239–260. <https://doi.org/10.1080/10683160903113699>
76. Chojnacki, D., Cicchini, M., & White, L. (2008). An empirical basis for the admission of expert testimony on false confessions. *Arizona State Law Journal*, 40, 1–45.
77. Costanzo, M., Shaked-Schroer, N., Vinson, K. (2010). Juror beliefs about police interrogations, false confessions, and expert testimony. *Journal of Empirical Legal Studies*, 7 (2), 231–247.
78. Henkel, L. A., Coffman, K. A. J., Dailey, E. M. (2008). A survey of people's attitudes and beliefs about false confessions. *Behavioral Sciences & the Law*, 26 (5), 555–584. <https://doi.org/10.1037/a0023589>
79. Leo, R. A., Liu, B. (2009). What do potential jurors know about police interrogation and false confessions? *Behavioral Sciences and the Law*, 27 (3), 381–399. <https://doi.org/10.1002/bsl.872>
80. Leo, R. A. (2001). False confessions: Causes, consequences, and solutions. In S. D. Westervelt, J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 36–54). Newark, NJ, Rutgers University Press.
81. Davis, D., Leo, R. A. (2010). Overcoming judicial preferences for person versus situation-based analyses of interrogation induced confessions. *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 38 (2), 187–194.
82. Ross, L. (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process. *Advances in Experimental Social Psychology*, 10, 173–221. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60357-3](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60357-3)
83. Gudjonsson, G. H. (2003). *The psychology of interrogations and confessions: A handbook*. New York, NY, Wiley.
84. McCann, J. T. (1998). A conceptual framework for identifying various types of confessions. *Behavioral Sciences and the Law*, 16 (4), 441–453. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0798\(199823\)16:4<441::AID-BSL320>3.0.CO;2-W](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0798(199823)16:4<441::AID-BSL320>3.0.CO;2-W)
85. Leo, R. A., Drizin, S. A. (2010). The three errors: Pathways to false confession and wrongful conviction. In D. Lassiter, C. A. Meissner (Eds.), *Police interrogations and false confessions: Current research, practice, and policy recommendations* (pp. 9–30). Washington, DC, American Psychological Association.
86. Davis, D., Leo, R. A. (2006). Strategies for preventing false confessions and their consequences. In M. Kebbell, G. Davies (Eds.), *Practical psychology for forensic investigations and Prosecutions* (pp. 121–149). New York, NY, John Wiley & Sons.
87. Inbau, F., Reid, J., Buckley, J., & Jayne, B. (2001). *Criminal interrogation and confessions* (4th ed.). Gaithersburg, MD, Aspen.
88. Kassin, S. M. (2006). A critical appraisal of modern police interrogations. In T. Williamson (Ed.), *Investigative interviewing: Rights, research, regulation* (pp. 207–228). Portland, OR, Willan.
89. Masip, J., Barba, A., Herrero, C. (2012). Behavior analysis interview and common sense: A study with novice and experienced officers. *Psychiatry, Psychology and Law*, 19 (1), 21–34. <https://doi.org/10.1080/15218719.2010.543402>
90. Masip, J., Herrero, C. (2013). "What would you say if you were guilty?" Suspects' strategies during a hypothetical behavior analysis interview concerning a serious crime. *Applied Cognitive Psychology*, 27 (1), 60–70. <https://doi.org/10.1002/acp.2872>
91. Masip, J., Herrero, C., Garrido, E., Barba, A. (2011). Is the behavior analysis interview just common sense? *Applied Cognitive Psychology*, 25 (4), 593–604. <https://doi.org/10.1002/acp.1728>
92. Vrij, A., Mann, S., Fisher, R. P. (2006). An empirical test of the behavior analysis interview. *Law and Human Behavior*, 30 (3), 329–345. <https://doi.org/10.1007/s10979-006-9014-3>
93. Bond, C. F., DePaulo, B. M. (2006). Accuracy of deception judgments. *Personality & Social Psychology Review*, 10, 214–234.
94. DePaulo, B. M., Lindsay, J. J., Malone, B. E., Muhlenbruck, L., Charlton, K., Cooper, H. (2003). Cues to deception. *Psychological Bulletin*, 129 (1), 74–112. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.1.74>
95. Vrij, A. (2008). *Detecting lies and deceit: Pitfalls and opportunities* (2nd ed.). Chichester, UK, John Wiley.
96. Vrij, A., Fisher, R. P., Mann, S., Leal, S. (2010). Lie detection: Pitfalls and opportunities. In G. D. Lassiter & C. A. Meissner (Eds.), *Police interrogations and false confessions: Current research, practice, and policy recommendations* (pp. 97–110). Washington, DC, American Psychological Association.
97. Hartwig, M., Bond, C. F. (2011). Why do lie catchers fail? A lens model of meta-analysis of human lie judgments. *Psychological Bulletin*, 137 (4), 643–659.
98. Ekman, P., O'Sullivan, M. (1991). Who can catch a liar? *American Psychologist*, 46 (9), 913–920. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.46.9.913>
99. Hartwig, M., Granhag, P. A., Stromwall, L. A., Vrij, A. (2004). Police officers' lie detection accuracy: Interrogating freely vs. observing video. *Police Quarterly*, 7, 429–456.
100. Kassin, S. M., Fong, C.T. (1999). "I'm innocent!": Effects of training on judgments of truth and deception in the interrogation room. *Law and Human Behavior*, 23 (5), 499–516. <https://doi.org/10.1023/A:1022330011811>

101. Masip, J., Alonso, H., Garrido, E., Herrero, C. (2009). Training to detect what? The biasing effects of training on veracity judgments. *Applied Cognitive Psychology*, 23 (9), 1282–1296. <https://doi.org/10.1002/acp.1535>
102. Vrij, A. (2004). Why professionals fail to catch liars and how they can improve. *Legal & Criminological Psychology*, 9, 159–181.
103. Kassin, S. M., Gudjonsson, G. H. (2004). The psychology of confessions: A review of the literature and issues. *Psychological Science in the Public Interest*, 5 (2), 35–67. <https://doi.org/10.1111/j.1529-1006.2004.00016.x>
104. Lykken, D. T. (1998). *Tremor in the blood: Uses and abuses of the lie detector*. New York, NY, Plenum.
105. Hirsch, A. (2014). Going to the source: The "new" Reid method and false confessions. *Ohio State Journal of Criminal Law*, 11 (2), 803–826.
106. Lopez, A. B. (2002). \$10 and a denim jacket? A model statute for compensating the wrongly convicted. *University of Georgia Law Review*, 36, 665–722.
107. Risinger, D. M., Loop, J. L. (2002). Three card monte, Monty Hall, modus operandi, and offender profiling: Some lessons of modern cognitive science for the law of evidence. *Cardozo Law Review*, 24, 193–285.
108. Meissner, C. A., Kassin, S. M. (2002). "He's guilty!" Investigator bias in judgments of truth and deception. *Law and Human Behavior*, 26 (5), 469–480.
109. Meissner, C. A., Kassin, S. M. (2004). "You're guilty, so just confess!" Cognitive and confirmational biases in the interrogation room. In G. D. Lassiter (Ed.), *Interrogations, confessions, and entrapment* (pp. 85–106). New York, NY, Kluwer Academic.
110. Hill, C., Memon, A., McGeorge, P. (2008). The role of confirmation bias in suspect interviews: A systematic evaluation. *Legal and Criminological Psychology*, 13 (2), 357–371. <https://doi.org/10.1348/135532507X238682>
111. Kassin, S. M., Goldstein, C. J., Savitsky, K. (2003). Behavioral confirmation in the interrogation room: On the dangers of presuming guilt. *Law and Human Behavior*, 27 (2), 187–203. <https://doi.org/10.1023/A:1022599230598>
112. Leo, R. A. (1996). *Miranda's revenge: Police interrogation as a confidence game*. *Law and Society Review*, 30 (2), 259–288. <https://doi.org/10.2307/3053960>
113. Simon, D. (1991). *Homicide: A year on the killing streets*. Boston, MA, Houghton Mifflin Company.
114. Simon, D. (2012). *In doubt: The psychology of the criminal justice process*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
115. Possley, M., Ferkenhoof, E., Mills, S. (2002, February 8). Police arrest 2 in Roscetti case; Officials say tip led them to pair, who confessed. *Chicago Tribune*. <http://articles.chicagotribune.com/2002-02-08/news/02020803211police-arrest-duane-roach-larry-ollins>
116. Gilovich, T. (1991). *How we know what isn't so: The fallibility of human reason in everyday life*. New York, NY, The Free Press.
117. Findley, K., Scott, M. (2006). The multiple dimensions of tunnel vision in criminal cases. *Wisconsin Law Review*, 291–398.
118. Leo, R. A. (2013). Why interrogation contamination occurs. *The Ohio State Journal of Criminal Law*, 11, 193–215.
119. Gross, S. R. (1996). The risks of death: Why erroneous convictions are common in capital cases. *Buffalo Law Review*, 44, 469–500.
120. Kassin, S. M., Drizin, S. A., Grisso, T., Gudjonsson, G. H., Leo, R. A., Redlich, A. (2010). Police-induced confessions: Risk factors and recommendations. *Law and Human Behavior*, 34 (1), 3–38. <https://doi.org/10.1007/s10979-009-9188-6>
121. Blagrove, M. (1996). Effects of length of sleep deprivation on interrogative suggestibility. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 2 (1), 48–59. <https://doi.org/10.1037/1076-898X.2.1.48>
122. Frenda, S. J., Patihis, L., Loftus, E. F., Lewis, H. C., Fenn, K. M. (2014). Sleep deprivation and false memories. *Psychological Science*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/0956797614534694>
123. Harrison, Y., Horne, J. A. (2000). The impact of sleep deprivation on decision making: A review. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 6 (3), 236–249.
124. American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.) Washington, DC.
125. Cloud, M., Shepherd, G. B., Barkoff, A. N., Shur, J. V. (2002). Words without meaning: The constitution, confessions and mentally retarded suspects. *University of Chicago Law Review*, 69 (2), 495–624.
126. Clare, I. C. H., Gudjonsson, G. H. (1995). The vulnerability of suspects with intellectual disabilities during police interviews: A review and experimental study of decision-making. *Mental Handicap Research*, 8 (2), 110–128. <https://doi.org/10.1111/j.1468-3148.1995.tb00149.x>
127. Conley, R. W., Luckasson, R., Bouthilet, G. N. (Eds.). (1992). *The criminal justice system and mental retardation: Defendants and victims*. Baltimore, MD, Paul H. Brookes.
128. Perske, R. (1991). *Unequal justice: What can happen when persons with retardation or other developmental disabilities encounter the criminal justice system*. Nashville, TN, Abingdon Press.
129. Ellis, J., Luckasson, R. (1985). Mentally retarded defendants. *The George Washington Law Review*, 53, 414–493.

130. Gudjonsson, G. H., Clare, I. C. H., Rutter, S., Pearse, J. (1993). *Persons at risk during interviews in police custody: The identification of vulnerabilities (Royal Commission on Criminal Justice Research Study No. 12)*. London, UK, Her Majesty's Stationery Office.
131. Drizin, S. A., Colgan, B. (2004). Tales from the juvenile confession front: A guide to how standard police interrogation tactics can produce coerced and false confessions from juvenile suspects. In G. Daniel Lassiter (Ed.), *Interrogations, confessions, and entrapment* (pp. 127–162). New York, NY, Kluwer Academic.
132. Owen-Kostelnik, J., Reppucci, N. D., Meyer, J. R. (2006). Testimony and interrogation of minors: Assumptions about maturity and morality. *American Psychologist*, 61 (4), 286–304. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.61.4.286>
133. Redlich, A. D. (2010). The susceptibility of juveniles to false confessions and false guilty pleas. *Rutgers Law Review*, 62, 943–957.
134. Redlich, A. D. (2004). Mental illness, police interrogations, and the potential for false confession. *Psychiatric Services*, 55 (1), 19–21.
135. Redlich, A. D., Kulish, R., Steadman, H. J. (2011). Comparing true and false confessions among persons with serious mental illness. *Psychology, Public Policy and Law*, 17 (3), 394–418. <https://doi.org/10.1037/a0022918>
136. Salas, C. (2004). The case for excluding confessions of the mentally ill. *Yale Journal of the Law and Humanities*, 243–275.
137. Appleby, S. C., Hasel, L. E., Kassin, S. M. (2013). Police-induced confessions: An empirical analysis of their content and impact. *Psychology, Crime & Law*, 19, 111–128. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2011.613389>
138. Garrett, B. L. (2010). The substance of false confessions. *Stanford Law Review*, 62, 1051–1118.
139. Garrett, B. L. (in press). Contaminated confessions revisited. *University of Virginia Law Review*. <http://ssrn.com/abstract=2485536>
140. Leo, R. A., Davis, D. (2010). From false confession to wrongful conviction: Seven psychological processes. *The Journal of Psychiatry and the Law*, 38 (12), 9–56.
141. Kassin, S. M., Neumann, K. (1997). On the power of confession evidence: An experimental test of the fundamental difference hypothesis. *Law and Human Behavior*, 21 (5), 460–484. <https://doi.org/10.1023/A:1024871622490>
142. Kassin, S. M., Sukel, H. (1997). Coerced confessions and the jury. *Law and Human Behavior*, 21 (1), 27–46. <https://doi.org/10.1023/A:1024814009769>
143. Miller, G. R., Boster, F. J. (1977). Three images of the trial: Their implications for psychological research. In B. Sales (Ed.), *Psychology in the legal process* (pp. 19–38). New York, NY, Pocket Books.
144. Castelle, G., Loftus, E. F. (2001). Misinformation and wrongful convictions. In S. D. Westervelt & J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 17–35). Newark, NJ, Rutgers University Press.
145. Hasel, L. E., Kassin, S. M. (2009). On the presumption of evidentiary independence: Can confessions corrupt eyewitness identifications? *Psychological Science*, 20 (1), 122–126. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02262.x>
146. Inbau, F., Reid, J., Buckley, J., Jayne, B. (2013). *Criminal interrogation and confessions* (5th ed.). Burlington, MA, Jones & Bartlett.
147. Moore, T. E., Fitzsimmons, C. L. (2011). Justice imperiled: False confessions and the Reid technique. *Criminal Law Quarterly*, 57, 509–542.
148. Nardulli, P., Eisenstein, J., Fleming, R. (1988). *The tenor of justice: Criminal courts and the guilty plea process*. Urbana, IL, University of Illinois Press.
149. *People v. Cahill*, 853 P.2d 1037 (Cal. 1993).
150. Wallace, D. B., Kassin, S. M. (2012). Harmless error analysis: How do judges respond to confession errors? *Law and Human Behavior*, 36 (2), 151–157. <https://doi.org/10.1007/s10979-010-9262-0>
151. Givelber, D. (2001). The adversary system and historical accuracy: Can we do better? In S. D. Westervelt, J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 253–268). Newark, NJ, Rutgers University Press.
152. Leo, R. A., Richman, K. D. (2007). Mandate the electronic recording of police interrogations. *Criminology and Public Policy*, 6 (4), 791–798. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9133.2007.00467.x>
153. Leo, R. A. (1998). Miranda and the problem of false confessions. In R. A. Leo, G. C. Thomas III (Eds.), *The Miranda debate: Law, justice and policing* (pp. 271–282). Boston, MA, Northeastern University Press.
154. Leo, R. A., Costanzo, M., Shaked, N. (2009). Psychological and cultural aspects of interrogations and false confessions: Using research to inform legal decision-making. In J. Lieberman, D. Krauss (Eds.), *Psychology in the Courtroom* (pp. 25–56). London, UK, Ashgate).
155. Sullivan, T. P. (2014, April). Compendium shows more jurisdictions recording custodial interrogation. *The Champion*, 46–47.
156. Sullivan, T. P. (2010). The wisdom of custodial recording. In G. D. Lassiter, C. A. Meissner (Eds.), *Police interrogations and false confessions: Current research, practice, and policy recommendations* (pp. 127–124). Washington, DC, American Psychological Association.

157. Kamisar, Y. (1980). *Police interrogation and confessions: Essays in law and policy*. Ann Arbor, MI, University of Michigan Press.
158. Sullivan, T. P. (2004). *Police experiences with recording custodial interrogations*. Chicago, IL, Northwestern University Law School, Center on Wrongful Conviction.
159. Kassin, S. M., Kukucka, J., Lawson, V. Z., DeCarlo, J. (2014). Does video recording alter the behavior of Police during interrogation? A mock crime- and-investigation study. *Law and Human Behavior*, 38 (1), 73–83. <https://doi.org/10.1037/lhb0000047>
160. White, W. S. (1997). False confessions and the constitution: Safeguards against untrustworthy evidence. *Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review*, 32, 105–157.
161. Leo, R. A., Drizin, S. A., Neufeld, P. J., Hall, B. R., Vatner, A. (2006). Bringing reliability back in: False confessions and legal safeguards in the twenty-first century. *Wisconsin Law Review*, 479–539.
162. Federal Rules of Evidence. (2014). *Federal evidence review*. www.FederalEvidence.Com
163. Leo, R. A., Koenig, A. (2010). The gatehouse and mansions: Fifty years later. *The Annual Review of Law and Social Science*, 6 (1), 323–339. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-102209-152938>
164. Du Clos, Stacy (2014). Lessons from State v. Lawson: The reliability framework applied to confessions and admissions. *Lewis & Clark Law Review*, 18, 227–270.
165. Thompson, S. G. (2012). Judicial gatekeeping of police-generated witness testimony. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 102, 329–395.
166. Imwinkelreid, E. (1988). The meaning of probative value and prejudice in federal rule of evidence 403: Can rule 403 be used to resurrect the common law of evidence? *Vanderbilt Law Review*, 41, 879–907.
167. Thompson, S. G. (2012). Daubert gatekeeping for eyewitness identifications. *SMU Law Review*, 65, 593–649.
168. *Daubert v. Merrill Pharmaceuticals*, 509 U.S. 579 (1993).
169. Oakland Police Department (1998). *Analytic interviewing. Unpublished interrogation training manual*.
170. Covey, R. (2005). Interrogation warrants. *Cardozo Law Review*, 26, 1867–1946.
171. White, W. S. (2003). Confessions in capital cases. *University of Illinois Law Review*, 9791036.
172. Costanzo, M., Leo, R. A. (2007). Research and expert testimony on interrogations and confessions. In M. Costanzo, D. Krauss, K. Pezdek (Eds.), *Expert psychological testimony for the courts* (pp. 69–98). Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum.
173. Cutler, B., Findley, K., Loney, D. (2014). Expert testimony on interrogation and false confession. *UMKC Law Review*, 82, 1–36.
174. Fulero, S. (2004). Expert psychological testimony on the psychology of interrogations and confessions. In D. Lassiter (Ed.), *Interrogations, confession and entrapment* (pp. 247–263). New York, NY, Kluwer.
175. Leo, R. A. (2004). Beating a bum rap. *Contexts*, 3 (3), 68–69. <https://doi.org/10.1525/ctx.2004.3.3.68>
176. Grann, D. (2009, September 7). Trial by fire: Did Texas execute an innocent man? *The New Yorker*, 42–63.
177. Liebman, J. S. (2014). *The wrong Carlos: Anatomy of a wrongful execution*. New York, NY, Columbia University Press.
178. Lofquist, W. S., Harmon, T. R. (2008). Fatal errors: Compelling claims of executions of the innocent in the post-Furman Era. In C. R. Huff & M. Killias (Eds.), *Wrongful conviction: International perspectives on miscarriages of justice* (pp. 93115). Philadelphia, PA, Temple University Press.
179. Prejean, H. (2005). *The death of innocents: An eyewitness account of wrongful executions*. New York, NY, Random House.
180. Radelet, M. L., Bedau, H. A. (1998). The execution of the innocent. *Law and Contemporary Problems*, 61 (4), 105–124. <https://doi.org/10.2307/1192431>
181. Leo, R. A., Gould, J. B. (2009). Studying wrongful convictions: Learning from social science. *The Ohio State Journal of Criminal Law*, 7, 7–30.
182. Borchard, E. M. (1932). *Convicting the innocent: Errors of criminal justice*. New Haven, Yale university Press.
183. Gardner, E. S. (1952). *The Court of last resort*. New York, NY, Pocket Books.
184. Frank, J., Frank, B. (1957). *Not guilty*. New York, NY, Doubleday.
185. Radin, E. (1964). *The innocents*. New York, NY, William Morrow and Co.
186. Garrett, B. L. (2008). Judging innocence. *Columbia Law Review*, 108, 55–142.
187. Zalman, M. (2010–2011). An integrated justice model of wrongful convictions. *Albany Law Review*, 74, 1465–1524.
188. Leo, R. A. (2005). Re-thinking the study of miscarriages of justice: Developing a criminology of wrongful conviction. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 21 (3), 201–223.
189. Lofquist, W. S. (2014). Finding the causes in the contexts: Structural sources of wrongful convictions. In A. D. Redlich, J. R. Acker, R. J. Norris, C. L. Bonventre (Eds.), *Examining wrongful convictions: Stepping back, moving forward* (pp. 19–33). Durham, NC, Carolina Academic Press.
190. Radelet, M. L., Bedau, H. A., & Putnam, C. E. (1992). *In spite of Innocence: Erroneous convictions in capital cases*. Boston, MA, Northeastern University Press.

191. Connors, E., Lundregan, T., Miller, N., McEwen, T. (1996). *Convicted by juries, exonerated by science: Case studies in the use of DNA evidence to establish innocence after trial*. Retrieved from National Criminal Justice Reference Service website: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles/dnaevid.pdf>
192. *Kansas v. Marsh*, 548 U.S. 163 (2006).
193. Baumgartner, F., R. De Boef, S. L., Bodstun, A. E. (2008). *The decline of the death penalty and the discovery of innocence*. New York, NY, Cambridge University Press.
194. Radelet, M. L. (2002). Introduction: Wrongful convictions of the innocent. *Judicature*, 86 (2), 67–68.
195. Lofquist, W. S. (2001). Whodunit? An examination of the production of wrongful convictions. In S. D. Westervelt, J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 174–198). Newark, NJ, Rutgers University Press.
196. Harmon, T. R. (2001). Predictors of miscarriages of justice in capital cases. *Justice Quarterly*, 18 (4), 949–968.
197. Forst, B. (2004). *Errors of justice: Nature, sources and remedies*. Cambridge, UK, Cambridge University Press.
198. Acker, J., Brewer, T., Cunningham, E., Fitzgerald, A., Flexon, J., Lombard, J., ... Stodghill, B. (2001). No appeal from the grave: Innocence, capital punishment and the lessons of history. In S. D. Westervelt & J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 154–173). Newark, NJ, Rutgers University Press.
199. Huff, C. R., Rattner, A. & Sagarin, E. (1996). *Convicted but innocent: Wrongful conviction and public policy*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications.
200. Poveda, T. G. (2001). Estimating wrongful convictions. *Justice Quarterly*, 18 (3), 689–708. <https://doi.org/10.1080/07418820100095061>
201. Westervelt, S. D., Humphrey, J. A. (Eds.). (2001). *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice*. Newark, NJ, Rutgers University Press.
202. Godsey, M. A., Pulley, T. (2003–2004). The innocence revolution and our evolving standards of decency in death penalty jurisprudence. *University of Dayton Law Review*, 29, 265–292.
203. Marshall, L. C. (2004). The innocence revolution and the death penalty. *Ohio State Journal of Criminal Justice*, 1, 573–584.
204. Medwed, D. S. (2010). Emotionally charged: The prosecutorial charging decision and the innocence revolution. *Cardozo Law Review*, 31 (6), 21872213.
205. Medwed, D. S. (2008). Innocentism. *University of Illinois Law Review*, 1549–1572.
206. Schehr, R. C. (2005). The criminal cases review commission as a state strategic selection mechanism. *American Criminal Law Review*, 42, 1289–1302.
207. Findley, K. (2014). Innocence found: The new revolution in American criminal justice. In S. Cooper (Ed.), *Controversies in innocence cases in America* (pp. 3–20). Surrey, England, Ashgate.
208. Findley, K. (2010–2011). Defining innocence. *Albany Law Review*, 74, 1157–1208.
209. Warden, R. (2012). How and why Illinois abolished the death penalty. *Law and Inequality*, 30, 245–286.
210. Unnever, J. D., Cullen, F. T. (2005). Executing the innocent and support for capital punishment: Implications for public policy. *Criminology and Public Policy*, 4 (1), 3–38. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9133.2005.00002.x>
211. Baumgartner, F., R. Westervelt, S. D., Cook, K. J. (2014). Public policy responses to wrongful convictions. In A. Redlich, J. R. Acker, R. J. Norris, C. Bonventre (Eds.), *Examining wrongful convictions: Stepping back, moving forward* (pp. 251–266). Durham, NC, Carolina Academic Press.
212. Wells, G. L., Small, M., Penrod, S., Malpass, R. S., Fulero, S. M., Brimacombe, C. A. E. (1998). Eyewitness identification procedures: Recommendations for lineups and photo spreads. *Law and Human Behavior*, 22 (6), 603–647.
213. Cutler, B. L. (Ed.). (2013). *Reform of eyewitness identification procedures*. Washington, DC, American Psychological Association.
214. National Research Council. (2014). *Identifying the culprit: Assessing eyewitness identification*. Washington, DC, The National Academies Press.
215. Clark, S. (2013). Costs and benefits of eyewitness identification reform: Psychological science and public policy. *Perspectives on Psychological Science*, 7(3), 238–259. <https://doi.org/10.1177/1745691612439584>
216. Cole, S. A. (2014). The innocence crisis and forensic science reform. In M. Zalman, J. Carrano (Eds.), *Wrongful conviction and criminal justice reform: Making justice* (pp. 167–185). New York, NY, Routledge.
217. Mnookin, J. L., Cole, S. A., Dror, I. E., Fisher, B. A. J., Houck, M. M., Inman, K. ... Stoney, D. A. (2011). The need for a research culture in the forensic sciences. *UCLA Law Review*, 58, 725779.
218. National Research Council. (2009). *Strengthening forensic science: A path forward*. Washington, DC, The National Academies Press.

219. Natapoff, A. (2009). *Snitching: Criminal informants and the erosion of American justice*. New York, NY, New York University Press.
220. Neuschatz, J. S., Jones, N. J., Wetmore, S. A., McClung, J. (2011). Unreliable informant testimony. In B. L. Cutler (Ed.), *Conviction of the innocent: Lessons from psychological research* (pp. 213–238). Washington, DC, American Psychological Association.
221. Neuschatz, J. S., Wilkinson, M. L., Goodsell, C. A., Wetmore, S. A., Qunlivan, D. S., Jones, N. J. (2012). Secondary confessions, expert testimony, and unreliable confessions. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 27 (2), 179–192. <https://doi.org/10.1007/s11896-012-9102-x>
222. Wetmore, S. A., Neuschatz, J. S., Gronlund, S. D. (2014). On the power of secondary confession evidence. *Psychology, Crime and Law*, 20 (4), 339–357. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2013.777963>
223. Gould, J. B., Leo, R. A. (2010). One-hundred years later: Wrongful convictions after a century of research. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 100, 825–868.
224. Norris, R., Bonaventure, C. (2013). Advancing Wrongful Conviction Scholarship: Towards New Conceptual Frameworks. *Justice Quarterly*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/07418825.2013.827232>
225. Zalman, M. (2014). Theorizing wrongful convictions. In A. D. Redlich, J. R. Acker, R. J. Norris, C. L. Bonventre (Eds.), *Examining wrongful convictions: Stepping back, moving forward* (pp. 283–300). Durham, NC, Carolina Academic Press.
226. *Miranda v. Arizona*, 384 U.S. 436. (1966).
227. Leo, R. A. (2014). The Justice Gap and the Promise of Criminological Research, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 1–37.

Об авторе

Ричард А. Лео является профессором права и социологии университета Сан-Франциско, в прошлом профессор психологии и криминологии Калифорнийского университета в Ирвайне. В 2014 г. он получил премию Поля Таппана Западного общества криминологии за выдающийся вклад в криминологию в четырех различных областях.

Первая область – это эмпирические исследования практик полицейского допроса. Его книга «Полицейский допрос и американское правосудие» (*Police Interrogation and American Justice*), опубликованная в 2008 г. в издательстве Гарвардского университета, стала определяющей криминологической работой по данной теме. Книга удостоилась четырех наград, включая престижную премию Герберта Якоба (*Herbert Jacob Prize*) от Ассоциации «Право и общество» и премию «Выдающаяся книга» (*Outstanding Book Award*) от Академии наук уголовного правосудия.

Вторая область, в которой доктор Лео внес значительный вклад в науку, – это эмпирические исследования влияния решения по делу *Miranda v Arizona* на полицию, подозреваемых и систему уголовного правосудия в целом. Статьи и книги профессора Лео на эту тему многократно цитировались криминологами, правоведами, социологами, а также в судах. Он широко признан как один из ведущих экспертов по делу *Miranda* в мире.

Третья область – это изучение ложных признательных показаний. Благодаря его работам не только произошел сдвиг парадигмы, позволивший понять феномен ложных признаний, но и была сформирована повестка исследований в этой области для следующего поколения ученых – криминологов и социальных психологов.

Наконец, доктор Лео внес выдающийся вклад в изучение судебных ошибок, в том числе благодаря своей программной статье 2005 г. в журнале *Journal of Contemporary Criminal Justice*.

Многочисленные статьи и книги доктора Лео в указанных областях имеют высокую цитируемость и оказывают существенное влияние не только на криминологию, но и на ряд смежных дисциплин – как можно убедиться на его странице SSRN, его статьи скачивались более 21 тысячи раз. Его исследования значимы не только в научных кругах – многие апелляционные суды и Верховный Суд США многократно цитировали его работы, а также он сотни раз выступал в качестве эксперта. Кроме того, его деятельность широко освещалась в средствах массовой информации, включая его работу по освобождению четырех невиновных осужденных по делу в штате Виргиния («Норфолкская четверка»), о которой писал еженедельник «Нью-Йоркер» и был снят документальный фильм в программе *PBS Frontline*. За свою выдающуюся работу доктор Лео удостоивался наград различных организаций, включая Американское общество криминологии, Академию наук уголовного правосудия, Американскую социологическую ассоциацию, Американское общество психологии и права, Общество изучения социальных проблем. Он также является обладателем множества грантов и стипендий, самые значимые из которых – стипендии Сороса и Гуггенхайма.

About the Author

Richard A. Leo is the Hamill Family Professor of Law and Social Psychology at the University of San Francisco and formerly a Professor of Psychology and Criminology at the University of California, Irvine. He is the 2014 recipient of the Western Society of Criminology's Paul Tappan Award for outstanding contributions to the field of criminology in four distinct areas. First, Dr. Leo has substantially contributed to the empirical study of routine police interrogation practices. His 2008 book, *Police Interrogation and American Justice* (Harvard University Press) has now become the definitive criminological work on the subject. The book won four book awards, including the prestigious Herbert Jacob Prize from the Law and Society Association, as well as the Outstanding Book Award from the Academy of Criminal Justice Sciences. His second area of contribution to the field concerns the empirical study of the impact and effects of *Miranda v Arizona* on police, suspects, and the criminal justice system. Professor Leo's articles and books on the topic have been cited hundreds of times by criminologists, legal scholars, courts, and other social scientists. He is widely regarded as one of the leading experts on *Miranda* in the world. The third area in which Dr. Leo has made significant contributions to our field concerns his study of false confessions. His research not only shifted the paradigm for understanding the counterintuitive phenomenon of false confession, but so also created a research agenda for the next generation of criminologists and social psychologists who study the problem. Finally, Dr. Leo has made outstanding contributions to the discipline through his advancement of our knowledge concerning wrongful conviction, including his landmark 2005 article in the *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Dr. Leo's numerous articles and books in each of these areas have been widely cited and influential not only in criminology but in a number of related disciplines – as evident on his SSRN webpage, which counts over 21,000 downloads of his posted articles. His research has also been influential outside of academia and in the courts, where various appellate courts and the United States Supreme Court have cited his research on multiple occasions, and he has appeared as an expert witness hundreds of times. In addition his work has received substantial media coverage, including a story on the work he did to help free four innocent prisoners in Virginia (the Norfolk Four) which appeared in *The New Yorker* and in a PBS Frontline documentary. As a result of his outstanding record, Dr. Leo has won awards from many organizations, including the American Society of Criminology, the Academy of Criminal Justice Sciences, the American Sociological Association, American Psychology-Law Society, and the Society for the Study of Social Problems. He has also been the recipient of numerous grants and fellowships, most notably a Soros Fellowship and a Guggenheim fellowship.

Дата поступления / Received 22.06.2022

Дата принятия в печать / Accepted 28.07.2022

ПОЗДРАВЛЕНИЕ / CONGRATULATION

В ноябре отмечает юбилей почетный президент
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

АЛЛА ГЕОРГИЕВНА ГРЯЗНОВА

Алла Георгиевна – знаковая фигура в научном, образовательном, экономическом сообществах не только нашей страны, но и всей мировой науки. Ее заслуги отмечены многочисленными регалиями и наградами. Профессор, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер орденов Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степеней, лауреат многочисленных национальных и международных премий. Профессор А. Г. Грязнова бесконечно предана науке, образованию. Всю свою жизнь Алла Георгиевна посвятила Финансовому университету: была его студенткой, преподавала, затем многие годы возглавляла этот крупнейший вуз России и теперь является его почетным президентом.

Алла Георгиевна – яркий образец настоящего ученого, талантливого руководителя, блестящего организатора. Восхищают ее способность масштабно мыслить, мудрость и поистине уникальная работоспособность. Повезло тем, кому посчастливилось учиться у профессора Грязновой – это значит пройти школу, которая останется с тобой на всю жизнь. Однако даже те, кто не слушал ее лекции в аудиториях Финансового университета, могут считать себя причастными к школе Аллы Георгиевны благодаря ее многочисленным научным трудам – кладезю мыслей, фактов, знаний.

Алла Георгиевна умеет заражать своими идеями и очень внимательна к идеям других. Это уникальный дар! Педагогическая и научная мудрость профессора Грязновой через ее учеников, последователей, коллег распространяется на новые поколения экономистов и финансистов. А. Г. Грязнова сформировала научную школу в области экономической теории, ею внесен вклад в развитие научной базы таких предметов, как банковское дело, экономический анализ и аудит, бухгалтерский учет и страхование. Под ее непосредственным руководством защитили диссертации свыше 30 аспирантов. Она является инициатором и руководителем разработки Концепции образования в области финансов и банковского дела в России.

Алла Георгиевна по праву заслужила авторитет как человек, внесший огромный вклад в решение масштабных задач по подготовке специалистов и развитию финансовой системы страны.

Все ее успехи, достижения – результат трудолюбия, глубоких знаний, интереса к жизни. Ее дела золотыми буквами вписаны в историю отечественной экономической науки.

Поздравляя Аллу Георгиевну с юбилеем, мы передаем ей слова признательности и самые добрые пожелания здоровья, радости, благополучия.

Главный редактор журнала *Journal of Economics and Law*
Клейнер Георгий Борисович

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Андрюшин Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, г. Москва

Sergey A. Andryushin, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, PhD (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России; профессор кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Sciences; Naberezhniye Chelny branch of Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, проректор по корпоративному управлению, директор НИИ проблем социально-экономического развития, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Timur V. Kramin, Doctor of Science in Economics, Professor, Vice-rector for corporate governance, Head of the Chair of Financial Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Никитин Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Andrey G. Nikitin, PhD (Law), Dean of the Faculty of Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Панова Альбина Сергеевна, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права юридического факультета, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Albina S. Panova, Head of the Department of Civil and Business Law, Faculty of Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Шаббар Джеффри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD (Economics), Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглимат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

5.2. Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория.

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.1. Юридические науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Статья передается в редакцию журнала “Russian Journal of Economics and Law” (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Для публикации научной статьи автор (авторы), согласно приведенным ниже требованиям, должен оформить необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Рукопись оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов, а аннотация – в соответствии с приведенным на сайте rusjel.ru образцом.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Объем статьи должен быть не менее 0,5 авторского листа (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами) и не более 1 авторского листа (40 000 печатных знаков).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- авторские справки на каждого автора;
- статус аспиранта должен быть подтвержден справкой об учебе в аспирантуре, заверенной подписью руководителя организации и печатью;
- заявление;
- согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных.

Вышеперечисленные материалы предоставляются в электронном виде через форму на сайте. Если не удается отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: aimurzaeva@ieml.ru

Автор, направляющий статью в журнал “Russian Journal of Economics and Law”, выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если у авторов при написании статьи упоминаются запрещенные в Российской Федерации организации (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), то после первого упоминания такой организации в статье обязательно должна быть ссылка на то, что «деятельность данной организации запрещена на территории РФ».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков отдельным файлом с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – от 150 до 250 слов. Печатается в начале статьи. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнее см. на сайте журнала: rusjel.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получить журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал “Russian Journal of Economics and Law”».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 3010181060000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about Russian Journal of Economics and Law

The Russian Journal of Economics and Law is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov". The publisher is "Tatar Center for Education "Taglimat" Ltd.

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (RASEP).

RULES FOR THE AUTHORS

of Russian Journal of Economics and Law

The article is submitted to the Executive secretary of the Russian Journal of Economics and Law (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The manuscript should be prepared in strict conformance with the rules listed in rules of registration of the materials, and the summary in accordance with the example given in the web-site rusjel.ru (summary example).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the Rules.

The article should be no less than 0.5 author's sheets (20 000 characters, including spaces) and no more than 1 author's sheet (40 000 characters).

Accompanying documents include the following:

- author's profile for each author. It should contain the address and telephone number at the working (studying) place, as well as contact telephone number and e-mail;
- the status of a post-graduate student should be confirmed by a certificate of the post-graduate course, signed by the head of the organization and stamped.
- application.
- letter of consent of the personal data subject for processing the personal data.

The listed documents are submitted electronically at web-page. If the materials cannot be loaded to the web-page, they can be submitted to aimurzaeva@ieml.ru.

Thus the author submitting an article to the Russian Journal of Economics and Law expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

If in the text of the article the author mentions any organizations prohibited in the Russian Federation (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), then after the first mention of such organization in the article there must be a note that "The functioning of this organization is prohibited on the territory of the Russian Federation".

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY **(according to GOCT 7.5-98 “Journals, collections, information publications.** **Publishing typography of the published materials”)**

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indention – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indention with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...

2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. It is advisable to submit figures as separate files indicating the article title and the figure number. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The abstract should contain between 150 and 250 words. It is published at the beginning of the article. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

For more details visit: rusjel.ru

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION **to the Journal “Russian Journal of Economics and Law”**

The Journal “Russian Journal of Economics and Law” is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue “Press of Russia”. The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of “Tatar Educational Centre “Taglimat” Ltd, with a mark “The Journal “Russian Journal of Economics and Law””.

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 4070281076200000536, Corr Acc 3010181060000000603. Otdeleniye “Bank Tatarstan” #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent “collect on delivery”.

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer’s address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal “Russian Journal of Economics and Law” editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

**Представляем вашему вниманию книги издательства «Познание»
Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова**

Бородина, Ж. Н.

Практикум по праву интеллектуальной собственности: практическое пособие / Ж. Н. Бородина. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 168 с.

Пособие содержит материалы, необходимые для проведения практических занятий по курсу «Право интеллектуальной собственности». Подготовлено на основе материалов судебной практики и содержит методические указания, контрольные вопросы по изучаемым темам, задачи, контрольно-тестовые задания, задания по комментированию норм права и материалов судебной практики, списки рекомендуемых нормативных правовых актов, материалов судебной практики и специальной литературы, библиографический список.

Предназначено для обучающихся, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся вопросами права интеллектуальной собственности.

Бегишев, И. Р.

Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с. (Серия «Цифровая безопасность»).

Монография представляет собой первое в России комплексное исследование феномена преступлений в сфере обращения цифровой информации. В ней рассмотрены вопросы уголовно-правовой природы преступлений в сфере компьютерной информации, предложены решения выявленных проблем ответственности за их совершение, внесены рекомендации по противодействию исследуемой категории преступлений, а также варианты устранения пробелов нормативного регулирования.

Будет полезна научным и педагогическим работникам, обучающимся разных уровней профессионального и дополнительного образования, слушателям специализированных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных и судебных органов, разным категориям пользователей цифровой информации, а также всем интересующимся вопросами обеспечения цифровой безопасности.

Гражданское право. Часть первая: практикум / отв. ред. А. С. Панова. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 236 с.

Пособие содержит материалы, необходимые для проведения практических занятий по учебной дисциплине «Гражданское право (общая часть)». Подготовлено на основе материалов судебной практики последних лет и состоит из ситуационных задач, нацеленных на формирование у обучающихся навыков практического применения теории гражданского права и норм гражданского законодательства РФ.

Предназначено для обучающихся юридических факультетов и вузов России, может использоваться при изучении гражданского права обучающимися экономических вузов и факультетов и по смежным направлениям подготовки: государственное и муниципальное управление, управление качеством и др.

Пособие может быть полезным для аспирантов и преподавателей, юристов, экономистов, специалистов органов государственной власти, предпринимателей.

Гражданское право. Часть вторая: практикум / отв. ред. А. С. Панова. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 308 с.

Пособие содержит материалы, необходимые для проведения практических занятий по учебной дисциплине «Гражданское право (особенная часть)». Подготовлено на основе материалов судебной практики последних лет и состоит из ситуационных задач, нацеленных на формирование у обучающихся навыков практического применения теории гражданского права и норм гражданского законодательства РФ.

Предназначено для обучающихся юридических факультетов и вузов России, может использоваться при изучении гражданского права обучающимися экономических вузов и факультетов и по смежным направлениям подготовки: государственное и муниципальное управление, управление качеством и др. Может быть полезным для аспирантов и преподавателей, юристов, экономистов, специалистов органов государственной власти, предпринимателей.